

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ИСТОРИКОВ-ВОСТОКОВЕДОВ

Победоносная Октябрьская социалистическая революция явилась решающим поворотом в жизни народов, угнетённых империализмом. Она освободила национальности России, провозгласила полное равенство и свободу всех народов. Октябрьская революция разбудила народы колоний и полукolonий и привела их в движение всемирно-исторического значения. Народы Востока поднялись на борьбу за свою свободу и независимость, против империалистического рабства. Великое национально-освободительное движение, вызванное Октябрем, выдвинуло на историческую арену рабочий класс колоний и зависимых стран и его авангард — коммунистические партии. Рабочий класс, возглавляемый компартиями, стал организованной силой; он играет руководящую роль в освободительном движении как единственный последовательный и непримиримый борец за полную победу над империализмом.

Победа социализма в СССР и превращение нашей страны в самую могучую, непобедимую державу, разгром фашизма во второй мировой войне и решающая роль в этом деле СССР, отпадение от системы империализма ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы, последовательная борьба демократических стран во главе с Советским Союзом за мир — всё это раскрыло перед угнетёнными народами колониальных и зависимых стран широкие перспективы, вселило в них веру в свои силы и укрепило их надежды на скорую победу над империализмом. Подъём национально-освободительных движений в ходе второй мировой войны и в послевоенный период свидетельствует о небывалом кризисе и неминуемом крахе колониальной системы империалистической эксплуатации.

Победа великого китайского народа над объединёнными силами феодальной и империалистической реакции открыла новую главу в истории Востока. Китайская народная республика — верный друг и союзник могучей социалистической державы — СССР — стала крупнейшим фактором мира в Азии и вместе с тем вдохновляющим примером для других стран Востока, ведущих борьбу за свою независимость, против империалистических колонизаторов.

На громадных пространствах Азии — от Кореи и до Бирмы — национально-освободительная борьба угнетённых народов приняла форму вооружённого отпора американским, английским, французским и голландским империалистам. Отстаивая свои права и независимость, борющиеся народы Востока закладывают основы новой, демократической государственности. Под руководством коммунистической партии и её вождя Мао Цзе-дуна китайский народ уже добился выдающихся успехов в государственном, хозяйственном и культурном строительстве. Велики достижения демократической республики Вьетнам, которая в течение пяти лет ведёт героическую борьбу против напавших на неё империалистических колонизаторов. В этой борьбе народ Вьетнама укрепил своё государство, упрочил свою независимость и закалил свою волю к победе; он вдохновляет на борьбу против империалистов остальные народы Индо-Китая. Замечательный пример успешного продвижения к социализму, минуя

капиталистический путь развития, показывает Монгольская народная республика, отмечающая в 1951 г. тридцатилетие победы монгольской антиимпериалистической и антифеодальной революции, вдохновлённой Великой Октябрьской социалистической революцией в России.

Американские интервенты, залившие кровью корейскую землю, тщетно пытаются подавить непоколебимую волю корейского народа к независимости и ликвидировать глубокие прогрессивные преобразования, осуществлённые в северной части страны Корейской народно-демократической республикой. Их военная авантюра получила ошеломляющий отпор. Как ни стараются империалистические хищники, совершающие бесслыханные насилия, зверски расправляющиеся с населением временно оккупированной ими территории Кореи, им не удастся вытравить из сознания трудящихся корейцев идею народной власти, которая дала землю крестьянам, передовое трудовое законодательство рабочим, равноправие женщинам, перспективу счастливого мирного труда миллионам.

Очаги народной власти существуют и множатся и в других странах Востока — в освобождённых повстанцами районах Филиппин, Малайи, Бирмы.

Борющиеся за свою свободу и независимость народы Востока тесно примыкают к антиимпериалистическому лагерю мира, демократии и социализма, возглавляемому Советским Союзом, являясь важнейшим резервом и союзником демократических сил во всём мире.

События всемирно-исторического значения, происходящие в наши дни на Востоке, привлекают к себе особое внимание советской общественности и прогрессивной общественности зарубежных стран. Горячо приветствуя замечательные успехи китайского народа, следя с величайшим сочувствием за героической борьбой корейского народа, демократической республики Вьетнам, народов Филиппин, Индонезии, Малайи и Бирмы, советская общественность проявляет огромный интерес к жизни народов Востока, к их культуре, к истории их освободительной борьбы. Углублённое изучение новой и особенно новейшей истории стран Востока, изучение антиимпериалистических, освободительных движений в Азии и тех грандиозных перемен, которые уже произошли в жизни восточных народов, — прямой долг советской исторической востоковедной науки.

Летом 1950 г. Президиум Академии Наук СССР принял решение о реорганизации Института востоковедения с целью всемерного подъёма научно-исследовательской работы в этой области и скорейшей ликвидации отставания советского востоковедения, не удовлетворяющего запросы, выдвигаемые жизнью. На вновь реорганизованный Институт востоковедения Академии Наук СССР возложена задача объединить силы советских востоковедов для решения наиболее актуальных проблем в области изучения стран современного Востока.

Институт востоковедения Академии Наук СССР — научно-исследовательское учреждение комплексного типа, призванное вести работу в области изучения истории, особенно новейшего периода, литературы, языка и экономики Востока. Историческая тематика по праву должна занять почётное место в планах научно-исследовательской работы института, но главное внимание советских востоковедов-историков следует направить на изучение современного положения демократических стран Востока, в первую очередь Китайской народной республики, а также Вьетнама, Монголии, Кореи. За последние годы появилась лишь одна работа советского автора, посвящённая новой и новейшей истории Китая. Это хорошо встреченная советской общественностью, но всё же не вполне свободная от недостатков, популярная книга Г. В. Ефимова; и если будет предпринято новое, исправленное и дополненное издание её, то и тогда одна эта книга отнюдь не сможет исчерпать потребности в публикации советских работ на аналогичную тему. Институт востоковедения Академии Наук СССР должен уделить особое внимание изучению истории Китай-

ской народной республики, деятельности коммунистической партии Китая, истории советско-китайской дружбы, являющейся сильнейшим оплотом мира.

Необходимо, чтобы советская историческая наука дала надлежащий отпор фальсификациям американской историографии, пытающейся всячески замазать агрессивный, грабительский характер политики США на Дальнем Востоке, в частности в отношении Китая.

Многие проблемы китайской истории научно почти ещё не разработаны, что оставляет буржуазным лжеучёным лазейку для всевозможных идеалистических наукообразных построений, нередко содержащих прямую расистскую клевету на великий китайский народ. Творческое содружество советских и китайских историков-марксистов, несомненно, позволит ускорить создание подлинно научной капитальной истории Китая.

Весьма ответственной задачей историков-востоковедов является создание отсутствующих у нас исследований по истории, особенно новейшей, таких стран, как Корея и Вьетнам. Вышедшая в текущем году научно-популярная работа И. Я. Златкина по истории Монгольской народной республики до известной степени восполняет пробел в освещении новейшей монгольской истории, но не уменьшает необходимости в разработке весьма многих вопросов истории монгольского народа. Совершенно отсутствуют работы по истории Малайи, Бирмы, Филиппин, Сиам, Индонезии. Мало исследованы некоторые важнейшие проблемы истории Японии, в частности история незавершённой буржуазной революции 1867 г., а также последний, военный и послевоенный, период новейшей истории Японии.

Исключительно ответственной задачей советских историков-востоковедов является создание работ по новой и новейшей истории Индии.

Изданные за последнее время сводные очерки, посвящённые новой и новейшей истории Турции, получили резко отрицательную оценку нашей печати и широкой советской общественности. Необходима коллективная разработка истории этой страны. Историки-востоковеды должны окончательно разбить объективистские и буржуазно-националистические трактовки кемализма.

Немаловажные социально-экономические процессы происходят в странах Среднего и Ближнего Востока. Подъём национально-освободительного движения в этих странах ещё не достиг того высокого уровня, который наблюдается в Восточной Азии, но он уже заставляет империалистов изобретать чрезвычайные методы удержания своего господства, прибегать, в частности, к маскировке колониального порабощения предоставлением фиктивной независимости или автономии.

Немалую тормозящую роль в развитии национально-освободительного движения на Среднем и Ближнем Востоке играют реакционные идеологии панисламизма, пантюркизма, гандизма, сионизма и т. п., разоблачение которых также представляет собою важную, актуальную задачу советского востоковедения.

Отсутствуют у нас пока что также и сводные работы по истории Ирана, Афганистана, стран арабского Востока. Чтобы восполнить в короткий срок этот пробел, требуется мобилизовать для этого коллектив советских историков-востоковедов, и не только в Москве и Ленинграде, но и в союзных советских республиках.

Всестороннее изучение новейшей истории стран Востока должно стать центральной задачей советских историков-востоковедов. Необходимо таким образом спланировать научно-исследовательскую работу на вторую послевоенную пятилетку, чтобы уже в ближайшие два — три года выпустить ряд серьёзных книг по истории восточных стран, и в первую очередь по истории демократических стран Востока.

Кроме подготовки монографических и коллективных работ по истории отдельных стран, необходимо обеспечить научную разработку общих

социально-экономических проблем современного Востока, таких, например, как аграрный вопрос, проблема борьбы за гегемонию рабочего класса в колониальной революции, национальный вопрос, формирование, становление наций. Невозможно изучать национально-освободительное движение на Востоке без правильной разработки исходных теоретических положений на основе обобщения всего опыта национально-колониальных освободительных движений.

Четверть века назад в своей гениальной работе «О политических задачах университета народов Востока» И. В. Сталин дал подлинно научную характеристику особенностей существования и развития как свободных республик советского Востока, так и зависимых и колониальных стран зарубежного Востока.

Указав на то, что «своеобразие колоний и зависимых стран в данный момент состоит в том, что единого и всеохватывающего колониального Востока нет больше в природе»¹, И. В. Сталин определил три категории колониальных стран, различающихся по степени экономического развития и наличию пролетариата.

Товарищ Сталин указал, что различие экономического уровня определяет различие в позиции действующих классовых сил, что, в свою очередь, обуславливает особенности национально-освободительной борьбы, тактику революционных сил, конкретные пути развития колониальной революции. Работа товарища Сталина гениально формулирует основное в теории колониальной революции — учение о гегемонии пролетариата.

Неисчерпаемое богатство теоретических положений, содержащихся в работах товарища Сталина, и в частности в названной работе, ещё далеко не использовано нашими востоковедами в их исследованиях. Отсутствуют даже попытки на основе гениальной сталинской классификации стран зарубежного Востока дать характеристику различных условий развития национально-освободительного движения в странах Азии на современном этапе. С этим, в частности, связаны ошибки, допускавшиеся некоторыми советскими востоковедами в оценке характера народной власти в Китае и ближайших задач, стоящих перед Китайской народной республикой.

Необходимо в кратчайшие сроки до конца преодолеть некоторое теоретическое отставание советской востоковедной науки. Творческое применение теории марксизма-ленинизма, освоение ленинско-сталинской теории по национально-колониальному вопросу являются главнейшим условием разрешения этой неотложной задачи.

Среди многих актуальных исторических тем, требующих научной разработки советскими востоковедами, следует указать ещё на одну: историю колониальной политики империализма.

Буржуазная, особенно англо-американская, лженаука сделала немало для того, чтобы при помощи разного рода фальсификаций, подтасовок, жульнических «публикаций документов» извратить основное содержание политики капиталистических стран Европы и Америки в отношении колониального мира. Излюбленным приёмом учёных лакеев империализма является изображение разбойничьей колониальной политики так называемых великих держав, как якобы «вынужденной» различными обстоятельствами и, стало быть, как «временной». Американские и английские буржуазные профессеры в своих «трудах» стремятся внушить читателю, что колониальные державы, выполнив якобы свою цивилизаторскую миссию, по собственной инициативе «постепенно» предоставляют колониям самоуправление, а затем и независимость.

Советские историки обязаны показать империалистических колонизаторов в их подлинном виде — как современных рабовладельцев и палачей закабалённых народов, пытающихся жульническими манёврами

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 7, стр. 146.

спасти колониальную систему, сохранить империалистическую эксплуатацию угнетённых народов и с помощью помещиков и крупной буржуазии колоний и полуколоний обмануть народы этих стран, борющиеся за свою подлинную свободу и независимость.

Нынешняя агрессивная война американских империалистов против корейского народа является прямым продолжением и развитием всей их разбойничьей колониальной политики, направленной к тому, чтобы поработить народы Азии. Американские империалисты пытаются силой оружия и террором навязать свободолюбивому корейскому народу пресловутую «независимость», т. е. превратить Корею в свою колонию и создать плацдарм для нападения на Китайскую народную республику и на Советский Союз.

Разоблачая разбойничью колониальную политику империалистов и их прислужников, буржуазных ориенталистов и всякого рода лжеучёных, пытающихся обелить и приукрасить эту политику, обмануть легковверных людей, советские востоковеды должны пропагандировать в своих трудах величайшие достижения в «образцовых республиках советского Востока» (С т а л и н). Советские востоковеды должны показать, как благодаря Октябрьской социалистической революции народы советского Востока из угнетённых и задавленных при царизме превратились в свободные, равноправные и счастливо живущие народы, как они с помощью великого русского народа создали, минуя капиталистический путь развития, свои социалистические республики, с высокоразвитой промышленностью, транспортом и орошением, с процветающим коллективным сельским хозяйством, как они стали народами сплошной грамотности, с высокой, национальной по форме и социалистической по содержанию, жизнеутверждающей культурой, как они превратились в социалистические нации, как они, словно маяки, освещают соседним народам колоний и зависимых стран путь к свободе, независимости и процветанию, путь через непримиримую борьбу с империалистическими эксплуататорами-угнетателями и их продажной реакционной агентурой внутри порабождённых стран.

Нет необходимости доказывать, что Институт востоковедения Академии Наук СССР не может заниматься только и исключительно новой и новейшей историей Востока. Существует ряд проблем древней и средневековой истории Востока, которые являются актуальными и результаты научной разработки которых помогут дать ответ на многие жгучие вопросы современности. Невозможно оставить без внимания ряд вопросов социально-экономической истории восточного средневековья, поскольку, например, в огромном большинстве зарубежных стран Востока и поныне существующие аграрные отношения, «современные» формы и методы эксплуатации непосредственных производителей складывались в средние века.

История многих народов сопредельных стран зарубежного Востока тесно переплетается с историей народов Советского Союза. Исследование ряда проблем древней и средневековой истории стран Востока должно сделать существенный вклад в изучение истории СССР.

Разрешение больших и ответственных задач, стоящих перед советским востоковедением, в огромной степени облегчается благодаря наличию работ В. И. Ленина и И. В. Сталина, благодаря новым гениальным трудам И. В. Сталина, посвящённым проблемам марксизма в языкознании, содержащим глубокие научные открытия и определяющим конкретные пути дальнейшего развития всей советской науки.

Решительный поворот к актуальной тематике, смелое развёртывание творческих научных дискуссий, принципиальная, большевистская критика и самокритика в науке, несомненно, обеспечат полную ликвидацию отставания советского востоковедения и его быстрый подъём.

СТАТЬИ

ВЕЛИКАЯ БИТВА ПОД МОСКВОЙ В 1941 ГОДУ

Е. Бор-Раменский и П. Сидоров

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой в декабре 1941 г. занимает особое место среди других крупнейших событий Великой Отечественной войны.

На огромном плацдарме, охватывавшем около 120 тыс. кв. км, Советская Армия осуществила ещё небывалое по своим грандиозным масштабам контрнаступление, в ходе которого была разбита миллионная армия противника. Это было первое крупное поражение гитлеровских орд. «Враг рассчитывал, — указывал товарищ Сталин, — что после первого же удара Красная Армия будет разбита и потеряет способность сопротивления. Но враг жестоко просчитался. Он не учёл силы Красной Армии, не учёл прочности советского тыла, не учёл воли народов нашей страны к победе»¹.

Блестящая победа, одержанная нашими войсками под Москвой, знаменовала переход Советской Армии от активной обороны к успешному наступлению. В то же время она продемонстрировала перед всем миром могущество Советского Союза, его неиссякаемые силы, преимущества социалистического строя, морально-политическое единство советского народа. Она доказала, что советское государство является величайшей экономической и политической силой, способной обуздать любого агрессора.

Известно, что американско-английские империалисты, привыкшие загребать жар чужими руками, сильно надеялись на гитлеровскую армию. Они рассчитывали, что германский фашизм, развязавший вторую мировую войну, нанесёт тяжёлый удар Советскому Союзу и если не уничтожит его, то, во всяком случае, ослабит, сведёт к роли второстепенной державы. Вместе с тем американско-английские реакционеры лелеяли надежду с помощью гитлеровцев подавить растущее во всём мире революционное и демократическое движение и таким образом укрепить пошатнувшиеся позиции капитализма.

Этим злым козням американско-английских империалистов не дано было осуществиться. Советская Армия на полях Подмосковья окончательно погребла гитлеровский план «молниеносного» разгрома Советского Союза. Она развеяла миф о непобедимости фашистской армии, созданный гитлеровской пропагандой при активном содействии американско-английских реакционеров.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой был осуществлён по плану Верховного Главнокомандующего товарища Сталина и под его личным руководством. Партия большевиков выступила как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против ненавистного врага. Партия Ленина — Сталина обеспечила победоносное завершение великой битвы под Москвой.

Советская Армия, осенённая победоносным знаменем великого Ленина, руководимая величайшим полководцем всех времён и народов товарищем Сталиным, начала свою историческую освободительную миссию.

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 42. М. Госполитиздат. 1950.

22 июня 1941 г. фашистская Германия, поощряемая американскими и английскими империалистами, вероломно напала на Советский Союз, бросив против нашей страны полностью отмобилизованные и имевшие боевой опыт войны в Западной Европе вооружённые силы. Удар огромной силы обрушился на советские войска прикрытия. Главные силы Советской Армии к этому времени ещё не успели сосредоточиться и развернуться. Германское военное командование рассчитывало к концу июля уничтожить советские войска и захватить Москву.

В распоряжении фашистского командования находилось 170 немецких и до 40 дивизий вассалов Германии.

Северная группа «Норд» в составе 16 и 18-й полевых армий и 4-й танковой группы наступала из Восточной Пруссии в направлении на Ленинград. Её задачей было уничтожить советские войска, действовавшие в Прибалтике, и захватить Ленинград.

Центральная группа «Митте», состоявшая из 9 и 4-й полевых армий и 2 и 3-й танковых групп, наступала через Белоруссию. Эта главная группировка вражеских войск ставила себе целью овладеть важнейшим военно-политическим, индустриальным и коммуникационным центром нашей страны — Москвой. Свой основной удар она наносила в направлении Брест — Минск — Смоленск — Москва.

Южная группа «Зюйд» в составе 6 и 17-й полевых армий и 1-й танковой группы действовала в общем направлении на Киев и далее на Донбасс.

Кроме того на севере, в районе Петсамо, была развернута немецкая армия, которая имела задачу перерезать Мурманскую железную дорогу и овладеть городом и портом Мурманск. Одновременно начала действовать на Карельском перешейке финская армия, чтобы нанести удар на Ленинград с севера. Германо-румынская группа армий в составе 11-й немецкой и 3 и 4-й румынских армий наступала в Молдавии.

Действия вражеской армии вторжения обеспечивались с воздуха многочисленной авиацией в составе трёх флотов.

Однако при всём этом немецко-фашистская армия вторжения не была в состоянии справиться с явно непосильными задачами одновременного разгрома четырёх группировок Советской Армии: прибалтийской, белорусской, украинской и бессарабской. Гитлеровское командование явно переоценило свои силы, значение временных, привходящих факторов, вытекавших из внезапности нападения, численного превосходства в силах, особенно в танках и авиации, заблаговременного стратегического развертывания и т. д. Здесь сказался прежде всего авантюризм германской стратегии, сказалась порочность современного буржуазного военного искусства, которое стремится решать судьбы войны одним большим ударом по заранее разработанному военному плану, но без учёта факторов, в конечном итоге решающих судьбы войны. Немецкое командование недооценило моральный и экономический потенциалы Советского Союза, силы и возможности Советской Армии. «Главная ошибка немецких и вообще буржуазных военных руководителей состоит в том, что они слишком преувеличивают значение военных планов и рассматривают их в отрыве от экономических и моральных возможностей, ограничиваясь в лучшем случае учётом военного потенциала страны, тогда как речь идёт о том, чтобы учитывать экономический и моральный потенциалы страны»².

² Н. А. Булганин. Тридцать лет Советских Вооружённых Сил, стр. 13. Огиз. Госполитиздат. 1948.

Борьбу советского народа против сильного и коварного врага возглавил товарищ Сталин.

В своей исторической речи 3 июля 1941 г. товарищ Сталин дал глубокий анализ происходящим событиям и указал советскому народу и его армии путь к победе. Выступление товарища Сталина дало ясную перспективу, стало боевой программой нашей борьбы против гитлеровских захватчиков.

Советская Армия преградила путь врагу. С беспримерным героизмом, упорством и бесстрашием советские воины боролись против ненавистных захватчиков. За 4 месяца боёв на советско-германском фронте гитлеровцы потеряли убитыми, ранеными и пленными более 4,5 млн. человек. Темпы продвижения врага непрерывно угасали. Утверждение Гитлера и его клевретов о том, что «мотор пожрёт русское пространство», оказалось пустой фразой. В ходе развернувшихся боёв подтвердилось гениальное сталинское предвидение, что «гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма»³. Мудрое сталинское руководство, героическая стойкость и упорная активная борьба советских Вооружённых Сил не замедлили сказаться на ходе борьбы. Это позволило Советскому Верховному Главнокомандованию выиграть время для развёртывания и мобилизации военной мощи страны, дало возможность преодолеть те огромные трудности, которые сложились в первый период войны.

Партийные, государственные и общественные организации перестроили свою работу применительно к требованиям военного времени. Был создан Государственный Комитет Обороны во главе с товарищем Сталиным. Государственный Комитет Обороны обеспечивал решительную и быструю перестройку народного хозяйства, перебазирование производственных мощностей из угрожаемых районов на Восток; все ресурсы социалистической экономики были мобилизованы для ведения Великой Отечественной войны.

Товарищ Сталин, принявший в августе 1941 г. пост Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами СССР, лично и повседневно руководил небывалым по своим размерам оборонительным сражением. Сталинская стратегия активной обороны привела к срыву вражеского наступления на всём протяжении советско-германского фронта — от Балтийского моря до Чёрного. Такая форма обороны являлась тогда единственным средством изматывания, истощения сил противника, изменения соотношения сил в нашу пользу и подготовки к решительному контрнаступлению. Со второй половины июля до конца сентября немецко-фашистские войска, понеся огромные потери, были остановлены под Ленинградом, на Смоленском направлении и на юге. Ни северная группа фашистских войск, истекавшая кровью в ожесточённых боях под Ленинградом, ни центральная группа гитлеровских армий, рвавшаяся на Москву, ни тем более южная группа вражеских армий, понесшая большие потери под Киевом и Одессой, так и не смогли решить своих стратегических задач.

Военным событием, непосредственно примыкавшим к боям на Московском стратегическом направлении, явилось Смоленское сражение. «Смоленское сражение было одним из важнейших звеньев сталинского плана активной обороны»⁴. Междуречье Западной Двины и Днепра, так называемые «смоленские ворота», было укреплено полевыми фортификационными сооружениями. По приказу Верховного Главнокомандования в район Смоленска были подтянуты из тыла свежие дивизии. Развернувшиеся здесь бои сыграли большую роль в усилении обороны Москвы. Было выиграно время для подтягивания к столице резервов из глубины страны. В сражении под Смоленском враг не только понёс большой урон

³ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 10.

⁴ Генерал-полковник А. Покровский. Великий Сталин — вдохновитель и организатор победы под Москвой. «Правда» от 6 декабря 1949 года.

в живой силе и технике, но и вынужден был стягивать в этот район новые силы. Так, например, в середине сентября сюда из-под Ленинграда была переброшена 4-я танковая группа, что, бесспорно, ослабило нажим противника на город Ленина.

Не добившись успеха в наступлении в сторону Москвы по кратчайшему направлению — с запада, гитлеровское командование предприняло обход Смоленского района с юга с тем, чтобы нанести удар на Москву через Брянск, Орёл и Тулу. Для этой цели немцы сосредоточили крупные силы, ядро которых составляла танковая армия Гудериана. Но и на этом направлении противник не смог добиться решающего успеха. Советские войска оказали ожесточённое сопротивление. Развёрнутый здесь по инициативе товарища Сталина Брянский фронт заставил противника ввязаться в затяжные и кровопролитные бои. Раскрыв замысел врага, направление действий его танков, товарищ Сталин обрушил на его колонны мощный удар советской авиации. Этот удар сталинских соколов слился с контрударом наших войск западнее Трубчевска, в результате чего армия Гудериана понесла огромные потери и была вынуждена длительное время топтаться на месте, перегруппировывать потрепанные силы.

В сентябре войска гитлеровской армии, действовавшие на Московском стратегическом направлении, перешли к обороне. Советские войска закрепились на рубеже 50—60 км западнее Осташкова: город Андреаполь — станция Ломоносов — река Вопь — город Ельня — река Десна.

До столицы СССР оставалось по прямой 300—350 км. В то время как силы противника, растягиваясь по фронту и в глубину, ослабевали, сопротивление советских войск с каждым днём возрастало. Гитлеровцы явно не были в состоянии вести наступление на нескольких стратегических направлениях. Фашистская газета «Берзен цейтунг» 1 сентября 1941 г. в статье, посвящённой началу третьего года войны в Европе, писала: «Теперь мы знаем, что Советская Армия — наиболее могущественный и упорный противник, какого мы когда-либо встречали». Но германское командование в отношении своих авантюристических расчётов продолжало оставаться верным себе. Гитлер и его клика продолжали придерживаться пресловутого «плана Барбароссы». Новая группировка немецко-фашистских войск, созданная гитлеровцами во второй половине сентября, предусматривала сосредоточение основных сил на Московском стратегическом направлении. Действовавшая здесь центральная группа армий была значительно усилена.

Рассмотрев в самых общих чертах события, предшествовавшие октябрьскому наступлению противника, проследим хотя бы коротко на отдельных примерах фронтовую обстановку, так или иначе связанную с великой битвой под Москвой.

2 октября 1941 г. началось новое наступление гитлеровских войск на советско-германском фронте, но уже не на всём трёхтысячекилометровом фронте, а лишь на трёх стратегических направлениях: Ленинградско-Тихвинском, Ростовском и Московском. При этом Московское направление, как и ранее, рассматривалось гитлеровцами как важнейшее и решающее. Гитлер в приказе по Восточному фронту с наглой самоуверенностью заявил: «За несколько недель три самых основных промышленных района большевиков будут полностью в наших руках. Создана, наконец, предпосылка к последнему огромному удару, который ещё до наступления зимы должен привести к уничтожению врага. Все приготовления, насколько это возможно для людских усилий, уже окончены... Сегодня начинается последнее, большое, решающее сражение этого года»⁵. 3 октября Гитлер в своём сумасбродстве превзошёл себя, заявив: «48 часов тому назад начались новые операции гигантских размеров. Они будут

⁵ Цит. по статье Г. Александрова «О провале немецкого плана окружения и взятия Москвы». «Правда» от 14 декабря 1941 года.

способствовать уничтожению врага на Востоке. Враг уже разбит и никогда больше не восстановит своих сил»⁶.

Как явствует из этого приказа, октябрьское наступление немцев преследовало далеко идущие политические и стратегические цели: разгром Советской Армии, захват основных промышленных районов и прежде всего Москвы.

Следовательно, Москва с самого начала войны была в центре стратегических замыслов врага. Захват столицы, по мысли вдохновителей этого бредового замысла, должен был вызвать полную дезорганизацию советской обороны и позволить немецко-фашистским войскам быстро выйти к Волге и Уралу. Занятие Москвы, по расчётам фашистов, произвело бы громадное впечатление во всём мире, создало бы возможность для немцев говорить об окончании войны на Востоке и, наконец, передало бы в руки фашистской армии огромный город с большими богатствами.

Этими иллюзиями гитлеровцы пытались поднять боевой дух своих солдат. Оболваненные фашистской пропагандой, немецкие солдаты верили в возможность личной поживы в советской столице. В германском тылу также имелось немало немцев, веривших в успех «последнего, решающего сражения».

Однако значение захвата Москвы для врага этим не исчерпывалось. Противник, кроме того, рассчитывал, что этот успех ускорит выступление против СССР Японии, которая сосредоточила на нашей восточной границе миллионную армию. Поскольку Япония не решалась ввязываться в войну, не будучи уверена в победе немцев под Москвой, Гитлер обещал японскому послу взять Москву к 12 октября 1941 г., надеясь, что после её падения японцы не станут больше выжидать и нанесут удар в тыл Советскому Союзу, тем самым ускорив его разгром.

Для нанесения решительного удара гитлеровское командование к октябрю 1941 г. сосредоточило под Москвой половину всех своих дивизий, находившихся на советско-германском фронте, 84% всех танковых, 66% моторизованных дивизий и больше половины своей авиации. Центральную группу армий составляли: 9, 4, 2-я полевые армии и 3, 4, 2-я танковые. В их составе находилось до 3 тыс. танков. Группу поддерживал 2-й воздушный флот, насчитывавший более тысячи самолётов. Эта громадная армия была усилена за счёт дивизий, снятых из оккупированной Европы. Только из одной Франции были переброшены 20 дивизий, что составляло половину всех находившихся там оккупационных войск. Из арсеналов Европы и её заводов в спешном порядке доставлялись вооружение и боеприпасы. Гитлер совершенно спокойно мог ослаблять свой тыл на Западе, так как не было никакой угрозы открытия второго фронта. Больше того: 13 сентября в Лиссабоне состоялась встреча сына лорда Бивербрука Эйткена, офицера английской армии, впоследствии члена английского парламента, с венгром Густавом фон Кевером, действовавшим по поручению германского министерства иностранных дел⁷. На этой встрече обсуждались вопросы сепаратного мира между Англией и Германией. Эти переговоры предательски велись за спиной советского правительства. Реакционные круги Англии во главе с Черчиллем поощряли фашистскую Германию к новому наступлению. Они исходили из того, что «сильный союзник опасен, что усиление союзника не в их интересах, что лучше иметь слабого союзника, чем сильного, а если он всё же усиливается, — нужно принять меры к его ослаблению»⁸.

Противник намеревался овладеть Москвой во что бы то ни стало. Главный удар наносился в направлении Вязьма — Можайск — Москва.

⁶ «Правда» от 14 декабря 1941 г. года.

⁷ См. «Фальсификаторы истории. Историческая справка Совинформбюро», стр. 71—72. Госполитиздат. 1948.

⁸ Там же, стр. 74.

Одновременно с наступлением на Москву по кратчайшему направлению боевые действия развёртывались на обоих флангах центральной группы: на севере — на Калинин и на юге — на Тулу. Гитлеровское командование исходило из того, что, захватив Калинин и Тулу, оно сумеет изолировать Москву с севера и юга, а затем, нанеся удар с трёх сторон, овладеет столицей. Зарвавшийся враг вновь делал ставку на чисто военную сторону операции, совершенно игнорируя, как уже указывалось, моральный и экономический факторы, как свои, так и советского государства и его армии. На Московском направлении завязалась гигантская битва, от исхода которой зависел ход всей войны.

Товарищ Сталин, разгадав направление главного удара гитлеровцев, решил активной и упорной обороной наших войск измотать и обескровить врага, а затем, перейдя в контрнаступление, обрушиться на основные силы противника, наступавшие на Москву. С этой целью под Москвой были сосредоточены и развёрнуты новые резервные соединения. Товарищ Сталин лично давал указания командующим фронтами и армиями, советским партизанам, действовавшим в тылу врага.

Сталинские приказы и призывы к армии и народу в те тяжёлые для нашей Родины дни явились неисчерпаемым источником мужества, героизма и беззаветного служения Отчизне. Партийные организации, Советы депутатов трудящихся поднимали на помощь фронту сотни тысяч трудового населения и возглавляли его работу. От фронта вплоть до Москвы укреплялся каждый выгодный для обороны рубеж. Строились траншеи, дзоты, противотанковые рвы, различного вида заграждения. Все города и посёлки опоясывались укреплениями.

Выполняя указания И. В. Сталина, партийные и советские организации Московской, Тульской, Смоленской, Калининской, Брянской, Орловской и других областей ещё в самом начале войны создавали части народного ополчения.

«Товарищем Сталиным был разработан и блестяще претворён в жизнь план обороны столицы, план разгрома немецких войск под Москвой»⁹.

Создавая оборону Москвы, И. В. Сталин одновременно готовил разгром врага на подступах к столице. Сталинский Государственный Комитет Обороны руководил напряжённой работой всего советского тыла. Повсеместно шло формирование новых частей и соединений. Их вооружали и обучали. Непрерывно увеличивался выпуск военной продукции на предприятиях Урала, Сибири, Средней Азии, Кавказа, построенных за годы сталинских пятилеток. Невиданно быстрыми темпами шло перебазирование производительных сил с запада на восток. Закладывались новые предприятия.

Свежие силы, новая боевая техника стягивались к столице со всех концов Советского Союза. Москва становилась военным арсеналом Западного фронта. Промышленные предприятия столицы, вне зависимости от характера своего производства в мирное время, выпускали боевую продукцию для оснащения частей и соединений, сражавшихся под Москвой. Вдохновляемые и руководимые большевиками, рабочие выдвигали ценные предложения, направленные к сокращению сроков и увеличению объёма выпуска продукции, к быстрейшему освоению новых видов производства оружия и боеприпасов. В эти дни многие рабочие и служащие оставляли свои квартиры и, дорожа каждым часом, круглые сутки проводили в цехах предприятий и в учреждениях, отдавая все свои силы работе для нужд фронта.

Начатое противником наступление встретило грозный отпор. В продолжение нескольких суток советские войска отбивали яростные атаки противника. На Осташковском, Ржевском, Вяземском и Брянском на-

⁹ «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», стр. 189. 2-е изд.

правлениях немецко-фашистские армии местами были остановлены, местами сумели продвинуться только на незначительное расстояние. Однако танковым частям противника удалось прорвать нашу оборону. На северном участке 14 октября враг ворвался в город Калинин, но развить успеха не смог. Здесь завязались бои затяжного характера. На поддержку советским войскам в район Калинина Ставка направила часть своих резервов. 9-я немецкая армия вынуждена была перейти к обороне. 3-я танковая и 9-я полевая армии противника понесли весьма большие потери. Советские войска, действовавшие на этом направлении, уничтожили большое количество живой силы и военной техники врага и отвлекли на себя с кратчайшего к Москве направления — Волоколамского — почти четвертую часть центральной группы немецких войск.

На южном участке фронта между Орлом и Тулой фашистские войска были втянуты в затяжные бои и остановлены под Тулой. В связи с захватом противником Орла и угрозой Москве с юга по личному указанию товарища Сталина сюда были направлены свежие советские части всех родов войск и в том числе 4-я танковая бригада полковника Каткова. Последняя, прибыв под Орёл раньше других соединений, получила задачу задержать врага и обеспечить подход остальным советским частям. Бригада вступила в неравный бой с противником, силы которого превосходили её в несколько раз. В течение 6 октября отважные танкисты удерживали занятую ими позицию, уничтожив 43 вражеских танка и до 500 вражеских солдат и офицеров. В основе их действий лежали: постоянная боевая разведка, тщательная маскировка, умелый манёвр, сильные контратаки. Любимым выражением танкистов было: «Бить врага кинжальным огнём». Это значило: занять выгодную позицию, подпустить танки противника и цепи его пехоты на близкое расстояние и поражать их в упор и внезапно. Действия бригады были инициативны, решительны и наносили численно превосходящему врагу тяжёлые потери.

Советское правительство высоко оценило боевую деятельность бригады. 11 ноября 1941 г. приказом товарища Сталина ей было присвоено звание гвардейской. Как отмечалось в приказе, «в результате ожесточенных боев бригады с 3 и 4-й танковыми дивизиями и мотодивизией противника фашисты потеряли: 133 танка, 49 орудий, 8 самолетов, 15 тягачей с боеприпасами, до полка пехоты, 6 минометов и другие средства вооружения. Потери 4-й танковой бригады исчисляются единицами»¹⁰.

Таким образом, обе группировки врага, предназначавшиеся к охвату столицы с севера и юга, были остановлены: одна в районе Калинина, вторая в районе Тулы.

Сложнее складывалась обстановка для Советской Армии на центральном направлении. Прорыв немецко-фашистских войск севернее и южнее Вязьмы поставил в затруднительное положение группировку наших войск в районе города. Она оказалась под угрозой окружения. Тогда ей был дан приказ перейти на Можайскую линию обороны. Отход был совершён с жестокими боями. Враг наседал с трёх сторон, пытаясь всё время замкнуть кольцо окружения. Советские войска упорно сопротивлялись и переходили в контратаки. Активная оборона Советской Армии на данном участке фронта притягивала к себе всё новые и новые части врага и тем самым ослабляла его ударную силу на других направлениях. Противнику так и не удалось окружить вяземскую группировку. Бойдя передовыми частями к Можайской линии обороны, гитлеровцы попытались прорвать её в районах Волоколамска и Малоярославца, но и эти попытки не увенчались успехом.

С огромным мужеством и невероятным упорством сражались наши части. «Стоять насмерть!» — было девизом каждого советского воина, оборонявшего родную Москву. Каждый шаг, пройденный врагом в сто-

¹⁰ Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР № 337 от 11 ноября 1941 г. «Красная звезда» от 12 ноября 1941 года.

рону Москвы, обильно поливался кровью его солдат и офицеров. Советские бомбардировщики и штурмовики наносили непрерывные удары по колоннам немецких войск. Неустанно истребляла вражескую боевую технику советская артиллерия. В октябрьских боях на подступах к Москве родились первые гвардейские полки противотанковой артиллерии. Истребительный противотанковый полк майора Ефременко восточнее посёлка Серeda, Московской области, отражал неоднократные атаки вражеских танков. В отдельных атаках на участке полка наступало до сотни машин. За один только день полк уничтожил 43 немецких танка. Ему первому было присвоено звание гвардейского. Первый гвардейский истребительный противотанковый полк уничтожил под Москвой 136 танков, 11 бронемашин, 9 орудий, 9 самолётов, 3 батальона пехоты.

В боях на Можайском направлении особенно отличилась стрелковая дивизия полковника Полосухина. Дивизия прибыла на фронт из глубокого тыла и встретила врага на историческом Бородинском поле. В боях у Бородина, Можайска, Дорохова, Тучкова, действуя совместно с танковыми частями, дивизия обескровила и остановила крупную колонну немецких войск, пытавшуюся наступать на Москву по автострате Минск — Москва.

Под Вязьмой, Малоярославцем, Наро-Фоминском и на ряде других участков фронта, защищавшего столицу, совместно с частями Советской Армии сражались дивизии московского ополчения. В боях за столицу дивизия Ленинградского района Москвы за героизм и мужество была преобразована в гвардейскую. Отличился в боях под Москвой и ряд других дивизий московского ополчения. Враг был остановлен на рубеже реки Нара. Оборона Москвы была делом всего советского народа. На полях Подмосковья сражались бойцы всех национальностей Советского Союза, жившие одним желанием — разгромить ненавистного врага.

Захватив Калинин и выйдя к западному побережью Московского моря, враг смог достичь лишь линии Наро-Фоминск — Таруса — Алексин — Тула — Богородицк. На этой линии гитлеровцы, хотя и создали реальную угрозу столице, были вынуждены перейти к обороне.

19 октября Государственный Комитет Обороны объявил Москву на осадном положении. Советскую Армию, москвичей и весь советский народ вдохновляло то, что товарищ Сталин в Москве, что он спокойно и уверенно руководит их героической борьбой.

В грозные для Москвы дни большую роль в деле подготовки города к обороне сыграла столичная партийная организация. 13 октября был созван московский актив, на котором выступил секретарь ЦК и МК ВКП(б) А. С. Щербаков, сделавший сообщение о текущем моменте и задачах московских большевиков. Актив принял решение «о задачах партийных организаций и трудящихся по обороне города». В районах столицы развернулась кипучая деятельность по проведению в жизнь этого решения. Коммунисты и комсомольцы столицы во всём служили примером. В их делах концентрировалась воля стойкой и мудрой партии большевиков, организующей массы на преодоление трудностей, на борьбу с сильным и коварным врагом.

Волю партии выражал её центральный орган — газета «Правда». Она звала к отпору наглому врагу, крепила веру советского народа в неиссякаемые силы социалистического государства, требовала высокой бдительности, организованности, развенчивала успехи врага, доказывала их временный характер.

«Правда» писала: враг «напрягает последние силы для того, чтобы захватить Москву. Однако, как говорят, сие зависит не только от хвастуна Гитлера. Многомиллионный советский народ и его Красная Армия закончат войну только полным разгромом врага. Этот разгром врага должен начаться под Москвой!»¹¹.

¹¹ «Правда» от 27 ноября 1941 года.

С 24 октября «Правда» ввела постоянную рубрику «На защиту Москвы». Здесь публиковалась информация о решениях, принимавшихся на митингах, собраниях войсковых частей, оборонявших Москву, о решениях рабочих оборонных предприятий, о помощи столице, оказываемой всем советским народом, всей нашей необъятной страной. В октябре москвичи ещё раз пополнили ряды действующей под Москвой армии. В максимально короткий срок каждый район города сформировал и вооружил рабочий батальон. Рабочие батальоны с ранее сформированными истребительными батальонами были сведены в соединения и вышли на оборонительные рубежи столицы. В батальонах, сформированных в октябре, вместе с кадровыми рабочими и стахановцами были инженеры и техники; вместе со студентами Московского университета, высших учебных заведений были профессора и научные работники; вместе с сыновьями и дочерьми были их отцы и матери. В рабочих батальонах были участники баррикадных боёв 1905 и 1917 годов и молодёжь. В них были два поколения советских граждан.

С оборонительных рубежей столицы бойцы Коминтерновского и Ростокинского районов обратились с письмом, опубликованным в «Правде» 20 октября, к остававшимся в Москве. «Заняв боевые рубежи обороны, — писали они, — мы заявляем: «Ляжем костьми, но не отступим; добьёмся того, чтобы подступы к любимой Москве стали могилой для коричневых бандитов... Верьте в силы великого русского народа, в силы верных сынов нашей родины и красной столицы Москвы. Мы победим потому, что любим нашу прекрасную родину, нашу столицу — Москву».

Одновременно с рабочими батальонами на предприятиях Москвы по инициативе рабочих были сформированы вооружённые дружины. Они взяли под охрану заводы и фабрики и усиленно обучались военному делу. Были созданы трудовые батальоны, насчитывавшие в своих рядах десятки тысяч москвичей. Эти батальоны вышли на строительство оборонительных позиций на ближних подступах к Москве и её окраинах.

Широко развёрнулось строительство укреплений в окрестностях Москвы и в самом городе. Москвичи работали с невиданным энтузиазмом. Тысячи домохозяйек шли на оборону любимого города, тысячи студентов, оставив учёбу, шли на трудовой фронт. Здесь были матери с детьми, бабушки с внуками, здесь работали целые семьи. Каждому хотелось вложить свой посильный труд в дело обороны Москвы. Даже те москвичи, которым раньше не приходилось брать в руки лопату или лом, занятые на строительстве рубежей, выполняли норму на 120—150 % и две — три недели не уходили с работы домой, рассказывал один из начальников инженерной службы, руководивший работами на подмосковном оборонительном рубеже.

Выступления товарища Сталина — 6 ноября 1941 г. в объявленной на осадном положении Москве перед обширной аудиторией депутатов Московского Совета и представителей армии и тыла, а на следующий день перед войсками на Красной площади — были событиями величайшего исторического значения. Это была яркая демонстрация неодолимой силы советского народа, его глубокой уверенности в грядущей победе. Весь мир услышал уверенные сталинские слова: «Оборона Ленинграда и Москвы, где наши дивизии истребили недавно десятка три кадровых дивизий немцев, показывает, что в огне Отечественной войны куются и уже выковались новые советские бойцы и командиры, лётчики, артиллеристы, миномётчики, танкисты, пехотинцы, моряки, которые завтра превратятся в грозу для немецкой армии»¹².

М. И. Калинин писал, что выступления И. В. Сталина «мы рассматриваем не только как взгляд правительства, руководства партии, но и

¹² И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 24.

как аккумуляцию народного настроения, народной энергии на борьбу с фашистскими захватчиками»¹³. Речь И. В. Сталина, «полная энергии, сознания силы СССР, призывавшая к разгрому гитлеровских полчищ, к уничтожению немецких оккупантов, как бы удвоила силы народа, неизмеримо увеличила стойкость нашей армии, ее наступательный порыв»¹⁴.

Особо следует остановиться на обороне Москвы от ударов вражеской авиации. Гитлеровское командование сформировало специальное авиационное соединение, предназначенное для бомбардировок столицы. В состав этого соединения входила 53-я авиаэскадра бомбардировщиков дальнего действия «Кондор». Она была укомплектована лучшими немецко-фашистскими лётчиками из числа отъявленных эсэсовцев, отличившихся варварскими налётами на города Западной Европы. Однако и воздушное наступление врага не увенчалось успехом. Воздушные подступы к советской столице превратились в могилу фашистских ассов. Уже первая попытка налёта на Москву, предпринятая гитлеровцами в ночь на 22 июля 1941 г., т. е. через месяц после начала войны, потерпела полный провал. В своём приказе о действиях Московской Противовоздушной обороны в это время товарищ Сталин писал: «Благодаря бдительности службы воздушного наблюдения (ВНОС), вражеские самолеты были обнаружены, несмотря на темноту ночи, задолго до появления их над Москвой. На подступах к Москве самолеты противника были встречены нашими ночными истребителями и организованным огнем зенитной артиллерии. Хорошо работали прожектористы. В результате этого более 200 самолетов противника, шедших эшелонами на Москву, были расстроены и лишь одиночки прорвались к столице»¹⁵.

С приближением фронта к столице активность немецко-фашистской авиации возросла. Она подтянула свои базы и, действуя с ближайших к городу аэродромов, стала совершать по несколько налётов в сутки. В отдельных налётах участвовало по 300 и более вражеских самолётов. С 22 июля по 20 декабря 1941 г. немецко-фашистская авиация совершила на столицу в общей сложности 8278 самолётовылетов¹⁶. Причём наиболее активно она действовала в период октябрьского наступления на Москву, проведя в октябре 2078 самолётовылетов¹⁷. Однако, как и в первый налёт, к Москве прорывались лишь одиночные самолёты, т. е. не более 3—4% всех вражеских самолётов, принимавших участие в воздушном наступлении. Доблестные сталинские соколы и воины ПВО ежедневно сбивали на подступах к Москве по 30 и более самолётов врага. При защите Москвы от вражеских налётов отличились многие замечательные советские лётчики: Талалихин, Катрич, Титенков, Васильев, Деменчук, Киселёв, Еремеев и др. Лётчик Талалихин протаранил двухмоторный бомбардировщик «Хейнкель 111», первым применив таран в условиях ночного боя. За этот подвиг В. В. Талалихину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Москва была недоступна для фашистов и с воздуха. Пламя пожаров Москвы существовало только в сводках германского информационного бюро. «Население Москвы вместе с бойцами противовоздушной обороны героически отстояло свой родной город от вражеских налетов,— говорил А. С. Щербаков на заседании сессии Верховного Совета СССР в Москве 18 июня 1942 года.— И вы, товарищи депутаты, видите свою столицу целой и невредимой, видите свою родную

¹³ М. Калинин. Товарищ Сталин об Отечественной войне, стр. 21. Воениздат. 1942.

¹⁴ Там же, стр. 12.

¹⁵ Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР № 241 от 22 июля 1941 года. «Красная звезда» от 23 июля 1941 года.

¹⁶ «Полгода ПВО Москвы». «Красная звезда» от 24 декабря 1941 года.

¹⁷ «Советская авиация в битве за Москву». «Вестник Воздушного флота» № 12 за 1947 год.

Москву попрежнему преисполненной решимости довести войну до победного конца»¹⁸.

Отражая немецко-фашистское воздушное наступление на Москву, советская авиация одновременно проводила воздушные контрудары. Она наносила их по его наземным войскам и совершала налёты на военные объекты Берлина, Кенигсберга и другие промышленные центры гитлеровской Германии.

Вынужденные в октябре 1941 г. остановиться на дальних подступах к столице, гитлеровцы стали готовить новое «генеральное» наступление на Москву ещё большими силами. С этой целью они спешно проводили перегруппировку сил на советско-германском фронте, подтянули резервы из Германии и оккупированной Европы. Новый удар на Москву должны были нанести с северо-запада: 7 танковых, 2 моторизованных и 4 пехотных дивизии; с юга: 4 танковых, 2 моторизованных и 4 пехотных дивизии; в центре, на кратчайших путях к Москве с запада, была развернута в основном пехотная группировка: 5 армейских корпусов и 2 танковые дивизии. Всего гитлеровцы бросили на этот раз на Москву 51 дивизию: 13 танковых, 33 пехотных, 5 моторизованных¹⁹. Из них к началу ноябрьского наступления было в первой линии около 40 дивизий, остальные вводились уже по ходу действий. Чтобы представить себе размеры и силу этого «кулака», следует вспомнить, что при наступлении на Францию в 1940 г., имея против себя лучшую армию Западной Европы — французскую, которая поддерживалась английским экспедиционным корпусом, гитлеровское командование выставило всего 11 танковых дивизий. Когда же они перешли в наступление на фронте от Ламанша до Седана, то во всей буржуазной печати раздался вопль: «Какая сила обрушилась на Францию!»

План ноябрьского наступления на Москву заключался в том, чтобы путём охвата и одновременного глубокого обхода крыльев нашего Западного фронта выйти ему в тыл, окружить и занять Москву. Вместе с этими действиями сочетался фронтальный удар по Москве и с запада.

План этого наступления типичен для немецкой армии во всех отношениях. Мечтая о московских «каннах», гитлеровцы, в сущности, ничего нового не прибавили к утвердившемуся германскому шаблону. Этот план был не хуже и не лучше других подобных ему планов гитлеровского командования, которые они применяли в Западной Европе. Однако в конкретных условиях борьбы, которые сложились под Москвой, при возросшем сопротивлении Советской Армии этот план оказался явно авантюристичным.

К середине ноября, когда перегруппировка и подтягивание резервов в основном были завершены, Гитлер потребовал от своих генералов «в ближайшее время любой ценой разделаться со столицей — Москвой»²⁰. «Германское командование, — говорилось в одном из сообщений германского информбюро, — будет рассматривать Москву как свою основную цель даже в том случае, если Сталин попытается перенести центр тяжести военных операций в другое место. Германские круги заявляют, что германское наступление на столицу большевиков продвинулось так далеко, что уж можно рассмотреть внутреннюю часть города Москвы через хороший бинокль»²¹.

Полную противоположность этому фашистскому авантюризму представлял сталинский план разгрома врага под Москвой. Это был мудрый

¹⁸ Стенографический отчёт заседания Верховного Совета СССР 18 июня 1942 г., стр. 21. Изд. Верховного Совета СССР. 1942.

¹⁹ Сообщения Советского Информбюро. Т. I, стр. 407. Изд. Совинформбюро. 1944.

²⁰ Цит. по статье Г. Александрова «О провале немецкого плана окружения и взятия Москвы». «Правда» от 14 декабря 1941 года.

²¹ Сообщения Советского Информбюро. Т. I, стр. 409.

план, полностью отвечавший создавшейся обстановке. Немецкому двойному оперативному охвату Москвы танковыми клещами с флангов был противопоставлен активный контрманёвр. Сталинский план предусматривал упорную оборону подступов к столице силами Западного и смежных с ним фронтов, сочетаемую с рядом наступательных операций, направленных на срыв подготовки вражеского наступления.

Сталинский план предусматривал не только организацию отпора врагу под Москвой, но и нанесение ему поражения на других участках советско-германского фронта. Планировалось взаимодействие всех наших фронтов. В соответствии с этим велась подготовка Советской Армии.

16 ноября немецко-фашистские войска перешли в наступление. По всему 400-километровому фронту Московского стратегического направления завязались ожесточённые бои. С первого же дня гитлеровцы вновь столкнулись с непреодолимым мужеством советских воинов. Ярким тому примером является подвиг солдат дивизии генерала Панфилова у разъезда Дубосеково. Горсточка панфиловцев вступила в единоборство с 50 танками врага и большим количеством пехоты. Советские воины в этом бою вышли победителями. Они задержали противника, нанесли ему тяжёлые потери. Закрыв немецким танкам дорогу, герои дали возможность своим частям провести необходимую перегруппировку и осуществить дальнейший отпор. Всю армию воодушевили бессмертные слова командира этой группы панфиловцев большевика Клочкова-Диева: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!»

Советские войска оказывали упорное и героическое сопротивление, но под натиском превосходящих сил врага (особенно в танках) вынуждены были отходить от рубежа к рубежу, изматывая противника и нанося ему потери. Особенно напряжённые бои происходили в районе Клина, а также Истры и Истринского водохранилища. На южном крыле Западного фронта противник пытался овладеть Тулой, но героические защитники города стойко отражали все атаки врага. Рабочие Тулы и войска Советской Армии, оборонявшие город, проявили подлинный героизм и искусство в борьбе. Гитлеровцам удалось выйти восточнее Тулы и затем, развивая свой успех, захватить Сталиногорск, с тем чтобы наступать на Рязань и Каширу. Но в результате наших контрударов они вынуждены были начать отступление.

28 ноября противник захватил Яхрому, переправился через канал Москва — Волга, приблизившись к Москве на 30—35 километров. Но и здесь нараставшие контрудары советских войск вынудили противника перейти к обороне в самом невыгодном для него оперативно-тактическом положении. Северная ударная группировка гитлеровцев, стремившаяся охватить и окружить Москву с севера, сама оказалась охваченной нашими войсками с трёх сторон.

Фронт обороны столицы, в целом хотя и придвинулся ближе к городу, оставался монолитным и нерушимым, успешно отражавшим все попытки врага прорваться к столице.

Таким образом, вместо оперативного прорыва и разгрома наших фланговых группировок противник добился лишь глубокого вдавливания линии фронта Советской Армии. Не обладая силами для дальнейшего наступления, он оставался в двух оперативных мешках, имея перед собой сильные и активно действующие советские войска.

На пятый день ноябрьского сражения за Москву, когда внимание всего мира было приковано к столице Советского Союза, противнику был нанесён тяжёлый удар на юге в неожиданном для него направлении. 20 ноября Советская Армия начала наступательную операцию на Ростовском направлении, успешное развитие которой привело к освобождению города Ростова-на-Дону. Это была крупная победа Советской Армии. Она свидетельствовала о том, что соотношение сил на советско-германском фронте меняется, что советские войска способны перейти в наступление

и громить врага. Победа под Ростовом отразилась и на Московской битве. Она вызвала замешательство среди гитлеровского командования, вынужденного не только вести наступление на Москву, но и парировать контрудар Советской Армии на юге.

Победа под Ростовом вновь подтвердила сталинские слова: «Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентишки. Не так страшен чорт, как его малюют»²². Успех советского оружия на юге воодушевил советских воинов и призвал их к его развитию.

Тем временем продолжалась Московская битва, за ходом которой внимательно следил И. В. Сталин. «Не раз и не два он находил время для того, чтобы непосредственно спестись с частями, действующими на нашем участке», — писал впоследствии К. К. Рокоссовский. «Это было в критические дни, когда мы отходили под напором превосходящих сил неприятеля. Неожиданно меня вызвали к телефону. Я услышал: «Говорит Сталин. Доложите обстановку». Подробно, стараясь не упустить ни одной мелочи, я обрисовывал положение на нашем участке фронта. В ответ раздался спокойный голос: «Держитесь крепче. Мы вам поможем». Буквально на следующий день мы ощутили все реальное значение этих слов. Меры, принятые Сталиным, позволили нам прекратить отход и, в конечном счете, перейти в контрнаступление»²³.

При нанесении второго удара на Москву немецко-фашистские войска оказались не в силах прорвать советский фронт: им удалось, как уже указывалось, лишь несколько оттеснить на флангах наши части, достигнув некоторого оперативно-тактического успеха. И в то же время, когда гитлеровская пропаганда хвастливо на весь мир кричала о неминуемом падении Москвы, Советское Верховное Главнокомандование, товарищ Сталин готовили сокрушительное контрнаступление. Гитлер и его генералы ещё раз расписались в своей стратегической беспомощности. Они не сумели дать хоть сколько-нибудь правдивую оценку положения на фронте под Москвой.

В битве за Москву наступил кризис. Для развития наступления у противника не оказалось резервов: они были истреблены советскими войсками. Недооценивая силу советского народа и его армии, гитлеровцы не верили в наличие у нас резервов. В одной из немецких сводок в конце ноября сообщалось, что значительных резервов у большевиков около Москвы ожидать не приходится.

Между тем мудрое сталинское руководство нашим государством и Советской Армией при неустанной организующей и направляющей деятельности большевистской партии в деле укрепления тыла и фронта позволило нам накопить силы и сберечь крупные резервы для готовившегося контрнаступления. Характеризуя события, начавшиеся в этот период, товарищ Сталин говорил: «Теперь уже нет у немцев того военного преимущества, которое они имели в первые месяцы войны в результате вероломного и внезапного нападения. Момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью. Тем самым ликвидировано то неравенство в условиях войны, которое было создано внезапностью немецко-фашистского нападения. Теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии»²⁴.

Ставке Советского Верховного Главнокомандования было ясно, что наступательные силы противника иссякли. К началу декабря все дивизии центральной группы армий вытянулись в одну линию на фронте протяже-

²² И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 39.

²³ К. Рокоссовский. Ни минуты передышки отступающему врагу. «Красная звезда» от 19 декабря 1941 года.

²⁴ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 43—44.

нием в несколько сот километров. И в тот момент, когда немецко-фашистские захватчики израсходовали все свои резервы, бывшие под Москвой, и считали, что они почти у цели, товарищ Сталин отдал приказ о переходе Советской Армии в решительное контрнаступление.

Могучее контрнаступление советских войск под Москвой началось 6 декабря 1941 года.

С первого же дня развернулись ожесточённые бои с противником. Особо напряжённо протекали боевые действия на северном направлении. Ему противник придавал наиболее важное значение, так как с этого направления он ближе всего подходил к Москве. Применяя искусный манёвр, проходя по бездорожью, ведя бои днём и ночью, советские войска сломили сопротивление врага и погнали его на запад. Противник пытался стянуть свои отступавшие части в город Клин, рассчитывая в нём задержаться и, пользуясь узлом удобных дорог, противодействовать нашему наступлению. Советским войскам была поставлена задача окружить собиравшиеся в Клину силы противника и уничтожить их.

Пять дней вели наши войска ожесточённые бои на ближних подступах к городу Клин. 14 декабря вся клинская группировка немцев оказалась окружённой. Противник делал настойчивые попытки выручить попавшие в окружение части. Он пытался пробиться к ним с запада и юго-запада, но неизменно терпел неудачи. Советские войска, ведя бои с гитлеровскими частями, шедшими на выручку окружённым, одновременно всё более и более сжимали кольцо окружения. В 2 часа ночи 15 декабря части Советской Армии ворвались в город Клин и завершили ликвидацию всей окружённой группы противника²⁶.

Не менее упорные бои развернулись на Солнечногорском участке. Здесь первый удар советских войск был нанесён в районе Красная Поляна. Бои за этот населённый пункт длились несколько дней. Пункты Горки и Катюшки, являющиеся предместьями Красной Поляны, переходили из рук в руки. В результате комбинированных ударов танков и пехоты части Советской Армии осуществили разгром врага под Красной Поляной, после чего бои перешли за Белый Раст. Противник пытался здесь задержать наши наступающие части. Однако искусными действиями советских танкистов линия обороны немецко-фашистских войск была прорвана. Выход советских танков в тыл противника вызвал в его частях панику. Враг бежал, бросая исправные и готовые к бою орудия, пулемёты. Дальнейшее продвижение советских войск ещё более увеличило панику среди вражеских частей. Солнечногорск был обойдён с запада и охвачен с юга. Этот манёвр, совершённый по бездорожью и лесам, был полной неожиданностью для противника и закончился успехом советских войск.

Упорнейшая борьба завязалась в пунктах наиболее близкого подхода немецко-фашистских войск к Москве. В боях за Крюково советские пехотинцы неоднократно бросались в штыковые атаки. Выбитый с упорно защищавшихся позиций, враг отступил. По местам скопления войск и транспорта противника на дорогах Подмосковья весьма эффективно наносили удары наша авиация и артиллерия. Развивая наступление, части Советской Армии 11 декабря освободили город Истру²⁷.

Северная группа немецко-фашистских войск была разгромлена и в беспорядке откатывалась на запад.

С большим оперативно-тактическим искусством была разгромлена наиболее сильная немецкая танковая армия — Гудериана — в районе Тулы. Когда группировка этой армии встретила отпор под Каширой, она повернула на запад. Её целью было обойти Тулу с севера и, во-первых, выйти на шоссе Тула—Москва, во-вторых, окружением Тулы сло-

²⁶ См. З. Хирен. Как был отбит город Клин. «Красная звезда» от 16 декабря 1941 года.

²⁷ См. К. Рокоссовский. Ни минуты передышки отступающему врагу. «Красная звезда» от 19 декабря 1941 года.

мить героическое сопротивление её защитников. Замкнуть кольцо вокруг города противник намеревался совместно со своими частями, действовавшими со стороны Алексина. 4 декабря наступавшие навстречу друг другу немецко-фашистские войска разделяла узкая полоса в 5—6 км. Враг уже праздновал победу. Гудериан обещал крупную награду тем, кто захватит столь долго и упорно защищавшийся город. Но в это время над танковой группировкой Гудериана уже нависла угроза разгрома. Действовавшие здесь советские войска совместно с подошедшими к ним свежими танковыми и пехотными частями, а также кавалеристы — гвардейцы генерала Белова — начали наносить контрудары. Имея благодаря хорошо организованной разведке точные данные о противнике, советские войска действовали наверняка. Они перехватывали коммуникации гудериановских танковых частей и тем самым угрожали им окружением. Пытаясь спасти положение, немецко-фашистское командование решило усилить нажим на Тулу и отвлечь сюда внимание и силы советских частей. Однако эта попытка врага не удалась. Тульские рабочие, организованные Тульским комитетом партии, вместе с частями советских войск отстояли свой город. Контрудары Советской Армии по танковым частям Гудериана возрастали. 7 декабря, утром, советским командованием был перехвачен панический запрос: «Что делать?», — переданный по радио частью 3-й танковой дивизии немцев штабу Гудериана. Гитлеровский генерал ответил: «Машины сжигать, самим отступать на юго-восток»²⁸. Разгромом дивизий Гудериана была решена судьба группировки противника этого направления. Наши войска на левом крыле Западного фронта продвигались с большой быстротой. Фронт противника был прорван. Кавалерийские и танковые соединения Советской Армии вышли на оперативный простор и, громя врага, стремительно развивали успех наступления.

Разгром средней группы немецко-фашистских войск, противостоявших центру нашего Западного фронта, был осуществлён в районе Наро-Фоминска. Наши войска, слолив сопротивление немцев на реке Нара, начали продвигаться вперёд.

Разбитые на всём 400-километровом фронте, вражеские войска, энергично преследуемые частями Советской Армии, к 25 декабря были отброшены на линию севернее Селижарова и Старицы — Волоколамска — Рузы — Белёва. В конце декабря советские войска форсировали реку Ока между Калугой и Белёвом, продолжая наступать на большую оперативную глубину.

Контрнаступление Советской Армии, начатое 6 декабря, развивалось успешно. В ходе сражения советские войска разбили 11 танковых, 4 моторизованных и 12 пехотных дивизий противника. «Красная Армия, отбив атаку немцев на Москву, взяла инициативу в свои руки, перешла в наступление, погнала немецкие войска и в течение 4-х месяцев прошла местами более 400 километров»²⁹.

Разгромив гитлеровцев под Москвой, Советская Армия одновременно нанесла поражение противнику под Тихвином. Замысел гитлеровцев замкнуть кольцо вокруг Ленинграда и лишить его связи со всей Советской страной провалился: 9 декабря враг был выбит из города Тихвина и отброшен далеко на запад³⁰.

Перейдя в наступление под Москвой, Тихвином, а перед этим на Ростовском направлении, Советская Армия провела ряд успешных операций на всём советско-германском фронте.

Успеху контрнаступления под Москвой непосредственно содействовали войска Калининского и Юго-Западного фронтов, также перешедшие в наступление. «В ходе войны Красная Армия наливалась новыми жизнен-

²⁸ Генерал-лейтенант И. Болдин. Разгром дивизий Гудериана. «Красная звезда» от 13 декабря 1941 года.

²⁹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 63.

³⁰ См. «Сообщения Советского Информбюро». Т. I, стр. 400.

ными силами, пополнялась людьми и техникой, получала на помощь новые резервные дивизии. И настало время, когда Красная Армия получила возможность перейти в наступление на главных участках громадного фронта»³¹.

Немецко-фашистская армия, потеряв под Москвой главную группировку своих сил, действовавших на советско-германском фронте, вынуждена была отступить далеко на запад и на продолжительное время лишилась способности вести крупные наступательные операции.

Товарищ Сталин широко организовал под Москвой партизанское движение. Партизаны и партизанки, действовавшие на дальних и ближних подступах к столице, оказали огромную помощь Советской Армии и москвичам, защищавшим свой город. Особенно большую роль сыграли партизаны лесистых районов Брянска, Вязьмы, Дорогобужа. Они громили тылы и обозы фашистских войск, портили линии связи, истребляли гитлеровцев днём и ночью. Партизаны несли слово правды населению, оставшемуся в захваченных врагом районах, разоблачали хвастливую фашистскую пропаганду. Своими внезапными и решительными действиями партизаны наводили ужас на гитлеровцев. Ни жестокий террор фашистских извергов, ни мучительная смерть от рук гитлеровских палачей не могли утратить советских патриотов. Мужественно встретил смерть от рук палачей юный Герой Советского Союза, партизан Шура Чекалин. Герой Советского Союза комсомолец Зоя Космодемьянская, стоя у виселицы с петлёй на шее, обратилась к крестьянам, согнанным на место казни, с горячим призывом: «Будьте смелы, боритесь, боритесь, бейте немцев, жгите! С нами Сталин! Сталин придёт!»

В период боёв за Москву партия Ленина — Сталина провела огромную политико-воспитательную работу среди советских людей. Правдивое, мудрое сталинское слово вдохновляло каждого советского человека, каждого солдата и офицера. С лозунгами большевистской партии, с именем Сталина на устах шли в бой и побеждали советские воины — пехотинцы, артиллеристы, танкисты, лётчики, кавалеристы. Моральная сила советского народа, воспитанного товарищем Сталиным и большевистской партией, была решающим фактором в его боевых делах и стахановском труде.

Партийно-политическая работа армейских большевиков являлась сильным оружием, разящим врага. Неся в массы призывы своего вождя, коммунисты и комсомольцы служили примером отваги, воинской доблести, высокой организованности и дисциплины на поле боя. Большевики шли на самопожертвование, когда этого требовали интересы Родины. Армейские партийные организации, руководствуясь указаниями товарища Сталина, воспитывали в советских воинах чувство беззаветной преданности своей Родине, воинскому долгу. В короткий срок Советская Армия стала армией массового героизма.

Вдохновляющая и организующая роль большевистской партии и товарища Сталина сказалась в героических делах советских людей на фронте и в тылу, давала себя чувствовать во всех этапах великой битвы под Москвой. «В дни Отечественной войны, — указывал товарищ Сталин, — партия предстала перед нами, как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков. Организаторская работа партии соединила воедино и направила к общей цели все усилия советских людей, подчинив все наши силы и средства делу разгрома врага»³².

Великая битва под Москвой явилась решающим событием первого года Великой Отечественной войны. Она в сильной степени потрясла гер-

³¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 43.

³² Там же, стр. 119.

манскую военную машину и создала перелом в кампании 1941—1942 г., оказавший огромное влияние на весь последующий ход войны.

Победа под Москвой явилась ярким свидетельством могущества и крепости советского государства. Она опрокинула стратегический план немецко-фашистских захватчиков, разоблачив его авантюристический характер, ещё выше подняла международный авторитет Советского Союза и его армии. И, наоборот, провал германского «блицкрига» в значительной степени охладил надежды фашистского руководства на создание всеобщей коалиции против СССР. Во всех странах, порабощённых гитлеровцами, начала усиливаться борьба против немецких оккупантов. Порабощённые народы Европы увидели в СССР, в его Вооружённых Силах, руководимых великим Сталиным, единственную силу, которая может спасти и спасёт их от фашистского ига.

Говоря о необоснованных расчётах немецких фашистов на непрочность советского строя, И. В. Сталин накануне разгрома немцев под Москвой указывал: «Вполне вероятно, что любое другое государство, имея такие потери территории, какие мы имеем теперь, не выдержало бы испытания и пришло бы в упадок. Если советский строй так легко выдержал испытание и ещё больше укрепил свой тыл, то это значит, что советский строй является теперь наиболее прочным строем»³³.

Исход битвы под Москвой, как и исход всей Великой Отечественной войны, полностью подтвердил положение о решающем значении тыла в современной войне. Непрочность тыла фашистской Германии предопределила её поражение. Крепкий тыл Советской Армии создал все условия для её победы.

Битва под Москвой показала несостоятельность военной науки гитлеровской Германии, оказавшейся неспособной разработать план войны с учётом всех факторов, влияющих на её исход. Основываясь на ложных принципах буржуазной военной науки, гитлеровцы вместе с тем переоценили свои силы и недооценили силы Советской Армии. Разрабатывая военные планы с использованием массы современных военно-технических средств, гитлеровцы делали ставку на авиацию и танки, полагая, что применение их в огромных масштабах ошеломит, дезорганизует советский народ и его армию и приведёт немецко-фашистские войска к быстрому и успешному финалу. Переоценивая роль подвижных частей, они недооценили роль артиллерии и пехоты и оказались неспособными организовать тесное взаимодействие всех родов войск с использованием специфических качеств каждого из них для поддержки друг друга, для объединения общих усилий в достижении единой цели. Ход борьбы на советско-германском фронте подтвердил, что немецкая стратегия в своей основе порочна, а немецкая тактика шаблонна.

Битва под Москвой продемонстрировала превосходство передовой советской военной науки. «Только в СССР, в условиях социалистического строя, в условиях господства марксистско-ленинской идеологии и социалистической практики, возможна подлинная военная наука»³⁴. Советская военная наука, созданная товарищем Сталиным, базируется на правильном понимании законов общественного развития. В её основе лежат такие решающие элементы, как новая, социалистическая система общественного строя с плановой экономикой, марксистско-ленинская идеология. Сталинская военная наука охватывает всю сумму социально-политических, экономических, моральных и чисто военных факторов в их тесном взаимодействии.

Советское военное искусство, являясь составной частью сталинской военной науки, показало в Московской битве правильную оценку каждого рода войск, их тесное взаимодействие в достижении единой цели как в

³³ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 22.

³⁴ К. Ворошилов. Гениальный полководец Великой Отечественной войны, стр. 11. Госполитиздат. 1949.

оборонительном, так и в наступательном бою. Битва под Москвой дала первый пример взаимодействия фронтов в крупной современной операции. Разгром немцев был проведён войсками трёх фронтов: Западным, Калининским и Юго-Западным. Московская битва показала также взаимодействие фронтов на основных стратегических направлениях: Московском, Ленинградском, Южном. Широко и правильно организованным взаимодействием фронтов советское военное искусство намного превзошло немецкое военное искусство, оказавшееся неспособным к проведению подобного рода операций.

Советское военное искусство в битве под Москвой сделало крупный шаг в своём развитии. Этим развитием оно обязано вождю и полководцу И. В. Сталину. Переход от обороны и отступления к решительному контрнаступлению в широком оперативно-стратегическом масштабе, с разгромом наступавших сил врага, является одной из наиболее трудных и сложных операций. Организация контрнаступления под Москвой против сильного противника, имевшего превосходство в технических средствах борьбы, представляет выдающийся образец советского военного искусства.

В великой битве под Москвой слились воедино сталинский полководческий и государственный гений, огромная организаторская работа большевистской партии, героические усилия советского народа, стойкость, самоотверженность и военное мастерство советских воинов, блестяще выполнивших сталинский план разгрома врага.

Не «чудеса», якобы совершившиеся на полях Подмосковья, не русская зима, не русские пространства, как о том трубили гитлеровская и американско-английская реакционная пресса и военные «авторитеты» империалистов, определили поражение гитлеровцев под Москвой. Здесь, как и в дальнейшем ходе Великой Отечественной войны, победила экономическая и духовная мощь социалистического государства, победили советский народ и его армия, его животворный патриотизм и братское сотрудничество народов СССР, победила партия Ленина—Сталина, победило гениальное сталинское руководство страной и Советской Армией.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР о присвоении товарищу Сталину звания Героя Советского Союза говорится: «Возглавившему Красную Армию в тяжелые дни защиты нашей Родины и её столицы Москвы, с исключительным мужеством и решительностью руководившему борьбой с гитлеровской Германией, Маршалу Советского Союза Сталину Иосифу Виссарионовичу присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»³⁵.

Победа Советской Армии под Москвой знаменовала начало того победоносного пути, по которому следовали советский народ и его армия, одержав всемирно-историческую победу в Великой Отечественной войне.

Велико было международное значение победы под Москвой. Она упрочила антигитлеровскую коалицию свободолюбивых народов, в которой СССР занимал ведущее положение. Народы порабождённой Европы увидели в Советском Союзе и его армии ту единственно надёжную силу, которая способна избавить их от фашистского ига, ибо до этого гитлеровцы хозяйничали в Европе безнаказанно, как у себя дома. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой положил этому конец, вызвав подъём борьбы сил сопротивления во всех странах.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, как и весь победоносный исход Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии и империалистической Японии, является грозным предостережением американско-английским империалистам, разжигающим пламя новой мировой войны.

³⁵ «Правда» от 27 июня 1945 года.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ *

С. Волк

Изучение идеологии декабристов невозможно без изучения их исторических взглядов. Последние занимали довольно видное место в системе мировоззрения декабристов. Между тем они до сих пор мало исследованы.

Нельзя не видеть в этом влияния старой либеральной литературы, считавшей декабристов лишь послушными учениками Запада и беспомощными дилетантами в истории. Это мнение об исторических воззрениях декабристов разделяли в начале XX в. В. И. Семевский¹ и М. В. Довнар-Запольский², а в советское время — С. А. Покровский³. Попытки более правильно оценить заслуги отдельных декабристов-историков (монография Н. М. Дружинина о Н. Муравьёве и др.) не получили должного завершения. Совершенно умолчал о декабристах в своей порочной книге Н. Л. Рубинштейн. Он не понял, между прочим, указания Ленина о том, что «история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей»⁴. Развитие русской исторической мысли изображается поэтому Н. Л. Рубинштейном как спокойный процесс филиации идей, а не как история борьбы передовых, прогрессивных идей с идеями отживающими, реакционными. Н. Л. Рубинштейн не учёл, что носителями прогрессивного исторического мировоззрения с конца XVIII в. были уже не академические и университетские учёные, а круги передовых общественных деятелей. Следуя буржуазным историкам, Рубинштейн почти полностью отверг то славное революционное наследство, которым всегда гордился русский народ.

Очевидно, под влиянием книги Рубинштейна К. Пигарев в своей работе о Рылееве категорически отрицает наличие в России в 20-х годах XIX в. историков-публицистов. Столь же произволен и его собственный вывод о том, что Рылеев «склонялся к религиозно-мистическому истолкованию истории»⁵.

Нельзя согласиться и с некоторыми взглядами М. В. Нечкиной по данному вопросу⁶. Она изображает декабристов учениками просветителей XVIII в., забывая об оригинальных философских воззрениях декабристов, забывая о том, что декабристы сами были историками, вслед за А. Н. Радищевым и одновременно с Пушкиным двигавшими вперёд русскую историческую мысль.

---

* **От редакции.** В настоящей статье исторические взгляды декабристов рассмотрены далеко не полно: неизученными остались воззрения декабристов на всеобщую историю, не вскрыты различные течения внутри декабристской историографии и т. п. Тем не менее эта статья имеет несомненный научный интерес как первая попытка освещения важного этапа отечественной историографии.

¹ В. Семевский. Общественные и политические идеи декабристов, стр. 258—261. СПб. 1909.

² М. Довнар-Запольский. Идеалы декабристов, стр. 278—280. СПб. 1907.

³ С. Покровский. Общественно-исторические теории в политических планах декабристов. «Научные известия Государственного Смоленского университета. Общественно-гуманитарные науки». Т. II, стр. 161—182. 1924.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 237. 4-е изд.

⁵ К. Пигарев. Жизнь Рылея, стр. 123, 121. М. 1947.

⁶ М. Нечкина. Грибоедов и декабристы, стр. 330—331. М.-Л. 1947; её же. Декабристы, стр. 28. М. 1949; «История СССР» под ред. М. В. Нечкиной. Т. II, стр. 386—387. М. 1949.

Источником и основой для формирования мировоззрения декабристов послужила общественная и идейная борьба сложной и бурной эпохи конца XVIII — начала XIX в., эпохи, ознаменованной на Западе целым туром буржуазных революций, а в России — начавшимся кризисом феодально-крепостнического строя.

В России в то время постепенно развивались буржуазные отношения, росло капиталистическое производство, расширялся внутренний рынок и усиливались связи с внешним. Но крепостничество тяжёлыми цепями сковывало страну, тормозило создание крупной промышленности, вызывало застой и упадок сельского хозяйства.

После Отечественной войны 1812 г. кризис крепостного строя углубился ещё более. Всё ярче разгорались зарницы крестьянского движения. «Уменьшение уверенности дворянства в вековечном его достоянии»⁷, т. е. в крепостных крестьянах, привело к политическому размежеванию господствующего класса. Небольшая горстка лучших людей из дворян решилась с оружием в руках повернуть Россию на новый путь развития. Но в целом крепостная Россия продолжала ещё оставаться забитой и неподвижной. В ней не было силы, способной организовать и возглавить движение крестьянских масс, — не было пролетариата. В силу этого руководство политическим движением, как указывает Ленин, принадлежало тогда «почти исключительно офицерам, и именно дворянским офицерам»⁸. Эта особенность политического движения 1820-х годов нашла своё яркое отражение не только в публицистике, но и в исторической литературе того времени.

Наука о прошлом являлась орудием политической борьбы. Дворянская историография в лице Н. М. Карамзина, С. Н. Глинки и других стала на защиту самодержавия и крепостничества. Дворянские же революционеры искали в минувшем не только средств для подрыва этих «устоев», но и указаний о путях дальнейшего развития родины. «История... путеводит нас в высокой области политики»⁹, — говорил М. С. Лунин. Разумеется, не исторические примеры определили политическую идеологию передовой молодёжи. Сами декабристы признавали, что их планы возымели своё начало не от книг и летописей¹⁰, что развитие их мировоззрения происходило под влиянием насущных нужд действительности. «Познание настоящего полезнее в некотором смысле опытов прошедшего»¹¹, — писал тот же Лунин.

К истории декабристы подходили с уже определившимися политическими взглядами. Отечественная война 1812 г., пробудив невиданный патриотический подъём народа, вызвала в лучших представителях дворянства чувство уважения к русскому народу и стремление возродить его забытые дворянскими историками заслуги и традиции. Освобождение России, а затем и других европейских стран русской армией убедило декабристов в способности русского народа к самостоятельным действиям, а следовательно, и к самоуправлению¹². Пример последнего они нашли в древнерусском вечевом строе.

Деятели тайных обществ хорошо понимали общественное значение изучения прошлого. Современная дворянская историография их не удов-

⁷ А. Муравьёв. Ответ сочинителю речи о защищении права дворян на владение крестьянами. «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (ОИДР), кн. 3 за 1859 г. (Записка 1818 г.), стр. 48.

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 237.

⁹ М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 82. Птгр. 1923.

¹⁰ См. М. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 188. Киев. 1906.

¹¹ М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 49.

¹² Д. Завалишин. Записки декабриста, стр. 104. М. 1905; И. Якушкин. Записки, стр. 11. М. 1926. 7-е изд.

летворяла. «Муза истории дремлет у нас в России»¹³, — заявлял Н. М. Муравьёв. Декабристы единодушно осудили реакционные тенденции «Истории» Карамзина тотчас после её появления. Н. Муравьёв распространил в Петербурге рукописное опровержение её основных идей.

Ни строгости цензуры, ни бессодержательное преподавание истории, на которое жаловались декабристы и близкие к ним люди¹⁴, не погасили в передовой молодёжи того времени глубокого интереса к судьбам своей родины.

В начале 20-х годов интерес к истории пробудился и у тех деятелей тайных обществ, которые раньше не занимались её изучением. Некоторые декабристы начали сами создавать исторические труды, которые будили патриотический пыл, которые своим судом над мёртвыми могли в условиях жестокой цензуры гласно звать к суду над живыми.

Отвечая в 1826 г. на вопросы следственной комиссии, офицеры-дворяне, как это ни странно на первый взгляд, очень часто указывали не на военное дело, а на историю как на своё преимущественное занятие. «По наклонности века наиболее принадлежал к истории и политике» А. А. Бестужев¹⁵, «с особенной охотою» интересовались прошлым М. А. Фонвизин и И. И. Горбачевский¹⁶, об изучении истории говорили К. Ф. Рылсев¹⁷, Н. М. Муравьёв¹⁸, С. П. Трубецкой¹⁹, А. И. Якубович²⁰, Н. А. Панов²¹, Н. П. Репин²², М. Ф. Митьков²³, П. Г. Каховский²⁴, А. П. Арбузов²⁵, Н. А. Бестужев²⁶, В. Н. Штейнгель²⁷, А. О. Корнилович²⁸ и некоторые другие.

История была, таким образом, наиболее распространённым и излюбленным предметом научных занятий декабристов. Разносторонность и вместе с тем глубина научной подготовки историков-декабристов поистине примечательны: они были хорошо осведомлены не только в гражданской истории, но и во вспомогательных исторических дисциплинах, особенно в этнографии и археологии.

Известна глубина исторических познаний П. И. Пестеля. Серьёзное историческое образование получили Н. И. Тургенев и Н. М. Муравьёв. Отец последнего преподавал в своё время историю цесаревичу Александру Павловичу. М. Н. Муравьёв сам занимался с сыном, у которого в отроческие годы настольными книгами были Тацит и Плутарх. Пятнадцатилетний юноша читал не только Щербатова, Болтина и Голикова, но и собрал целую коллекцию русских летописей, изучал их и делал из них самостоятельные извлечения²⁹. Двадцати лет он напечатал очень зрелую и продуманную статью о биографиях Суворова. Широкую известность получила также его рукописная записка об «Истории» Карамзина. В Сибири он составил исторические примечания к написанному М. С. Луниным «Разбору Донесения Следственной Комиссии». Характер взглядов,

¹³ Н. Муравьёв. Рассуждение о жизнеописаниях Суворова. Журнал «Сын Отечества», ч. 27 за 1816 г., стр. 218.

¹⁴ А. Гангелов. Воспоминания декабриста, стр. 9, 250. М. 1888; А. Дельвинг. Мои воспоминания. Т. I, стр. 24. М. 1912.

¹⁵ «Восстание декабристов». Т. I, стр. 430 (в дальнейшем — ВД).

¹⁶ Там же, т. III, стр. 66; т. V, стр. 191.

¹⁷ Там же, т. I, стр. 156.

¹⁸ Там же, стр. 294.

¹⁹ Там же, стр. 9.

²⁰ Там же, т. II, стр. 106.

²¹ Там же, стр. 282.

²² Там же, стр. 360.

²³ Там же, т. III, стр. 192.

²⁴ Там же, т. I, стр. 343, 371.

²⁵ Там же, т. II, стр. 8.

²⁶ Там же, стр. 64.

²⁷ В. Штейнгель. Записки. Под редакцией П. Е. Щёголева. «Общественное движение в начале XIX века». Т. I, стр. 293, 413. СПб. 1905.

²⁸ Сборник «Декабристы и их время». Т. II, стр. 352. М. 1932.

²⁹ Н. Дружинин. Декабрист Н. Муравьёв, стр. 80, 98. М. 1933.

высказанных в этих статьях, а также в неопубликованных рукописях, позволяет считать Н. М. Муравьева одним из авторов исторической концепции декабристов.

Не менее глубокими были познания других декабристов. Некоторые из них даже состояли на службе «по исторической части». Н. А. Бестужев, автор работ по истории русского флота, а также замечательного по тому времени экономического трактата «О свободе торговли и промышленности», был историографом русского флота. Вслед за ним на эту должность был назначен другой декабрист, Д. И. Завалишин. А. О. Корнилович, известный тогда своими статьями о петровском времени, был прикомандирован для поисков архивных материалов к военному историку Д. П. Бутурлину. В. Д. Сухоруков по официальному поручению составлял «Историческое описание земли Войска Донского». Преподавали историю С. Палицын и В. Ф. Раевский (последний, правда, негласно). Значительный интерес представляют исторические повести А. А. Бестужева, военные статьи П. А. Муханова и «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки, «Опыт о хронологии» В. И. Штейнгеля и другие.

Несмотря на публицистический или даже беллетристический характер некоторых исторических произведений декабристов, они являлись результатом большой исследовательской работы. В основу своих занятий историей молодые исследователи положили не «Историю» Карамзина, а первоисточники. В борьбе с Карамзиным многие из декабристов сумели использовать свои обширные научные познания.

Летописанием интересовались А. А. Бестужев³⁰, М. С. Лунин³¹, Ф. Н. Глинка³², С. П. Трубецкой³³ и другие. Летописи вдохновляли творчество К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера³⁴, А. И. Одоевского. Последний писал в 1833 г.: «С очень давних пор история России служит источником моих обычных вдохновлений — древняя история столь простая и иногда столь прекрасная в устах наших монахов-летописцев»³⁵. Историки-декабристы не довольствовались результатами уже имевшихся архивных изысканий, а сами работали в архивах: А. А. Бестужев — в московском архиве Коллегии иностранных дел, А. О. Корнилович — в петербургских хранилищах. Производили розыски во многих архивах Н. А. Бестужев и В. Д. Сухоруков. Следует отметить, что они хорошо разбирались как в историческом, так и в палеографическом достоинстве рукописей³⁶.

Декабристы ценили тогдашнюю археографическую работу Строева, Калайдовича, Румянцева и признавали неотъемлемой заслугой Карамзина находку многих новых источников³⁷. Н. М. Муравьев и Н. А. Бестужев по своим взглядам намного опередили представителей тогдашней официальной археографии — Строева, Погодина и др., выдвинув проект тематического, комплексного и комментированного издания документов³⁸.

Любовь к историческим занятиям не угасла у революционеров и в Сибири. Их преимущественным чтением оставались исторические книги. В Читинском остроге ссыльные декабристы организовали своего рода вольный университет. По вечерам они слушали лекции Н. М. Муравьева по военной истории, Н. А. Бестужева — по истории флота, М. М. Спиридова — по истории средних веков, а также увлекательные рассказы

³⁰ А. Бестужев. Соч. Т. IV, ч. XI, стр. 137. СПб. 1847. 4-е изд.

³¹ М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 23.

³² Ф. Глинка. Письма русского офицера, стр. 3, 49. М. 1870.

³³ Сборник «Декабристы и их время». Т. I, стр. 31. М. 1928.

³⁴ В. Кюхельбекер. О направлениях в нашей поэзии. Альманах «Мнемозина», ч. II, стр. 42. 1824.

³⁵ Сборник «Декабристы на каторге и в ссылке», стр. 15. М. 1925.

³⁶ А. Бестужев. Московские записки 1824 года. Сборник «Памяти декабристов». Т. I, стр. 84. 1924.

³⁷ М. Фонвизин. Обзорение проявлений политической жизни в России и другие статьи, стр. 2. М. 1907.

³⁸ Н. Муравьев. Рассуждение о жизнеописаниях Суворова, стр. 228; Н. Бестужев. Статьи и письма, стр. 258. М.-Л. 1933.

А. О. Корниловича из русской старины³⁹. В период ссылки появились важные этнографические работы о сибирских и кавказских народах братьев А. и Н. Бестужевых. В их лице русская наука имела выдающихся этнографов своего времени. Интересны археологические статьи Ф. Глинки о первобытной культуре, яркая, со ссылками на историю, публицистика М. Лунина и других.

Хотя декабристы и продолжали в ссылке интенсивно изучать отечественную историю, настоящая творческая работа была им недоступна. Приходилось завидовать тем, кто «на раздолье роется в ризницах монастырей и в курганах Северной России, собирает и разбирает свитки с юсами и без юсов и выкапывает чудские запястья или орудия древних славян»⁴⁰.

Сравнительно немногие исторические труды сохранились от сибирского периода жизни декабристов. Опасаясь обыска, Н. М. Муравьев бросил в печь вместе со своими и сочинения М. С. Лунина⁴¹. В одно холодное утро, разжигая сырые дрова, спалил свою «Краткую историю русскую» П. А. Муханов⁴². Бесследно пропали и «целая диссертация о Карамзине» В. К. Кюхельбекера⁴³ и какие-то «исторические изыскания» Г. С. Батенькова⁴⁴. Всё же сохранившиеся сочинения декабристов и материалы их следственных дел дают возможность довольно чётко обрисовать их общественно-исторические взгляды и предложенную ими концепцию отечественной истории.

Но по своей вине не оставили декабристы в своём литературном наследстве многотомных исторических трудов. Часто исторические фрагменты разбросаны по их мемуарам, письмам и даже художественным произведениям. Такое разнообразие литературных форм не могло не породить лакун, а также расхождений и противоречий в целом ряде вопросов даже у одних и тех же лиц. Следует помнить также, что многое писалось для подцензурной печати, многое искажалось издателями, а некоторые положения высказывались исключительно в агитационных целях (так, например, обстояло дело с прославлением борьбы изменника Мазепы с Петром в поэме Рылеева «Войнаровский»).

При изучении идейного наследия декабристов имеет значение время происхождения того или другого источника.

Мировоззрение историков-декабристов формировалось в 1812—1825 годах. За сравнительно немногими исключениями декабристы оставались верны своим идеям и после приговора верховного уголовного суда. Не один только пылкий А. В. Поджио мог бы гордо заявить многие годы спустя после 1825 г.: «Конечно, время, опыт принудили и меня измениться, но основа всё та же, и я так же стою твёрдо теперь, как стоял и прежде»⁴⁵.

В 30—40-е годы исторические взгляды декабристов изменялись ещё очень медленно, скорее они приобретали только более совершенную форму.

Принципиально же новые явления в идейном творчестве сибирских узников после 1848 г. не рассматриваются в данной статье, точно так же, как не принимаются во внимание предназначенные для Николая I записки А. О. Корниловича из крепости в конце 20-х и начале 30-х годов, и написанные для реакционного журнала «Маяк» историко-публицистические статьи В. И. Штейнгеля (1840—1841), и статья 80-летнего

³⁹ Н. Лорер. Записки декабриста, стр. 143. М. 1931; «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг.». Т. II, стр. 329—330. М. 1983.

⁴⁰ А. Бестужев. Соч. Т. II, ч. IV, стр. 136.

⁴¹ Н. Дружинин. Декабрист Н. Муравьев, стр. 260, 269.

⁴² Сборник «Декабристы на каторге и в ссылке», стр. 207.

⁴³ В. Кюхельбекер. Дневник, стр. 77. Л. 1929.

⁴⁴ Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля, стр. 269. М. 1936.

⁴⁵ А. Поджио. Записки декабриста, стр. 56. М. 1930.

Д. И. Завалишина «Опыт объяснения истории человечества и устройства человеческих обществ по внутренним началам» («Русское дело» за 1886 г.), и, наконец, некоторые другие документы, которые не характеризуют декабристов как деятелей определённой исторической эпохи.

Материалы периода ссылки и каторги используются лишь в тех случаях, когда основные положения, в них содержащиеся, высказывались деятелями тайных обществ ещё в период до 1825 года.

Например, идеи экономического трактата Н. А. Бестужева (1831 г.) следует признать характерными и для досибирского периода, как потому, что содержащаяся в нём критика буржуазного общества была присуща и некоторым другим деятелям тайных обществ ещё в 1816—1826 гг. (П. И. Пестель, Н. А. Крюков, Н. И. Тургенев), так и потому, что сам Н. А. Бестужев в 1821 г. в «Записках о Голландии» показал лицемерие частнособственнических добродетелей, вред и опасность буржуазных порядков для нации в целом ⁴⁶.

Другой пример. Значение XVII века в подготовке петровских преобразований признавалось М. Ф. Орловым, А. А. Бестужевым и А. О. Корниловым ещё в 1819—1823 годах. Однако по этому вопросу казалось уместным привести лаконичное замечание А. О. Корнилова из частного письма 1832 г., а не пространные рассуждения из его статьи «Известие об успехах промышленности в России и в особенности при Алексее Михайловиче» («Северный архив» за 1823 г., ч. 5).

Разнородность философских, политических и социальных убеждений дворянских революционеров приводила к непрерывной борьбе не только за определённые идеи, но даже за определённые термины. «Народ» С. И. Муравьёва-Апостола был совсем не равнозначен «народу» И. И. Горбачевского. «Свобода» В. К. Кюхельбекера, по его собственному признанию, не была тождественна со «свободой» К. Ф. Рылеева ⁴⁷. Наряду с этим у декабристов были взгляды и идеи, сплотившие их воедино. Общий им всем патриотизм, ненависть к царизму и крепостничеству нашли отражение и в определённом единстве их идеологии. В одном ряду оказались поэтому столь различные люди, как решительный революционер Пестель и нерешительный теоретик Н. Муравьёв, увлекающийся республиканец Рылеев и уравновешенный монархист Батеньков, материалист Барятинский и идеалист Бобрищев-Пушкин, порывистый тираноборец Каховский и осторожный штабист Трубецкой, неверующие братья Борисовы и перешедший в католичество Лунин, близкий к революционному демократизму Горбачевский и сторонник военных революций С. И. Муравьёв-Апостол, безродные и малопоместные «славяне» с лощёными полковниками «Юга» и родовитыми князьями «Севера».

Приняв во внимание высказанные соображения, представляется возможным дать единый очерк исторических воззрений дворянских революционеров. Для этого следует только с должной осторожностью выделить и подчеркнуть наиболее характерные и наиболее прогрессивные их взгляды, не скрывая в то же время ошибочных и отсталых мыслей.

К интересным результатам приводит изучение общественно-исторических теорий декабристов.

Несомненно, что поиски источников идеологии декабристов не следует ограничивать родной почвой. Большое впечатление на русских революционеров оказали французская буржуазная революция и целый ряд национально-освободительных движений в начале 1820-х годов; нельзя отрицать и значения знакомства молодых офицеров с молодым ещё бур-

⁴⁶ Ср. Н. Бестужев. Статьи и письма, стр. 193. М.-Л. 1933.

⁴⁷ ВД. Т. II, стр. 163.

жуазным строем во время заграничного похода 1813—1815 годов. Серьёзное воздействие оказала на мировоззрение декабристов и просветительская философия XVIII века.

Всё это, однако, не даёт оснований преувеличивать роль этих внешних влияний и умалять определяющее значение основных источников идеологии декабристов.

Сама русская действительность, чреватая глубокими социальными потрясениями, рождала у русских революционеров новое, оригинальное мировоззрение, более прогрессивное, чем мировоззрение французских философов XVIII века. Глубокое воздействие оказали на декабристов также сочинения Радищева.

Проблески наивной диалектики и столь же наивного материализма, свойственные социальным взглядам Радищева, пронизывают и общественно-политические воззрения дворянских революционеров XIX века. Декабристы иногда догадывались, что все явления в жизни и обществе взаимно связаны. Н. Тургенев требовал от историка смотреть на каждое явление с точки зрения того, как оно возникло, какие этапы в своём развитии проходило, какие имело последствия и каковы его характер и стремления ныне⁴⁸.

Подобный историзм был, например, характерен для представлений Н. Тургенева о войне. Убеждённый сторонник мирных отношений народов, Н. Тургенев резко различал грабительские походы Наполеона от справедливых, по его мнению, войн Петра I⁴⁹.

Именно из среды декабристов раздались первые голоса протеста против попыток Карамзина модернизировать прошлое и, в частности, рисовать князей удельно-вечевой Руси самодержцами эпохи петербургской империи. Н. Муравьёв, А. Бестужев, В. Кюхельбекер и другие отказывали историографу в праве «наряжать древних славян в дворянские фраки» и относить к минувшему собственные понятия⁵⁰.

Дворянские революционеры стихийно учились рассматривать общество в его движении и развитии. О борьбе старого и нового как об одном из важнейших принципов развития общества говорили А. Бестужев, А. Поджио⁵¹ и другие. Поджио был убеждён, что никакие противодействия не помешают водвориться новому строю, что новое побеждает если не мирным, так вооружённым путём⁵². «Действие народов в сем случае есть действие оборонительное,— дополнял эту мысль Пестель,— ибо они не налагают ига на аристократов и богатых, но только себя от их ига избавить хотят»⁵³.

Однако большинство дворянских революционеров не считало революционные взрывы естественными и неизбежными в развитии общества. Симпатии к эволюционному пути развития общества были связаны у этой группы декабристов с боязнью крестьянской революции. «Перевороты снизу от народа опасны»⁵⁴, — убеждал товарищей Батеньков. Только в кругу Пестеля и Общества Соединённых Славян понимали, что револю-

⁴⁸ Н. Тургенев. Россия и русские. Т. II, стр. 106. М. 1907. А. Корнилович рекомендовал при рассмотрении каждого исторического источника выяснять, кем, при каких обстоятельствах, для какой цели данный документ составлен (А. Корнилович. Возражения на ответ Г. Наумова. Журнал «Сын Отечества» за 1823 г., ч. 87, стр. 127—131).

⁴⁹ Н. Тургенев. Дневники. Т. II, стр. 49. Птгр. 1924.

⁵⁰ В. Кюхельбекер. Дневник, стр. 139—140; «Памяти декабристов». Т. II, стр. 218; ср. А. Мицкевич. Соч. Т. IV, стр. 85. СПб. 1902; М. Погодин. Н. Карамзин, ч. II, стр. 199—203. М. 1866.

⁵¹ А. Бестужев. Соч. Т. IV, ч. XI, стр. 175—176; А. Поджио. Записки декабриста, стр. 44. М.-Л. 1930.

⁵² А. Поджио. Указ. соч., стр. 44.

⁵³ П. Пестель. Русская Правда, стр. 212—213. СПб. 1906.

⁵⁴ М. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 164. Киев. 1906.

ции — не дело случая или каприза, а необходимое явление в развитии общества⁵⁵.

Хотя впоследствии, в долгие зимние вечера сибирской ссылки, декабристы дружно и охотно распевали «Марсельезу», но далеко не все они сочувствовали принципам французской буржуазной революции. Дворянские революционеры боялись якобинства. Всеобщим возмущением встретили члены Союза Спасения фразу Пестеля: «Франция блаженствовала под управлением Комитета Общественного Спасения»⁵⁶.

Несмотря на свою идеологическую ограниченность, отдельные декабристы смогли подняться до первых представлений о классах и классовой борьбе. Слишком явственны были общественные противоречия, слишком свежи были воспоминания о Пугачёве, чтобы не признать социальной розни, которая в их время всё более неотвратимо влекла закрепощённые массы на борьбу с помещичьим строем. Однако нужно было немало смелости, чтобы провозгласить эту истину на том «вулкане», который, по выражению А. Бестужева, представляла Россия и который, по общему убеждению декабристов, постоянно грозил дворянству «кровавой революцией» и гибелью⁵⁷. Всё же некоторые дворянские революционеры признали эту истину.

Не умея ещё правильно объяснить происхождение классов, они открыли в современном обществе «ненависть одного класса к другому»⁵⁸, нашли, что история движется борьбой народа с его угнетателями⁵⁹.

П. Пестель, В. Раевский, А. Поджио и другие декабристы начали понимать, что Россией управляют помещики — «класс народа, присвоивший себе право на праздность»⁶⁰, что благие намерения у помещиков появляются лишь в моменты страха перед крестьянскими восстаниями и что уступки помещичьего правительства рождаются лишь «из потоков крови» крепостных⁶¹.

Многозначительны слова А. Поджио: «Мы врагов искали среди нас»⁶². Наиболее радикальные декабристы ненавидели дворянство и предрекали его позорную гибель⁶³. Очевидно, левое крыло тайного общества было вполне готово принять вывод П. Пестеля: «Главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристократиями всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанных»⁶⁴.

Однако, готовясь к политическому и социальному перевороту, декабристы рассматривали свои интересы как интересы общенациональные. Они охотнее говорили о единстве классов, чем об их розни⁶⁵. Вместе

⁵⁵ А. Поджио. Записки декабриста, стр. 80—81, 83; П. Бейсов. Новое о Раевском. «Пушкинский сборник», стр. 249. Ульяновск. 1949; ср. Н. Павлов-Сильванский. Соч. Т. II, стр. 277. СПб. 1910.

⁵⁶ А. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом, 1805—1850, стр. 160. СПб. 1882.

⁵⁷ Сборник «Из писем и показаний декабристов». Под ред. А. К. Бороздина, стр. 36; СПб. 1906; П. Бейсов. Новое о Раевском, стр. 249; В. Штейнгель. Записки. «Общественное движение в начале XIX в.». Т. I, стр. 413 и др.

⁵⁸ Н. Тургенев. Опыт теории налогов, стр. 21. М. 1937 (первое издание появилось в 1818 г.).

⁵⁹ Ср. А. Бестужев. Соч. Т. IV, ч. XI, стр. 184—185.

⁶⁰ П. Бейсов. Новое о Раевском, стр. 249; А. Поджио. Записки декабриста, стр. 20.

⁶¹ Н. Тургенев. Дневники. Т. III, стр. 234; ср. стр. 51, 62 и др., а также А. Поджио. Записки декабриста, стр. 55.

⁶² М. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 198.

⁶³ П. Бейсов. Новое о Раевском, стр. 249; И. Горбачевский. Записки и письма, стр. 260. М. 1925; Н. Тургенев. Дневники, т. III, стр. 14. С. Г. Волконский питал такую ненависть к дворянству, что она «сделала бы честь любому республиканцу 93 года». (Сборник «Декабристы на поселении». Из архива Якушкиных, стр. 51. Л. 1926).

⁶⁴ ВД, т. IV, стр. 91.

⁶⁵ Сборник «Воспоминания деятелей 1820-х гг.», ч. I, стр. 135; Н. Бестужев. Статьи, стр. 94. «Русская старина» за 1825 г., стр. 54.

с тем ограниченность и узость их идеалов не подлежат сомнению. «Классы общества не разделены никакой непроходимой преградой — этого достаточно, чтобы переносить угнетение одних другими»⁶⁶, — писал Лунин.

Наиболее пытливые и любознательные из декабристов уже в юности стали задумываться над вопросом, можно ли удовлетворительно истолковать тот хаос, которым представлялся в ту пору весь исторический процесс, можно ли объяснить ход человеческой истории такими же общими законами, какими астрономия объясняет движение небесных светил⁶⁷. Трудно было отыскать в те времена эти общие законы. Слишком многое мешало успеху этих поисков. На философии истории наиболее отсталых декабристов лежала печать идеализма, а иногда и самого вульгарного христианского провиденциализма. Н. С. Бобрищев-Пушкин ещё слепо верил в то, что всё делается на свете, «как бог велит, который сам располагает происшествиями мира и которому никто из людей ни указать, ни воспротивиться не в силах»⁶⁸.

Надо признать, что, сознавая неудовлетворительность идеалистического объяснения истории, некоторые декабристы сделали уже первые попытки найти материальные причины для её объяснения. Источник и определяющий фактор развития общества они стали искать в нуждах и потребностях людей, в условиях материальной жизни общества. Но они только пытались иногда уйти со старой дороги идеализма. В целом же декабристы продолжали оставаться идеалистами в истории и конечными, определяющими факторами развития общества обычно считали просвещение⁶⁹, «общее мнение»⁷⁰, «дух времени»⁷¹ и т. д.

Серьёзное влияние на исторические взгляды некоторых декабристов оказало их атеистическое мировоззрение. А. П. Барятинский гордо отвечал на известный афоризм Вольтера («Если бы бог не существовал, его следовало бы выдумать»): «Если бы бог даже существовал, его надо было бы отвергнуть»⁷². В споре с идеалистом Н. С. Бобрищевым-Пушкиным, верившим в сверхъестественное происхождение речи, А. П. Барятинский утверждал, что люди сами создали свой язык⁷³. В. И. Штейнгель догадывался также, что источником религиозных суеверий был страх первобытных людей перед стихийными силами природы⁷⁴.

За 10 лет до Буше де Перта⁷⁵ Ф. Н. Глинка отверг рутинные взгляды, ограничивавшие человеческую историю эпохой существования письменных памятников. Открыв «древний землекаменный быт» в Тверской губернии (верхневолжский неолит), он указал, что никакое предание не может истолковать его происхождение. В отличие от французского учёного Ф. Глинка совершенно отвергал библейские предания о потопе, считая, что на русской равнине некогда было «настоящее море»⁷⁶.

⁶⁶ М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 26; ср. П. Пестель. Русская Правда, стр. 214.

⁶⁷ Д. Завалишин. Опыт объяснения истории человечества. Газета «Русское дело» № 5 за 1886 год.

⁶⁸ М. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 287.

⁶⁹ М. Фонвизин. Записка декабриста, 1823 г. Журнал «Голос минувшего» № 10 за 1916 г., стр. 153.

⁷⁰ Ср. ВД. Т. I, стр. 444; К. Рылеев. Соч., стр. 417—418. М.-Л. 1934.

⁷¹ Н. Тургенев. Опыт теории налогов, стр. 6.

⁷² Н. Павлов-Сильванский. Материалисты 20-х годов. Соч. Т. II, стр. 260. СПб. 1910.

⁷³ А. Беляев. Воспоминания декабриста, стр. 228—229.

⁷⁴ В. Штейнгель. Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месячного исчисления, стр. 6. СПб. 1819.

⁷⁵ В. Равдоникас. История первобытного общества, ч. I, стр. 42. Л. 1939.

⁷⁶ Ф. Глинка. Мои заметки о признаках древнего быта в камнях, найденных в тверской Карелии, в Бежецком уезде. «Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских». Т. I, кн. 2, стр. 13, 27. М. 1837.

Поиски материальных причин общественных явлений и идей не всегда были удачны. Многие декабристы (Рылеев, Фонвизин и другие) ошибочно считали, что географическое положение страны (величина территории) оказывает определяющее влияние на её политический строй. Однако с их доводами не соглашались Пестель и Поджио⁷⁷. Лунин замечал, что географические условия могут влиять не на политический строй, а лишь на экономическую жизнь страны.

Особое внимание на экономику обращали Н. Бестужев и Н. Муравьёв. Н. Муравьёв считал, что «хозяйство всегда имело влияние» на развитие общества. Отвергнув обычные тогда представления о внешних причинах падения Рима, он указал, что «причины его бедствий находятся в нём самом»⁷⁸. Такими причинами он считал неравномерное распределение богатств, непомерный рост паразитического населения, чудовищное развитие рабства.

О значении социальных и экономических основ жизни общества писали также Лунин и Якушкин. «Заниматься политическим устройством государства прежде, чем обеспечить социальное могущество, — это венчать здание, у которого нет фундамента»⁸¹, — предупреждал первый из них, понимая, что прогнивший общественный строй России и крепостничество не только тормозят развитие страны, но и угрожают своим дальнейшим существованием её независимости⁸².

«Кажется, нельзя сомневаться, — писал Якушкин, — что распределение земельной собственности у каждого народа определяет более, нежели что-нибудь, и образ общественного существования этого народа»⁸³. Догадка Якушкина осталась только догадкой, не более. Декабрист был ещё очень далёк от открытия материалистического понимания истории.

Трудно переоценить все эти попытки найти новую основу для истолкования общественно-исторического процесса. Наблюдения декабристов были подчас довольно точны, но наивность их рассуждений становится очевидной, если вспомнить, что, признавая решающую роль некоторых экономических и социальных условий жизни общества, они не включали, однако, в эти понятия ни способов производства, ни классовой борьбы.

Дворянские революционеры не смогли подняться до якобинского пафоса в борьбе с феодальным обществом. Но их трезвый критический ум, их гуманизм позволили им увидеть растущие противоречия ещё молодого буржуазного общества на Западе. Они признали вместе с Радищевым и Пушкиным, что господство буржуазии не принесло народу свободы. Они воочию убедились, что «возникшие вслед за «победой разума» политические и общественные учреждения оказались самой злой, самой отрезвляющей карикатурой на блестящие обещания философов XVIII века»⁸⁵.

П. Пестель, Н. Бестужев, И. Якушкин и другие возмущались мальтузианством⁸⁶ и смело разоблачали лживую и продажную буржуазную «демократию». Пестель считал английских капиталистов («аристокрацию богатств») главной препоной национального благоденствия. Он понимал также, что та или иная группа богачей всегда имеет решающее влияние

⁷⁷ М. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 197—198; П. Пестель. Русская Правда, стр. 211—212.

⁷⁸ Н. Дружинин. Н. Муравьёв, стр. 102, 110.

⁸¹ М. Лунин. Взгляд на польские дела. Сборник «Декабристы на каторге и в ссылке», стр. 279. М. 1925.

⁸² Ср. письмо М. Ф. Орлова Д. П. Бутурлину. Сборник «Декабристы и их время». Т. I, стр. 202; М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 50; Н. Дружинин. Н. Муравьёв, стр. 82; М. Фонвизин. Обзорение проявлений политической жизни в России, стр. 109—110; Н. Тургенев. Опыт теории налогов, стр. 129.

⁸³ Сборник «Декабристы». Летописи Государственного литературного музея, кн. 3, стр. 428. М. 1938.

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 260.

⁸⁶ Н. Бестужев. Статьи, стр. 147, 165; «Декабристы». Летописи, кн. 3, стр. 404; Н. Тургенев. Россия и русские. Т. II, стр. 58.

на народ, основываясь «не на общем мнении, но на золоте и серебре, посредством коих подавляет общее мнение»⁸⁷.

В замечательном трактате «О свободе торговли и промышленности», законченном в 1831 г., Н. Бестужев ярко набросал «блестящие краски богатства и нищеты» Англии. Он увидел печальные для разорённых масс результаты промышленного переворота, убедился в том, что скопление богатств в немногих руках ведёт промышленность от периодов расцвета к периодам упадка, кризиса⁸⁸.

Почти все декабристы вначале, а более умеренные и потом, исповедовали убеждение в благотворности парламентарного строя, в благотворном влиянии парламентской оппозиции на «свободу» нации. Однако в левом крыле тайного общества появились сомнения в справедливости буржуазной «демократии», стали мелькать мысли о необходимости реальных гарантий прав, рекламируемых в буржуазных конституциях.

Даже сравнительно умеренный Н. Тургенев писал в 1826 г., что в Англии «все выгоды только для высших и просвещённых классов», ибо все судьи подкупны и не существует элементарной справедливости⁸⁹.

Ещё более суровой была оценка буржуазного строя Н. Бестужевым. «Если общество, назначая только буквою закона равенство прав,— писал он,— будет наказывать только явные грабежи и насилия, тогда закон представляет слабое обеспечение для граждан от притеснения монополий»⁹⁰. Н. Бестужев отважился вскрыть антинародную сущность британского парламентаризма, показал, как это сделал ещё до 1825 г. Н. Крюков, враждебную интересам народа политику кабинета, идущего на поводу у блока представленных в парламенте имущих классов⁹¹.

Ещё А. Н. Радищев отказывался назвать молодую американскую республику «блаженною страной», ибо там «сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надёжного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова»⁹². Декабристы также сумели оценить по справедливости американскую «свободу». В своих «Воспоминаниях» А. П. Беляев признавался, говоря о начале 1820-х годов: «Мы тогда ещё не подозревали, что идеалы наши — гордые республиканцы — способны идеально набивать карман за счёт великого отечества и пользоваться своею законодательною властью для прикрытия самых нечестных проделок, акционерных и других»⁹³. Но ещё лет за пятьдесят до появления «Записок» Беляева Н. Бестужеву было ясно, что «гордые республиканцы» после войны за независимость думали только о своих личных выгодах, что и в Америке постепенно развивалась нищета и что страна оказалась около 1830 г. в тисках экономического кризиса⁹⁴.

Как и Радищев, декабристы не могли примириться с расистским варварством заокеанских рабовладельцев. Суровую отповедь демагогии американских линчевателей дал Лунин. «Признав торжественно равенство людей перед законом, как основное начало их конституции,— писал он в одном из своих «Писем из Сибири»,— они виселищею доказывают противное и приводят оттенки цвета в оправдание злодейств, оскорбляющих человечество»⁹⁵.

⁸⁷ ВД. Т. IV, стр. 91.

⁸⁸ Н. Бестужев. Статьи, стр. 111.

⁸⁹ Цит. по Е. Тарасову. Декабрист Н. Тургенев в александровскую эпоху. «Известия Самарского государственного университета», вып. I и 4, 1918 и 1923, стр. 394. Ср. осуждение «свободы» новейших государств в дневнике Н. И. Тургенева в 1816 г. (Н. Тургенев. Дневники. Т. III, стр. 99, 114).

⁹⁰ Н. Бестужев. Статьи, стр. 147, 165.

⁹¹ Там же, стр. 96—100, 111; см. В. Тарасова. К вопросу о социально-политических взглядах Н. А. Крюкова. «Труды Марийского Государственного Педагогического института». Т. VIII, стр. 88. 1950.

⁹² А. Радищев. Соч. Т. I, стр. 317.

⁹³ А. Беляев. Воспоминания, стр. 163.

⁹⁴ Н. Бестужев. Статьи, стр. 165.

⁹⁵ М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 49.

Медленно и неравномерно изживали декабристы веру в казавшийся им первоначально идеальным буржуазный строй. Наиболее передовые из них — П. Пестель, Н. Бестужев, Н. Тургенев, Н. Крюков — уже около 1825 г. смогли убедиться в иллюзорности «свобод» капиталистического общества.

Интересны мысли декабристов по поводу роли идей, личности и народа в истории.

«Политические идеи, — писал Лунин, — в постоянном развитии своём имеют три вида. Сперва являются как отвлечения и гнездятся в некоторых головах и книгах; потом становятся народной мыслью и переливаются в разговорах, наконец, делаются народным чувством, требуют неперменного удовлетворения, и, встречая сопротивление, разрешаются революциями»⁹⁷.

Лунин гордился тем, что и в Сибири он продолжал борьбу, что единственным его оружием была мысль. Но николаевское правительство боялось этого оружия — зовущих к бою призывов политического каторжника — и постаралось убить смелого революционера, переслав его в суровый Акатуй. Спустя десять лет в «Полярной звезде» Герцена пророчески звучали слова Лунина: «От людей можно отделаться, но от их идей нельзя»⁹⁸. Великое освободительное дело, за которое выступили герои 14 декабря, не померкло вместе с ними. «Их дело не пропало, — указывал В. И. Ленин. — Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию»⁹⁹.

Опыт 1812 года учил дворянских революционеров, что не герои или полководцы, даже не армия, а народ выступает в решающие моменты вершителем судеб родины¹⁰⁰. Декабристы имели мужество признать, хотя бы на словах, выдающееся значение масс. «Дух народный — неперменное условие всех коренных переворотов»¹⁰¹, — писал Лунин. «С народом всё можно, без народа ничего нельзя»¹⁰², — полагал близкий к П. Пестелю Н. Крюков. Не князя, а народ освободил Русь от татарского ига, писал М. Лунин¹⁰³. Великие люди, указывал А. Поджио¹⁰⁴, выносятся на плечах народа. Их деятельность, утверждал К. Рылеев, только тогда имеет смысл, когда она соответствует времени. Великий подвиг Брута был бесполезен, ибо он не отвечал этому требованию, признавал обожавший тираноборца поэт¹⁰⁵.

Признание заслуг народа перед отечеством и чувство уважения к нему, столь характерное для многих деятелей тайных обществ, не могли быть у них ни глубокими, ни последовательными. Они всегда опасались исторической инициативы масс, инициативы, которую так ценили Радищев и революционеры-демократы. Считая себя вождями революции, многие из них (в том числе Рылеев) надеялись осуществить её силами двух — трёх полков¹⁰⁶. Готовые признать важную роль масс в прошлом, революционные офицеры, за исключением «славян», зачастую боялись довериться даже своим солдатам и совершенно чуждались крепостного люда. Поэтому они и были так легко и быстро разбиты. Их действительное отношение к массам просто и коротко выразил Ленин: «Страшно далеки они от народа»¹⁰⁷.

⁹⁷ М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 14.

⁹⁸ Там же, стр. 66.

⁹⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 14.

¹⁰⁰ Н. Тургенев. Дневники. Т. III, стр. 58.

¹⁰¹ М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 79.

¹⁰² Н. Павлов-Сильванский. Соч. Т. II, стр. 277.

¹⁰³ М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 79.

¹⁰⁴ А. Поджио. Записки декабриста, стр. 42.

¹⁰⁵ К. Рылеев. Сочинения, стр. 417—418.

¹⁰⁶ ВД. Т. I, стр. 92, 98.

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 14.

Декабристы выступили против дворянской историографии, служившей царю и помещикам, потребовав создания истории, нужной народу. В ответ на льстивое посвящение Карамзиным своей «Истории» царю («История народа принадлежит царю») ¹⁰⁸ Н. Муравьев и Н. Тургенев провозгласили: «История народа принадлежит народу и никому более! Смешно дарить ею царей» ¹⁰⁹.

В самое сердце разили дворянскую историографию проникнутые сочувствием к простому люду слова Н. Бестужева в его трактате «О свободе торговли»: «До сих пор история писала только о царях и героях; политика принимала в рассуждение выгоды одних кабинетов; науки государственные относились только к управлению и умножению финансов, но о народе, о его нуждах, его счастья или бедствиях мы ничего не ведали, и потому наружный блеск дворов мы принимали за истинное счастье государств, обширность торговли, богатство купечества и банков за благосостояние целого народа; но ныне требуют иных сведений. Нынешний только век понял, что сила государств составляет из народа, что его благоденствие есть богатство государственное и что без его благоденствия богатство и пышность других сословий есть только язва, влекущая за собою общественное расстройство» ¹¹⁰.

Совершенно незнакомо и чуждо для дворянской историографии было то серьёзное внимание к экономическому развитию нации, которое характерно для некоторых статей Н. Бестужева, А. Корниловича ¹¹¹ и других. «Историк не может быть историком, ежели он не имеет хороших сведений о политической экономии» ¹¹² — к такому выводу пришёл ещё в 1819 г. М. Орлов.

Борьба с реакционерами, часто ссылавшимися на мнимые исторические традиции («Записка о древней и новой России» Карамзина), приучила декабристов осторожно и критически оценивать не только факты современности, но и факты истории. Постепенно для декабристов стали очевидными и политическая подоплёка античной комедии, и мирские симпатии русского летописца ¹¹³, и грубый шовинизм Тьера, и «бессовестное хвастовство» Мишле ¹¹⁴. С редким единодушием историки-революционеры осудили тенденциозность Карамзина в крестьянском вопросе. «В стране, где писатели и читатели дворяне, и следовательно, рабовладельцы, — ибо народ совсем не читает, — как же ожидать от историка, чтобы он сказал правду о рабстве?» ¹¹⁵ — восклицал Н. Тургенев.

Убедившись в том, что вся дворянская литература сохраняет отпечаток «феодальной умонаклонности» её авторов ¹¹⁶, молодые историки поняли, что происхождение крепостничества будет затемняться и искажаться до тех пор, пока «историю пишут не крестьяне, а помещики» ¹¹⁷, у которых голос совести заглушается «звуком металла, рабством доставляемого» ¹¹⁸. «Историю всегда портят, изменяют

¹⁰⁸ М. Погодин. Н. М. Карамзин. Ч. II, стр. 198.

¹⁰⁹ Н. Тургенев. Дневники. Т. III, стр. 114—115; ср. М. Погодин. Н. М. Карамзин. Ч. II, стр. 198.

¹¹⁰ Н. Бестужев. Статьи и письма, стр. 93.

¹¹¹ А. Корнилович. Известие об успехах промышленности в России. «Северный архив», ч. 5. 1823. Н. Бестужев. О свободе торговли и промышленности (в книге Н. Бестужев. Статьи и письма. М. 1933).

¹¹² «Декабристы и их время». Т. I, стр. 201.

¹¹³ А. Бестужев. Соч. Т. IV, ч. XI, стр. 63; ср. М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 78.

¹¹⁴ «Декабристы». Летопись, кн. 3, стр. 427, 403.

¹¹⁵ Н. Тургенев. Россия и русские. Т. II, стр. 106.

¹¹⁶ А. Бестужев. Соч. Т. IV, ч. XI, стр. 156.

¹¹⁷ Н. Тургенев. Записка 1819 года. Сборник исторических материалов, извлечённых из архива собственной его и. в. канцелярии. Вып. 4, стр. 444. СПб. 1891. (Разрядка моя. — С. В.)

¹¹⁸ М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 48.

и перевёртывают» — к такому неутешительному выводу о дворянском характере всей предшествующей историографии пришёл Н. Тургенев.

Открытие декабристами классовой тенденциозности дворянских писателей при решении вопроса о крепостничестве было ещё одним достижением на пути к отказу от идеалистического воззрения на общество, воззрения, которое, как указывал Энгельс, не только «не знало никакой классовой борьбы, основанной на материальных интересах», но и вообще «не признавало этих интересов»¹¹⁹.

Представления дворянских революционеров об истории были решительным шагом вперёд по сравнению с реакционными концепциями дворянских историков, против которых они вели непрерывную борьбу. Они были не согласны почти со всеми, в том числе и с философскими, мнениями Карамзина. Передовой молодёжи претили монархические и крепостнические убеждения историографа, безнадёжно устарелым казался его провиденциализм, вызвала отвращение слащавая чувствительность. В отличие от косных, метафизических воззрений дворянских писателей на развитие общества у молодых историков, следовавших за Радищевым, наблюдались первые проблески диалектики. Декабристы не были послушными учениками буржуазно-просветительной философии XVIII в., как это утверждалось вплоть до самого последнего времени советскими исследователями. Безоговорочное утверждение, что декабристы будто бы разделяли тезис «миром правят мнения», уже потому неверно, что в отличие от просветителей декабристы осознали необходимость революционного изменения действительности и в соответствии с этим выступили с оружием в руках против самого принципа монархии. Наивному пренебрежению к значению исторических знаний, столь характерному для французской философии XVIII в., декабристы противопоставляли присущий буржуазным историкам начала XIX в. историзм.

С Радищевым, а не с французскими просветителями роднят декабристов и попытки найти материальные причины движения общества. Идеалистическому и метафизическому подходу просветителей к общественным явлениям с точки зрения «человеческой природы», «вечной справедливости» или другой какой-либо предвзятой идеи декабристы противопоставили попытки рассмотреть общество, историю, исходя из их внутреннего движения и закономерностей.

Воззрения декабристов находились уже на той стадии развития общественной науки, когда впервые начал отвергаться старый, идеалистический взгляд на историю.

Декабристы подошли к плодотворной идее классовой борьбы одновременно с Гизо, Тьерри и Минье и независимо от них, но в сравнении с последними они обладали более передовым мировоззрением. Французские историки начала XIX в. были трусливыми либералами и апологетами буржуазии, историки-декабристы были смелыми революционерами, которые вступили в единоборство с дряхлым феодальным строем и сумели подметить социальную несправедливость молодого буржуазного строя.

Глубоко оптимистическая вера в поступательность хода истории, в неодолимость сил прогресса также выгодно отличает общественно-исторические взгляды русских революционеров от фатализма и пессимизма французских буржуазных историков эпохи реставрации. Однако в силу классовой ограниченности декабристы не могли сделать вывод о том, что «вечные принципы» частной собственности и эксплуатации человека человеком в действительности не вечны и преходящи¹²¹.

¹¹⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 26.

¹²¹ Н. Дружинин. Н. Муравьёв, стр. 108; ср. П. Пестель. Русская Правда, стр. 214.

В поисках исторической закономерности русские революционеры делали первые робкие, неуверенные, часто ложные шаги. Малы были ещё крупницы стихийно осознанных ими истин. Даже эти небольшие крупницы материализма и диалектики они не сумели, да и не могли спаять воедино, чтобы творчески их использовать, создать новые, уже научные, теорию и метод исторического исследования. Не их вина, что они не смогли этого сделать. Как и мыслители XVIII в., о которых говорит Энгельс, они «не могли выйти за пределы, которые ставила им тогдашняя эпоха»¹²².

Проблески наивной диалектики и стихийного материализма в социальном учении Радищева и декабристов были развиты далее революционными демократами.

По своим общественно-историческим и философским взглядам декабристы явились законными преемниками Радищева и достойными предшественниками великих русских революционеров-демократов 40—60-х годов. Особенно это относится к их воззрению на отечественную историю.

Пламенная любовь к родине и чувство уважения к русскому народу в полной мере проявились в исторических трудах декабристов. Лучшие люди из дворян, они были ненавистниками распространённого тогда в дворянстве «космополитизма, убивающего всякое благородное чувство отечественности, народности»¹²³.

«Русский барин, — писал А. Бестужев, — пил кумыс с ханами Золотой Орды, носил контуш при самозванце, одетый же в мундир, он грудью полез в немцы». С царствования Екатерины II этот барин привык жить «парижскими обносками и объедками»¹²⁴. Своевременность гневного сарказма А. Бестужева не подлежит сомнению.

«Из всех гражданских зол всего опасней, злей
Для духа нации есть чуждым подражанье», —

предупреждал Раевский¹²⁵. В. Штейнгель и Ф. Глинка полагали, что в 1812 г. решению Наполеона воевать с Россией способствовали донесения его шпионов «о совершенном порабощении россиян всему французскому», о возможности безнаказанно в самой России глумиться над всем русским и даже славословить непобедимость Наполеона¹²⁶.

Именно в 1812 г. будущие революционеры начали убеждаться в искренности народного патриотизма и в лицемерном по отношению к родине чувстве многих дворян. Карамзин, который при взятии Москвы готов был на мир и на уступки Наполеону, не был в этом отношении исключением¹²⁷. На вопрос Александра I о настроениях народа его флигель-адъютант, будущий декабрист С. Г. Волконский, отвечал: «Каждый крестьянин — герой!». «А дворянство?» — спросил царь. «Государь! — воскликнул Волконский, — стыжусь, что принадлежу к нему — было много слов, а на деле ничего»¹²⁸.

Декабристы гордились своей самоотверженной службой в грозную годину Отечественной войны, гордились тем, что не были в числе со-

¹²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 18.

¹²³ Письма А. Бестужева к Н. А. и К. А. Полевым. «Русский вестник», т. 32 за 1861 г., стр. 296.

¹²⁴ А. Бестужев. Соч. Т. IV, ч. XI, стр. 192.

¹²⁵ П. Бейсов. Новое о Раевском, стр. 329.

¹²⁶ В. Штейнгель. Записки касательно составления и самого похода спб ополчения против врагов отечества в 1812 и 1813 годах, ч. I, стр. 8—9. СПб. 1814; Ф. Глинка. Письма русского офицера, стр. 201.

¹²⁷ П. Вяземский. Соч. Т. VII, стр. 183—184. СПб. 1872; М. Погодин. Н. М. Карамзин, ч. 2, стр. 103.

¹²⁸ С. Волконский. Записки, стр. 193. СПб. 1901.

мневавшихся в победе¹²⁹. Офицеры-дворяне, они решились признать, что именно народ явился спасителем России, что Наполеон ошибся, пренебрегая патриотическим настроением русских крестьян¹³⁰. М. и Н. Бестужевы восхищались в особенности беспредельной любовью к родине никогда не знавших неволи солдат с диких берегов Лены, которые, будучи в армии, «с восторгом вспоминали о своей стороне и предпочитали её всем берегам Рейна и Сены, виденным ими во время походов 1812 года»¹³¹.

Отличительной особенностью патриотизма декабристов была жгучая ненависть ко всему, что угнетало и душило Россию. Любовь к родине в их глазах неразрывно связывалась с подвигом в борьбе за её освобождение. Заканчивая своё «Рассуждение о рабстве крестьян», В. Ф. Раевский восклицал: «Патриотизм, сей светильник жизни гражданской, сия таинственная сила, управляет мною. Могу ли видеть порабощение народа, моих сограждан, печальные ризы сынов отчизны, всеобщий ропот, боязнь и слёзы слабых, бурное негодование и ожесточение сильных — и не сострадать им?.. Я не унижу себя, я не буду слабым бездушным рабом, — или с презрением да произносят имя моё ближние!..»¹³².

Патриотизм декабристов был неразрывно связан с чувством глубокого уважения к русскому народу, к его историческим заслугам. Они не могли мириться с «гнусными рассуждениями о простом народе русском» Карамзина и других столпов дворянской мысли¹³³. Все они желали видеть свободным «русский народ, первый в свете по славе и по могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного, наконец, по радушию, мягкосердию, остроумию и непамятозлобью»¹³⁴. А. Бестужев старался показать глубокое отличие чистого родника народной культуры от грязного источника наносной культуры его эксплуататоров. Смелый публицист показывал, что народ, который дворяне водили на ошейниках, будто гончих, и который они ценили часто ниже гончих, презирал своих владельцев и ничего не заимствовал от них и оттого «до сих пор сохранил свою поступь, поговорку, свой обычай, облик, свой оригинальный характер»¹³⁵.

Н. Бестужев с гордостью выяснял, что в технических достижениях «русские во многих случаях опережали других европейцев», что «с незапамятных времён» есть на Руси артезианские колодцы, что нам бесспорно принадлежит первенство в постройке подводных судов и т. д.¹³⁶.

Передовые офицеры не терпели умаления военных подвигов Александра Невского, Суворова, Кутузова. Они гордились всемирно-историческими заслугами русского народа, спасшего Европу от ига татар и от Наполеона.

Представители передовой общественной мысли России, декабристы в своих исторических разысканиях в полной мере отразили рост национального самосознания после Отечественной войны 1812 года. Они по-новому прочитали и начальные страницы русской истории.

Вслед за Радищевым декабристы считали основной чертой национального быта славян демократическое, вечевое правление. Пережиток этого вечевого строя они видели в сохранившихся ещё сельских общинах — «маленьких республиках», по выражению Каховского¹³⁷. Разви-

¹²⁹ Письмо Орлова к Бутурлину. «Декабристы и их время». Т. I, стр. 203.

¹³⁰ Ф. Глинка. Письма русского офицера, стр. 201; И. Якушкин. Записки, стр. 11; М. Фонвизин. Записка 1823 года, стр. 140.

¹³¹ Юбилейный сборник «Бунт декабристов», стр. 366. Л. 1926.

¹³² П. Бейсов. Новое о Раевском, стр. 252.

¹³³ Н. Тургенев. Дневники. Т. III, стр. 221.

¹³⁴ Показание В. К. Кюхельбекера. ВД. Т. II, стр. 166.

¹³⁵ А. Бестужев. Соч. Т. IV, ч. XI, стр. 183, 213.

¹³⁶ Н. Бестужев. Статьи и письма, стр. 256—257.

¹³⁷ Сборник «Из писем и показаний декабристов», стр. 17. СПб. 1906.

тие русского народа происходило в борьбе общинной вечевой свободы с норманскими завоевателями, с мертвящим деспотизмом княжеской и самодержавной власти, с произволом и насилием бояр и помещиков.

Продолжая традиции Ломоносова и Радищева, революционеры-патриоты выступили против господствовавшей в начале XIX в., распространённой усилиями Шлецера и Карамзина норманской «теории». С пропагандой образа Вадима — смелого борца с варягами — выступил в начале 20-х годов «первый декабрист» — В. Ф. Раевский¹³⁸. Этим сюжетом заинтересовались Пушкин и Рылеев, но их творческие замыслы, к сожалению, остались незавершёнными.

Для декабристов в общем было ясно ничтожное значение утвердившейся в Новгороде при помощи насилия норманской династии. Ни единым словом не упомянул о варягах в своём очерке о происхождении древней Руси Сухоруков¹³⁹. Самую возможность культуртрегерской миссии варягов оспаривали и другие историки-патриоты. В идейном содружестве с польским демократом И. Лелевелем они справедливо указывали, что по своему образованию и быту оседлые русские племена находились на более высокой стадии развития, чем морские бродяги — викинги¹⁴⁰. Н. Бестужев отверг выдумку норманистов о том, что русские лишь от скандинавов научились мореходству, показав, что корабли русских дружин ещё до норманнов ходили по Чёрному морю к Византии¹⁴¹.

Особенно замечательна была критика норманизма Луниным¹⁴². Допустив в качестве предположения подлинность предания о варягах, Лунин рисовал их разбойниками, которые в 859 г. безуспешно пытались обложить славян данью, но в результате двухлетней борьбы были изгнаны. Лунин не верил в установление власти Рюрика «с общего согласия граждан», на чём настаивал Карамзин¹⁴³. Отважный революционер не допускал мысли о добровольном подданстве народа своим врагам. Он полагал, что единственной причиной, по какой славяне могли пригласить «авантюриста Рюрика и его шайку», было желание при помощи наёмного войска обезопасить свои границы. В таком случае варяги могли только посредством вероломства завладеть всем краем. Ещё вероятнее, по мысли Лунина, было их утверждение на Руси после второго, на этот раз удачного нападения. Лунин подчёркивал, что Рюрику было нелегко покорить Русь даже коварством и насилием, что против него боролись древляне, полочане, радимичи и другие русские племена¹⁴⁴.

Не ограничиваясь этими предположениями, Лунин, едва ли не первый в русской исторической литературе, попытался совершенно отвергнуть легенду о призвании и вскрыть политические корни норманизма. Вместе с сомнением в достоверности свидетельства монаха, писавшего в XI в., он сумел показать, для каких целей «добрый инок» «обновил одну из сказок».

Легенда эта была нужна потомкам Рюрика, писал Лунин, чтобы склонить умы на свою сторону и придать законность своему влады-

¹³⁸ См. сборник «Поэты-декабристы», стр. 244. Л. 1949. (Библиотека поэта, малая серия, 2-е изд.).

¹³⁹ Ср. В. Сухоруков. Историческое описание Войска Донского. Прибавление к газете «Донской вестник», стр. III—IV. 1867.

¹⁴⁰ А. Корнилович. Известие об успехах промышленности в России, стр. 38—39; И. Лелевель. Рассмотрение «Истории» Карамзина, «Северный архив», ч. 9, стр. 165—169. 1824. Резкую критику Лелевелем Карамзина одобряли и А. Бестужев (Соч. Т. IV, ч. XI, стр. 117) и А. Муравьев («Северный архив», ч. 5, стр. 98—99).

¹⁴¹ Н. Бестужев. Рассказы, стр. 169—170.

¹⁴² М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 78.

¹⁴³ Н. Карамзин. История Государства Российского. Т. I, стб. 67. 5-е изд. СПб. 1842—1843.

¹⁴⁴ М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 79; П. Бейсов. Новое о Раевском, стр. 330.

честву. Декабрист сумел сделать вывод и применительно к «Истории» Карамзина: «Однакожь, сказку о добровольном подданстве многие подерживают и в наше время для выгод правительства, которое всегда ищет опоры в мнении народном»¹⁴⁵.

Русь, подчёркивали декабристы, оставалась верной своей стихии и при норманских князьях. Фонвизин писал, что «общинные или муниципальные учреждения и вольности были в древней России во всей силе, когда ещё Западная Европа оставалась под игом феодализма»¹⁴⁶. Декабристы видели вечевое управление не только в Новгороде и Пскове, но и в Киеве, Владимире, Москве¹⁴⁷ и других городах. Благодаря этим вольностям Русь намного опережала Запад. По сравнению с златоглавым Киевом Париж и Лондон выглядели глухими захолустьями. «В то время, как варварство помрачало Европу и одни схоластические споры занимали западных христиан,— писал А. Корнилович,— Платон, Аристотель, Геродот, Фукидид, Гомер, Пиндар находили почитателей на Востоке»¹⁴⁸.

Декабристы в некоторой степени идеализировали древнюю Русь, они не видели в ней, в частности, крепостничества. Общественное значение этой идеализации станет понятным, если вспомнить рассуждения дворянских историков об извечном безземелии крестьян древней Руси, о якобы существовавшей тогда обязанности одних дворян и князей ходить на войну и об обязанности крестьян взамен этого нести феодальные повинности. Подобные представления о древней Руси делали сущность феодализма совершенно непостижимой для дворянских революционеров. Главным атрибутом феодализма они считали раздробленность государства. Зло раздробленности происходило от «размножения князей Рюрикова дома»¹⁴⁹ и «ложной политики» Владимира I¹⁵⁰.

Декабристы понимали, какой вред приносили культуре и национальному самосознанию русского народа междоусобия¹⁵¹. Именно на князей «норманского поколения», которые при бедствиях отечества заботились только о себе, декабристы возлагали ответственность за поражение Руси монголами¹⁵².

Признавая, что для русской культуры монгольское иго представляло страшное несчастье, Н. Муравьёв напоминал и о всемирно-историческом значении самоотверженного отпора, который русский народ оказал татарским полчищам. Русский народ, говорил Н. Муравьёв, «был избран оплотом Европы против кочующих народов»¹⁵³. Декабристы отмечали, что татары не всюду сумели уничтожить общинный быт русских городов, что в «душную ночь их власти» в Новгороде и Пскове не меркло пламя свободы и тлели искры просвещения¹⁵⁴. Именно там, по представлению В. Кюхельбекера, начались попытки борьбы за освобождение Руси¹⁵⁵.

¹⁴⁵ М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 78—79, 23. (Разрядка моя. — С. В.).

¹⁴⁶ М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 3—4.

¹⁴⁷ Там же, стр. 2, 4—5.

¹⁴⁸ А. Корнилович. Известие об успехах промышленности в России, стр. 39; ср. «Наливайко» К. Рылеева (Сборник «Поэты-декабристы», стр. 110.).

¹⁴⁹ ВД. Т. I, стр. 322.

¹⁵⁰ Н. Бестужев. Рассказы, стр. 174; М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 79—80.

¹⁵¹ А. Корнилович. Известие об успехах промышленности в России, стр. 40; М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 79.

¹⁵² ВД. Т. I, стр. 322; М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 5; М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 79.

¹⁵³ Н. Дружинин. Н. Муравьёв, стр. 102.

¹⁵⁴ А. Бестужев. Соч. Т. IV, ч. XI, стр. 207, 136; М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 5; М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 79 и др.

¹⁵⁵ В. Кюхельбекер. Рогдаевы псы. Соч. Т. I, стр. 32. Л. 1939.

«Наиболее яркий цветок средневековья,— по выражению Маркса,— свободные города»¹⁵⁶ были излюбленным сюжетом поэзии и политических споров 20-х годов. Маркс указывал, что идеологи буржуазии в эпоху революционных кризисов «заботливо вызывают к себе на помощь духов прошедшего, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюм и в освященном древностью наряде, на чуждом языке разыгрывают новый акт всемирной истории». Так, французы в годы своей буржуазной революции «в римском костюме и с римскими фразами осуществили дело своего времени,— они освободили от феодальных уз и возвели здание современного буржуазного общества». Маркс выяснил причины этого, на первый взгляд, необычного явления. Эта символика скрывала неизбежную узость целей буржуазной революции. «В классически строгих преданиях римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии»¹⁵⁷.

Указанное наблюдение Маркса находит подтверждение и в мировоззрении декабристов. Уступая якобинцам в революционности почти по всем коренным вопросам, декабристы обладали тем достоинством, что в поисках подобной символики обратились не к античной истории, а к родной, русской. Совместно с Пушкиным, а также Веневитиновым, Языковым и другими менее известными поэтами они создали величественную и обаятельную легенду о древнерусской свободе.

Ни в «Марфе Посаднице», ни в «Истории» Карамзину не удалось развеять миф, создававшийся в передовой общественной среде вокруг древнего Новгорода. Молодёжь восторгалась вечевым колоколом, не обращая внимания на выводы историка. В устах декабристов память о глубокой древности приобретала боевой, революционный смысл. Вечевой Новгород становился как бы знаменем и символом борьбы с самодержавием. В новгородском одеянии, от имени новгородского веча, со страниц своей повести «Роман и Ольга», опубликованной в «Полярной звезде» за 1823 г. (разрешённой к печати даже неумолимым цензором Бируковым), А. Бестужев мог смело агитировать за «народовластие». Рылеев предлагал просто повесить вечевой колокол и восстановить Великий Новгород¹⁵⁸. Если декабристы и не оставили фундаментального исторического труда о Новгороде (его мечтал написать А. Бестужев), то созданная ими яркая легенда о вечевом городе воплотилась отчасти в революционной поэзии Рылеева, Кюхельбекера, Одоевского, Раевского¹⁵⁹. Отзвуки этой легенды в виде терминов «народное вече», «посадники», «тысяцкие» вошли в конституционные проекты М. А. Дмитриева-Мамонова, Н. М. Муравьёва и, наконец, П. И. Пестеля.

Представления декабристов о Новгороде охватывают довольно широкий круг вопросов. А. А. Бестужев показывал значение Новгорода для сохранения просвещения во время «душной ночи татарского ига» и его роль в обороне России от западных хищников¹⁶⁰. А. О. Корнилович обращал внимание на литейное, пороховое, кожевенное и другие ремёсла, которые процветали в Новгороде в XIV—XV веках¹⁶¹. Н. А. Чижев упоминал о давних походах новгородцев на Новую землю¹⁶². М. А. Фонвизин под-

¹⁵⁶ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 720. Госполитиздат. 1949.

¹⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 324.

¹⁵⁸ М. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 163.

¹⁵⁹ Остались потерянными стихи о новгородцах М. Бестужева. См. сборник «Воспоминания Бестужевых», стр. 291. Пгг. 1917.

¹⁶⁰ А. Бестужев. Соч. Т. IV, ч. XI, стр. 207.

¹⁶¹ А. Корнилович. Известие об успехах промышленности в России, стр. 42—44.

¹⁶² Н. Чижев. О Новой земле, стр. 169. «Сын Отечества» № 4 за 1823 год.

робно останавливался на описании государственной власти в Новгороде. «Вече действовало на всей своей воле», — цитирует он летопись. Все начальники и владыки были выборными, а князья, призываемые и сменяемые вечем, были только исполнителями его решений¹⁶³. Это положение было прямо противоположно тезису дворянской и последующей буржуазной историографии о том, что новгородцы не могли обходиться без князя. В то время, как Карамзин в суде веча видел один «бунт» и «крамолу», А. Бестужев считал одинаково правомочными «самосуд — вече в Новгороде и примерный суд с его присяжными, с объездными судьями, с поединками, с Русскою Правдою»¹⁶⁴. Ещё более преувеличивая демократизм веча в своей повести «Роман и Ольга», А. Бестужев сообщал о существовании какого-то более никому не известного «старинного закона», запрещавшего посадникам и тысяцким присутствовать на вечах, «дабы уничтожить влияние власти»¹⁶⁵.

Во имя утверждения авторитета древнерусской республики декабристы решительно не хотели видеть в Новгороде классовой борьбы. А. Бестужев рассказывал, что там будто бы «простой или чёрный народ пользовался одинаковыми правами с прочими сословиями»¹⁶⁶.

Преувеличивая степень новгородской «вольности», независимости и самостоятельности, декабристы (Н. Муравьев и Н. Тургенев) не сумели правильно оценить включение Новгорода в состав Русского централизованного государства. Только Н. Бестужев считал, что Новгород составлял особенное государство всё же «в недрах России»¹⁶⁷. В проникновенных стихах, большая часть которых увидела свет лишь в 1922 г., оплакивал падение Новгорода и Пскова А. И. Одоевский¹⁶⁸.

Новгородская тема была одной из самых ярких в политической агитации декабристов. Постоянно подчёркивая, что «мысль о народодержавии не чужда была в России», Н. Муравьев и другие приходили к важному выводу о том, что «сим опровергается ни на чём не основанное мнение, что русский народ не способен, подобно другим, сам распоряжаться своими делами»¹⁶⁹.

Воспоминания о вечевом строе не умирают в общественной мысли с разгромом декабристов: они связаны с именами петрашевцев (Ханыков) и воплощаются, наконец, в знаменитых изданиях Герцена — «Общем вече» и «Колоколе».

На исторических взглядах дворянских революционеров отразилась их резко враждебная по отношению к самодержавию политическая позиция. Декабристы разоблачали апологетическую по отношению к самодержавию позицию дворянской историографии, но, не зная законов общественного развития, они не смогли правильно оценить место самодержавия в истории Русского государства. Хотя они раньше других историков увидели, что русская монархия XVI или XVII в. не была похожа на монархию XVIII в., но в общем они не понимали, что на определённом этапе московские князья играли прогрессивную роль, ибо стремились освободить Русь от татарского ига и сплотить её для защиты от других врагов. Выступая против абсолютизма и бюрократии военно-феодальной монархии XIX в., дворянские революционеры недооценивали значение объединения Руси XV—XVI вв. в единое государство с единым руководством, не поня-

¹⁶³ М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 4—5; см. П. Щёголев. Декабристы, стр. 236. М.-Л. 1926.

¹⁶⁴ А. Бестужев. Соч. Т. IV, ч. XI, стр. 213.

¹⁶⁵ Там же. Т. III, ч. VII, стр. 167.

¹⁶⁶ Там же, стр. 161.

¹⁶⁷ Н. Бестужев. Рассказы и повести старого моряка, стр. 175. М. 1860.

¹⁶⁸ А. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. М.-Л. 1934 («Зосима», «Неведомая страница», «Послы Пскова» и др.).

¹⁶⁹ Н. Муравьев. Примечания к разбору Доклада Следственной Комиссии. «Библиотека декабристов», вып. 5, стр. XIV. М. 1907; М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 3.

ли и тех внешних и внутренних причин, которые обусловили и ускорили образование Русского централизованного государства.

Московское государство было глубоко антипатично Н. Муравьеву¹⁷¹. Корнилович же полагал, что Москва стала усиливаться не только благодаря личному влиянию её князей, но и вследствие её выгодного географического положения¹⁷². Значительно глубже оценивал централизацию государства Н. Тургенев, который видел в царствовании Ивана III «счастливую эпоху для независимости и внешнего величия России, благодетельную даже для России, по причине уничтожения уделов»¹⁷³. Ещё пронзательнее был Лунин, который увидел решающую роль народа в освободительной борьбе того времени. «Не слабостью монголов и не происками князей освободилась Россия,— писал он.— Крайность бед, достигнув высшей степени, пробудила дух народный, без которого не совершается коренных переворотов»¹⁷⁴.

Гораздо строже, чем Ивана III, судили декабристы его внука, Ивана IV. Враждебность суждений молодых революционеров об Иване Грозном следует объяснить прежде всего тем, что на его примере можно было гласным образом и в почти незавуалированной форме строго осуждать произвол самодержавия вообще. Декабристы подтверждали своё отношение к Ивану Грозному авторитетом вышедшего в 1821 г. IX тома «Истории» Карамзина, который, по выражению Штейнгеля, был «феномен небывалый в России... смелыми, резкими чертами изобразивший все ужасы неограниченного самовластия и одного из великих царей открыто наименовавший тираном»¹⁷⁵. Успех этого тома превзошёл ожидания самого Карамзина. Не согласные с Карамзиным, казалось бы, ни в одном пункте, многие лично знакомые ему молодые люди стали его союзниками в порицании «гроз самодержавия». Девятый том «Истории» раскупался нарасхват. Им восхищались К. Рылеев, А. Бестужев, В. Кюхельбекер. По замечанию одного из современников, «в Петербурге от того такая пустота на улицах, что все углублены в царствование Иоанна Грозного»¹⁷⁶.

Произведение Карамзина, таким образом, стало в руках революционеров столь же острым оружием, как тираноборческие стихи Пушкина и гневная сатира Рылеева «К временщику». Не следует поэтому удивляться тёмным краскам, которыми рисуют декабристы портрет грозного царя. Легко понять, что чёрные тени падали не столько на личность Ивана Грозного, сколько на самый принцип самодержавия¹⁷⁷.

Нельзя сказать, чтобы в среде декабристов не было попыток рассматривать мероприятия Ивана IV иначе, чем их рассматривал Карамзин¹⁷⁸. Сухоруков, например, одобрял разумную политику Ивана IV в отношении казачества в Сибири и не соглашался с безоговорочным очернением его правосудия¹⁷⁹.

Н. Бестужев признавал пользу, которую принесло России завоевание Казани и Астрахани. А. Корнилович, в свою очередь, отмечал заботы Ивана IV о развитии промышленности. Н. Муравьев отметил, что именно этот грозный самодержец не только созвал первые земские соборы, но и предоставил им право утверждать законоположения и решать

¹⁷¹ Н. Дружинин. Н. Муравьев, стр. 101.

¹⁷² Журнал «Сын Отечества» за 1823 г., ч. 87, стр. 134.

¹⁷³ Н. Тургенев. Дневники. Т. III, стр. 123; ср. А. Бестужев. Соч. Т. IV, ч. XI, стр. 214.

¹⁷⁴ М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 79.

¹⁷⁵ Сборник «Из писем и показаний декабристов», стр. 67.

¹⁷⁶ Н. Лорер. Записки декабриста, стр. 67.

¹⁷⁷ К. Рылеев. Соч., стр. 154—155. М.-Л. 1934; М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 80.

¹⁷⁸ В. Кюхельбекер. Дневники, стр. 138.

¹⁷⁹ В. Сухоруков. Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 91. Только Белинский сумел по-новому оценить историческую роль Ивана IV.

вопрос о войне¹⁸⁰. Н. Бестужев и А. Корнилович обращали внимание на то, что «Иван Грозный более прилагал стараний, нежели все его предшественники, к образованию народа»¹⁸¹. Взгляды передовой молодёжи, как видим, разительно отличались от принципов государственного историографа, который одобрял Ивана III за то, что, излишне не просвещая россиян, тот предоставлял воспитание нравственности вере и духовенству, и хвалил Ивана IV за то, что он «не основал Академий»¹⁸².

Вряд ли кого-либо из революционеров мог убедить протест Карамзина против «самовольных управ народа» и осуждение историографом москвичей-патриотов, восставших против Лжедмитрия¹⁸³. Для декабристов была совершенно очевидной правомерность восстания против «благословенного» Александра I. Ещё более справедливой им казалась борьба их предков с самозванным Дмитрием, ставленником польских интервентов. В повести «Гедеон» А. Бестужев, как бы предвосхищая пушкинского «Бориса Годунова», показал продажность вельмож и вынужденное признание самозванца народом¹⁸⁴. Для Бестужева и других декабристов Лжедмитрий был «злодей, обagrённый кровью», восшествие на престол которого ознаменовалось неистовствами польских и шведских захватчиков¹⁸⁵.

Дворянские революционеры обратили внимание и на такие факты политической жизни русского государства, которые до того в историографии либо не принимались серьёзно в расчёт либо просто замалчивались. Декабристы первые указали на то немаловажное значение, какое в XVI—XVII вв. играли Боярская дума, земские соборы, выборность царей и их крестоцеловальные записи. Осуждая самодержавие, революционеры стремились подчеркнуть недавнее происхождение абсолютизма и показать несправедливость представлений о московских царях как об абсолютных монархах. Н. Муравьёв напоминал, что московские государи «признавали право народа участвовать в законодательстве»¹⁸⁶.

Идеализация роли сословного представительства была характерна и для других декабристов. Если Фонвизин сравнивал земские соборы с французскими генеральными штатами или английским парламентом¹⁸⁷, то А. Поджио утверждал, что в Москве «стояла изба, куда стекались избранные от всех городов, от всей земли русской и решали в Земской думе, чему быть»¹⁸⁸. Правительство совещалось с ними о важнейших государственных делах, включая право избрания царя¹⁸⁹.

Замечание Н. Муравьёва о том, что в своё время «Романовы не имели других прав, кроме воли народной»¹⁹⁰, получило актуальнейшее значение в дни междоусобицы. Именно как своё право на избрание нового царя расценивали этот исторический прецедент многие декабристы накануне восстания.

М. А. Фонвизин был вынужден, однако, признать, что земские соборы были лишь «слабым выражением народной самостоятельности» и что

¹⁸⁰ Н. Муравьёв. Примечания к разбору Донесения Следственной Комиссии, стр. XIV.

¹⁸¹ Н. Бестужев. Рассказы и повести старого моряка, стр. 177. М. 1860; А. Корнилович. Известие об успехах промышленности в России, стр. 45.

¹⁸² Н. Карамзин. История Государства Российского. Т. VI, стб. 51; ср. стб. 216; т. IX, стб. 261.

¹⁸³ Там же. Т. XI, стб. 164, 172—173, 145.

¹⁸⁴ А. Бестужев. Соч. Т. IV, ч. X, стр. 151.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Н. Муравьёв. Примечания к разбору Донесения Следственной Комиссии, стр. XIV.

¹⁸⁷ М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 9.

¹⁸⁸ А. Поджио. Записки декабриста, стр. 32.

¹⁸⁹ М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 6—7; письмо Каховского к Николаю I. Сборник «Из писем и показаний декабристов», стр. 11.

¹⁹⁰ Н. Муравьёв. Примечания к разбору Донесения Следственной Комиссии, стр. XVI.

нельзя расценивать тогдашнюю форму государственного правления как правильную систему представительства¹⁹¹.

Декабристы, как и Радищев, были страстными противниками крепостного права. Дух патриотизма, пробуждённый войной 1812 г., рост крестьянского движения, признаки серьёзного кризиса помещичьего хозяйства всё жёстче сталкивали прогрессивно настроенных дворян с русской действительностью.

Лучшие представители дворян не могли, конечно, примириться с тенденциозностью Карамзина в крестьянском вопросе. Декабристы опровергли выдумку Карамзина о якобы добровольном закреплении крестьян. Они были достаточно проницательны, чтобы, вместе с Пушкиным, возложить вину за порабощение крестьян на «барство дикое», на помещиков и князей, которые злоупотреблениями и «насильственной лозой» «не только позволили возникнуть крепостной зависимости, но даже были виновниками её»¹⁹².

Декабристы отвергли признание правомерности крепостничества на основании изданного будто бы в 1592 г. узаконения. М. Лунин и Н. Тургенев напоминали, что закон, на который так часто ссылались дворянские историки, по какой-то «странной случайности» не дошёл до них¹⁹³. Всё же они признавали, что правительство принимало какое-то участие в утверждении возникшего при помощи насилия обычая¹⁹⁴. По-радищевски звучат слова из Записки А. Н. Муравьёва 1818 г. о претензиях дворян на законность их прав на личность крепостных: «Законное право (!!!) пользоваться чем же? землями и трудами своих крестьян и располагать их участью. Ежели это право законное, что же беззаконное?»¹⁹⁵.

Отвергнув «законность» крепостничества, дворянские революционеры, однако, не смогли столь же радикально отвергнуть помещичьи притязания на монополию землевладения. Отрицание частью декабристов свободного крестьянского землевладения¹⁹⁶, распространённого в дофеодальной Руси, было шагом назад по сравнению со взглядами Радищева¹⁹⁷.

Идеологи класса помещиков усиленно распространяли мысль о прирождённой склонности русских крестьян к бродяжничеству как одному из важных препятствий к их освобождению. Это утверждение стало затем нерушимым фетишем дворянско-буржуазной историографии и было разбито лишь советской исторической наукой. Этот довод был одним из тех, которые Ленин называл насмешкой над крестьянами, попыткой «сохранить обманом господство над ними»¹⁹⁸.

Резко восстал против этого предвзятого взгляда дворянской историографии М. Ф. Орлов, предвосхитивший суждения по этому вопросу Н. Г. Чернышевского¹⁹⁹. По своей собственной инициативе народ не разбегался бы по степям Заволжья и Сибири, доказывал он, а, напротив, стекался бы к центру промышленности и торговли. Крестьян же потому стали закреплять, что они «в переселении искали освобождения от

¹⁹¹ М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 9.

¹⁹² Н. Тургенев. Записка 1819 г., стр. 444; М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 3—4.

¹⁹³ М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 47; Н. Тургенев. Россия и русские. Т. II, стр. 58.

¹⁹⁴ А. Розен. Записки декабриста, стр. 364. СПб. 1907; Н. Тургенев. Дневники. Т. III, стр. 65.

¹⁹⁵ А. Муравьёв. Записка 1818 г., стр. 44; ср. А. Радищев. Соч. Т. I, стр. 234.

¹⁹⁶ Ср. А. Розен. Записки декабриста, стр. 367, 362; Н. Тургенев. Россия и русские. Т. II, стр. 58, 116—117.

¹⁹⁷ А. Радищев. Соч. Т. I, стр. 315. М.-Л. 1938.

¹⁹⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 458.

¹⁹⁹ Н. Чернышевский. Соч. Т. II, стр. 402—403. М. 1949.

несносного ига»²⁰⁰. Орлов считал, что нужно было бы «обуздать мудрыми законами не переселение людей, а самовластие помещиков»²⁰¹.

В противовес защите крепостничества и суровому осуждению беглых со стороны дворянских историков один из потомков этих беглых, а в декабристское время казачий офицер В. Д. Сухоруков создал идеализированную историю казачьего общества на Дону.

Карамзин объяснял появление казаков на Дону скоплением там людей, склонных к бродяжничеству и «искавших дикой вольности и добычи»²⁰³. В. Сухоруков указывал на другую причину: крестьяне укрывались в донских степях, «избегая притеснений, кои претерпевали от владельцев своих»²⁰⁴. Казачество рассматривалось им как общество «отдельное, живущее и действующее совсем не так, как живут и действуют в России»²⁰⁵. Он сравнивал казаков с «вольными новгородцами»²⁰⁶.

Не замечая классового различия верховых и низовых казаков, Сухоруков видел их отличие только в старшинстве. Такая точка зрения способствовала значительному приукрашиванию духа товарищества, братства и равенства в казачьем обществе²⁰⁷. Сухоруков характеризовал правление на Дону как «народное в полном смысле этого слова и самое простое»²⁰⁸. Лишь затронув историю казачества XVIII в., он был вынужден заметить, что к этому времени казачья старшина, пользуясь своим богатством, присвоила право распоряжаться всеми делами²⁰⁹.

Не все декабристы смогли в должной степени объективно оценить крестьянское движение против феодального гнёта, которое дворянскими историками либо замалчивалось либо рисовалось как анархия и бессмысленный бунт. Для барона Штейнгеля крестьянская война Пугачёва была «отвергательным эпизодом из царствования Екатерины II». Штейнгель удивлялся, что Пушкин «выдал из-под своего пера отдельную историю о сущем злодее»²¹⁰.

Мнение Штейнгеля не было, разумеется, господствующим. Многие декабристы начали понимать причины выступления крепостных и оправдывали эти выступления²¹¹. А. Поджио полагал, что «пугачёвы вызываются тем общественным строем, в котором вырабатываются все подобные личности». Конечно, он разумел крепостной строй²¹². Именно гнёт крепостничества был, согласно утверждениям В. Сухорукова и Н. Тургенева, причиной всех крестьянских восстаний²¹³. В «Историческом описании Земли Войска Донского» Сухоруков около 70 страниц

²⁰⁰ «Декабристы и их время». Т. I, стр. 201, 203—204.

²⁰¹ Там же.

²⁰³ Н. Карамзин. История Государства Российского. Т. VIII, стб. 86, 180—181.

²⁰⁴ В. Сухоруков. Историческое описание Земли Войска Донского. Приведение к газете «Донской вестник» за 1867 год.

²⁰⁵ Цит. по А. Линину. Историк Войска Донского В. Д. Сухоруков и А. С. Пушкин. «Пушкин. Статьи, исследования, библиография», стр. 85. Ростов н/Д. 1937.

²⁰⁶ Ср. А. Пушкин. Соч. Т. VIII, стр. 149, 279. Изд. АН СССР. М.-Л. 1949.

²⁰⁷ В. Сухоруков. «О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия». Журнал «Соревнователь просвещения», ч. 26, стр. 188. 1824; ср. В. Сухоруков. Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 102—103.

²⁰⁸ В. Сухоруков. Записка о достопримечательностях Донской области. «Северный архив». 1825, ч. 17, стр. 189. Бывшие сотрудники В. Сухорукова в «Историческом описании» изменили смысл этой последней фразы, очевидно, показавшейся им «слишком резкой». «Народное» они заменили на «общественное»; ср. В. Сухоруков. Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 102.

²⁰⁹ В. Сухоруков. Записка о достопримечательностях Донской области, стр. 590.

²¹⁰ В. Штейнгель. Записки. «Общественное движение». Т. I, стр. 423—424.

²¹¹ А. Поджио. Записки декабриста, стр. 82.

²¹² Там же, стр. 81.

²¹³ Н. Тургенев. Россия и русские. Т. II, стр. 59; ср. И. Попов. К биографии В. Сухорукова. «Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета». Вып. I, стр. 30. Новочеркасск. 1903.

посвятил крестьянской войне. Это был подвиг, если учесть требования цензуры того времени, подобный подвигу А. С. Пушкина, написавшего песни о Разине (1826 г.) и особенно «Историю Пугачёва» (1833 г.). Сухоруков подробно описал простоту обращения Разина, его популярность в народе, привёл слова прокламации с призывом истребить господ, рассказал, с каким восторгом астраханцы встретили крестьянского вождя²¹⁴. Столь сочувственное отношение историка к крестьянскому движению явилось одной из причин того, что труд Сухорукова, над которым он перестал работать в 1827 г., увидел свет лишь в 1867 году.

Иначе, чем Штейнгель, отнеслись к Пугачёву и «южане». Недаром они высоко оценивали «Историю Пугачёва» Пушкина — «прекрасную работу, восхитившую всех»²¹⁵. Понимая, как «дики» и «невыработаны» были стремления народа к лучшему будущему, А. Поджио защищал Пугачёва от дворянского обвинения в кровожадности. Если Пугачёв и стал свирепствовать, объяснял Поджио, то «его разбоям предшествовали разбои дикой власти». Подобно Радищеву, включившему в число великих людей С. Разина, А. Поджио высоко оценил историческую роль Пугачёва²¹⁶. «Пугачёв! Можно ли притти с обычным презрением к этой великой исторической личности и не остановиться и грустно и задумчиво над этим гражданином-разбойником?» Гражданский подвиг Пугачёва А. Поджио видел в том, что он хотел освободить не только себя, но и миллионы своих братьев-рабов²¹⁷.

Не следует, однако, преувеличивать значение этих рассуждений. Декабристы намеренно отстранялись от революционного движения в деревне, в армии, в военных поселениях. Они обходили это движение, чтобы, по словам того же А. Поджио, «не ввергать общество в неминуемые смуты»²¹⁸.

Демократические выводы смогли сделать только очень немногие. Среди них В. Ф. Раевский, который открыто признал в начале 20-х годов, что крестьянам нечего ждать от дворянства, «погрязшего в роскоши, в разврате, в бездействии и самовласти», ибо оно «с ужасом смотрит на необходимость потерять тираническое владычество». Напоминая, что «миллионы скрывают своё отчаяние до первой искры», он предвещал русскому дворянству позорную гибель²¹⁹.

Особое внимание обратили декабристы на деятельность Петра I. «Какое сердце не бьётся восторгом при имени Великого!»²²⁰, — восклицал А. Бестужев. «Общее сочувствие», по воспоминаниям Оболенского²²¹, имели статьи А. Корниловича по истории петровского времени. Однако в характеристике и оценке Петра у декабристов не было единодушия.

А. Корнилович расписывал Петра чуть ли не сказочным Гарун аль-Рашидом: «Часто видели его на улицах, идущего под руку с частным фабрикантом или иноземным матросом; иногда бродящим в толпе, прислушиваясь к молве народной»²²². Интерес к личности этого «действительно великого человека»²²³ был легко объясним. Патриотов, задумавших преобразование государства, привлекал образ смелого реформатора, укреплявшего государство, несмотря ни на какие трудности. У многих

²¹⁴ В. Сухоруков. Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 404—405.

²¹⁵ М. Волконская. Записки, стр. 36. Л. 1924.

²¹⁶ А. Поджио. Записки декабриста, стр. 55, 80—81; ср. А. Радищев. Соч. Т. I, стр. 178; т. II, стр. 128.

²¹⁷ А. Поджио. Записки декабриста, стр. 80.

²¹⁸ Там же, стр. 55.

²¹⁹ В. Базанов. В. Раевский, стр. 108—109. М.-Л. 1949.

²²⁰ А. Бестужев. Торжественное заседание Академии Российской. Журнал «Соревнователь просвещения», ч. 13, стр. 307—309. 1821.

²²¹ Е. Оболенский. Воспоминания. Сборник «Общественные движения в России в первую половину XIX века». Т. I, стр. 236.

²²² Альманах «Русская старина», стр. 20. 1825; ср. стр. 27.

²²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 3, стр. 12.

декабристов, среди которых можно назвать Батенькова, ещё жила надежда на повторное появление такого царя, которое сделало бы ненужным революционный заговор²²⁴. Некоторые гордились славной службой своих предков императору²²⁵.

. Оценивая по достоинству заслуги царя-преобразователя, декабристы в то же время понимали, что не по его волшебному велению преобразовалась Россия, что Пётр вовсе не извлёк Россию из «мёртвого состояния неподвижности»²²⁶. М. Орлов и А. Бестужев настойчиво подчёркивали органическую связь петровских реформ с успехами «великого политика» — царя Алексея Михайловича²²⁷. Для А. Корниловича было совершенно ясно, что «XVII век в истории нашего отечества едва ли не столь же важен, как более блестящий XVIII»²²⁸.

А. Поджио видел и другую силу, обеспечившую успех преобразований. Он заявлял, что Пётр был вынесен «судьбой на плечах народных»²²⁹. Отказываясь признать внезапность и неподготовленность реформ Петра, деятели передовой общественной мысли 20-х годов намного опередили официальную историографию, которая лишь через 30 лет (С. М. Соловьёв) подошла к такому пониманию вопроса.

Признавая своевременность некоторых административных реформ, например, «Табели о рангах», декабристы, тем не менее, считали, что слава преобразований Петра в этой области вообще очень сомнительна. Не улучшилось управление²³⁰, не укрепилось правосудие²³¹. «Пётр слышит законодателем России, но где же законы?»²³² — спрашивал Н. Муравьёв. «В 1826 г. русская земля находилась относительно законодательства точно в таком же положении, как и в 1700»²³³, — напоминал Лунин.

Ещё более сурово относились историки-патриоты к антипатриотическим тенденциям Петра. Но не под знаменем защиты патриархальной «неиспорченности» допетровского крестьянства, как это делали Карамзин, Рунин и другие дворянские писатели, ратовали декабристы за старинные отечественные обычаи²³⁴. М. Орлов проклинал мракобесов, которые покушались на жизнь Петра и «бунтовали стрельцов в Москве, как бунтуют янычары в Царьграде»²³⁵. Ход петровских преобразований довольно метко определил Штейнгель: «Перенимая науки и вообще всё полезное, не приметно стали перенимать мелочные обыкновения, бесполезное и, наконец, даже вредное»²³⁶.

²²⁴ Альманах «Русские Пропилеи». Т. II, стр. 96. 1916; «Воспоминания деятелей 1820-х годов». Т. II, стр. 103.

²²⁵ Альманах «Русская старина», стр. 39—40. 1825; журнал «Русская старина». Т. 60, стр. 584. 1888.

²²⁶ М. Фонвизин. Обзорение проявлений политической жизни в России, стр. 15.

²²⁷ Сборник «Декабристы и их время». Т. I, стр. 201, 204; А. Корнилович. Известия об успехах промышленности в России, стр. 37, 52—58; А. Бестужев. Соч. Т. IV, ч. XI, стр. 137.

²²⁸ Сборник «Декабристы и их время». Т. II, стр. 336.

²²⁹ А. Поджио. Записки декабриста, стр. 41.

²³⁰ М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 12.

²³¹ Н. Тургенев. Дневники. Т. II, стр. 262.

²³² Н. Муравьёв. Примечания к разбору Донесения Следственной Комиссии, стр. XXIII.

²³³ М. Лунин. Сочинения и письма, стр. 35.

²³⁴ Н. Карамзин. Записка о древней и новой России. Приложение к книге А. Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I», стр. 489, 492. СПб. 1908. 4-е изд.; Р. Рунин. Из записок. «Русская старина» № 5 за 1905 г., стр. 389.

²³⁵ М. Орлов. Речь в Киевском отделении Библейского общества. Сборник Русского исторического общества. Т. 78, стр. 524. СПб. 1891.

²³⁶ В. Штейнгель. Записки касательно составления и самого похода спб ополчения... Ч. I, стр. 6; ср. А. Поджио. Записки декабриста, стр. 38.

Декабристы не понимали, разумеется, классовой сущности петровских преобразований, но всё же некоторые из них выступили в защиту народных масс, против петровских методов проведения реформ.

М. Фонвизин и Н. Тургенев считали, что целью Петра было не «благосостояние народа», а лишь развитие «исполинского могущества своей империи»²³⁹. А. Поджио писал, что Пётр любил Россию не как сын отечества, а как её хозяин. А. Поджио сравнивал его с помещиком: «Он, как вотчину, точно любил Россию, но не терпел, не выносил и, что ещё более, не уважал собственно русских»²⁴⁰. М. Фонвизин был вынужден согласиться с Карамзиным, что «пытки и казни служили средством нашего славного преобразователя»²⁴¹. «Сколько пало народу!» — восклицал А. Поджио, говоря об успехах мероприятий Петра²⁴². Оценивая результаты реформ, М. Фонвизин спрашивал: «Русский народ сделался ли от того счастливее?» — и сам отвечал, что «бесправное большинство — простолюдины» — осталось в тех же курных избах и в том же бедственном положении, что и до Петра. Фонвизин обличал «деспота», который не только ничего не сделал для освобождения крепостных, но, поверстав их в первую ревизию наравне с полными кабальными, ещё «усугубил тяготевшее над ними рабство»²⁴³.

Ввиду того, что правительство тщательно скрывало все сведения о народных движениях, декабристам осталась почти неизвестной активная борьба масс с помещичьим строем при Петре I. Однако они хотели, основываясь на имевшихся у них далеко не полных сведениях, показать и революционную борьбу с Петром I, показать, что при «просвещённом» деспоте не утихла борьба с деспотизмом. В. Сухоруков косвенно оправдывал Астраханское и Булавинское восстания²⁴⁴. К. Рылеев, не имевший материалов по этому вопросу, был вынужден использовать для этой цели образ изменника Мазепы, хотя сам понимал гнусность и низость убеждений гетмана²⁴⁵.

Не меньший интерес вызывала у дворянских революционеров и последующая история XVIII века. С ней они были связаны семейными преданиями. От родных они могли услышать немало подробностей о «постыдной эре женского правления и безнравственных временщиков»²⁴⁶, о дворцовых переворотах, о неосуществлённых проектах конституций. Именно история XVIII в. явилась, по признанию В. Штейнгеля, одним из источников его либеральных настроений²⁴⁷. В «Обзрении политической жизни в России» М. А. Фонвизин подробно остановился на мало известной тогда попытке верховников ограничить самодержавие при избрании на престол Анны Ивановны, на проекте конституции Н. И. Панина и других подобных проектах.

В один голос историки-патриоты осуждали «десятилетнее тиранское царствование Анны Ивановны» и губительную для России власть Бирона, который по приезде в Россию «не закняжил, а зацарствовал, и давай русских гнуть, и ломать, и замораживать целыми волостями, выводя их бо-

²³⁹ М. Фонвизин. Обозрение политической жизни в России, стр. 10, 12; Н. Тургенев. Дневники. Т. III, стр. 109, 49; А. Бестужев. Соч. Т. II, ч. VI, стр. 45.

²⁴⁰ А. Поджио. Записки декабриста, стр. 33, 35.

²⁴¹ М. Фонвизин. Обозрение политической жизни в России, стр. 11; ср. стр. 104.

²⁴² А. Поджио. Записки декабриста, стр. 32.

²⁴³ М. Фонвизин. Обозрение политической жизни в России, стр. 10, 13.

²⁴⁴ В. Сухоруков. Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 550—552.

²⁴⁵ См. К. Рылеев. Соч., стр. 416.

²⁴⁶ А. Поджио. Записки декабриста, стр. 35—36.

²⁴⁷ «Общественное движение в России». Т. I, стр. 293.

сыми ногами на мороз русский»²⁴⁸. Ненавистен декабристам был и другой немец, презиравший русский народ,— Пётр III²⁴⁹.

Безмерному славословию и восхищению Екатериной со стороны реакционеров декабристы, как и Пушкин, противопоставили ироническое и резко отрицательное осуждение почти всех её мероприятий. Н. Муравьёв и М. Фонвизин понимали действительную причину провала работы Комиссии Уложения 1767 года. Дело в том, что «более осмысленные из депутатов коснулись важных политических вопросов». Не желая строить законодательства на песке, они «упомянули о пределах власти и даровании прав крестьянскому состоянию». Тогда Екатерина II распустила Комиссию, предвидя в собрании депутатов «будущее противодействие своему неограниченному самодержавию»²⁵⁰.

Декабристы сорвали с мероприятий Екатерины демагогическую завесу «человеколюбия», показав, что она закрепила Украину и раздала фаворитам отобранные у монастырей вотчины²⁵¹.

Со слов участников заговора 11 марта 1801 г. Фонвизин нарисовал одну из наиболее точных версий убийства Павла. Он сожалел, что «вожди заговора мало заботились об упразднении в России самодержавия и о её благе»²⁵². Н. Муравьёв едва ли не первый в литературе разоблачил мнимую либеральность юного Александра I; «Из заговорщиков, желавшие только перемены государя, были награждены, искавшие прочного устройства — отдалены навек»²⁵³.

Легко объяснить интерес революционеров 20-х годов к дворцовым переворотам²⁵⁴. Они служили важным подспорьем в агитации, ибо доказывали, что в России не провидение божие, а «гвардия, как преторианцы римские, располагала трон»²⁵⁵. К. Рылеев и А. Бестужев, задумав сделать близкой солдатам идею цареубийства, составили песенку, которую, однако, не решились пустить в ход:

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.
Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят²⁵⁶.

Письма, мемуары и показания деятелей тайных обществ 20-х годов являются одним из самых важных и, во всяком случае, самых колоритных источников по истории царствования Александра I, эпохи, когда, по замечанию Ленина, «монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых»²⁵⁷. «Дети 1812 года», как называли себя декабристы²⁵⁸, первые выдвинули мысль о немедленном создании истории величественной эпопеи русского

²⁴⁸ М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 23; Н. Муравьёв. Примечания к разбору Донесения Следственной Комиссии, стр. XXII; А. Поджио. Записки декабриста, стр. 38.

²⁴⁹ М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 25.

²⁵⁰ М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 28; Н. Муравьёв. Примечания к разбору Донесения Следственной Комиссии, стр. XX; ср. А. С. Пушкин. Соч. Т. VIII, стр. 125—126.

²⁵¹ М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 29; ср. А. С. Пушкин. Соч. Т. VIII, стр. 123—125.

²⁵² М. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 37—50.

²⁵³ Н. Муравьёв. Примечания к разбору Донесения Следственной Комиссии, стр. XX.

²⁵⁴ Ср. Фонвизин. Обзорение политической жизни в России, стр. 15—16, 23—24 и сл.

²⁵⁵ Там же, стр. 13.

²⁵⁶ К. Рылеев. Соч., стр. 274.

²⁵⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 28.

²⁵⁸ В. Якушкин. М. И. Муравьёв-Апостол. «Русская старина» № 7 за 1886 г., стр. 159.

народа — борьбы с нашествием Наполеона. Ф. Глинка уже в 1815 г. написал «Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года»²⁵⁹. Этой войне посвятили сочинения и другие её участники — М. А. Фонвизин, В. И. Штейнгель, П. А. Муханов, В. С. Норов.

Ф. Глинка и В. Штейнгель требовали описания Отечественной войны из патриотического чувства тревоги за будущие судьбы родины. Они предвидели, что пройдут времена, и снова настанет для России «период решительный, подобный тому, который ныне покрыл Россию пеплом, кровью и славой»²⁶⁰.

Ф. Глинка требовал написания истории 1812 года от имени народов Европы, которые вниманием к подвигам своих освободителей — русских воинов — хотели выразить благодарность России²⁶¹. Он считал должным напомнить в этой истории патриотам, а также друзьям и особенно недругам на Западе о славных военных традициях русского народа²⁶². Предупреждая об опасности славословия несправедливой, захватнической политики царизма, М. Орлов также желал, чтобы история 1812 года явилась необходимым предостережением для всех врагов родины, чтобы она привела «в трепет всех тех, которые посмеют в пределах наших вести наступательную войну»²⁶³.

Декабристы требовали, чтобы история показала, как война опрокинула надежды Наполеона на развал и капитуляцию русского государства, как враг обманулся «в уме и духе народа»²⁶⁴. Ф. Глинка хотел видеть в истории «народной войны»²⁶⁵ не только генералов, но и слышать, «что говорят простые воины у полевых огней?»²⁶⁶.

Верные сыны отечества, декабристы опровергали жалкую версию разбитых французов о морозе как единственной причине торжества русских войск, версию, подхваченную затем дворянскими и буржуазными историками. В. С. Норов негодовал на «неосновательные речи, выдуманные завистью и врагами славы нашего оружия, что холод был причиною наших успехов!». Он напоминал, что русские побеждали французов в суровых Альпах, в умеренном климате Франции и в знойных долинах Италии не менее доблестно, чем в зимние вьюги своего отечества²⁶⁷.

П. Муханов понимал, что в войне с Наполеоном отступление было не только вынужденным, но и необходимым. Русская армия приближалась к резервам и подкреплениям, а армия Наполеона слабела, удаляясь от своих баз. П. Муханов восхищался проведённым Кутузовым параллельным преследованием отступавшей «великой армии» как выдающимся достижением военного искусства и справедливо критиковал Наполеона, считавшего оборонительную войну ниже своего гения²⁶⁸.

Очень немногим из писателей, современников Отечественной войны, удалось в своих записках правильно отразить её смысл и характер. Но

²⁵⁹ «Сын Отечества». Ч. 27, стр. 144.

²⁶⁰ Ф. Глинка. Письма русского офицера, стр. 58.

²⁶¹ Ф. Глинка. Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 г., стр. 141—142.

²⁶² Ф. Глинка. Там же, стр. 146—149; ср. Письма русского офицера, стр. 256.

²⁶³ М. Орлов. Письмо к Д. Бутурлину. «Декабристы и их время». Т. I, стр. 203.

²⁶⁴ Ф. Глинка. Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года, ч. 27, стр. 142.

²⁶⁵ Ф. Глинка. Письма русского офицера, стр. 11.

²⁶⁶ Ф. Глинка. Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года, ч. 27, стр. 146—149; В. Норов. Записки о походах 1812—1813 годов, ч. I, стр. 8. СПб. 1834.

²⁶⁷ В. Норов. Указ. соч., ч. I, стр. 134.

²⁶⁸ П. Муханов. Замечания на статью «Бой под Смоленском». «Сын Отечества», ч. 85. 1823, стр. 13—14, 16, 18 и др.; его же. Нечто о Наполеоне и Фридрихе II. «Сын Отечества», ч. 86, 1823, стр. 75; ср. В. Норов. Записки о походах 1812—1813 годов, ч. I, стр. 8.

уже в 1815 г. в «Письмах русского офицера» Ф. Глинка ярко показал народный характер Отечественной войны. В первые же дни наполеоновского вторжения Глинка записывал: «Война народная час от часу является в новом блеске. Кажется, что сгорающие сёла возжигают огонь мщения в жилах. Тысячи поселян, укрываясь в лесах и превратив серп и косу в оружие оборонительное, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражаются»²⁶⁹. Когда враг подошёл к Москве, то «простолюдины», говорил Ф. Глинка, «показали тогда такие примеры пренебрежения собственных выгод и преданности к общей пользе, которые удивляли нас только в истории»²⁷⁰.

Довольно верно оценивал факторы, которые привели Кутузова к победе, Н. Муравьёв. Вместе с талантами русских полководцев, многочисленной и хорошо обученной армией он особо отмечал патриотическое настроение всего народа. Ещё в 1816 г. он писал: «Мы признаём одну только преграду завоевателям — дух народов»²⁷¹.

Декабристы сумели опровергнуть клевету николаевского правительства, подхваченную затем либеральными историками, о наносном влиянии как причине возникновения тайных обществ. Они не согласились с самой постановкой вопроса Следственной Комиссии: «В какой книге или из каких сочинений почерпнуты были революционные идеи?». Не чтение книг и не посещение Европы вызвало революционное движение — таково было убеждение наиболее вдумчивых декабристов²⁷². Они смело признали и непрестанно подчёркивали, что побуждения к преобразованию России целиком вытекали из «данного положения государства и общества»²⁷³. «Именно 1812 год,— настаивал М. И. Муравьёв-Апостол,— а вовсе не заграничный поход, создал последующее общественное движение, которое было в своей сущности не заимствованным, не европейским, а чисто русским»²⁷⁴.

Источник свободолюбия следует искать прежде всего во всеобщем духе неудовольствия народа, говорил А. И. Борисов²⁷⁵. П. Пестель признавал, что существовал этот «дух неудовольствия совершенно независимо от тайного общества», что само тайное общество возникло по тем же причинам, которые вызвали недовольство и желание преобразований по всему государству²⁷⁶. Тайное общество, по мнению С. И. Муравьёва-Апостола, было бы невозможно, если бы революционные идеи не возникли ещё до его образования²⁷⁷.

О глубоких корнях и об исторических традициях русской революционной борьбы говорил Н. Муравьёв²⁷⁸. Непосредственными причинами своего вступления в тайное общество декабристы считали «истинно ужасное» положение крепостных²⁷⁹, «разные несправедливости и угнетения» со стороны правительства, упадок промышленности и торговли, фронтома-

²⁶⁹ Ф. Глинка. Письма русского офицера, стр. 22.

²⁷⁰ Там же, ч. 5, стр. 199.

²⁷¹ См. Н. Дружинин. Декабрист Н. Муравьёв, стр. 80—81; Н. Муравьёв. Рассуждение о жизнеописаниях Суворова, стр. 129; ср. К. Рылеев. Соч., стр. 371.

²⁷² Ср. показания П. Пестеля (ВД. Т. IV, стр. 90—91, 105); А. Поджио (Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 197—198), И. Якушкина (ВД. Т. III, стр. 44), П. Муханова (ВД. Т. III, стр. 187), И. И. Спиридова (ВД. Т. V, стр. 117); см. также М. Лунин. Соч., стр. 50.

²⁷³ Д. Завалишин. Записки декабриста, стр. 103.

²⁷⁴ В. Якушкин. М. И. Муравьёв-Апостол, стр. 156.

²⁷⁵ Показание А. Борисова I. (ВД. Т. V, стр. 85).

²⁷⁶ ВД. Т. IV, стр. 105, 89.

²⁷⁷ Цит. по М. Довнар-Запольскому. Идеалы декабристов, стр. 213.

²⁷⁸ Н. Муравьёв. Примечания к разбору Донесения Следственной Комиссии, стр. XXI.

²⁷⁹ Ср., например, показания В. Кюхельбекера, Д. Якушкина, П. Муханова, ВД. Т. II, стр. 166; Т. III, стр. 44, 180.

нию и пр. Казалось, что только в Турции могло быть хуже, чем в России²⁸⁰.

Сумев в известной мере организовать антиправительственное брожение в дворянских кругах, декабристы не были способны возглавить революционный подъём народа. Если бы они того пожелали, они не были бы одиноки на Сенатской площади. Дворянские революционеры отказались принять предложенную массами помощь. Это был знаменательный факт.

Далёкие от народа, декабристы, исключая немногих, так и не смогли понять причины своего поражения. Ничтожное меньшинство дворян было, как указывает В. И. Ленин, бессильно без поддержки народа²⁸¹. Дворянские революционеры не смогли осознать и подлинное значение своей борьбы. «Лучшие люди из дворян помогли разбудить народ»²⁸², — так оценил В. И. Ленин историческую роль декабристов.

Общественно-историческое мировоззрение декабристов ещё не было научным. Они не могли научно осмыслить русский исторический процесс. Это сделала только марксистско-ленинская историческая наука, и прежде всего её корифеи Ленин и Сталин. Следует напомнить указание В. И. Ленина, который писал, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»²⁸³. Благодаря своему революционному мировоззрению декабристы оказались на целую голову выше официальной дворянско-монархической «науки» и явились идейными преемниками Радищева. Они не только дали блестящую, всестороннюю критику феодальных традиций в историографии, но выдвигали и решали в прогрессивном духе ряд новых проблем, которых не могли решить дворянские и последующие буржуазные историки и которые окончательно были решены лишь советской исторической наукой.

Исторические труды декабристов, основанные на пытливом и самостоятельном изучении источников, имели первостепенное значение в развитии русской исторической мысли. Часто, не будучи историками-специалистами, дворянские революционеры вносили в изучение отечественной истории новые многообещающие идеи.

Их представления о вече и общинном начале у древних славян имели важнейшее значение в разработке начального периода русской истории. Они сумели вскрыть политические корни норманизма и разоблачить лживые теории дворянских писателей, направленные на оправдание крепостничества. Они первые открыли сословно-представительные учреждения русского государства XVI—XVII вв., обратили внимание на органическую связь петровского времени с предшествующим периодом. Наконец, они в общем довольно правильно оценили громадное значение Отечественной войны 1812 г. для развития национального самосознания русского народа и смогли во многом верно уловить и обрисовать причины, которые привели к революционной вспышке 14 декабря 1825 года.

Новые большие требования, которые дворянские революционеры предъявили к методам исторического исследования, были лишь частично и в совершенно недостаточном объёме воплощены ими в собственных исторических работах. Не по своей вине историки-декабристы оставили

²⁸⁰ Н. Тургенев. Дневники. Т. III, стр. 129; М. Нечкина. Общество соединённых славян, стр. 98, 104. М. 1927.

²⁸¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 294—295.

²⁸² Там же, стр. 295.

²⁸³ В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 166.

сравнительно небольшое научное наследство. Немалой заслугой их было внимание к минувшим судьбам своей родины как раз в те годы, когда они напряжённо готовились определить её настоящую судьбу, когда на первый план выдвигались задачи практической борьбы.

Самое восстание декабристов, по справедливому замечанию одного из современников, явилось критикой вооружённою рукой взглядов, исповедуемых Карамзиным в его «Истории Государства Российского».

Борьба декабристов с дворянскими историками оставила серьёзный след в развитии русской общественной мысли и русской исторической науки. Эта борьба вызвала глубокий кризис дворянской историографии, ускорив возникновение революционно-демократического мировоззрения.

Исторические воззрения декабристов прочно входят в славное революционное и культурное наследие русского народа.

РАЗГРОМ ГЕРМАНИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ *

Вальтер Ульбрихт

Уроки истории германского рабочего движения с начала периода империализма до поворотного момента в мировой истории — Октябрьской социалистической революции — и изучение влияния этой великой революции на Германию имеют важнейшее значение для современной борьбы германского народа за демократию и социализм. Теперь особенно важна для Социалистической единой партии Германии основательная разработка этих вопросов, так как большинство членов партии составляют молодые товарищи, которым не довелось участвовать в великих битвах прошлого. Велико воспитательное значение уроков прошлого и для той части рабочего класса, которая живёт в западных зонах Германии; изучение прошлого — большое подспорье в борьбе рабочих за демократию в Западной Германии.

Ниже изложено вкратце содержание большого научного труда о поражении Германии и о ноябрьской революции, написанного мной в 1939—1940 гг., после выхода в свет Краткого курса истории ВКП(б).

ЛОЖНЫЙ ПУТЬ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Какое положение сложилось на рубеже двух столетий, когда капитализм достиг своей высшей стадии — империализма? Замена свободной конкуренции монополией, обострение классовых противоречий вследствие усиления диктатуры монополистического капитала и борьба империалистических держав за передел мира означали, как учит Ленин, что «империализм есть канун социальной революции пролетариата»... и что именно вследствие неравномерности развития капитализма «происходят империалистические войны, которые ослабляют силы империализма и делают возможным прорыв фронта империализма там, где он окажется всего слабее»¹.

Ленин своевременно пришёл к выводу, что эпоха империализма есть эпоха загнивающего капитализма и, следовательно, эпоха ожесточённых классовых боёв, войн и революций. Ленин с гениальной убедительностью разъяснил авангарду рабочего класса, что настало время создать боевую революционную организацию, способную повести рабочий класс на штурм капитала. Всё своё внимание Ленин сосредоточил на создании революционной партии рабочего класса и разработал учение о партии нового типа. Он учил, что революционная партия является главным оружием рабочего класса, штабом пролетариата в его борьбе за власть.

Своей критикой Ленин оказал непосредственную помощь немецким левым социал-демократам в их борьбе против оппортунизма. Товарищ Сталин пишет об этом в своей работе «О некоторых вопросах истории большевизма»:

---

* Публикуемая статья, присланная автором для нашего журнала, печатается также теоретическим журналом Социалистической единой партии Германии — «Эйнхейт».

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 162.

«Всякий большевик знает, если он действительно большевик, что Ленин еще задолго до войны, примерно с 1903—1904 гг., когда оформилась в России группа большевиков и когда впервые дали о себе знать левые в германской социал-демократии,— вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами и у нас, в Российской социал-демократической партии, и там, во II Интернационале, в частности в германской социал-демократии. Всякий большевик знает, что именно поэтому большевики уже тогда (1903—1905 гг.) снискали себе в рядах оппортунистов II Интернационала почетную славу «раскольников» и «дезорганизаторов»².

Товарищ Сталин подчёркивал огромное международное значение учения Ленина для всех социал-демократических партий Запада, характеризуя следующим образом основные вопросы борьбы против оппортунизма в социал-демократии:

«Да, русские большевики выдвигали на первый план коренные вопросы русской революции, вроде вопросов о партии, об отношении марксистов к буржуазно-демократической революции, о союзе рабочего класса и крестьянства, о гегемонии пролетариата, о парламентской и внепарламентской борьбе, об общей забастовке, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о диктатуре пролетариата, об империализме, о самоопределении наций, об освободительном движении угнетенных наций и колоний, о политике поддержки этого движения и т. п. Они выдвигали эти вопросы как пробный камень, на котором они проверяли революционную выдержанность левых с.-д. на Западе»³.

В отличие от России, в Германии к началу эпохи империализма, на рубеже двух столетий, уже были сильные организации социал-демократической партии, профсоюзов и кооперации. Однако во всех этих организациях решающее влияние принадлежало правым оппортунистам. Социал-демократическая партия занималась исключительно избирательными кампаниями и гналась главным образом за количеством членов. Всё ставилось на карту ради увеличения числа голосов избирателей. Вся деятельность с.-д. организаций ориентировалась на завоевание максимального числа голосов на выборах и на проведение мирных реформ.

Но уже в начале XX в. стало ясно, что нельзя ограничиваться старыми парламентскими и чисто экономическими профсоюзными методами борьбы в рабочем движении, особенно в такой стране, как Германия, где крупный капитал создавал мощные концерны, а крупные помещики-феодалы сливались с империалистической буржуазией.

В стачечной борьбе ткачей в Криммичау в 1904 г. рабочим пришлось отстаивать свои права против всё возраставшего нажима союзов предпринимателей. В 1905 г. горняки Рурской области объявили всеобщую забастовку. В 1906 г. рабочие Гамбурга провели полудневную всеобщую забастовку протеста против новых ограничений избирательного права. Усилилась борьба за тарифные соглашения. Там, где рабочие обычно отмечали день 1 Мая забастовками, союзы предпринимателей отвечали на это локаутом рабочих на многих предприятиях.

Обострившиеся с наступлением эпохи империализма классовые бои настоятельно требовали создания организации, способной в новых условиях привести рабочий класс к победе. На повестку дня в Германии, как и во всех капиталистических странах, стало создание революционной партии рабочего класса.

Руководители германской социал-демократии скрывали, однако, от рабочего класса ленинское учение или преподносили его в искажённом виде. По вопросу о массовых политических стачках в Германии, постав-

² И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 351. 11-е изд.

³ Там же, стр. 356.

ленному по инициативе Розы Люксембург в связи с русской революцией 1905 г., развернулась дискуссия, но ревизионистам в руководстве социал-демократической партии, в руководстве профсоюзов и кооперативов, а также центристам во главе с Каутским удалось сорвать решения о подготовке массовых стачек. Вместо того, чтобы пойти на разрыв с правыми оппортунистами и создать боевую революционную партию, левые социал-демократы ради ложно понимаемого единства оставались с оппортунистами в одной партии, в которой господствовала слепая вера во всецелое парламентаризма, в решающее значение числа членов, членских взносов, бухгалтерских расчётов, профсоюзных секретариатов, пособий и т. д. Ленин во время первой империалистической войны очень точно охарактеризовал слой, весьма влиятельный в германском рабочем движении того времени:

«Созрел целый общественный слой парламентариев, журналистов, чиновников рабочего движения, привилегированных служащих и некоторых прослоек пролетариата, который с ро с с я со своей национальной буржуазией и которого вполне сумела оценить и «приспособить» эта буржуазия. Ни повернуть назад, ни остановить колеса истории нельзя — можно и должно безбоязненно идти вперед, от приговорительных, легальных, плененных оппортунизмом, организаций рабочего класса к революционным, умеющим не ограничиваться легальностью, способным обезопасить себя от оппортунистической измены, организациям пролетариата, вступающего в «борьбу за власть», в борьбу за свержение буржуазии»⁴.

Германский монополистический капитал сумел подкупить за счёт своих сверхприбылей небольшую верхушечную прослойку рабочей аристократии — мастеров, квалифицированных рабочих, контролёров и т. д., — чтобы использовать их в своих интересах. В то же время для некоторых социал-демократических и профсоюзных руководителей были созданы такие материальные условия, которые облегчали буржуазии возможность идеологически воздействовать на этих руководителей и с их помощью отравлять сознание рабочего класса «теорией» мирного сотрудничества капитала и труда. Германская социал-демократия надеялась на мирный переход к социализму посредством методов буржуазно-парламентской демократии.

ОТКРЫТЫЙ ПЕРЕХОД ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ЛАГЕРЬ КАЙЗЕРОВСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

В июле 1914 г., когда империалистические противоречия обострились до предела и германский империализм развязал войну, выявилось настоящее политическое лицо рабочих партий отдельных стран:

«Вожди социалистических партий, изменив пролетариату, перешли на позицию социал-шовинизма и защиты империалистической буржуазии»⁵. Ленин и большевики остались верными решениям международных конгрессов II Интернационала. На международном конгрессе, состоявшемся в 1907 г. в Штуттгарте, было решено:

«В случае, если война всё-таки разразится, социалисты обязаны вмешаться для скорейшего прекращения её и всемерно использовать вызванный войной экономический и политический кризис, чтобы поднять народ и тем самым ускорить падение господства капитала»⁶.

Ленин и большевики в своих действиях руководствовались этими решениями, а также решениями международного социалистического конгресса в Базеле в 1912 году. Большевики выдвинули лозунг «превращения империалистической войны в гражданскую»; революционный пролетариат должен был всемерно бороться за поражение своей буржуазии и,

⁴ Ленин. Соч. Т. 21, стр. 223.

⁵ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 158.

⁶ См. В. И. Ленин, Т. XVIII, стр. 403.

ослабив её таким образом, повернуть против неё оружие, свергнуть её власть и закончить войну, добившись справедливого мира.

Германская социал-демократия, однако, открыто перешла 4 августа 1914 года в лагерь империализма, голосовала в парламенте за военные кредиты и выступила за поддержку войны до победного конца. Карл Либкнехт и небольшая группа социал-демократов начали борьбу против политики социал-демократического партийного руководства, но не решились немедленно сделать вывод, т. е. не решились разорвать с социал-демократическими предателями и создать новую, революционную партию рабочего класса. В тезисах Центрального комитета Социалистической единой партии Германии от 16 сентября 1948 г. о ноябрьской революции и её уроках для рабочего движения Германии по этому поводу сказано следующее:

«Только левые германские социал-демократы во главе с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом остались верными международному социализму. Карл Либкнехт 2 декабря 1914 года открыто голосовал против военных кредитов, а левые социал-демократы в то же время организовали подпольную борьбу против войны и собирали оппозицию в рядах социал-демократии под лозунгами: «Не гражданский мир, а гражданская война!», «Враг — внутри страны!». Со всей жестокостью военной диктатуры правительство обрушилось на этих героических борцов против войны, но не сломило их духа. Но и после этого левые не организовали своей собственной партии. Они ограничились тем, что объединились в «Союз Спартака», который входил, в качестве отдельной группы, в созданную в 1917 г. Независимую социал-демократическую партию Германии (USPD), где, наряду с подлинно революционными борцами, было немало тёмных, колеблющихся и оппортунистических элементов»⁷.

Германские империалисты при поддержке социал-демократии открыто провозгласили свою захватническую программу, под которую определённые круги немецких профессоров подвели «научное обоснование». В апреле 1916 г. рейхсканцлер Бетман-Гольвег заявил в рейхстаге, что Германия претендует на Бельгию, на рудный бассейн Брией-Лонгви, на Прибалтику вплоть до Волынских болот, на Польшу, Литву и Латвию.

Однако уже в 1916—1917 гг. правящим кругам кайзеровской Германии стало ясно, что война ими проиграна. Германская тактика внезапного удара должна была провалиться и провалилась; всё сильнее стал ощущаться экономический и военный перевес сил Антанты. В такой международной обстановке произошла февральская революция в России: рабочий класс в союзе с крестьянством сверг царское самодержавие. 7 ноября 1917 г. революционный пролетариат России под руководством большевистской партии с Лениным и Сталиным во главе поднял вооружённое восстание против буржуазии, против буржуазного правительства Керенского и завоевал политическую власть. «Союз Спартака» писал о русской революции в листовках «К немецким рабочим и работницам»:

«...Никогда рабочий класс не был так силен, как сейчас, во время войны, в тех случаях, когда он действует сплоченно, солидарно, выступает по-боевому. Никогда господствующий класс не был так близок к своей гибели. Правящие круги развязали войну, чтобы удержать в своих руках власть и укрепить её. Они не в состоянии закончить начатую войну. Только революция в Германии может принести всем народам долгожданный мир и свободу! Победоносная русская революция в союзе с победоносной германской революцией непобедима. С того дня, когда под ударами революционного пролетариата рухнет германское правительство вместе со всем германским милитаризмом, начнётся новая эра, не знающая ни войн, ни капиталистической эксплуатации, ни угнетения».

⁷ Dokumente der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands. Band II, s. 105.

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СОБЫТИЯ В ГЕРМАНИИ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции необычайно укрепила революционные силы германского рабочего класса, воодушевила его на решительную борьбу против своего внутреннего врага, против германских империалистов, наживавшихся на войне. В широчайших массах германского народа росла воля к миру.

Снова Ленин указал путь германскому рабочему классу и миролюбивым силам германского народа. 8 ноября 1917 года Ленин предложил по радио всем правительствам и народам немедленно заключить мир без аннексий и контрибуций. Советское правительство не только изъявило готовность немедленно заключить мир со всеми народами, но когда Англия и Франция ответили отказом, пошло на заключение сепаратного мира с Германией.

Призыв к миру нашёл горячий отклик среди народных масс Германии, положение которой было безнадёжным. Заключение демократического мира без аннексий и контрибуций в одинаковой мере отвечало интересам германского и русского народов.

Под влиянием февральской революции уже в апреле 1917 г. в Лейпциге большинство рабочих забастовало, требуя лучшего снабжения, заявления правительства о полной готовности заключить мир и отказе от всякого рода аннексий, скрытых или явных; отмены осадного положения, отмены цензуры, а также всех ограничений, свободы рабочих союзов, свободы собраний, отмены закона «о трудовой повинности в помощь отечеству», амнистии для политических заключённых, полной гарантии демократических свобод и всеобщего, равного и прямого избирательного права во всех немецких землях. В Берлине и других городах, особенно в крупных, начались массовые выступления, участники которых предъявляли аналогичные требования. Таким образом, для массового движения того времени характерно было требование: немедленно заключить мир. Положение на фронте было безнадёжным, и массы требовали, чтобы правительство отказалось от всяких помыслов об аннексиях. Тем не менее военщина всё ещё пыталась пропагандой военных успехов создать впечатление, будто бы положение на фронте может измениться. Много говорилось о всевозможных наступательных операциях на фронте, которые, однако, проваливались, как правило, через несколько дней, самое большее через неделю.

Правительство Германии дало на предложение советского правительства о мире весьма уклончивый ответ. Стоявшие у власти заправили концернов и банков и крупные помещики исходили из своих хищнических интересов, в корне противоречивших национальным интересам германского народа. Немецкие помещики хотели удержать захваченные территории в Польше и на Украине, а крупные промышленники требовали захвата новых сырьевых районов.

Когда же германская делегация наконец собралась в Брест-Литовск для мирных переговоров с Советской Россией, Людсдорф, напутствуя делегацию, дал ей наказ установить границу Германии по реке Белице, т. е. между Лодзью и Варшавой. Немецкие делегаты отправлялись в Брест-Литовск диктовать условия грабительского мира.

Несмотря на то, что Ленин и Сталин от имени ЦК партии настаивали на том, что нужно пойти даже на эти тяжкие условия мира, чтобы не ставить на карту существование молодой Советской республики, Троцкий в качестве главы советской делегации в Брест-Литовске предательски игнорировал эту ясную директиву. Гинденбург приказал продолжать наступление, осуществляя захватнические планы германского империализма. Германские войска продвигались в глубь Украины. Только

22 февраля 1918 г. правительство Германии подписало мирный договор, предложенный Лениным по телеграфу, чтобы выиграть время для передышки. Условия мира были ещё тяжелее, чем первоначальные. Тем не менее Ленин призывал трудящихся России поддержать миролюбивые силы немецкого народа. Так, 4 марта 1918 г. на IV Чрезвычайном съезде Советов Ленин в своей речи, посвящённой ратификации мирного договора, заявил: «И ни один представитель трудящихся, ни один честный рабочий не откажется принести величайшую жертву для помощи социалистическому движению Германии, потому что за все это время на фронте он научился различать между германскими империалистами и измученными немецкой дисциплиной солдатами, по большей части нам сочувствующими»⁸.

Вопреки национальным интересам Германии правящие круги продолжали войну и настаивали на своих грабительских требованиях. Представители германского финансового капитала, проводя агрессивную политику по отношению к Советской России, выступая в качестве оплота реакции против большевизма, рассчитывали, что Англия, Америка и Франция в награду за это пойдут им на Западе навстречу. Однако результатом этой роковой политики был Версальский договор. Так поплатилась Германия за угодливые старания своих правителей и своей военщины послужить западным державам «защитным валом» против социализма.

На Восточном фронте в германских войсках распространялось влияние советской пропаганды мира. Они прогоняли своих офицеров, выбирали советы солдатских депутатов и требовали немедленного заключения мира.

Вместе с тем существование попрежнему нескольких фронтов ускорило крушение немецкого Западного фронта, где не хватало дивизий, продолжавших оставаться на Востоке. Продолжение агрессивной политики по отношению к Советской России ускорило разгром немецких армий на Балканском и Западном фронтах. Военное поражение Германии стало неминуемым.

«В то время как Советская страна готовилась к новым боям против иностранной интервенции, на Западе, в тылу и на фронтах воюющих стран происходили решающие события. Германия и Австрия задыхались в тисках войны и продовольственного кризиса»⁹.

Изоляция Германии по вине стоявших у власти монополистов и помещиков стала явной. Ленин образно нарисовал крушение германского империализма:

«Эта машина (империалистическая война миллионов.— В. У.) пошла дальше, чем сами германские империалисты хотели, и их раздавила. Они увязли, они оказались в положении человека, который обожрался, идя тем самым к своей гибели... Сначала он (германский империализм.— В. У.) невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние»¹⁰.

НАРАСТАНИЕ СТАЧЕЧНОЙ БОРЬБЫ И ПОПЫТКИ ГЕРМАНСКОЙ БУРЖУАЗИИ УДЕРЖАТЬСЯ У ВЛАСТИ И ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ ГЕРМАНИИ

Влияние мирной пропаганды советского правительства сказалось и в тылу Германии. Грандиозные стачечные бои на военных заводах в Берлине, в Средней Германии, а также в западных и южных районах выражали волю рабочего класса к немедленному заключению мира и к свержению правительства войны.

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 158.

⁹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 220.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 137, 138.

«Обаяние русской революции, — говорил Ленин в своём докладе на Московской губернской конференции заводских комитетов 23 июля 1918 г., — выразилось в первом грандиознейшем за все время войны выступлении германских рабочих, которые на брестские переговоры реагировали колоссальной забастовкой в Берлине и других промышленных центрах. Это выступление пролетариата в стране, одурманенной угаром национализма и опьяненной ядом шовинизма, есть факт первостепенной важности и представляет собой поворотный пункт в настроениях немецкого пролетариата»¹¹.

Но даже в такой обстановке вожаки германской социал-демократии Эберт и К^о продолжали выполнять то, что обещали правящему классу Германии 4 августа 1914 года. Они приложили все усилия к тому, чтобы задушить стачки на военных заводах; тем самым они несут главную ответственность за бесчисленные жертвы затянувшейся войны.

С точки зрения правящих классов Германии, продолжать войну нужно было лишь для того, чтобы найти такой переход от захватнической политики империализма к мирной, который позволил бы спасти господствующие позиции монополистического и финансового капитала. Из методов, которыми пытались германские империалисты спасти свою власть ввиду неминуемого военного поражения Германии, можно извлечь важные уроки, поучительные для всего германского народа.

Заправилы германских концернов во-время успели связаться с профсоюзными социал-демократическими лидерами и с социал-демократом Густавом Бауэром и договорились с ними о таких социально-политических мерах, которые должны были внушить рабочему классу иллюзию демократического переворота. Карл Каутский наметил и предложил такую систему «экономики переходного времени», которая совершенно не затрагивала командных позиций германского финансового капитала и помещичьего землевладения. Профсоюзные организации 30 июня 1918 г. передали союзному совету (Бундесрату) петицию с требованием, чтобы в состав имперского комиссариата по вопросам перевода хозяйства на мирные рельсы и экономического комитета имперского ведомства внутренних дел вошли представители профсоюзов, а также важнейших промышленных и промысловых групп. Было предъявлено также требование образовать в каждой провинции своё хозяйственное ведомство, в которое вошли бы в равном числе представители предпринимателей и рабочих, а также представители соответствующего правительства.

Кроме того были предъявлены требования наладить общественное питание, принять меры против взвинчивания цен, организовать биржи труда, предоставить дома отдыха и курорты для участников войны, предоставить работу инвалидам войны, создать арбитражные органы для улаживания конфликтов по тарифным вопросам, наладить строительство жилых домов с «маленькими квартирками» для рабочих, обеспечить квартирами инвалидов войны и т. д.

Таковыми мерами, не затрагивавшими ни власти германского монополистического капитала, ни власти крупных помещиков, хотели умиротворить рабочих, усыпить их волю к миру, побудить их к отказу от революционной борьбы за ликвидацию основ господства империалистических поджигателей войны — капиталистических концернов, банков, крупного землевладения. Было образовано далее «Имперское ведомство труда», которое должно было внушать профсоюзной массе иллюзию полной свободы союзов и права голоса в управлении предприятиями.

30 сентября 1918 г. было опубликовано обращение кайзера, в котором лицемерно говорилось, что германский народ должен действовать, чем до сих пор, участвовать в решении судьбы отечества. Чтобы спасти

¹¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 505.

старый режим, была проведена 14 октября 1918 г. реорганизация правительства: социал-демократы — Густав Бауэр, вице-председатель Генеральной комиссии профсоюзов, и Филипп Шейдеман — вошли в качестве статс-секретарей в состав кабинета, возглавляемого новым канцлером принцем Максом Баденским. Председатель Генеральной комиссии профсоюзов Легин открыто заявлял: «Ныне, как и тогда (в августе 1914 г.), профсоюзы обязаны предоставить свои силы для обороны отечества». А статс-секретарь иностранных дел Гинце цинично добавлял, что цель этих мероприятий — предотвратить «революцию снизу».

Правительство принца Макса Баденского в воззвании от 4 ноября 1918 г. объявило все эти меры «преобразованием Германии в народное государство». Орган Генеральной комиссии профсоюзов ещё 9 ноября 1918 г. публиковал полный текст этого воззвания с одобрительными комментариями, где обещалось восстановление экономики Германии, «чтобы возвращающиеся с фронта на родину солдаты и матросы в этих упорядоченных условиях получили бы возможность снова обеспечить существование себе и своим семьям».

Особенно выставлялось в качестве «успеха» профсоюзов следующее:

«Все крупные союзы предпринимателей выразили готовность немедленно вновь принять на работу своих прежних служащих и рабочих, вернувшихся из армии. Предоставление работы, помощь безработным, обеспечение жилищами и другие мероприятия в этой области частью находятся в стадии подготовки, частью уже осуществляются».

Так Генеральная комиссия германских профсоюзов и правое социал-демократическое руководство во главе с Эбертом, Шейдеманом и Каутским проводили одну и ту же линию, что и союзы предпринимателей, — организации германского монополистического капитала, — линию «экономики переходного времени», т. е. держали курс на переход от военной экономики к мирной без устранения от власти виновников войны — милитаристической клики Вильгельма, монополистического капитала и крупных помещиков. Эта измена социал-демократических партийных и профсоюзных главарей явилась последовательным продолжением их предательства 4 августа 1914 года.

Представитель объединения владельцев железоделательных и сталелитейных заводов Рейхерт позже, в речи 30 декабря 1918 г., так охарактеризовал политику крупной буржуазии:

«Фактически положение уже в первых числах октября стало ясным. Вопрос заключался в том, как спасти промышленность. Как спасти предпринимателей от социализации и национализации, угрожающей всем отраслям промышленности, от огосударствления и от надвигающейся революции?»

Для обсуждения этого вопроса ещё 9 октября 1918 г. собирались в Дюссельдорфе металлургические магнаты. И они пришли к выводу, о котором в упомянутой речи Рейхерта сказано:

«Организации рабочего класса явно приобрели исключительное влияние. Отсюда следовал вывод: в условиях растущей всеобщей неуверенности, ввиду шаткости государства и правительства, промышленность может обрести сильных союзников только на стороне рабочего класса и это — профсоюзы».

Чтобы обмануть рабочих и спасти свою власть, монополисты согласны были пойти на социально-политические уступки, которые в конечном счёте обошлись им недорого.

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В то время, как буржуазия в страхе перед надвигающимся поражением Германии всячески старалась ещё крепче привязать к себе социал-демократических профсоюзных вожakov, руководство социал-демократии

и профсоюзов, в свою очередь, искало перехода от своей политики «гражданского мира», которую оно проводило в годы захватнической войны германского империализма, к послевоенной политике «делового сотрудничества» рабочих и капиталистов. Однако рабочие и солдатские массы всё решительнее требовали немедленного заключения мира.

1 октября 1918 г. состоялась историческая конференция «Союза Спартака», которая призвала рабочий класс свергнуть правительство войны. Принятое конференцией воззвание содержало следующие требования:

- 1) безотлагательное освобождение политических заключённых;
- 2) немедленная отмена осадного положения;
- 3) немедленная отмена закона о трудовой повинности;
- 4) аннулирование военных займов;
- 5) экспроприация всего банкового капитала, горных промыслов и металлургических заводов, значительное сокращение рабочего дня, установление минимума заработной платы;
- 6) экспроприация крупного землевладения;
- 7) передача дела распределения продовольствия доверенным людям от рабочих;
- 8) ликвидация отдельных немецких государств и династий.

И дальше в воззвании говорилось:

«Достижение этих целей ещё не означает достижения всех наших целей. Это лишь пробный камень для проверки подлинности той демократизации, которой похваляются господствующие классы и их агенты. Борьба за демократизацию должна быть распространена на реальные основы власти всех врагов народа: на землевладение, капитал, на распоряжение вооружёнными силами и на судопроизводство».

Как видим, представители «Союза Спартака» ещё 1 октября 1918 г. призывали к революционной борьбе за экспроприацию собственности монополистов, виновников войны, помещиков. Спартаковцы правильно указывали, что уничтожение милитаризма и последовательная демократизация могут быть достигнуты только путём устранения привилегий и власти банков, концернов и крупного землевладения.

Толчком к народному восстанию послужил приказ военно-морского командования от 29 октября всем морским вооружённым силам выйти в открытое море. Им предлагалось «с честью погибнуть» в боях против английского флота. Эта затея не только помешала бы переговорам о перемирии, но ещё больше настроила бы все миролюбивые народы против Германии. Матросы отказались выйти в море. Таким образом, толчком к народному восстанию явилась попытка германского генерального штаба ценой новых человеческих жертв затянуть уже проигранную войну.

По примеру Великой Октябрьской социалистической революции матросы Кили создали советы, которые в течение нескольких дней сосредоточили всю власть в Киле в своих руках. Революционная атмосфера в стране ещё более накалилась. Вскоре революция охватила всю Северную Германию. Правительство послало в Киль социал-демократа Носке, который должен был умиротворить восставших матросов всякими посулами, вроде амнистии, улучшения питания. Однако события опередили его. Матросы сами осуществили свои требования революционным путём.

Тем временем идея создания советов распространялась всё шире. Почти без единого выстрела к 8 ноября во всей Германии были созданы советы рабочих и солдатских депутатов. Отстал один Берлин. Берлин был отрезан военными властями от всей страны. Здесь, в столице, сосредоточился весь аппарат кайзеровской власти. Здесь же находились и центральные инстанции социал-демократической партии и профсоюзов, их руководители делали всё, чтобы остановить революционное движение, так

как сами они уже договорились с заправилami объединений предпринимателей о «деловом сотрудничестве». Массы нажимали на революционных старост, избранных рабочими во время январской стачки 1918 г. и позднее, требуя перехода к действиям. Однако большинство, поддаваясь влиянию социал-демократических профсоюзных вожakov, всё ещё не решалось действовать.

«Союз Спартака» и революционные старосты призвали 9 ноября к всеобщей забастовке и к вооружённому восстанию.

Буржуазные партии, за исключением консервативных, и социал-демократы требовали отречения Вильгельма II. Но лишь тогда, когда рабочие крупных предприятий по призыву своих революционных старост двинулись к центру города, социал-демократическая партия отозвала наконец своих представителей, Шейдемана и Густава Бауэра, из правительства принца Макса Баденского. Принц Макс Баденский передал бразды правления Фридриху Эберту, пообещавшему управлять в соответствии с имперской конституцией, т. е. конституцией кайзеровской Германии. В Люстгартене Карл Либкнехт провозгласил социалистическую республику, после чего два часа спустя Шейдеман провозгласил «свободную германскую республику». Социал-демократическая партия так запоздала с лозунгом республики, что Шейдеману пришлось самому импровизировать эту декларацию. Впоследствии социал-демократический журналист Штампфер пояснил: «Шейдеман не хотел, чтобы лозунг республики исходил только от крайне левых кругов».

Результатом народного восстания было прежде всего свержение Вильгельма II. Это произошло без особых трудностей и почти без крови: погибло не более 25 человек. Массы были воодушевлены лёгкой победой. В этом и крылась опасность. Создалось положение, которое можно очень точно охарактеризовать словами Маркса по поводу февральской революции 1848 года во Франции:

«Республика не встретила никакого сопротивления ни извне, ни внутри. Это её обезоружило»¹².

Когда стал обсуждаться вопрос о формировании правительства, солдатские депутаты потребовали включения в его состав Карла Либкнехта. Имя Либкнехта должно было способствовать скорейшему заключению перемирия. Либкнехт обусловил своё участие в правительстве установлением в Германии социалистической республики, в которой вся законодательная и исполнительная власть была бы сосредоточена исключительно в руках представителей, избранных всем трудящимся населением и солдатами. Шейдеман ответил от имени социал-демократов, что вопрос о целях политики правительства, о создании социальной республики вправе решать лишь учредительное собрание. Иначе говоря, Шейдеман оттянул решение этого жизненно важного для всего народа вопроса до будущих выборов. Требование Либкнехта о передаче власти в руки выборных представителей трудящегося народа социал-демократическое руководство решительно отклонило.

Программа правительства Эберта — Шейдемана — Гаазе не выходила за пределы социальных реформ в рамках буржуазного капиталистического строя. Свобода собраний, отмена цензуры, отмена закона о трудовой повинности были уже проведены в жизнь самими трудящимися. Вместо земельной реформы, которая знаменовала бы победоносное завершение буржуазно-демократической революции в Германии, было выставлено лишь требование об отмене средневекового «устава о дворовых людях». Это означало, что не только старые, феодальные помещики сохраняли свои поместья и власть, но и что их сыновья большей частью остались на своих ответственных постах в государственном аппарате и в армии, во главе которой стоял Гинденбург.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, стр. 122. Москва. 1946.

Насколько единодушно было большинство рабочего класса и всех трудящихся в вопросе о свержении Вильгельма II, насколько решительно выступало большинство рабочего класса за социализм, настолько различны были мнения о способах закрепления завоеванных свобод и путях к социализму. После того как германский империализм, являвшийся тормозом политического, хозяйственного и культурного развития Германии, вверг народ в ужасную военную катастрофу, история поставила на повестку дня борьбу за социализм. Тем более в такое время, когда победила Великая Октябрьская социалистическая революция и когда победа народной революции в Германии являлась для немецкого народа единственным национальным выходом, который вместе с тем означал бы и укрепление международных позиций социалистической Советской России.

В соответствии с историческими потребностями «Союз Спартака» наметил в своей программе от 1 октября 1918 г. в качестве ближайшей задачи борьбу за свержение власти монополистического капитала и завершение буржуазно-демократической революции путём земельной реформы и чистки государственного аппарата. Такая политика «Союза Спартака» отвечала учению Ленина, разработанному им в его основных произведениях «Что делать?» и «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

«...Тот не социал-демократ, — говорит Ленин, — кто забывает на деле... что мы обязаны... перед всем народом излагать и подчеркивать общедемократические задачи, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть впереди всех в постановке, обострении и разрешении всякого общедемократического вопроса»¹³.

Газета «Роте Фане», центральный орган «Союза Спартака», писала 10 ноября 1918 г.:

«Эта революция не только должна смести все остатки и обломки феодализма, она не просто должна разрушить все твердыни помещиков-юнкеров... ее лозунг не только республика, но социалистическая республика. Мы только еще вступили на этот трудный... путь. Нельзя преждевременно радоваться одержанной победе. Рабочие и солдаты! Организуйтесь, укрепляйте свою власть! Не выпускайте из рук оружия!»

«Роте Фане» ставила, далее, перед революционными рабочими важнейшую задачу — завоевать большинство в советах, чтобы укрепить революцию, провести чистку государственного аппарата и армии от контрреволюционеров, создать Красную гвардию революционных рабочих, экспроприровать крупных капиталистов, виновных в развязывании войны, а также владетельных князей и генералов и посадить их на скамью подсудимых, установить через посредство советов контроль над производством и перенести революцию в деревню путём экспроприации крупных аграриев и уничтожения феодальных пережитков с помощью советов батраков и мелких крестьян.

Из страха перед массами социал-демократия предала немногие демократические завоевания ноябрьской революции. Под руководством Фридриха Эберта социал-демократическая партия заключила союз с Гинденбургом, чтобы опереться на вооружённую силу реакционной военщины, а для умиротворения рабочих был установлен восьмичасовой рабочий день

¹³ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 395. В. Ульбрихт имеет здесь в виду следующее место из работы Ленина «Что делать?»: «Ибо тот не социал-демократ, кто забывает на деле, что «коммунисты поддерживают всякое революционное движение», что мы обязаны поэтому пред всем народом излагать и подчеркивать общедемократические задачи, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть впереди всех в постановке, обострении и разрешении всякого общедемократического вопроса».

и введены ещё кое-какие социальные реформы. Главари социал-демократической партии и профсоюзов, верно служившие во время войны правительству Вильгельма II, отказались даже провести земельную реформу, ибо она была несовместима с союзом между Фридрихом Эбертом и Гинденбургом, представлявшим интересы милитаристов-помещиков. Хотя правительство Эберта — Шейдемана и было выбрано на пленарном собрании советов Берлина, но большинство членов советов было в плену буржуазно-парламентских иллюзий. По своей форме эти советы походили на органы политической власти Советской России, однако содержание их было иным. Скорее это были органы поддержания порядка, помогавшие перейти от военной катастрофы к миру. Только часть советов и их депутатов вела борьбу против старого, реакционного государственного аппарата, против господства монополистов и банкиров. Правительство много разглагольствовало о том, что «социализм идёт», но не принимало даже самых необходимых мер для демократизации государственного аппарата. Фридрих Эберт уже в своём первом воззвании выразительно приглашал представителей старой власти сотрудничать с новым правительством. Статс-секретари из правительства кайзера остались в основном на своих прежних постах и продолжали орудовать, всячески стараясь по возможности сохранить старые порядки.

Рабочие во многих местах вопреки правительству Эберта — Шейдемана — Гаазе, вопреки социал-демократической партийной и профсоюзной верхушке, боролись под руководством рабочих и солдатских советов за решительную демократизацию.

Так, в Брауншвейге совет объявил герцогские земли и поместья государственной собственностью. В Лейпциге и других крупных городах советы взяли полностью под свой контроль управление и назначили на руководящие посты новых лиц. В Бремене были отстранены от преподавания в школах реакционные милитаристы, было приступлено к школьной реформе, заслуживающие доверие люди из рабочих были привлечены к службе в полиции. В Брауншвейге было организовано новое полицейское управление из трудящихся.

Рабочие энергично боролись против реакции, однако им не хватало целеустремлённого руководства. Эберт выступил против чистки административных органов. Соглашение между Эбертом и Гинденбургом, оставившее военное командование в руках германского генерального штаба, а также соглашение между председателем Генеральной комиссии профсоюзов Легином и промышленным магнатом Стиннесом обеспечивали сохранение власти военщины и монополистов. По указанию Эберта в воинских частях было восстановлено беспрекословное повиновение приказам старых реакционных офицеров. 16 ноября было объявлено о запрещении советам вмешиваться в дела судопроизводства. Через несколько дней последовал приказ о сдаче оружия. Это означало разоружение трудящихся. В то время как реакционные офицерские организации, добровольческие формирования и реакционные «отряды охраны порядка» росли, как грибы после дождя, и вооружались до зубов, рабочим было предложено сдать оружие. «Роте Фане» констатировала:

«Уже прошло несколько дней, а до сих пор ещё ничего не сделано для того, чтобы сломить власть виновников войны и уничтожить пережитки феодализма в Германии».

11 ноября 1918 г. было заключено перемирие с державами Антанты, причём, что весьма характерно для правительства Эберта, по соглашению с Антантой германские войска оставались на оккупированной ими территории Советской Украины. Кроме того германские войска были посланы в Прибалтику, чтобы разоружить население и подавить развернувшееся там революционное движение. Таким образом, и после отречения Вильгельма II и установления республики германское правительство про-

должало занимать антисоветские позиции. Оно пыталось своей антибольшевистской политикой угодить западным державам и заключить мир на более выгодных условиях, но достигло как раз обратного. Правительство лишь продемонстрировало собственную слабость, вместо того чтобы отстаивать национальные интересы германского народа и искать поддержки у страны, которая вела последовательную борьбу за мир и прогресс.

«СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИДЕТ»

Массы стремились к социализму. Они хотели экспроприировать предпринимателей и помещиков. Учитывая эти настроения в массах, правительство Эберта повело демагогическую пропаганду «социализации». Оно учредило «комиссию по социализации» якобы для разработки проекта социализации. В этой комиссии виднейшие представители социал-демократии, в том числе Каутский, заседали совместно с представителями промышленников.

Орган социал-демократической партии газета «Форвертс» сама ясно показала сущность этой комиссии:

«Задача комиссии по социализации будет заключаться в том, чтобы с самого начала действовать «успокаивающе», в том смысле, что не следует опасаться никаких неразумных экспериментов и что, во всяком случае, каждый может безболезненно вернуться к своему обычному довоенному занятию. Далее, комиссия должна иметь в виду, что для национализации, огосударствления, обобществления любого предприятия необходимо наличие такой конституированной нации, такого конституированного государства, такого конституированного общества, каких у нас пока нет и какие мы ещё должны создать, если хотим иметь крепкий фундамент»¹⁴.

Капиталистические круги, встревоженные во время революции и непосредственно после неё стремлением масс к социализации, вскоре совсем успокоились. Уже 16 декабря 1918 г. «Национальцейтунг» в биржевом обзоре писала:

«Самые большие опасения биржи, а именно угрозу большевизма и угрозу социализации всей промышленности, надо признать сегодня полностью рассеянными».

Комиссия продолжала исследовать возможности социализации, и так «успешно», что ни один владелец концерна, ни один банкир, ни один помещик не был экспроприирован. Из деятельности этой пресловутой комиссии по социализации ничего и не могло выйти при правительстве Эберта — Шейдемана, заключившем соглашение с Гинденбургом и с союзами предпринимателей. Только после устранения этого соглашательского правительства и создания подлинно народного правительства социализация была бы осуществима. Но большинство рабочего класса в ту пору поддалось обману. Оно ещё не понимало, что необходимой предпосылкой социализма было свержение власти капиталистов и помещиков.

Большинство германского рабочего класса десятилетиями воспитывалось в духе формальной буржуазной демократии, парламентаризма, погони за голосами. Обманутые рабочие возлагали свои надежды на предстоящие выборы в Национальное собрание и не понимали того, что предпосылкой демократических выборов является изменение реального соотношения сил. Это могло быть достигнуто лишь в борьбе за беспощадную чистку государственного аппарата и экспроприацию капиталистов и крупных помещиков.

¹⁴ «Vorwärts» от 5 декабря 1918 года.

ОТКАЗ ОТ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Правительство Эберта — Шейдемана в союзе с помещичьей-кликкой, засевшей в армии и в «Имперском союзе сельских хозяев», приняло все меры, чтобы революция не перекинулась в деревню. Были сохранены старые военно-хозяйственные управления. Не было отменено принудительное регулирование сельского хозяйства военного времени. Не удивительно, что новый порядок не нашёл сочувствия среди трудящихся крестьян.

Многие сельскохозяйственные рабочие и крестьяне готовы были бороться за земельную реформу. В некоторых областях Германии, например, в Вюртемберге, вспыхнули крестьянские волнения, но без поддержки и без руководства рабочего класса они не могли развернуться в широкое революционное движение. Главной причиной этого была неправильная установка революционных сил рабочего класса в отношении трудящихся крестьян.

Идеологическая путаница, непонимание учения наших великих вождей о необходимости союза рабочего класса с крестьянством помешали германскому рабочему классу стать руководящей силой и завоевать влияние на массы сельскохозяйственных рабочих и трудящихся крестьян.

Социал-демократические главари выступили против земельной реформы с избитыми доводами о том, будто бы она поставит под угрозу продовольственное снабжение. Чтобы отвлечь в сторону недовольство сельскохозяйственных рабочих и трудящихся крестьян и сбить их с толку, правительство Эберта — Шейдемана дало указания об организации крестьянских советов, но создавали их зачастую всё те же органы «Союза сельских хозяев», иначе говоря, уполномоченные помещиков и кулаков.

ПЕРВЫЙ ВСЕГЕРМАНСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

В то время как возникали контрреволюционные военные формирования, а буржуазные партии спешно перестраивались под новыми вывесками, меняли названия, но не меняли своей политической сущности, в Берлине шла подготовка к съезду советов. Правительство Эберта, социал-демократические партийные и профсоюзные верхи боролись за большинство под лозунгами: «Спокойствие и порядок!», «Мир и работа!», «Спартак» мешает заключению мира!», «Социализация без ломки хозяйства!» и т. п.

В противовес этим лозунгам «Союз Спартака» выдвинул свой лозунг продолжения революционной борьбы за власть советов рабочих и солдатских депутатов. Из-за своей организационной слабости и идеологической путаницы «Союз Спартака» не мог оказать большого влияния на выборы делегатов.

16 декабря 1918 г. в Берлине собрался Всегерманский съезд советов. К этому времени на политической арене действовали такие главные силы:

«Союз Спартака» и левые независимые социал-демократы — авангард рабочего класса, — выступавшие с требованиями: вся власть Советам, разоружение контрреволюции, борьба за социализм;

правительство Эберта — Шейдемана, поддерживаемое большинством рабочего класса, на словах стоявшее за социализацию, но на деле боровшееся с левыми, а не с контрреволюцией;

германская буржуазия, которая, с одной стороны, использовала в своих интересах руководящую верхушку социал-демократии и профсоюзов, а с другой стороны, финансировала и подстрекала к вооружённым путчам против рабочего класса полуфеодальное офицерство, прусских фельдфебелей и введённых в заблуждение солдат;

организованные силы военной контрреволюции, руководимые старой офицерской кастой и собранные в «добровольческие объединения», гвардейские кавалерийские охранные дивизии и другие военные формирования; в их рядах подвизались многие из тех, кто впоследствии приоб-

рёл известность при фашистском режиме, как, например, Киллингер, генерал фон Эпп и прочие, возглавлявшие в то время эти контрреволюционные дивизии.

Карл Либкнехт и Роза Люксембург не получили мандатов на Всегерманский съезд советов. Во время первого заседания перед зданием, где проходил съезд, состоялась грандиозная 250-тысячная демонстрация рабочих. Демонстранты требовали установления единой социалистической республики.

Большинство делегатов съезда после обещания «незамедлительной социализации» и после предложения гамбургских делегатов об отмене всяких знаков воинских различий, запрете ношения оружия вне службы и т. д. поверило, что отныне Германии гарантировано социалистическое развитие. Делегаты не понимали всего значения соглашений Эберта с Гинденбургом, Легина со Стиннесом. Глубоко завязшие в тине буржуазных взглядов на государство, делегаты не понимали, что своим соглашением передать всю власть правительству Эберта и Национальному собранию они сами сдавали все свои позиции и вооружали реакцию на срыв решений съезда. Солдаты были очень довольны отменой погонов и шпак и не замечали, как вооружаются добровольческие корпуса, гвардейские кавалерийские дивизии и т. п.

Вопреки воле широких рабочих масс съезд постановил передать законодательную и исполнительную власть правительству Эберта — Шейдемана и провести выборы в Национальное собрание. Социал-демократическим руководителям с помощью их организационного аппарата, а также и государственных органов, путём лживых посулов социализации и при содействии вечно колеблющихся лидеров Независимой социалистической партии удалось добиться большинства в советах. Центристы из партийного руководства независимцев парализовали активность рабочего класса своими мелкобуржуазными потугами сочетать буржуазную диктатуру с органами рабочего класса — советами, — не располагавшими, однако, ни законодательной, ни исполнительной властью.

«Союз Спартака» затруднил себе завоевание рабочих — социал-демократов и членов профсоюзов — тем, что не поставил в центре борьбы масс выдвинутые в его воззвании от 1 октября 1918 г. демократические требования, имевшие своей непосредственной целью завершение буржуазно-демократической революции. Такими требованиями были: чистка государственного аппарата от феодальных и милитаристских сил, немедленная экспроприация владельцев концернов и банкиров, конфискация имущества династий, экспроприация крупных помещиков и проведение земельной реформы, чистка школ от старых фельдфебелей и офицеров, занимавших в кайзеровской Германии должности преподавателей. Недостаточное понимание ленинского учения о «двух тактиках» в демократической революции» помешало «Союзу Спартака» завоевать и большинство членов партии независимцев.

Ноябрьская революция в Германии не вышла поэтому за рамки буржуазной революции; она только устранила монархию и завоевала некоторые демократические и социально-политические права для трудящихся. Вместо монархии была создана буржуазно-демократическая республика, в которой попрежнему господствовали монополисты, банкиры и помещики, прикрывая свою власть маской буржуазного парламентарного режима, возглавляемого социал-демократической верхушкой. Основные задачи ноябрьской революции — уничтожение основ германского империализма, ломка старого государственного аппарата и тем самым создание предпосылок для демократии и социализма — не были решены. Съезд советов, передав всю полноту власти правительству Эберта — Шейдемана, высказавшись за немедленные выборы в Национальное собрание без предварительной чистки государственного аппарата, без проведения земельной

реформы, без лишения виновников войны основ их могущества, т. е. без создания необходимых предпосылок для демократических выборов, тем самым позволил контрреволюции поднять голову. Так началась постепенная сдача демократических достижений ноябрьской революции, завоёванных рабочим классом 9 ноября.

Главный вопрос того времени — либо свержение господства германского империализма, т. е. уничтожение экономического могущества немецких монополистов, банкиров и помещиков и передача их государственной власти советам, либо сохранение их господства под видом буржуазного парламентаризма — был решён большинством на съезде советов в пользу старых сил монополистического капитала. Главную ответственность за это несёт германская социал-демократия, которая расколола и дезориентировала рабочий класс своей политикой коалиции и «делового сотрудничества» с капиталистами.

НАТИСК КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

После того как Всегерманский съезд советов вместо сосредоточения в своих руках всей власти отказался от этой исторической задачи и возложил все надежды на Национальное собрание, контрреволюция пустила в ход все свои вооружённые банды, чтобы сломить революционные силы до созыва Национального собрания. В рождественские дни 1918 г. реакционные войска генерала Лекки пытались разоружить народную морскую дивизию, стоявшую в Берлине с ноября. Рабочие массы вышли на улицы и предотвратили путч. Реакция с социал-демократической верхушкой во главе вела разнузданную травлю Карла Либкнехта, Розы Люксембург и вооружённых отрядов рабочих и солдат в Берлине. Сотрудничество Эберта — Шейдемана с контрреволюционной военщиной побудило независимцев в конце ноября выйти из правительства. Их посты были переданы Носке и Висселю; кабинет стал целиком социал-демократическим.

В этой решающей для трудового народа и для всей Германии обстановке состоялся (31 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г.) учредительный съезд коммунистической партии Германии («Союз Спартака»). Предварительно в «Роте Фане» 14 декабря была опубликована в целях подготовки съезда программа «Союза Спартака».

Историческое значение основания КППГ, которую вследствие запоздалого разрыва с оппортунистами пришлось создавать в разгар самых ожесточённых боёв, состояло в том, что был заложен фундамент для марксистско-ленинской партии и для объединения германского рабочего класса на революционной основе. Наконец-то в Германии была основана революционная партия, которая с первого дня своего существования чувствовала себя связанной крепкими дружественными узами с Советской Россией.

I Учредительный съезд коммунистической партии Германии («Союз Спартака») правильно поставил и решил принципиальные проблемы государства и социализма. Но ненависть к социал-демократии, вызванная безмерным предательством её верхушки, незнание ленинско-сталинского учения сказались в том, что большинство делегатов не понимало, что первоочередной задачей являлась борьба за завоевание рабочего класса. Для решения этой задачи нужно было бороться за демократические требования, налаживать работу в профсоюзах, использовать все легальные возможности, вплоть до буржуазного парламента. Вопреки настояниям Карла Либкнехта и Розы Люксембург съезд решил, что партия в выборах Национального собрания участвовать не будет.

Контрреволюция направила свой главный удар против вооружённых сил рабочего класса. В лице начальника берлинской полиции Эйхгорна, члена Независимой социалистической партии, реакция видела серьёзное

препятствие своим контрреволюционным планам. Эйхгорн получил свои полномочия от берлинского Исполнительного комитета рабочих и солдатских советов.

«Охрана безопасности» — так называлась тогда полиция — хоть и не была сознательной революционной силой, но отказывалась выступать против революционных масс народа. Прусское социал-демократическое правительство через голову Исполнительного комитета берлинского совета сместило Эйхгорна. Берлинские революционные старосты 4 января 1919 г. решили, что Эйхгорн должен оставаться на своём посту, и призвали рабочих к массовой демонстрации протеста. Грандиозная демонстрация 5 января захватила центральные улицы столицы. Впоследствии Носке так охарактеризовал сложившуюся 5 января обстановку: «Если бы у этих толп были решительные, целеустремлённые вожди, а не пустомели, то пятого в полдень Берлин был бы в их руках».

Рабочие массы поняли, что смещение начальника полиции являлось подготовкой к роспуску «охраны безопасности» и было направлено против Исполкома рабочих и солдатских советов. Революционные старосты, руководство Независимой социалистической партии и «Союза Спартака» обратились к рабочим с призывом к массовой демонстрации и политической стачке за восстановление Эйхгорна в должности, за роспуск белогвардейских отрядов Носке и за вооружение пролетариата. Это обращение было исторически необходимым для сохранения завоеваний ноябрьской революции. Но «революционный комитет» сделал ошибку, призывая ещё и к свержению правительства Эберта — Шейдемана: для этого ещё не созрели условия.

Враги заслали в ряды «охраны безопасности» провокаторов и обманым путём заставляли эти отряды вести вооружённую борьбу в тактически невыгодных пунктах.

Новый социал-демократический начальник полиции Эуген Эрнст позднее говорил: «Мы вынудили «Союз Спартака» к преждевременному выступлению. Им (революционным рабочим.— В. У.) пришлось наступать раньше, чем сами они того хотели, а мы, таким образом, были в состоянии дать им отпор».

Используя колебания руководителей Независимой социал-демократической партии, правительство Эберта — Шейдемана повело с ними переговоры, чтобы выиграть время для подтягивания контрреволюционных войск из окрестностей Берлина. Носке принял на себя верховное командование, и его войска вошли в Берлин. Хотя руководство молодой коммунистической партии, основанной только что — всего лишь за несколько дней до событий, — и считало призыв к восстанию ошибочным, партия во главе с Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург, Лео Йогихесом, Вильгельмом Пиком участвовала в боях, героически сражаясь в рядах авангарда рабочего класса.

15 января 1919 г., — через несколько дней после основания коммунистической партии, вооружёнными бандами Носке были убиты лучшие люди германского рабочего класса — великий борец против империалистической войны Карл Либкнехт, отважный вождь германского пролетариата Роза Люксембург. Та же участь была уготована Вильгельму Пикку, арестованному вместе с ними, но ему удалось бежать.

«До чего слаба была там революция, видно, хотя бы из того, что она допустила безнаказанное убийство немецкими белогвардейцами таких видных революционеров, как Р. Люксембург и К. Либкнехт»¹⁵.

Разгромив авангард рабочего класса, германская реакция добилась своих непосредственных целей. Власть монополистов и помещиков была спасена, и тем самым созданы необходимые им условия для господства

¹⁵ «История ЕКП(б). Краткий курс», стр. 221.

в Национальном собрании. На выборах 19 января в Национальное собрание большинство голосов получили буржуазные партии.

Борьба в Берлине нашла отклик во всей Германии: в Рейнской области, в Руре и особенно в Бремене дело дошло до революционных боёв. Но нигде не было единства боевых действий, они не велись по единому, общему плану, и возглавляемым социал-демократом Носке войскам под командой феодальных юнкеров-помещиков удалось разгромить порознь революционных рабочих. Старые, реакционные силы сохранили свои господствующие позиции. Даже центральный орган социал-демократов «Форвертс» должен был констатировать: «Ни один волос не упал с головы этих виновников. Они чувствуют себя очень вольготно среди нас, разводят пачкотню в своих газетах, где поносят революцию и немецкий народ, разглагольствуют на собраниях избирателей».

РЕЗУЛЬТАТЫ И УРОКИ НОЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Авангард рабочего класса героически боролся во время ноябрьской революции. Благодаря его самоотверженности удалось осуществить ряд демократических требований рабочего класса и социальных преобразований. Однако ноябрьская революция осталась революцией буржуазной, так как она не уничтожила классового господства капитала. Изменилась лишь форма этого господства, на смену полуконституционной монархии явилась буржуазная демократия.

Ноябрьская революция не смогла разрешить задачу национально-социального освобождения, уничтожить власть монополистического капитала — этого носителя германского империализма. Причиной этому было отсутствие революционной партии — партии нового типа. Революционные силы не порвали с реформистской и шовинистической социал-демократией ни до первой мировой войны, ни во время войны. Из-за этого революционная рабочая партия образовалась только после начала ноябрьской революции, а именно после того, как на I Всегерманском съезде большинство советов отказалось под влиянием социал-демократии от своих революционных задач и одобрило созыв Национального собрания.

Отсутствие революционной марксистской партии привело в Германии к тому, что большинство рабочего класса в 1918 г. ещё не освободилось от буржуазных предрассудков, глубоко чтит буржуазную государственную власть и надеялось с помощью избирательных бюллетеней на выборах в Национальное собрание уничтожить господство монополистического капитала. Не умея правильно определить причины империалистической войны, роль германского империализма, значение буржуазного государственного аппарата как орудия власти финансового капитала, не понимая руководящей роли рабочего класса и необходимости союза с крестьянством, большинство германского рабочего класса продолжало идти на поводу у социал-демократических главарей и позволило обмануть себя болтовней о «социализации».

Предательская политика германских социал-демократов во время ноябрьской революции 1918 г. логически привела к тому, что постепенно были сведены на нет демократические завоевания, а вся тяжесть последствий войны и Версальского договора легла на плечи трудового народа. Инфляция, а потом глубокий кризис охватили Германию. Монополисты и банкиры, те, кому в ноябре 1918 г. верхушка германской социал-демократии и профсоюзов помогла удержать командные высоты, военщина, расстреливавшая под командой Носке революционных рабочих в январе 1919 г., — они-то и подготовили впоследствии фашистскую диктатуру и ввергли Германию во вторую мировую войну.

Однако в 1918 г. можно было найти выход, можно было вступить на путь, который привёл бы германский народ к миру и подъёму. Для этого следовало принять мирные предложения советского правительства от

8 ноября 1917 г. — немедленно прекратить захватническую войну, свергнув власть виновников войны, германских империалистов. Этот путь избавил бы германский народ от версальского диктата, от кризисов, безработицы, фашизма и катастрофы гитлеровской войны.

До сих пор на всех решающих поворотах в истории Германии происходила лишь смена правительства, а классовое господство горстки эксплуататоров над народными массами оставалось неизменным. Так было и в 1918 году. Только после победы героического советского народа над гитлеровским фашизмом была свергнута на одной трети территории Германии власть монополистов, банкиров, помещиков и установлен демократический строй, при котором власть принадлежит трудовому народу. За 1945—1950 годы на этой части территории Германии было создано демократическое государство, которое связано узами тесной дружбы с Советским Союзом и является основой успешной борьбы за единую, демократическую, миролюбивую Германию и за спасение германской нации.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СССР

И. Смирнов *

Периодизация истории СССР, устанавливая основные этапы исторического развития СССР, основные исторические периоды, в смене которых выражается закономерный характер развития общества, подытоживает собою изучение всего процесса исторического развития нашей Родины. Установление основных периодов истории СССР возможно лишь при правильном, марксистском объяснении исторических процессов, явлений и событий. Поэтому теоретической предпосылкой исторической периодизации является марксистско-ленинская философия, диалектический и исторический материализм, ибо только теория марксизма даёт возможность научного изучения истории общества, позволяет раскрыть законы развития общества, превращает историю в науку.

В работах классиков марксизма-ленинизма имеются как общие методологические указания по вопросу о принципиальных основах исторической периодизации, так и конкретные указания относительно основных исторических периодов общечеловеческой, мировой истории и истории СССР.

Таким образом, периодизация истории СССР не является проблемой, подлежащей разрешению заново; она сводится к разработке и конкретизации тех основных положений по вопросу о периодизации истории СССР, которые содержатся в работах классиков марксизма-ленинизма.

Следует признать, что советская историческая наука уже проделала большую работу по разработке марксистской периодизации истории СССР. Итоги этой работы нашли своё конкретное выражение, как в монографических исследованиях по отдельным вопросам истории СССР, так и в работах обобщающего характера (типа «Истории гражданской войны», «Истории дипломатии») и в учебниках для средней и высшей школы.

При разработке основ марксистской периодизации истории СССР советская историческая наука вдохновлялась и направлялась большевистской партией и великим корифеем науки И. В. Сталиным.

Решающими моментами в этой работе явились два крупнейших события в развитии советской исторической науки: 1) разгром антимарксистской исторической «школы» Покровского и 2) выход в свет сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)».

Разгром антимарксистской «школы» Покровского, осуществлённый на основе исторического постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), опубликованного 27 января 1936 г., вместе с разоблачением антимарксистских, антиленинских, по сути дела ликвидаторских, антинаучных взглядов на историческую науку¹, распространившихся Покровским и его «школой», ликвидировал и ту схему «русского исторического процесса», которая пропагандировалась в работах Покровского и его последователей, в том числе и ту «периодизацию», которая содержалась в этих работах.

Ликвидация этой глубоко порочной исторической схемы (с её отрицанием Киевского государства, провозглашением «прогрессивности» татарского ига, отрицанием прогрессивного характера процесса образования Русского централизованного государства, антимарксистской теорией «торгового капитализма», извращением действительной роли национально-освободительных движений — от Куликовской битвы до на-

* Ленинградское отделение Института истории АН СССР.

¹ См. сборник «К изучению истории», стр. 21. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937.

родного движения, возглавленного Мининым и Пожарским,— апологией таких «деятелей», как авантюрист и ставленник враждебных Русскому государству сил Лжедмитрий I, и одновременно «разоблачением» действительно прогрессивных деятелей, как Пётр I и т. д. и т. п.) расчистила поле деятельности советских историков и создала предпосылки для выработки подлинно марксистской схемы истории СССР.

Вместе с тем раскрытие подлинного существа исторической «школы» Покровского показало, что философской основой воззрений Покровского и его последователей являлась идеалистическая философия Маха; что именно здесь следует искать философские послышки основного тезиса Покровского об истории как политике, опрокинутой в прошлое, тезисе, означавшем принципиальное отрицание истории как науки, изучающей и раскрывающей объективные закономерности исторического развития общества.

Раскрыв антимарксистское существо взглядов Покровского и его «школы», Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) указали, что «задача преодоления этих вредных взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и подъема исторического образования в СССР»².

Исторические решения партии и правительства, дав исчерпывающую оценку положению на историческом фронте, вместе с тем наметили ясную перспективу для развития советской исторической науки, послужив исходным моментом для подъёма и расцвета марксистско-ленинской исторической науки и исторического образования в СССР.

Первым и важнейшим этапом в этом процессе явилась работа по написанию новых учебников по истории СССР, осуществлённая на основе постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б).

Эта работа, объединившая крупнейших учёных старшего поколения и молодых советских историков, явилась своеобразной школой: советские исторические кадры овладевали основами марксистско-ленинской теории, освобождались от багажа той псевдонауки, которую представители «школы» Покровского выдавали за подлинный марксизм.

Плодотворность работы по составлению новых советских учебников по истории СССР обеспечивалась тем, что в этой работе советские историки были вооружены принципиальными указаниями партии по вопросу о «школе» Покровского, а также тем, что в распоряжении советской исторической науки оказались такие исключительной важности документы, как замечания И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории, опубликованные в печати 27 января 1936 года. В этих замечаниях «были подвергнуты обстоятельному разбору и суровой критике» представленные ранее конспекты учебников по истории СССР и новой истории. Вместе с тем «замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова исчерпывающим образом указывали, в каком направлении необходимо было переработать конспекты и подготовляемые учебники»³.

Одним из главных пороков конспектов учебников по истории СССР и новой истории, как отметили И. В. Сталин, С. М. Киров и А. А. Жданов, являлась ошибочная периодизация. Поэтому, указав, в каком направлении необходимо переработать конспекты и представленные учебники, И. В. Сталин, С. М. Киров и А. А. Жданов одновременно показали, как надо построить периодизацию истории СССР и новой истории, сформулировав, таким образом, основные её принципы.

Выход в свет в 1937 г. «Краткого курса истории СССР» (под редакцией проф. А. В. Шестакова), одобренного Всесоюзной правительственной комиссией и рекомендованного в качестве школьного учебника для третьих и четвёртых классов, означал собой новый этап в развитии советской науки.

Это был первый опыт написания общей истории СССР с подлинно марксистских позиций, с позиций борьбы против исторической «школы» Покровского, на основе принципиальных указаний, содержащихся в постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) и в замечаниях И. В. Сталина, С. М. Кирова, А. А. Жданова.

² Сборник «К изучению истории», стр. 21.

³ Там же, стр. 20.

Основное, принципиальное значение учебника под редакцией Шестакова заключается в том, что в нём, хотя и в самой общей и элементарной форме (объясняемой самым характером учебника), впервые была дана новая, марксистская схема, новая, марксистская периодизация истории СССР. Основные положения этой периодизации истории СССР были единодушно приняты советскими историками и положены в основу при написании учебников для средней и высшей школы.

Спустя два года после издания постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) по вопросам исторической науки и через год после выхода в свет «Краткого курса истории СССР» на фронте советской исторической науки, равно как и на всём идеологическом фронте, произошло событие исключительной важности: был опубликован сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)».

Выход в свет в сентябре 1938 г. сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» имел огромное значение для развития советской исторической науки.

«Краткий курс истории ВКП(б)» — эта энциклопедия марксизма-ленинизма, — знаменующий собой новый, высший этап в развитии марксистско-ленинской теории применительно к новой эпохе, эпохе империализма и пролетарских революций, эпохе победы социализма в нашей стране, вооружил советских историков знанием основ марксистско-ленинской философии, знанием основных закономерностей развития общества.

Вместе с тем «Краткий курс истории ВКП(б)» представляет собой образец марксистского исторического исследования, посвящённого важнейшему периоду истории СССР. Охватывая изложением почти столетний период — от отмены крепостного права в 1861 г. до конца 30-х годов XX в., — «Краткий курс истории ВКП(б)» дал основы марксистской истории СССР новейшего времени. При этом величайшим вкладом в развитие советской исторической науки явилась разработанная И. В. Сталиным и положенная в основу изложения в «Кратком курсе истории ВКП(б)» периодизация событий, связанных с историей ВКП(б), создавшая основы и общепериодической периодизации новейшего периода истории СССР.

Таким образом, проблема периодизации истории СССР получила в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» дальнейшее развитие и для новейшего периода истории СССР — исчерпывающее разрешение.

Значение «Краткого курса истории ВКП(б)», однако, не исчерпывается тем, что советские историки получили здесь подлинно научную, марксистскую периодизацию новейшей истории СССР. Периодизация, разработанная И. В. Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)», имеет важнейшее методологическое значение для решения вопроса о периодизации всей истории СССР в целом, демонстрируя тот принцип, который положен в основу периодизации. Этот принцип заключается в том, что в качестве основного критерия при членении исторического процесса на периоды И. В. Сталин берёт важнейшие политические события данного периода, важнейшие моменты в развитии государства.

На первый взгляд может показаться неожиданным, что марксистская периодизация истории оказывается построенной на основе политического принципа. В самом деле, если основу общественного развития составляет развитие производительных сил, развитие материального производства, то не следует ли в основу периодизации истории общества положить развитие производства, развитие производительных сил?

Такая постановка вопроса, при всей её кажущейся логичности, является всё же неправильной, так как методологической предпосылкой при этом является принцип эволюционизма, изображающий развитие как процесс постепенного и непрерывного движения, в ходе которого одна форма производства постепенно сменяется другой, один тип производственных отношений — другим типом.

Такое понимание процесса развития не имеет ничего общего с марксизмом, с диалектическим материализмом, ибо «с точки зрения диалектического метода эволюция и революция, количественные и качественные изменения, — это две необходимые формы одного и того же движения»⁴.

Процесс развития производства действительно является непрерывным процессом. «Одна из особенностей производства, — говорит товарищ И. В. Сталин, — состоит в том, что оно никогда не застревает на долгий период на одной точке и

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 1. стр. 309.

находится всегда в состоянии изменения и развития, причем изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя»⁵. Но ограничиваться только этим в характеристике процесса развития производства означало бы оставить без ответа основной вопрос — о том, как происходит переход от одной формы производства к другой, от одного типа производственных отношений к другому типу.

Между тем совершенно очевидно, что суть проблемы периодизации как раз и заключается в том, чтобы определить моменты перехода от одного типа производства к другому типу производства, от одного этапа в развитии производства к другому этапу в развитии производства. И именно для этих узловых моментов в развитии производства, а следовательно, и общества, на первый план выступают и приобретают особую важную роль факторы политического развития, факторы в развитии государства. И. В. Сталин следующим образом характеризует эту основную закономерность общественного развития: «До известного периода развитие производительных сил и изменения в области производственных отношений протекают стихийно, независимо от воли людей. Но это только до известного момента, до момента, пока возникшие и развивающиеся производительные силы успеют, как следует, созреть. После того, как новые производительные силы созрели, существующие производственные отношения и их носители — господствующие классы, превращаются в ту «непреодолимую» преграду, которую можно снять с дороги лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем насильственных действий этих классов, путем революции. Здесь особенно ярко выступает громадная роль новых общественных идей, новых политических учреждений, новой политической власти, призванных упразднить силой старые производственные отношения. На основе конфликта между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, на основе новых экономических потребностей общества возникают новые общественные идеи, новые идеи организуют и мобилизуют массы, массы сплываются в новую политическую армию, создают новую революционную власть и используют ее для того, чтобы упразднить силой старые порядки в области производственных отношений и утвердить новые порядки. Стихийный процесс развития уступает место сознательной деятельности людей, мирное развитие — насильственному перевороту, эволюция — революции»⁶.

Итак, переход от старых производственных отношений к новым, от старого строя производства к новому происходит не автоматически, а путём сознательной деятельности новых классов, которые утверждают новую политическую власть и используют её как оружие для упразднения старых порядков в области производственных отношений и утверждения новых порядков.

Отсюда следует, что развитие производства и общества невозможно вне и помимо политического развития, что политическое развитие является формой и средством упразднения старых форм производства и утверждения новых.

Следовательно, изучение этапов политического развития, этапов развития государства, является средством выявления и определения этапов развития и материального производства, ибо смена одного политического строя другим, одной формы государства другой является выражением и показателем изменений и в материальном производстве, показателем изменений в экономическом базисе общества.

Итак, периодизация исторического процесса на основе политического принципа, образцом которой является сталинская периодизация, вытекает из самого существа исторического процесса, обуславливается характером исторического развития, представляющего собой единство эволюции и революции, экономики и политики, стихийных сил экономического развития и сознательной деятельности людей.

Сказанное в равной мере относится и к основным вехам исторической периодизации, отражающим смену одного общественного строя другим, и к более дробным подразделениям в периодизации, отражающим отдельные этапы в развитии данного общественного строя. При этом форма и характер политических событий в первом и втором случаях будут отличны, ибо в первом случае речь идёт о коренных переменах

⁵ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 115.

⁶ Там же, стр. 125.

в истории общества, а во втором — о более мелких, менее значительных изменениях: в пределах данного общественного строя, в пределах данной политической формы.

Будучи вехами исторического развития, события политической истории, истории государства являются тем самым рамками, отграничивающими друг от друга отдельные исторические периоды. При этом каждый такой период, само собой разумеется, характеризуется всеми присущими ему чертами и особенностями общественной жизни, начиная от материальных основ жизни общества и вплоть до различных форм общественного сознания. Но решающим моментом, придающим данному отрезку исторического развития характер закономерного этапа в истории, закономерного звена в общей цепи исторического развития, характер исторического периода, является именно момент политический, характер политических событий, изменений в политическом строе, в строе государства.

В дискуссии по вопросам о периодизации истории СССР, организованной редакцией журнала «Вопросы истории», вопрос о принципе, который должен лечь в основу периодизации, естественно, не мог не привлечь внимания участников дискуссии. С самого начала определились две основные точки зрения, представленные авторами, чьими статьями была открыта дискуссия, — К. В. Базилевичем и Н. М. Дружининым.

Позиция К. В. Базилевича, посвятившего свою статью вопросам периодизации истории СССР феодального периода, определяется выдвинутым им тезисом, что «периодизация исторического процесса должна быть произведена в соответствии с теми изменениями, которые в рассматриваемое время происходили в состоянии производства, т. е. в состоянии производительных сил и производственных отношений»⁷.

Конкретизируя свою позицию, К. В. Базилевич выдвигает в качестве теоретической основы для периодизации истории СССР феодального периода учение Маркса о докапиталистической ренте: «Марксистское учение о докапиталистической ренте даёт полную возможность установить главные этапы в развитии феодальных производственных отношений. Поэтому оно и должно быть положено в основу периодизации феодального периода»⁸.

Наконец, «в итоге рассмотрения основных вопросов, относящихся к периодизации феодального периода в России», К. В. Базилевич приходит к выводу, что феодальный период в России можно разделить «на три части: господство натурального хозяйства (отрабочная и продуктовая рента) — IX — конец XV в.; зарождение и развитие товарно-денежных отношений (денежная рента) — конец XV — середина XVIII в.; разложение феодального хозяйства и возникновение капиталистических отношений — середина XVIII — середина XIX века»⁹.

Позиция Н. М. Дружинина, статья которого посвящена периодизации истории капиталистических отношений в России, существенно отличается от позиции К. В. Базилевича.

Если К. В. Базилевич в основу периодизации истории СССР феодального периода кладёт экономический принцип, то, по мнению Н. М. Дружинина, напротив, «было бы ошибкой, если бы, устанавливая хронологические грани, мы следили исключительно за изменениями хозяйственной жизни: такая периодизация была бы чисто экономической, она не включала бы в себя других сторон исторического процесса, не раскрывала бы обратного воздействия — надстройки на базис, которое всегда учитывалось и подчеркивалось классиками марксизма»¹⁰.

Н. М. Дружинин выдвигает тезис, что при периодизации истории следует исходить «из понятия классовой борьбы как основного критерия»¹¹, и считает, что «при расчленении истории капиталистической эпохи на хронологические этапы правильное все-

⁷ К. Базилевич. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 65.

⁸ Там же, стр. 67.

⁹ Там же, стр. 89.

¹⁰ Н. Дружинин. О периодизации истории капиталистических отношений в России. «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 90.

¹¹ Там же, стр. 91.

го исходить из фактора классовой борьбы, которая является движущей силой исторического процесса в рамках каждого классового общества»¹².

В ходе дискуссии подверглись обсуждению и критике обе основные точки зрения — и К. В. Базилевича и Н. М. Дружинина.

Однако в критике схемы К. В. Базилевича и схемы Н. М. Дружинина участники дискуссии исходили из разных посылок. В то время как одна группа участников дискуссии, критикуя отдельные частности схемы К. В. Базилевича или даже всю его схему в целом, тем не менее принимала принципиальную основу его периодизации, построенной по социально-экономическому принципу, другая группа участников дискуссии отвергала именно основу периодизации К. В. Базилевича, присоединяясь к тезису Н. М. Дружинина о классовой борьбе как критерии периодизации (что вместе с тем не мешало этим участникам дискуссии вносить свои уточнения и изменения в периодизацию, предложенную Н. М. Дружининым).

К первой группе участников дискуссии следует отнести С. В. Юшкова, П. Ф. Баканова, А. П. Пьянкова. Правда, никто из них не принял полностью схемы К. В. Базилевича, но всех их объединяют с К. В. Базилевичем поиски основного критерия периодизации в сфере социально-экономических отношений феодального общества.

Так, С. В. Юшков, резко расходясь с К. В. Базилевичем в вопросах, связанных с историей феодального государства, вместе с тем утверждает, что «основным стержнем» периодизации истории СССР феодального периода должна являться «характеристика изменений, происходивших в состоянии феодального производства»¹³.

Иными словами, С. В. Юшков, подобно К. В. Базилевичу, считает, что в основу периодизации истории СССР феодального периода следует положить этапы в развитии феодальной экономики, феодального производства.

Так же ставит вопрос об основном критерии исторической периодизации П. Ф. Баканов, указывающий, что «с точки зрения диалектического материализма единственным охватывающим все стороны исторического процесса критерием периодизации является способ производства»¹⁴.

Наконец, А. П. Пьянков также предлагает этапы в истории русского феодализма намечать «по принципу выявления типичных явлений в организации феодального способа производства на отдельных этапах его развития»¹⁵.

Противоположную позицию заняли П. Я. Мирошниченко, А. А. Зимин, А. М. Борисов, солидаризировавшиеся с тезисом Н. М. Дружинина о классовой борьбе как критерии периодизации.

Наиболее отчетливо определил свою позицию А. А. Зимин. Признавая «отправные методологические посылки» К. В. Базилевича «вполне научно обоснованными, ибо они исходят из основного содержания истории как истории трудящихся масс», и соглашаясь с К. В. Базилевичем в необходимости «выделения наиболее крупных периодов истории феодализма по признаку развития производительных сил и производственных отношений», А. А. Зимин вместе с тем ставит вопрос о том, «как же определить грани, разделяющие различные периоды в истории русского феодализма?»¹⁶. По мнению А. А. Зимина, решение этого вопроса должно пойти по пути, предложенному Н. М. Дружининым. Поэтому А. А. Зимин солидаризируется с Н. М. Дружининым, подчёркивая, что «Н. М. Дружинин был прав, когда исходил «из фактора классовой борьбы», и в свою очередь указывая, что «это положение вполне применимо и к периодизации истории феодализма в СССР»¹⁷.

Что касается П. Я. Мирошниченко, то его отношение к проблеме периодизации выявляется в тех позициях, с которых он критикует схему К. В. Базилевича, видя недо-

¹² «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 90.

¹³ С. Юшков. К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века. «Вопросы истории» № 1 за 1950 г., стр. 72.

¹⁴ П. Баканов. О принципе периодизации и начальном периоде истории СССР капиталистической эпохи. «Вопросы истории» № 2 за 1950 г., стр. 75.

¹⁵ А. Пьянков. О периодизации истории феодальных отношений в России. «Вопросы истории» № 5 за 1950 г., стр. 84.

¹⁶ А. Зимин. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода. «Вопросы истории» № 3 за 1950 г., стр. 69.

¹⁷ Там же.

статок этой схемы в том, что «она не основана на истории классовой борьбы», что «классовая борьба не является главной чертой в периодизации К. В. Базилевича»¹⁸.

Несколько иначе ставит вопрос А. М. Борисов. Признавая, что Н. М. Дружинин в своей периодизации «исходит из марксистского принципа классовой борьбы, как движущей силы исторического процесса», А. М. Борисов вместе с тем видит недостатки схемы Н. М. Дружинина в том, что «Н. М. Дружинин в основу периодизации положил всякую классовую борьбу, независимо от её форм, от характера, от результатов её действия на исторический процесс»¹⁹. Между тем, по мнению А. М. Борисова, «не всякую классовую борьбу можно класть в основу периодизации». Поясняя свою мысль, А. М. Борисов ссылается на замечания И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории, указывая, что «авторы замечаний на конспекты учебников берут в основу периодизации не всякую классовую борьбу, а лишь только те её формы, которые либо совершают переворот в общественных отношениях либо наносят по старым общественным отношениям сильный удар, в результате которого происходят значительные перемены в социально-политическом строе»²⁰.

Итак, в итоге рассмотрения вопроса о принципе периодизации А. М. Борисов так же, как и Н. М. Дружинин, считает, что критерием для периодизации должна являться классовая борьба (но не «всякая классовая борьба», как выражается А. М. Борисов, а лишь в её наиболее существенных проявлениях).

Обзор мнений, высказанных в ходе дискуссии, показывает, что ни одна из двух предложенных на обсуждение точек зрения — ни К. В. Базилевича, ни Н. М. Дружинина — не получила единодушного одобрения и что, следовательно, вопрос о том, что должно служить критерием периодизации, как периода феодализма, так и новейшей истории СССР, остался для участников дискуссии открытым.

Чем можно объяснить такой итог дискуссии?

Основной и решающей причиной является то, что самый вопрос был поставлен неправильно. Неправильность, в равной мере присущая и статье К. В. Базилевича и статье Н. М. Дружинина, заключалась в том, что их авторы поняли свою задачу так, как будто бы им предстояло разработать совершенно новую, оригинальную периодизацию истории СССР, построенную на основе некоего избранного ими критерия.

В соответствии с таким пониманием задачи и К. В. Базилевич и Н. М. Дружинин сосредоточили своё внимание прежде всего на отыскании критерия периодизации, а затем уже на построении исторической схемы, охватывающей феодальный и капиталистический периоды истории СССР.

В действительности, однако, вопрос, стоящий перед советской исторической наукой, заключается вовсе не в создании некоей новой периодизации истории СССР, а в разработке и конкретизации тех основ марксистско-ленинской периодизации истории СССР, которые содержатся в работах классиков марксизма, в произведениях В. И. Ленина и И. В. Сталина.

И К. В. Базилевич и Н. М. Дружинин лишь чисто абстрактно ставят вопрос о том, что «периодизация должна дать такое членение исторического процесса, которое полностью отвечало бы марксистской концепции» (К. В. Базилевич)²¹, что «исходным пунктом такого исследования должно быть марксистское учение о социально-экономических формациях, в данном случае учение классиков марксизма о смене феодализма капиталистическим строем и капитализма — новым, социалистическим обществом» (Н. М. Дружинин)²².

Но такая постановка вопроса о периодизации истории СССР, во-первых, чрезмерно преувеличивает значение задач, стоявших перед К. В. Базилевичем и Н. М. Дружининым, а во-вторых, и это — самое главное, объективно означает недооценку значения того, что содержится в работах классиков марксизма по вопросу о периодизации.

¹⁸ П. Мирошниченко. По поводу статьи К. В. Базилевича «Опыт периодизации истории СССР феодального периода». «Вопросы истории» № 2 за 1950 г., стр. 92.

¹⁹ А. Борисов. К вопросу о формировании капиталистического уклада в промышленности. «Вопросы истории» № 3 за 1950 г., стр. 80.

²⁰ Там же.

²¹ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 65.

²² Там же, стр. 90.

Ни К. В. Базилевич, ни Н. М. Дружинин не подчёркивают, что в замечаниях И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории содержатся основные принципиальные указания по вопросам периодизации истории СССР, причём не только для новейшего периода истории СССР, но и для феодального периода.

Статьи К. В. Базилевича и Н. М. Дружинина проходят мимо и того важнейшего обстоятельства, что марксистско-ленинская периодизация истории СССР не является продуктом логически-абстрактного, кабинетного творчества, а представляет собой результат борьбы против антимарксистских, буржуазных концепций истории России, результат разгрома этих концепций, и в первую очередь результат разгрома антимарксистской исторической «школы» Покровского, разгрома, осуществлённого большевистской партией, И. В. Сталиным. Только недооценкой данной стороны проблемы периодизации истории СССР можно объяснить то, что в статьях К. В. Базилевича и Н. М. Дружинина нет ни одного слова об этом важнейшем моменте в процессе разработки основ марксистско-ленинской периодизации истории СССР.

Подобная черта статей К. В. Базилевича и Н. М. Дружинина, естественно, не могла пройти мимо внимания участников дискуссии, которые указали на то, что «недостатком вводной части статьи» К. В. Базилевича, «излагающей принципы периодизации, является отсутствие определения задач периодизации в связи с известным указанием И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на то, что историю Великой России нельзя отрывать от истории других народов СССР, а историю народов СССР — от истории общеевропейской и вообще мировой истории»²³. В ещё более резкой форме это сказано относительно статьи Н. М. Дружинина: «В разрешении вопроса о периодизации истории СССР надо исходить из замечаний И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории. Между тем Н. М. Дружинин построил свою статью в отрыве от этих замечаний»²⁴.

Вместе с тем следует отметить, что некоторые из участников дискуссии в постановке вопроса о периодизации повторили ошибку К. В. Базилевича и Н. М. Дружинина. Так, П. Ф. Баканов начинает свою статью с заявления, что «отсутствие более или менее удовлетворительной, основанной на едином методологически выраженном принципе периодизации истории СССР остро ощущается исторической общественностью»²⁵, очевидно, не замечая, что таким образом он игнорирует роль В. И. Ленина и И. В. Сталина в разработке основ марксистской периодизации истории СССР.

Рассматривая в связи с дискуссией, проведённой журналом «Вопросы истории», общие вопросы периодизации истории СССР, необходимо отметить ещё один момент. Говоря о периодизации истории СССР, следует иметь в виду, что эта периодизация должна быть периодизацией гражданской истории.

Это важнейшее принципиальное понятие было сформулировано в постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В этом историческом постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) констатировали, что «вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей — учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связанное изложение гражданской истории отвлечёнными социологическими схемами»²⁶.

Оценив такое преподавание истории в школах как неудовлетворительное, СНК СССР и ЦК ВКП(б) указали, что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимые для учащихся доступность,

²³ П. Мирощенко. По поводу статьи К. В. Базилевича «Опыт периодизации истории СССР феодального периода». «Вопросы истории» № 2 за 1950 г., стр. 90.

²⁴ А. Борисов. К вопросу о формировании капиталистического уклада в промышленности. «Вопросы истории» № 3 за 1950 г., стр. 80.

²⁵ «Вопросы истории» № 2 за 1950 г., стр. 74.

²⁶ Сборник «К изучению истории», стр. 18.

наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории»²⁷ (разрядка моя.— И. С.).

Эти принципиальные указания СНК СССР и ЦК ВКП(б) имеют прямое и непосредственное отношение к проблеме периодизации истории СССР.

Периодизация истории СССР не должна являться отвлечённой социологической схемой, содержащей абстрактные определения общественно-экономических формаций, она должна быть периодизацией конкретной истории, периодизацией исторических событий, должна представлять собой правильное обобщение исторических событий.

Именно так ставится вопрос о периодизации и в письме И. В. Сталина «Об учебнике истории ВКП(б)», где И. В. Сталин в качестве одной из трёх главных причин неудовлетворительности учебников по истории ВКП(б), существовавших в 1937 г., называл то, что эти учебники «страдают неправильностью конструкции, неправильностью периодизации событий»²⁸ (разрядка моя.— И. С.).

В том же письме, формулируя основные положения, которые должны лечь в основу работы над созданием учебника по истории ВКП(б), И. В. Сталин указывал, что необходимо «внести какой либо порядок в дело периодизации событий из истории ВКП(б)»²⁹ (разрядка моя.— И. С.).

Таким образом, основу периодизации истории СССР должны составлять исторические события, взятые во всей их конкретности, в историко-хронологической последовательности. Только такой подход к проблеме периодизации даёт возможность избежать абстрактного схематизма и социологизма, подменяющего живой процесс развития общества — гражданскую историю — абстрактной социологической схемой.

Следует признать, что эта сторона проблемы периодизации не нашла отражения в ходе дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории», и важнейший тезис об истории как гражданской истории оказался вне поля зрения и авторов вводимых статей и остальных участников дискуссии.

Между тем можно с уверенностью сказать, что выполнение требования СНК СССР и ЦК ВКП(б) об изучении гражданской истории во всей конкретности и в историко-хронологической последовательности оказало бы чрезвычайно плодотворное влияние на решение советскими историками проблемы периодизации истории СССР.

В свете постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в средней школе», в частности, становится очевидным, что схема периодизации истории СССР феодального периода, представленная К. В. Базилевым, страдает именно теми недостатками, от которых предостерегало это постановление, ибо предложение К. В. Базилева взять за основу периодизации учение Маркса об эволюции форм феодальной ренты ведёт к подмене проблемы периодизации событий гражданской истории проблемой изучения закономерностей развития феодальной ренты, т. е. проблемой совершенно иного порядка. Попытка К. В. Базилева расчленить исторический процесс на периоды, соответствующие периодам в развитии феодальной ренты, с неизбежностью придала периодизации К. В. Базилева те черты абстрактного схематизма и отвлечённого социологизма, которые были осуждены в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года.

К этому следует добавить, что периодизация, предложенная К. В. Базилевым, не может быть принята даже и применительно к тому кругу явлений, где, как, например, в истории земледелия, периодизация на основе изучения эволюции форм феодальной ренты теоретически является вполне правильной. Дело в том, что, объявляя теоретической основой своей периодизации учение Маркса о докапиталистической земельной ренте, К. В. Базилевич затем произвольно заменяет марксову трёхчленную схему эволюции докапиталистической земельной ренты (стработочная рента — рента продуктами — денежная рента) двухчленной схемой, объединяя период господства стработочной ренты и ренты продуктами в один общий период. В итоге получается, что,

²⁷ Сборник «К изучению истории», стр. 18.

²⁸ Там же, стр. 28.

²⁹ Там же, стр. 29.

в то время как Маркс в развитии феодальной экономики устанавливает три периода, К. В. Базилевич выделяет два основных периода: «период отработочной и продуктовой ренты и период возникновения и развития денежной ренты. В первом периоде феодальное хозяйство вполне сохраняет замкнутый натуральный характер, во втором — оно приспособляется к развитию товарных и денежных отношений»³⁰.

Такая «поправка» к учению Маркса о феодальной земельной ренте никак не может быть принята, ибо именно превращение отработанной ренты в ренту продуктами знаменует собой наиболее существенные изменения в феодальном хозяйстве: при господстве отработочной ренты «крестьянин своим трудом на земле помещика создает прибавочный продукт»; при ренте продуктами «крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «внеэкономического принуждения»³¹. Денежная же рента — это «та же рента натурой, превращенная в деньги, «оброк» старой Руси, в силу развития товарного производства»³².

В отличие от К. В. Базилевича Н. М. Дружинин, предлагая положить в основу периодизации истории СССР «фактор классовой борьбы», ближе подходит к осуществлению требования о том, чтобы предметом исследования советских историков являлась гражданская история.

События классовой борьбы, бесспорно, — важнейший момент в развитии общества, в гражданской истории. Поэтому несомненно, что периодизация истории общества, гражданской истории, невозможна без учёта событий классовой борьбы, в отрыве от событий классовой борьбы.

Однако понятие «классовая борьба», взятое в столь общей, абстрактной форме, не может быть само по себе признано за критерий исторической периодизации.

Известно, что Маркс отвергал попытки отождествления марксизма с учением о классовой борьбе. В своём знаменитом письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. — документе, где, по словам Ленина, «Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о государстве»³³, — Маркс писал: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определёнными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»³⁴.

Комментируя это «замечательное рассуждение» Маркса, В. И. Ленин писал: «Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма»³⁵.

³⁰ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 67.

³¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 51—52.

³² Там же, стр. 52.

³³ В. И. Ленин, Соч. Т. 25, стр. 383.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 63. Огиз. Госполитиздат. 1947.

³⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 383—384.

Замечательные слова Ленина, направленные своим остриём против низведения марксизма до уровня буржуазной теории классовой борьбы, противопоставляют марксистское учение о классах и классовой борьбе учениям буржуазных мыслителей.

В. И. Ленин вёл непримиримую борьбу против буржуазно-либерального извращения и опошления марксизма в вопросе о классах и классовой борьбе. Развивая взгляды Маркса на классовую борьбу, В. И. Ленин противопоставлял марксистское понятие классовой борьбы либеральному понятию классовой борьбы. Именно этому вопросу посвящены две статьи В. И. Ленина, направленные против меньшевика-ликвидатора А. Ерманского: «Анкета об организациях крупного капитала» и «О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы». Разоблачая буржуазно-либеральную сущность взглядов А. Ерманского, подмену им понятия классовой борьбы в том смысле, который придавал ей Маркс, «либеральным понятием классовой борьбы»³⁶, В. И. Ленин с гениальной глубиной показывает, что основным и наиболее существенным в марксистском понятии классовой борьбы является вопрос о государстве.

При этом, исходя из исключительной теоретической важности вопроса о понятии классовой борьбы, ибо «вопрос о классовой борьбе есть один из самых основных вопросов марксизма»³⁷, В. И. Ленин использовал выступление А. Ерманского для того, чтобы рассмотреть вопрос «о понятии классовой борьбы» в плане философско-теоретическом. Итоги рассмотрения Ленин подвёл в следующих предельно ясных словах: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая. Известно, что эти глубокие слова Маркса оппортунисты, поработанные идеями либерализма, понимали превратно и старались истолковать извращенно. К числу оппортунистов принадлежали, например, «экономисты», старшие братья ликвидаторов. «Экономисты» думали, что любое столкновение между классами есть уже политическая борьба. «Экономисты» признавали поэтому «классовой борьбой» борьбу за пятачок на рубль, не желая видеть более высокой, развитой, общенациональной классовой борьбы за политику. «Экономисты» признавали, таким образом, зачаточную классовую борьбу, не признавая ее в развитом виде. «Экономисты» признавали, иначе говоря, в классовой борьбе лишь то, что было наиболее терпимо с точки зрения либеральной буржуазии, отказываясь идти дальше либералов, отказываясь признавать более высокую, для либералов неприемлемую, классовую борьбу. «Экономисты» превращались этим в либеральных рабочих политиков. «Экономисты» отказывались этим от марксистского, революционного, понятия классовой борьбы.

Далее. Мало того, что классовая борьба становится настоящей, последовательной, развитой, лишь тогда, когда она охватывает область политики... Марксизм признает классовую борьбу вполне развитой, «общенациональной» лишь тогда, когда она не только охватывает политику, но и в политике берет самое существенное: устройство государственной власти.

Наоборот, либерализм, когда рабочее движение несколько окрепло, не решается уже отрицать классовой борьбы, но старается сузить, обкарнать, кастрировать понятие классовой борьбы. Либерализм готов признать классовую борьбу и в области политики, но с одним условием, чтобы в область ее не входило устройство государственной власти. Нетрудно понять, какие классовые интересы буржуазии вызывают это либеральное искажение понятия классовой борьбы»³⁸.

Итак, марксист не может просто говорить «классовая борьба». Марксистское, революционное понятие классовой борьбы признаёт вполне развитой, «настоящей», «общенациональной» классовую борьбу лишь тогда, когда в форме этой борьбы находит своё выражение борьба за власть, за устройство государственной власти.

Государство, будучи органом господствующего класса, удерживает в подчинении этому классу класс угнетённый. Но именно потому борьба угнетённых классов против угнетателей не может не быть направлена против данного государства, не может не ставить своей задачей изменение устройства государственной власти в интересах угнетённого класса. Таков тот критерий, который даёт марксизм для оценки явлений классовой борьбы, критерий, позволяющий безошибочно разобраться в общественных со-

³⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 51.

³⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 97.

³⁸ Там же, стр. 97—98.

бытиях, определить значение тех или иных событий классовой борьбы в процессе исторического развития.

Совершенно очевидно, что и рассматривая вопрос о классовой борьбе как критерий для периодизации истории СССР, Н. М. Дружинин обязан был раскрыть то содержание, которое он вложил в понятие классовой борьбы, должен был отмежеваться от либерального понятия классовой борьбы. Между тем в своей статье Н. М. Дружинин ограничивается лишь ссылкой на то, что «Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, давая периодизацию истории нового времени, обычно исходили из принципа классовой борьбы»³⁹, что, «исходя из понятия классовой борьбы как основного критерия, мы не должны забывать, что общие закономерности исторического процесса не исключают его национальных особенностей»⁴⁰, не раскрывая, в чём сущность марксистского «принципа классовой борьбы», не определяя марксистского «понятия классовой борьбы».

Отсутствие в статье Н. М. Дружинина анализа «понятия классовой борьбы» является крупнейшим недостатком, принципиальной её ошибкой. И дело здесь, конечно, не просто в неточной или неудачной формулировке. Пройдя мимо ленинского анализа «марксистского понятия классовой борьбы», Н. М. Дружинин лишил себя возможности использовать ленинский критерий для определения того, какие из событий в области классовой борьбы имеют решающее значение в ходе исторического развития и, следовательно, могут и должны лечь в основу исторической периодизации.

Между тем в работах В. И. Ленина,—именно исходя из марксистского понятия классовой борьбы, как борьбы, в которой главным и определяющим моментом является борьба за власть, за устройство государственной власти,—содержится стройная и целостная периодизация истории России XVII—XX веков. Основы этой периодизации даны В. И. Лениным в его оценке этапов в истории Русского государства, в эволюции форм государственной власти в России.

Проблеме периодизации истории России В. И. Ленин уделял особенно большое внимание после революции 1905 г., в период столыпинской реакции. Именно в те годы с особенной остротой встал вопрос о том, что представляет собой переживаемый Россией момент, как определить место этого момента в историческом развитии страны. В статьях «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам», «Наши упразднители», «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве» и других, анализируя вопрос об изменениях, происшедших в области социальной структуры общества и власти в России, В. И. Ленин доказал, что эпоха столыпинской реакции 1907 и последующих годов представляет собой «некоторый новый, своеобразный период русской истории»⁴¹.

Выдвигая этот тезис, Ленин указывал и тот критерий, который должен лежать в основе установления исторических периодов. Этим критерием должна быть форма государства, структура власти.

Устанавливая, что анализируемый им период характеризуется наличием таких сдвигов в устройстве государства, в социальной структуре власти, которые позволяют говорить о «новом периоде русской истории», Ленин демонстрировал вместе с тем, что этот новый период не является чем-то случайным, а представляет собой закономерное звено в историческом развитии России. Именно для доказательства данного положения В. И. Ленин обращается к истории России, давая общую схему исторического развития России за XVII—XIX вв., схему, устанавливающую основные этапы, пройденные Россией за это время. В. И. Ленин пишет: «Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая еще один шаг, в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии. В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны»⁴².

³⁹ «Вопросы истории» № 11 за 1950 г., стр. 90.

⁴⁰ Там же, стр. 91.

⁴¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 116.

⁴² Там же, стр. 117.

Ленинская схема периодизации истории России имеет огромное значение для разработки вопроса о периодизации истории СССР. Значение это двояко: оно состоит прежде всего, конечно, в том, что В. И. Ленин показывает основные этапы в истории России за три века и, таким образом, указывает основные вехи исторической периодизации. Вместе с тем — и в этом также огромное значение ленинской схемы периодизации — В. И. Ленин показывает принцип, на основании которого им произведено членение истории России на периоды, показывает, как следует решать проблему исторической периодизации.

Определяя основной характер исторического развития за XVII—XIX вв. как развития в направлении капиталистической эволюции страны, Ленин показывает, что формой разрешения основной задачи исторического развития России в XVII—XIX вв., т. е. задачи уничтожения феодального строя и утверждения капитализма, являлась классовая борьба, находившая своё выражение в эволюции форм государственного строя России, так как в изменении форм государственного строя России находили своё выражение и отражение изменения в соотношении сил основных классов русского общества, изменения, являвшиеся результатом сдвигов во всей системе общественных отношений страны.

Принципиальные предпосылки своей периодизации истории России В. И. Ленин сформулировал в статье «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам».

Отмечая в этой статье полную неспособность социалистов-революционеров дать правильную оценку и определить сущность нового исторического периода в истории России, наступившего после революции 1905 г., В. И. Ленин показал, что философские корни этой неспособности следует искать в том, что эсеры «не знают ни исторического материализма, ни диалектического метода Маркса, оставаясь целиком в плену вульгарных буржуазно-демократических идей»⁴³. Буржуазная идеология эсеров проявлялась и в их неспособности понять классовую сущность государства, государственной власти: «Конституция для них не новое поприще, не новая форма классовой борьбы, а абстрактное благо подобно «законности», «правовому порядку», «общему благу» либеральных профессоров и т. д. и т. п.»⁴⁴.

Либерально-буржуазным рассуждениям эсеров Ленин противопоставлял учение марксизма о государстве, раскрывающее классовую сущность государства, государственной власти: «На самом деле и самодержавие, и конституционная монархия, и республика суть лишь разные формы классовой борьбы, причем диалектика истории такова, что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой нисколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке»⁴⁵.

Сформулировав, таким образом, принципиальные, философские основы учения марксизма о государстве, Ленин затем проиллюстрировал правильность этого учения на материале исторического развития России: «Например, русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма» и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя»⁴⁶.

Итак, в смене форм русского государственного строя, в смене форм русского самодержавия XVII—XX вв. нашла своё отражение и выражение история классовой борьбы в России. При этом основная тенденция в развитии государственного строя в России — в направлении к буржуазной монархии — отражала и основную тенденцию всего исторического процесса в целом — тенденцию капиталистической эволюции страны, — и вместе с тем свидетельствовала о сохранении «господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке».

⁴³ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 308.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

Отсюда следует, что гранью, отделяющей один исторический период от другого, являются изменения в устройстве государства, изменения в форме государственной власти.

Таковы принципиальные основы ленинской периодизации истории России XVII—XX веков. Анализ их показывает, что теоретической основой ленинской периодизации является марксистское учение о классах и классовой борьбе, марксистское понятие классовой борьбы.

Очевидно, что и при разработке вопроса периодизации истории СССР в целом необходимо исходить из того же принципа, т. е. брать за основу периодизации, как главный критерий периодизации, изменение формы государственного строя, изменение формы государства, — критерий, в равной мере применимый и к членению главных исторических периодов — общественно-экономических формаций, и к членению внутри каждого исторического периода, внутри каждой общественной формации.

Исходя из таких принципиальных предпосылок, следует рассмотреть и конкретные схемы периодизации истории СССР, которые были выдвинуты в ходе дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории».

Прежде всего надо сказать, что статьи К. В. Базилевича и Н. М. Дружинина не охватывают всей проблемы в целом. В самом деле, совершенно очевидно, что проблема периодизации истории СССР не может исчерпываться ни рассмотрением вопроса о периодизации истории СССР феодального периода, ни установлением этапов в развитии капиталистических отношений в России. Она должна решаться как проблема, охватывающая всю историю СССР — с древнейших времён до наших дней. Это не значит, конечно, что невозможно специальное изучение отдельных вопросов, относящихся к периодизации истории СССР феодального периода или периода капитализма. Но изучение специальных вопросов периодизации истории СССР должно вестись в рамках общей проблемы периодизации истории СССР в целом и на основе тех предпосылок, исходя из которых решается общая проблема.

И. В. Сталин указывает, что «на протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных общественных строя: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, а в восточной части Европы, в СССР, сменились даже четыре общественных строя»⁴⁷.

Этим указанием И. В. Сталина даётся в наиболее общей и всеобъемлющей форме решение проблемы периодизации истории СССР: товарищ Сталин тем самым устанавливает основные этапы исторического развития, основные периоды в истории СССР — период первобытно-общинного строя, период рабовладельческого строя, период феодального строя, период капиталистического строя и, наконец, период социалистического строя.

Общая сталинская схема периодизации истории СССР не нашла отражения в дискуссии, проводившейся на страницах журнала «Вопросы истории». Она не явилась предметом анализа ни в статье К. В. Базилевича, ни в выступлениях по этой статье других участников дискуссии. Между тем установление И. В. Сталиным основных этапов в истории СССР создаёт предпосылки для рассмотрения вопросов периодизации внутри каждого исторического периода, в первую очередь для рассмотрения вопросов периодизации истории СССР феодального периода.

С особенной наглядностью это выступает на примере вопроса о «дофеодальном периоде» истории СССР. Проблема «дофеодального периода», его сущности, хронологии и т. д. за последние годы не раз являлась предметом обсуждения в специальных работах и в общих трудах, посвящённых древнейшим этапам истории СССР.

Проблема эта, как известно, была поставлена перед советскими историками замечаниями И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР, после того как И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров указали как на одну из принципиальных ошибок авторов конспекта учебника по истории СССР на то, что «в конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены; самодержавный строй государства и строй

⁴⁷ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 113.

феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»⁴⁸.

Такое принципиальное указание не могло не привлечь внимания участников дискуссии по вопросам периодизации истории СССР, и проблема «дофеодального периода» явилась предметом анализа как в статье К. В. Базилевича, так и в выступлениях других участников дискуссии (С. В. Юшкова, В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского и т. д.).

Дискуссия выявила большие расхождения у отдельных авторов в трактовке «дофеодального периода». Так, К. В. Базилевич определяет «собственно дофеодальный период» как время «первобытно-общинного строя и начала его разложения»⁴⁹. С. В. Юшков, напротив, рассматривает «дофеодальное», или «варварское», государство как «самый ранний период в возникновении феодального государства»⁵⁰. Наконец, В. И. Довженко и М. Ю. Брайчевский определяют дофеодальный период как «переходный этап от первобытно-общинного строя к феодальному, на протяжении которого формировались феодальные отношения»⁵¹.

Эти расхождения в понимании существа «дофеодального периода», однако, не уничтожают того общего, что характеризует позиции всех участников дискуссии, а именно того, что все участники дискуссии рассматривают проблему «дофеодального периода» как составную часть проблемы периодизации феодального периода истории СССР.

Такой подход к проблеме «дофеодального периода», однако, приводит к внутренне противоречивому положению, заключающемуся в том, что дофеодальный период оказывается частью периода феодального.

С. В. Юшков пытается найти выход, ссылаясь на то, что отказ от отнесения дофеодального (варварского) государства к периоду феодализма должен повлечь за собой вывод (абсурдный), что «в варварском государстве вообще нет классов; что для варварского государства характерно существование какой-то особой группы, включающей и рабов и феодально-зависимое крестьянство — челядь; другими словами, в варварском государстве был какой-то особый общественный строй, «челядинный»⁵².

Совершенно то же логическое построение (но с противоположным выводом) выдвигает и К. В. Базилевич. Указав, что «понятие «дофеодального периода», или «дофеодального государства», не отнесённое ни к одной из существующих общественно-экономических формаций, не имеет исторического смысла», и одновременно подчеркнув: «вместе с тем вполне ясно, что Киевское государство, основанное на классовом делении общества, не может быть отнесено к первобытно-общинному строю», К. В. Базилевич заключает: «Остаётся, следовательно, включить Киевское государство либо в рабовладельческий либо в феодальный период. В первом случае пришлось бы признать, что либо Киевское государство было рабовладельческим либо рабовладельческие отношения в нём получили впоследствии дальнейшее развитие. Ошибочность подобных представлений следует отнести к числу вполне доказанных положений советской исторической науки. Время Киевского государства—время генезиса феодальных отношений»⁵³.

Таким образом, и К. В. Базилевич, подобно С. В. Юшкову, пытается решить проблему «дофеодального периода» путём отождествления «дофеодального периода» с определённой общественно-экономической формацией, с тем лишь отличием, что относит понятие «дофеодальный период» не к феодальной формации, а к первобытно-общинному строю.

Однако ни решение проблемы дофеодального периода, на котором настаивает С. В. Юшков, ни решение, которое выдвигает К. В. Базилевич, в равной мере не могут быть признаны удовлетворительными: и отождествление дофеодального периода (соответственно: дофеодального государства) с начальным периодом феода-

⁴⁸ Сборник «К изучению истории», стр. 22.

⁴⁹ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 66.

⁵⁰ «Вопросы истории» № 1 за 1950 г., стр. 73.

⁵¹ В. Довженко и М. Брайчевский. О времени сложения феодализма в древней Руси. «Вопросы истории» № 8 за 1950 г., стр. 60.

⁵² «Вопросы истории» № 1 за 1950 г., стр. 73—74.

⁵³ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 70—71.

лизма (соответственно: феодального государства) и отнесение дофеодального периода к первобытно-общинному строю представляют, по сути дела, лишь разные формы отката от решения этой проблемы, разные формы снятия самого понятия «дофеодальный период».

В чём причина такого неудовлетворительного решения К. В. Базилевичем и С. В. Юшковым вопроса о «дофеодальном периоде»?

Причину следует искать в неправильном подходе к вопросу о «дофеодальном периоде». И К. В. Базилевич и С. В. Юшков подошли к решению вопроса о дофеодальном периоде не конкретно-исторически, а абстрактно-социологически. Именно этим абстрактно-социологическим подходом и объясняются попытки К. В. Базилевича и С. В. Юшкова разрешить вопрос о дофеодальном периоде путём приравнения дофеодального периода к определённой общественно-экономической формации.

Однако такой подход к рассматриваемому вопросу приводит лишь к тому, что у С. В. Юшкова дофеодальный период оказывается объединённым с феодальным (против чего как раз и было направлено замечание И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова), а К. В. Базилевич также фактически снимает проблему «дофеодального периода», отождествляя его с периодом первобытно-общинного строя.

В замечаниях И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР «дофеодальный период» выступает не как социологическая категория, не как синоним той или иной общественно-экономической формации, а как понятие для обозначения определённого этапа исторического развития в истории СССР, этапа, предшествовавшего образованию феодального строя. И смысл замечания о дофеодальном периоде как раз и заключается в том, чтобы раскрыть условия и обстановку возникновения феодального общества на территории СССР путём изучения периода в истории СССР, предшествовавшего феодализму, — дофеодального периода.

Решающее значение здесь имеют сформулированные И. В. Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)» положения об основных этапах исторического развития, пройденных Европой в целом и восточной частью Европы, СССР, в частности.

Отсюда следует, что проблема образования феодализма на территории СССР (а следовательно, и проблема «дофеодального периода») в общей, принципиальной форме может считаться решённой советской исторической наукой путём изучения того, каким образом и в какой форме произошла на территории СССР смена рабовладельческого строя феодальным строем.

При этом советские историки отвергли как несостоятельное такое решение, когда рабовладельческий строй усматривался в Киевском государстве, равно, как и такое, когда рабовладельческий строй вовсе отрицался в истории СССР.

Правильное решение проблемы образования феодализма на территории СССР (а следовательно, и проблемы смены рабовладельческого строя строем феодальным) оказалось возможным лишь тогда, когда рассмотрение этого вопроса советскими историками было выведено за рамки изолированного изучения одних лишь собственно русских процессов исторического развития и вопрос о формировании феодальных отношений на территории СССР был сформулирован как составная часть общеевропейской и вообще мировой проблемы перехода от рабовладельческого строя к строю феодальному. В такой постановке вопроса о путях и формах образования феодального строя на территории СССР советские историки исходили из сформулированного в замечаниях И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР указания о том, что «нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР — это во-первых, — и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории, — это во-вторых»⁵⁴.

Такая постановка вопроса находится в полном соответствии с той периодизацией истории СССР, которая содержится в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)», где этапы истории, пройденные восточной частью Европы, рассматриваются как выражение общеевропейского процесса развития.

В настоящей статье нет необходимости воспроизводить тот путь и те методы, при помощи которых советскими историками была решена проблема образования феодаль-

⁵⁴ Сборник «К изучению истории», стр. 24.

ного строя на территории СССР. Достаточно указать лишь итоги этой работы, работы концентрировавшейся вокруг проблемы «Киевского государства», его происхождения, природы и исторических судеб.

Б. Д. Греков, исследования которого по истории Киевской Руси, бесспорно, сыграли крупнейшую роль в выработке современных, марксистских взглядов на этот важнейший период в истории СССР, подводит итоги в форме следующего противопоставления двух точек зрения на Киевскую Русь: «тех, кто верил, а может быть, и продолжает верить в то, что Киевская Русь — страна рабовладения, что Русь в это время переживала рабовладельческую формацию, т. е. плелась позади западно-европейских стран, отставая от них лет на 500», и «тех, кто считает Русь одним из средневековых государств выросших в борьбе с рабовладельческим миром и создавших новый, более прогрессивный общественный порядок на развалинах рабовладельческого строя»⁵⁵.

Предпосылкой для выяснения несостоятельности первой из названных Б. Д. Грековым точек зрения и для победы второй, в настоящее время общепризнанной, было определение огромной роли славян и созданных славянами государств, крупнейшим из которых являлось Киевское государство, во всемирной истории, во всемирно-историческом процессе.

То, что в буржуазной историографии связывалось ранее лишь с германцами, с германскими «варварскими» племенами — крушение рабовладельческой цивилизации и образование феодального строя, — теперь, после работ советских историков, в не меньшей степени оказывается результатом действия на исторической сцене славян, славянских племён.

То, что делали германские племена на Западе — наступление на Римскую империю, — то славяне осуществляли на Востоке в походах на Византию. Эта борьба между античной рабовладельческой цивилизацией и германо-славянским «варварским» миром и явилась рубежом и вместе с тем формой перехода от античного рабовладельческого строя к средневековому феодальному строю.

В свете такого решения советской исторической наукой вопроса об установлении феодального строя на территории СССР совершенно очевидным становится содержание дофеодального периода, равно как и то, что Киевское государство (которое Маркс рассматривал в качестве параллели государства Карла Великого) не может быть относимо к дофеодальному периоду, поскольку оно не завершает процесса распада старой, дофеодальной формы общественного строя на территории СССР, а открывает начало новой, феодальной формы общественного строя на территории СССР.

Определение места и значения Киевского государства в истории СССР не исчерпывается, однако, лишь решением вопроса о начальном моменте в истории Киевского государства. Если Киевское государство открывает собой новый, феодальный период истории СССР, то совершенно очевидно, что необходимо определить, где заканчивается этот первый этап в истории феодального строя на территории СССР, этап, связанный с Киевским государством.

В существующей советской исторической литературе ответ на поставленный вопрос даётся в форме определения следующего за Киевским государством периода в истории СССР, как периода феодальной раздробленности, причём обычно начало этого периода датируется серединой XI века. Так, в частности, считает и К. В. Базилиевич.

Определив «время Киевского государства» как «время генезиса феодальных отношений», К. В. Базилиевич следующим образом основывает свою точку зрения на период феодальной раздробленности: «Мы начинаем новый исторический период именно с этого времени (середина XI в.) потому, что в источниках второй половины XI и начала XII в. ясно выступают глубокие изменения в социально-экономических отношениях и в политическом строе Руси. К ним относятся: развитие крупного землевладения, законодательство сыновей и внуков Ярослава, устанавливающее господство феодальных производственных отношений, усиление классовой борьбы, вылившейся в ряд открытых народных выступлений (1068, 1071, 1113 гг.), созыв княжеских съездов для решения общих дел, политическое обособление отдельных земель и проч. Все эти явления указывают

⁵⁵ Б. Греков. Киевская Русь, стр. 237. М.-Л. 1949.

на утверждение феодального способа производства и на начало феодальной раздробленности»⁵⁶.

Этот тезис К. В. Базилевича подвергся критике со стороны В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского, справедливо указавших на то, что перечисленные К. В. Базилевичем признаки не включают основного признака феодального способа производства — «перехода крестьян в феодально-зависимое крепостное состояние»⁵⁷. Следует, впрочем, заметить, что, критикуя К. В. Базилевича, В. И. Довженок и М. Ю. Брайчевский не совсем точно излагают позицию К. В. Базилевича: у него речь идёт не о «начале феодализма на Руси», а об «утверждении феодального способа производства», что вовсе не одно и то же.

Однако вопрос, сформулированный К. В. Базилевичем, — о периоде феодальной раздробленности, — может и должен быть подвергнут рассмотрению совсем в иной плоскости.

В каком отношении находятся отмечаемые К. В. Базилевичем явления и процессы к самому факту существования Киевского государства? Означают ли эти явления и процессы уничтожение Киевского государства или они свидетельствуют о развитии его, о новом этапе в его истории? Мне представляется, что вряд ли может быть сомнение в том, что совершенно невозможно заканчивать историю Киевского государства серединой XI века. Достаточно указать на Пространную Русскую Правду, Нестерову Повесть временных лет или Слово о полку Игореве, — все, бесспорно, относящиеся к Киевскому государству, — чтобы признать, что время Киевского государства захватывает и XII век. Но если это так, то отсюда следует, что вопрос о начале нового периода в истории феодальной Руси вряд ли может быть решён так, как предлагает К. В. Базилевич. В самом деле, очевидно, что новый период в истории феодальной Руси является периодом, сменяющим собой период Киевского государства.

К какому же времени относить конец «Киевского периода» в истории феодальной Руси? Где кончается история Киевской Руси?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо ясно представить себе характер Киевского государства. Мало определить, что по своей социально-экономической природе Киевское государство было феодальным государством. Надо охарактеризовать его политическую природу, его государственный строй. Киевское государство представляло собой совершенно особую, самостоятельную форму государства, существенным образом отличавшуюся, скажем, от Русского централизованного государства XV и позднейших столетий. Ибо в то время как предпосылкой политической централизации в XV и позднейших веках являлось развитие экономической общности русских земель и само Русское централизованное государство, шедшее на смену феодальной раздробленности удельных времён, было, говоря словами Энгельса, государством «образующейся нации», — время Киевского государства характеризуется как раз противоположными чертами: отсутствием экономического единства территорий и районов, входивших в состав Киевского государства, отсутствием, следовательно, необходимых экономических условий для развития нации.

Поэтому Киевское государство никак не может рассматриваться как своего рода раннее централизованное государство, как политическое выражение экономического единства русских земель, объединённых в этом государстве.

Для правильного понимания природы государственного строя Киевского государства исключительную важность имеет указание И. В. Сталина, содержащееся в его ответе товарищу Санжееву.

Указав на происхождение национальных языков из местных диалектов, отдельные из которых «в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки», и подчеркнув, что именно таким путём образовались русский и украинский национальные языки, И. В. Сталин отметил вместе с тем, что «бывают и обратные процессы, когда единый язык народности, не ставшей ещё нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой

⁵⁶ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 71.

⁵⁷ «Вопросы истории» № 8 за 1950 г., стр. 61.

народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолотиться в едином языке,— оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков»⁵⁸. И. В. Сталин допускает, что «возможно, что так именно обстояло дело, например, с единым монгольским языком»⁵⁹. Но охарактеризованные И. В. Сталиным процессы «государственного распада» народностей, не ставших ещё нациями в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, имеют, конечно, гораздо более широкое и общее значение, чем только для решения вопроса о «едином монгольском языке». В частности, указанные И. В. Сталиным процессы имеют огромное значение для понимания природы Киевского государства.

В самом деле, в каком отношении к литературному языку Киевской Руси — языку договоров с Византией и Русской Правды, языку Повести временных лет и Слова о полку Игореве — находятся те диалекты, которые легли в основу русского и украинского национальных языков? Я думаю, что это отношение целиком соответствует формуле И. В. Сталина, содержащейся в его ответе тов. Санжееву: это — отношение между единым языком народности, ещё не ставшей нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, и местными диалектами, не успевшими ещё перемолотиться в едином языке.

Но если это так, то, очевидно, и тезис И. В. Сталина о «государственном распаде» такой народности имеет прямое отношение к истории Киевского государства. Ибо самостоятельные национальные русский и украинский языки (а также и белорусский национальный язык) развились именно после распада Киевского государства, когда «единый язык народности, не ставшей еще нацией», потерпел крах и ожившие местные диалекты дали начало образованию отдельных самостоятельных языков.

Обращаясь теперь к вопросу о природе государственного строя Киевской Руси, следует, исходя из анализа процессов, связанных с историей развития национальных языков, данного И. В. Сталиным, определить Киевское государство как форму государственного единства русской народности, не ставшей ещё нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития.

То обстоятельство, что государственное единство русской народности во времена Киевского государства имело место в условиях отсутствия ещё необходимых экономических условий для развития народностей в нации, объясняет особенности формы государственного строя Киевской Руси, непрочность этого строя, и то, что в процессе развития феодальных отношений Киевское государство испытывает нарастающее феодальное дробление, приводящее в конце концов к образованию типичной феодальной иерархии.

Все эти процессы облегчали государственный распад Киевского государства. Но они вместе с тем не уничтожали самого факта государственного единства всей территории Киевского государства, которое ярко выступает прежде всего в области культуры, являвшейся в своих основных чертах общей для всей Киевской Руси; выступает оно в факте выработки общественным сознанием того времени таких понятий, как «Русь», «Русская земля» и т. д.; выступает в действии общих для всего Киевского государства правовых норм — норм «Русской Правды».

Это же государственное единство территории Киевской Руси выступает и во внешнеполитических отношениях Киевского государства, чётко стграничивавшего себя от других государств и столь же бесспорно признававшегося таковым иностранными государствами.

Наконец, сама политическая структура Киевского государства, выступавшая в виде сложной системы взаимных отношений между отдельными политическими центрами («междукняжеские отношения»), также охватывала собой всю территорию Киевского государства.

Государственное единство Киевской Руси не уничтожается ни тем фактом, что в пределах территории Киевского государства и на его основе возникали самостоятельные феодальные «полугосударства», как, скажем, «новгородская боярская республика», ни тем, что во второй половине XII в. и начале XIII в. Киев всё больше

⁵⁸ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 37—38. Госполитиздат, 1950.

⁵⁹ Там же, стр. 38.

терял значение политического центра Киевского государства, уступая место Владимиру.

Все эти черты характеризуют внутреннюю структуру Киевского государства, отражая собой процесс развития феодального строя Киевской Руси. Но они не уничтожают и не могут уничтожить самого факта государственного единства всех русских земель, объединённых в Киевском государстве.

Это единство продолжало сохраняться вплоть до XIII в., до монгольского нашествия 30-х годов XIII в., воспринятого его современниками как «погибель Русской земли», границы которой автор «Слова о погибели Русской земли» очертил в следующих знаменитых словах: «Отселе до угор и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи, и от ятвязи до литвы, до немец; до корелы, до устьяга, где бяху тамо тоимици поганин, и за дышючим морем, от моря до болгарь, от болгарь до буртас, от буртас до черемис, от черемис до мордвы, то все покорено было богом христьянскому языку поганьския страны великому князю Всеволоду, отцу его Юрью князю Киевскому, деду его Володимеру и Манамаху, которым то половиц дети своя ношаху в колыбели, а литва из болота на свет не выниковаху, а угры твердяху каменные города железными вороты, абы на них великий Володимер тамо не въехал, а немцы радовахуса, далече будуче за синим морем»⁶⁰.

Таков должен быть ответ на вопрос о времени окончания «Киевского» периода в истории СССР. Сказанное вовсе не исключает необходимости установления этапов в истории развития Киевского государства. Но эти этапы будут уже этапами внутри данного периода, внутри периода Киевского государства.

Хронологические рамки периода, который следует за периодом Киевского государства, определяются самим содержанием этого периода. Замечания товарищей И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР подчёркивают недопустимость сваливания «в одну кучу» самодержавного строя государства и строя феодального, «когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»⁶¹. Отсюда следует, что время самодержавного строя государства и время феодального строя государства составляют разные, самостоятельные исторические периоды. Вместе с тем замечания товарищей И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова раскрывают и основное содержание периода, предшествовавшего периоду самодержавного строя государства, характеризуя период феодального строя как время, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств.

Распад Киевского государства под ударами монгольских завоевателей имел своим последствием и расчленение территории Киевского государства. Значительная часть территории, входившей в состав Киевской Руси,— все юго-западные и большая часть западных земель оказались лишёнными государственной самостоятельности и были включены в другие политические системы (Польша, Литва и т. д.). Остальная часть русских земель, хотя и сохранила свою государственность, но более чем на два столетия попала под гнёт «монгольского ига».

В отличие от времени Киевского государства Россия XIII—XV вв. не представляла собой единой государственной системы (хотя бы и построенной по типу феодальной иерархии), она представляла собой ряд государственных систем, группировавшихся каждая вокруг своего собственного политического центра (Москва, Тверь, Рязань, Нижний Новгород, Новгород Великий, Псков, Вятка), причём государственная связь между этими феодальными системами частью вовсе отсутствовала, частью носила почти символический характер. Реальные же взаимоотношения определялись путём прямой и открытой борьбы в форме феодальных войн или путём борьбы дипломатической, дополнявшей и сочетавшейся с борьбой военной. Важнейшей внешнеполитической чертой этого периода являлось наличие «иноземного гнёта»⁶². Наконец, экономической базой феодальной раздробленности являлось отсутствие экономического единства русских земель.

К этому периоду истории России полностью приложима характеристика «периода

⁶⁰ Труды отдела древнерусской литературы, т. V, стр. 188. Л., 1947.

⁶¹ Сборник «К изучению истории», стр. 22.

⁶² И. Сталин. Приветствие Москве. «Правда» от 7 сентября 1947 года.

феодализма», данная И. В. Сталиным в работе «Национальный вопрос и ленинизм», где указывается, что «в период феодализма... страны были раздроблены на отдельные самостоятельные княжества, которые не только не были связаны друг с другом национальными узами, но решительно отрицали необходимость таких уз»⁶³.

В той же работе И. В. Сталин указывает и что являлось материальной базой феодальной раздробленности, подчёркивая, что в «докапиталистический», феодальный период «не было ещё национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздроблённость данного народа и стягивают разобщённые доселе части этого народа в одно национальное целое»⁶⁴.

Характеризуя основные черты государственного строя периода феодализма и вскрывая экономическую базу политической раздробленности, присущей периоду феодализма, И. В. Сталин показывает вместе с тем и пути и формы, в каких происходила ликвидация феодальной раздробленности.

Формой, в которой происходила ликвидация феодальной раздробленности, являлось образование централизованного государства. Но в отличие от Западной Европы, где «период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств», «на востоке Европы, наоборот, процесс образования наций и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств»⁶⁵. Так обстояло дело в Венгрии, Австрии, России. «В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»⁶⁶.

Итак, интересы обороны, требовавшие незамедлительного образования централизованного государства, способного удержать напор нашествия, ускорили процесс образования централизованного государства в России. Этот тезис И. В. Сталина объясняет факт образования Русского централизованного государства в условиях ещё не ликвидированного феодализма, в условиях, когда капиталистического развития ещё не было, когда оно, может быть, только зарождалось.

Вместе с тем, анализируя процесс образования централизованного государства в России, И. В. Сталин подчёркивает недопустимость видеть причины образования централизованных государств на востоке Европы в одних лишь факторах внешнего порядка или сводить эти причины к такого рода факторам.

В специальном письме гг. Цветкову и Алыпову И. В. Сталин разъяснил всю ошибочность противопоставления «экономического развития» и необходимости обороны от внешнего врага как факторов, обуславливающих процесс образования централизованных государств, и подчеркнул, что момент обороны играл в процессе образования централизованных государств роль не определяющего фактора, а лишь фактора, ускоряющего этот процесс⁶⁷.

Таким образом, лишь учёт обоих факторов — «экономического развития» как определяющего фактора и необходимости обороны как фактора, ускоряющего развитие — даёт возможность правильно понять процесс образования Русского централизованного государства.

Характеризуя содержание процесса образования Русского централизованного государства, И. В. Сталин указывает вместе с тем и то, где проходит хронологическая грань между периодом феодальной раздробленности и периодом образования Русского централизованного государства. С исчерпывающей определённой И. В. Сталин говорит об этом в приветствии Москве в связи с её 800-летием. «Заслуги Москвы состоят не только в том, что она на протяжении истории нашей Родины трижды освобождала ее от иноземного гнета — от монгольского ига, от польско-литовского нашествия, от французского вторжения. Заслуга Москвы состоит, прежде всего, в том, что она стала

⁶³ И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 336.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 33, 34.

⁶⁶ Там же, стр. 34.

⁶⁷ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 176—178.

основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством»⁶⁸.

Итак, гранью, отделяющей период феодальной раздробленности от периода образования Русского централизованного государства, является освобождение России от иноземного гнёта, существовавшего в форме монгольского ига, и объединение разрозненной страны в единое государство с единым правительством, с единым руководством.

Оба эти события приходятся на вторую половину XV в., когда (в 1480 г.) пало «монгольское иго» и вместе с тем Москва, одержав решающую победу в феодальной войне, поднятой Дмитрием Шемякой, объединила под своей властью основные русские земли. Таким образом, вторая половина XV в. и является концом периода феодальной раздробленности.

Образование Русского централизованного государства, будучи гранью, завершающей период феодальной раздробленности, вместе с тем само по себе охватывает целую эпоху и, таким образом, составляет самостоятельный исторический период — со второй половины XV в. вплоть до начала XVII века.

В рамках этого периода выделяются три главных этапа. Первый из них совпадает в основном со временем княжения Ивана III и Василия III и охватывает, таким образом, конец XV в. и первую треть XVI века. В это время происходят объединение территории Русского государства, ликвидация самостоятельных феодальных «полугосударств» и включение их в состав Русского государства. Во втором этапе, падающем на время Ивана Грозного (и на непосредственно продолжающие его царствования Фёдора Ивановича и Бориса Годунова), центр тяжести переносится с вопросов территориальных на строительство аппарата власти и управления централизованного государства (хотя и моменты территориального порядка занимают важное место: включение в состав Русского государства новых территорий — Поволжья, Приуралья и Сибири). Наконец, содержанием третьего этапа является борьба за национальную самостоятельность Русского государства, «за утверждение своей независимости», прежде всего против польско-литовского нашествия в начале XVII в., а также против шведской интервенции. К этому времени уже успели вполне сказаться результаты строительства централизованного государства — «с единым правительством, с единым руководством». Итоги борьбы русского народа за «утверждение своей независимости» — разгром польско-шведской интервенции — явились вместе с тем и итогом процесса образования русского централизованного государства.

Исходной посылкой при рассмотрении вопросов периодизации дальнейших этапов в истории СССР должно служить положение В. И. Ленина о «новом периоде русской истории», начинающемся «примерно с 17 века»⁶⁹.

Смысл самого названия «новый период» вполне раскрывается противопоставлением В. И. Лениным этого периода «древней Руси» и «средним векам»⁷⁰. Что касается содержания «нового периода русской истории», то рассмотрению именно этого вопроса и посвящены работы, в которых В. И. Ленин анализирует эволюцию самодержавия в России за XVII—XIX вв., устанавливая основную тенденцию исторического развития России за три века как тенденцию капиталистической эволюции страны.

Принципы ленинской периодизации истории России XVII—XIX вв. уже были рассмотрены в первой части настоящей статьи. Я ограничусь поэтому лишь некоторыми дополнительными замечаниями в связи с трактовкой вопросов периодизации периода XVII—XIX вв. в статьях К. В. Базилиевича и Н. М. Дружинина,

Первое из замечаний следует отнести к интерпретации К. В. Базилиевичем ленинского тезиса о «новом периоде» в истории России. К. В. Базилиевич датирует этот «новый период» временем «с конца XVII в.»⁷¹. Такое толкование вопроса о хронологии «нового периода» русской истории не может быть принято не только потому, что ленинская формула: «примерно с 17 века» — включает XVII в. в рамки «нового периода», но и потому — и это самое главное, — что ленинский тезис о «новом периоде» русской истории стоит в прямой и неразрывной связи с формулой Ленина об основных этапах в развитии русского государственного строя за XVII—XIX века. Начиная эту

⁶⁸ «Правда» от 7 сентября 1947 года.

⁶⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 137.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 87.

формулу с характеристики «самодержавия XVII века», В. И. Ленин тем самым прямо указывает на момент, с которого начинается эволюция русского государственного строя в «направлении к буржуазной монархии». Но именно с этого же момента, «примерно с 17 века», В. И. Ленин датирует и начало «нового периода» в русской истории, периода, экономическим содержанием которого явилось развитие буржуазных связей.

Второе замечание необходимо сделать по адресу Н. М. Дружинина. Рассматривая вопрос о периодизации истории капиталистических отношений в России, Н. М. Дружинин при выделении основных этапов этого процесса не опирается на ленинскую периодизацию истории России XVII—XIX вв., и предложенная им схема основных периодов в развитии капиталистических отношений в России не соответствует тем периодам в истории развития русского государственного строя за XVII—XIX вв., которые названы в трудах В. И. Ленина.

При этом в качестве своего рода теоретической основы для всей периодизации Н. М. Дружинин использует выдвинутую В. К. Яценским трёхчленную схему развития капитализма, согласно которой, «разрешая проблему возникновения капитализма в нашей стране, мы должны различать: 1) зачатки капиталистической формации, т. е. отдельные спорадические явления нового; 2) капиталистический уклад, т. е. сложившуюся сумму капиталистических элементов, которые разлагают старую формацию и, наконец, 3) победившую и господствующую капиталистическую формацию, в которой сохраняются пережитки феодального строя»⁷².

В соответствии с этой схемой Н. М. Дружинин и делит новую историю России на три этапа: первый, характеризующийся наличием зачатков капиталистической формации, — до 60-х годов XVIII в., второй — период создания капиталистического уклада (1760—1861 гг.) и, наконец, третий — период капиталистической формации (1861—1917 гг.).

Сопоставляя периодизацию Н. М. Дружинина с ленинской периодизацией истории России XVII—XIX вв., не трудно увидеть, что Н. М. Дружинин лишь в одном звене своей периодизации (именно в третьем) опирается на ленинскую периодизацию. Два же первых звена периодизации Н. М. Дружинина стоят в прямом противоречии с теми периодами в истории России XVII—XIX вв., которые установил В. И. Ленин. В самом деле, если В. И. Ленин говорит о начале «нового периода» русской истории «примерно с 17 века», то Н. М. Дружинин для всего XVII в. и большей части XVIII в. говорит лишь об отдельных, спорадически появляющихся зачатках капитализма, «которые еще не могли поколебать господствующую феодальную систему»⁷³; если В. И. Ленин, периодизируя историю «нового периода», второй этап в истории этого периода связывает с «монархией XVIII в.», то Н. М. Дружинин не видит ничего принципиально нового, по сравнению с периодом «монархии XVII в.», ни в петровской монархии первой четверти XVIII в., ни в государстве второй четверти XVIII в., вплоть до 60-х годов XVIII века. Наконец, самая дата 60-е годы XVIII в., выдвигаемая Н. М. Дружининым как хронологическая грань, знаменующая сформирование капиталистического уклада, никак не может быть согласована с теми этапами в развитии государственного строя России, которые устанавливает В. И. Ленин. Ибо в ленинской периодизации истории России в качестве второго этапа в истории государственного строя России за XVII—XIX вв. выступает весь XVIII век в целом — «самодержавие XVIII в. с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещённого абсолютизма»⁷⁴, — и развёрнутая ленинская характеристика «самодержавия XVIII в.» не даёт никакой возможности говорить о каком-то новом, важнейшем этапе в историческом развитии России, начинающемся с 60-х годов XVIII века.

Подводя итоги, следует признать, что отступления от ленинской схемы периодизации «нового периода» русской истории, допущенные К. В. Базилевичем и Н. М. Дружининым, лишили их возможности разработать конкретную схему периодизации этого периода истории СССР — схему, основу которой должны были составить принципы периодизации, сформулированные В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

⁷² «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 93.

⁷³ Там же.

⁷⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 308.

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СССР

А. Предтеченский *

Дискуссия, открытая редакцией журнала «Вопросы истории», имеет своим предметом вопросы периодизации феодального и капиталистического периодов истории нашей страны.

В настоящей статье я подвергну рассмотрению высказывания только трёх участников дискуссии: покойного К. В. Базилева, Н. М. Дружинина и И. И. Смирнова. К. В. Базилев и Н. М. Дружинин по вопросам периодизации выдвинули две принципиально различные точки зрения. Остальные участники дискуссии, как показал И. И. Смирнов, присоединились к точке зрения либо К. В. Базилева либо Н. М. Дружинина. И. И. Смирнов предложил иное решение вопроса. Таким образом, имеются три различные концепции по существу дискуссии. Так как я не собираюсь присоединиться ни к одной из них, а хочу предложить новую, то мне, естественно, придётся остановиться на высказываниях тех участников дискуссии, которые выступали с общими принципиальными предложениями. С остальными участниками дискуссии у меня могут быть расхождения только по частным вопросам, не имеющие, на мой взгляд, существенного значения для хода дискуссии.

Начну с критерия периодизации, предложенного К. В. Базилевым. Вряд ли может быть сомнение в том, что при установлении критерия периодизации феодального и капиталистического периодов в истории нашей страны нельзя исходить из изменений, происходивших только в производстве. Здесь я целиком согласен с И. И. Смирновым, очень убедительно показавшим несостоятельность критерия периодизации, предложенного К. В. Базилевым. Замечу только, что и К. В. Базилев в конкретизации своей схемы на отдельных примерах истории СССР феодального периода отходит от этой схемы. Вступая в противоречие с декларируемой им в начале статьи точкой зрения о необходимости положить в основу периодизации изменения в производстве («периодизация исторического процесса должна быть произведена в соответствии с теми изменениями, которые в рассматриваемое время происходили в состоянии производства, т. е. в состоянии производительных сил и производственных отношений»¹), К. В. Базилев в изложении своих взглядов на периодизацию истории феодального периода опирается на историю феодального государства.

И. И. Смирнов поступил совершенно правильно, обратив внимание не на ту часть статьи, где К. В. Базилев вступает в противоречия с самим собой (хотя он почему-то даже не упомянул о них), а на декларативную её часть, так как она явилась основополагающей в ходе рассуждений К. В. Базилева и в развитии всей дискуссии.

Но точно так же как нельзя считать критерием периодизации производство, нельзя при установлении периодизации класть в основу изменения, происходившие в истории государства. И здесь я не могу согласиться с И. И. Смирновым, предлагающим в качестве основы для периодизации изменения, происходившие в истории Русского государства феодального и капиталистического периодов.

По мнению И. И. Смирнова, критерий, который должен лежать в основе установления исторических периодов, определён В. И. Лениным. Этим критерием должна быть форма государства, структура власти. Я полагаю, что попытка И. И. Смирнова опереться на высказывания В. И. Ленина с целью доказать, что В. И. Ленин периодизировал историю нашей страны по этапам развития государства, неубедительна по следующим причинам.

Высказывания В. И. Ленина взяты И. И. Смирновым из тех работ, в которых В. И. Ленин трактовал вопросы истории государства, а не общие вопросы истории.

* Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.

¹ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 65.

И. И. Смирнов сам признаётся, что он пользовался лишь высказываниями В. И. Ленина об истории государства. Он пишет: «В работах В. И. Ленина... содержится стройная и целостная периодизация истории России XVII—XX веков. Основы этой периодизации даны В. И. Лениным в его оценке этапов истории Русского государства, в эволюции форм государственной власти в России»².

В таких работах, естественно, никакого другого критерия быть не может. Но когда В. И. Ленин касался других вопросов истории нашей страны, он вовсе не принимал в расчёт изменений государственного строя, структуры власти. В таких работах, как «Развитие капитализма в России», «Памяти Герцена», «Из прошлого рабочей печати в России» и других, история государства не является основой периодизации русского исторического процесса. Отсюда можно сделать бесспорное заключение, что изменения в структуре власти, изменения в организации государства не являлись в глазах В. И. Ленина критерием для установления периодизации исторического процесса во всей совокупности составляющих его элементов.

Кроме того, самый дух ленинских работ, независимо от того, касался ли В. И. Ленин теории исторического процесса, или говорил о конкретных исторических явлениях, или разрабатывал вопросы текущей политики, не даёт оснований утверждать, что основой периодизации феодального и капиталистического периодов нашей страны В. И. Ленин считал изменения в государстве. Я полагаю, что для установления ленинского принципа членения исторического процесса на периоды нужно принимать во внимание не отдельно взятые цитаты из отдельных работ В. И. Ленина, а общее направление ленинской мысли во всём огромном её разнообразии и богатстве. Такое отношение к творческому наследию В. И. Ленина не позволит согласиться с мнением И. И. Смирнова, что в основе ленинской периодизации исторического процесса лежит история государства.

Не кажутся мне убедительными и доводы И. И. Смирнова в пользу предлагаемого им принципа периодизации истории СССР, основанные на его анализе периодизации, данной в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)». «Краткий курс» есть история партии большевиков, руководившей борьбой пролетариата и крестьянства за власть до Великой Октябрьской социалистической революции и строительством советского государства после революции. Во «Введении» к «Краткому курсу» читаем: «История ВКП(б) есть история свержения царизма, свержения власти помещиков и капиталистов, история разгрома иностранной вооруженной интервенции во время гражданской войны, история построения Советского государства и социалистического общества в нашей стране»³. При таком исчерпывающе ясном определении содержания истории партии большевиков не может быть никакой иной периодизации её, чем периодизация, основанная на изменениях в развитии государства.

Но можно ли этот сталинский принцип периодизации истории партии большевиков применить к истории СССР феодального и капиталистического периодов? Не будет ли такое распространение хронологического членения одного из элементов, из которых складывался исторический процесс в нашей стране на одном определённом его этапе, на все элементы, составляющие исторический процесс, и на всех этапах истории нашей страны, не будет ли такое распространение произвольным? Мне кажется, что ответ на этот вопрос может быть только утвердительным.

После выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» прошло много времени. Литература о «Кратком курсе» необъятна. Но, насколько мне известно, никто не предлагал сталинский принцип периодизации истории партии большевиков целиком применить для установления периодизации истории СССР феодального и капиталистического периодов. Если бы предлагаемая И. И. Смирновым концепция была совершенно бесспорной, дискуссия, в которой мы участвуем, была бы посвящена не вопросу периодизации истории СССР, а вопросу применения сталинского принципа периодизации истории партии большевиков к истории СССР феодального и капиталистического периодов. Однако дискуссия продолжается уже год, и никто не усомнился в правомерности постановки вопроса о периодизации в той формулировке, какая нашла место на страницах журнала «Вопросы истории».

² См. настоящий номер журнала, стр. 88.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 4.

Сказанным не исчерпываются мои возражения против концепции И. И. Смирнова. Я не могу согласиться с упрёками, сделанными И. И. Смирновым в адрес Н. М. Дружинина. И. И. Смирнов обвиняет Н. М. Дружинина в том, что он не дал определения «марксистского понятия классовой борьбы»⁴. В своей статье И. И. Смирнов раскрывает содержание понятия классовой борьбы, т. е. даёт «определение марксистского понятия классовой борьбы», опираясь на высказывания В. И. Ленина по данному вопросу. Трудно что-либо возразить против того, что сказано И. И. Смирновым по поводу подлинно марксистского понимания классовой борьбы, так же как нельзя не согласиться с тем, что в статье Н. М. Дружинина не дано определения марксистского понятия классовой борьбы. Но разве суть вопроса сводится к определению понятия классовой борьбы, а не к пониманию этого понятия? Я думаю, что И. И. Смирнов неправ, обвиняя Н. М. Дружинина в том, что он прошёл мимо ленинского анализа марксистского понимания классовой борьбы и тем самым лишил себя возможности установить, «какие из событий в области классовой борьбы имеют решающее значение в ходе исторического развития и, следовательно, могут и должны лечь в основу исторической периодизации»⁵. Если Н. М. Дружинин прошёл в своей статье мимо ленинского определения понятия классовой борьбы, то он отнюдь не прошёл мимо ленинского понимания классовой борьбы. Вся его статья служит тому убедительным доказательством.

Н. М. Дружинин, на мой взгляд, неповинен в грехе, в котором его склонен обвинить И. И. Смирнов, т. е. в либеральном толковании понятия классовой борьбы. Н. М. Дружинин исходит из того, что определяющим моментом в классовой борьбе является борьба за власть, за устройство государственной власти, а не «за пятачек на рубль», как определяли, по ленинскому выражению, классовую борьбу «экономисты». Самая периодизация Н. М. Дружинина никак не наводит на мысль о таком оппортунистическом понимании классовой борьбы. Н. М. Дружинин делит «процесс созревания капиталистического уклада» (т. е. время с 60-х годов XVIII в. до 1861 г.) на три периода, отделённые друг от друга важнейшими политическими событиями. Точно так же поступает он и при членении «капиталистической эпохи», т. е. времени с 1861 по 1917 год. В своём анализе явлений, рассматриваемых внутри каждого из предлагаемых им периодов, он принимает во внимание политические результаты классовой борьбы. Одно только высказывание Н. М. Дружинина способно отразить упрёки, делаемые ему И. И. Смирновым. Он пишет: «Устанавливая промежуточные грани между 1861 и 1917 гг., мы должны следовать методу классиков марксизма, нащупывая переломные моменты, подготовленные предшествующим развитием производительных сил, мы должны искать перерывов постепенности, связанных с борьбой нового прогрессивного класса под знаменем передовой побеждающей идеологии»⁶ (разрядка моя. — А. П.).

Все только что высказанные соображения по поводу статьи Н. М. Дружинина дают мне основание не согласиться с возражением против неё И. И. Смирнова. Упрёк И. И. Смирнова носит формальный характер: отсутствие определения в статье Н. М. Дружинина он расценил как отсутствие понимания.

Но, не соглашаясь с И. И. Смирновым в оценке позиции Н. М. Дружинина, я во все не хочу сказать, что считаю предложенный Н. М. Дружининым принцип периодизации правильным. Я думаю, что вообще классовая борьба, даже при условии совершенно правильного и определения и толкования этого понятия, не может составлять основу периодизации истории СССР феодального и капиталистического периодов. Классовая борьба сама по себе, без учёта её результатов ничего не выражает. Важность изучения классовой борьбы как основного фактора исторического процесса определяется не самой по себе классовой борьбой в её абстрагированном виде, а теми реальными результатами, к которым она приводит.

Логическое содержание понятия классовой борьбы включает в себя её конечные результаты. Реальное содержание классовой борьбы также непременно включает их в себя. Классовая борьба всегда имеет цель. Эта цель либо достигается либо не дости-

⁴ См. настоящий номер журнала, стр. 88.

⁵ Там же.

⁶ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 92.

гается, но борьба всегда имеет какой-то результат — положительный или отрицательный. Но всякий результат, хотя бы и отрицательный, сказывается прежде всего в изменениях в области политической. Классовой борьбы, не оказывающей, хотя бы и в ничтожной степени, влияния на организацию государственной власти или на социальные отношения, т. е. в конечном счёте на ту же организацию государственной власти, поскольку последняя закрепляет изменения в социальных отношениях, не существует. Завершением классовой борьбы являются изменения в организации государственной власти. Рассматриваемая вне этого завершения, классовая борьба не составляет фактора, движущего историческим процессом.

Все участники дискуссии, начиная от К. В. Базилевича и кончая И. И. Смирновым, совершают, на мой взгляд, одну общую ошибку. Как известно, прямого ответа на вопрос о критерии периодизации истории феодального и капиталистического периодов истории СССР в трудах классиков марксизма нет — если бы такой критерий существовал, он давно был бы применён в науке, и отпала бы надобность в дискуссии на эту тему. Поэтому участники дискуссии обращаются к классикам марксизма за косвенным ответом.

Как они его ищут? В методах поиска ответа и заключается, с моей точки зрения, их основная ошибка. Они обращаются или к отдельным высказываниям классиков марксизма по отдельным вопросам истории или к периодизации, данной классиками марксизма в их монографических исследованиях. Но периодизация одной какой-либо группы исторических явлений, однородных по своему существу, устанавливаемая классиками марксизма в отдельных высказываниях по отдельным вопросам истории или в монографических работах, не может быть применима для всех групп явлений, из которых складывается исторический процесс.

Классики марксизма, как известно, не писали общих курсов по истории СССР феодального и капиталистического периодов. Когда же они высказывались по отдельным вопросам истории или исследовали их монографически, они устанавливали периодизацию только для определённых исторических явлений, причём всякий раз новую, в зависимости от характера этих явлений. В «Развитии капитализма в России», в работе «Памяти Герцена», в работе «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам» В. И. Ленин строит периодизацию по-разному, так как в этих работах речь идёт об очень различных между собой группах исторических явлений — об экономике, о революционном движении и о государстве. То, что В. И. Ленин применил в трёх названных работах разные принципы периодизации, свидетельствует, что он не считал ни один из этих принципов универсальным, пригодным для периодизации всех групп явлений, из которых складывается исторический процесс. Ошибка участников дискуссии и состоит в том, что отдельные высказывания и работы классиков марксизма по отдельным вопросам истории они принимали за генерализирующие.

В самом деле, как объяснить тот факт, что К. В. Базилевич, Н. М. Дружинин и И. И. Смирнов пришли к разным выводам по вопросу об учении классиков марксизма о периодизации? Заподозрить их в неумении читать классиков марксизма нет никаких оснований. А в то же время К. В. Базилевич, исходя из высказываний классиков марксизма, предлагает положить в основу периодизации производство, Н. М. Дружинин, тоже опираясь на классиков марксизма, — классовую борьбу, а И. И. Смирнов, не менее чем К. В. Базилевич и Н. М. Дружинин вооружённый знанием классиков марксизма, — изменения в развитии государства. Как видно, расхождения между этими тремя учёными сводятся не к мелочам: они могут быть охарактеризованы как существенные.

В чём же здесь дело?

Дело заключается в неверном методе поисков ответа на поставленный вопрос. Если исходить из отдельных высказываний классиков марксизма по отдельным вопросам истории и их монографических работ, то по вопросу о периодизации может быть не три, а четыре, пять и больше мнений. И каждое из них будет иметь право на существование, если его применять не ко всей совокупности явлений, составляющих исторический процесс, а к отдельным их группам. Искать же такой принцип для периодизации, которому можно было бы придать генерализирующее значение, сле-

дует, с моей точки зрения, руководствуясь иными приёмами, чем подыскание нужных цитат из сочинений классиков марксизма.

Прежде чем перейти к изложению того, как, на мой взгляд, нужно решить этот вопрос, я хотел бы сделать ещё два замечания.

Н. М. Дружинин при членении капиталистического периода истории СССР исходит не из одного принципа классовой борьбы, — он постоянно оперирует принципом производства, придавая ему, по крайней мере, одинаковое с формами классовой борьбы значение. Ему как будто тесно в рамках своей собственной схемы.

Эта не совсем твёрдая и уверенная позиция Н. М. Дружинина нашла своё выражение даже в одной из его формулировок. «Каждый период, намечаемый в ходе исторического развития, — пишет Н. М. Дружинин в декларативной части своей статьи, — характеризуется внутренним единством социально-экономических, политических и культурных отношений. Найти это единство — значит определить ведущее ядро каждого исторического периода»⁷. Запомним, что здесь речь идёт о ведущем ядре исторического периода. Но через несколько страниц, когда Н. М. Дружинин переходит к рассмотрению второго и третьего из предлагаемых им периодов капиталистических отношений (с 1790 по 1861 г.), он говорит о «ведущих процессах» этих периодов⁸. Совершенно очевидно, что в данных контекстах понятия ядро и процесс могут быть признаны идентичными. Следовательно, в одном случае речь идёт о ведущем процессе, в другом же — о ведущих процессах. Не думаю, чтобы это была случайная обмолвка. Н. М. Дружинин упоминанием о процессах невольно признал недостаточность установления в качестве критерия периодизации одной категории исторических явлений. Считаю необходимым подчеркнуть, что для меня эта непоследовательность в формулировках Н. М. Дружинина отнюдь не имеет решающего значения.

Мне представляется, что и И. И. Смирнов не свободен от непоследовательности. Она проявляется в неправильном толковании известного положения И. В. Сталина о смене стихийного процесса развития сознательной деятельностью людей. И. И. Смирнов на основании этого положения, приведённого им в виде длинной цитаты из «Краткого курса истории ВКП(б)», делает вывод, что «развитие производства и общества невозможно вне и помимо политического развития»⁹. Я полагаю, что этот вывод, нужный И. И. Смирнову в обоснование его тезиса о политическом критерии периодизации, не вытекает из того, что было сформулировано И. В. Сталиным в приводимой И. И. Смирновым цитате.

И. В. Сталин говорит о том, что «лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем насильственных действий этих классов, путем революции» можно ликвидировать «старые порядки в области производственных отношений и утвердить новые порядки»¹⁰. Делать отсюда вывод, что развитие производства и общества невозможно вне и помимо процесса политического развития, нет никаких оснований. Напротив, И. В. Сталин тут же говорит, что развитие производительных сил и изменения в области производственных отношений совершаются постоянно, только до известного периода эти изменения происходят стихийно, независимо от воли людей. Следовательно, развитие производства и общества может происходить и вне политического развития. И. И. Смирнову, как историку, это должно быть отлично известно. Достаточно вспомнить ему для этого хотя бы историю доклассового общества или историю России в первой половине XIX в., когда политическая организация самодержавно-крепостнической монархии оставалась в основных своих чертах неизменной, а развитие производительных сил достигло на протяжении полувека относительно высокого уровня, развитие же культуры происходило темпами, беспримерными во всей предшествующей истории России.

Далее, у И. И. Смирнова, как и у Н. М. Дружинина, в его теоретических рассуждениях установленный им критерий периодизации не остаётся единственным и ведущим критерием. Из теоретических предпосылок своей схемы И. И. Смирнов делает следующий вывод: «Изучение этапов политического развития, этапов развития госу-

⁷ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 91—92.

⁸ См. там же, стр. 97—98.

⁹ См. настоящий номер журнала, стр. 80.

¹⁰ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 125.

дарства является средством выявления и определения этапов развития и материального производства»¹¹. В этой формуле критерию государства отведена роль лишь средства выявления этапов развития производства, т. е. роль второстепенная. А при такой постановке вопроса о критерии периодизации установление в качестве критерия изменений, происходящих в развитии государства, теряет своё значение.

Непоследовательность присуща и ходу мыслей К. В. Базилевича. В попытках показать, как он прилагает установленный им критерий к истории России феодального периода, К. В. Базилевич, как уже указывалось, постоянно возвращается к государству и сплошь и рядом оперирует этим критерием для определения основных этапов развития России феодального периода. В ходе рассуждений К. В. Базилевича можно установить одинаковые с рассуждениями Н. М. Дружинина отступления от принятой схемы. И К. В. Базилевич и Н. М. Дружинин не хотят укладываться в прокрустово ложе ими же самими декларируемых положений.

В статье И. И. Смирнова не разрешается одна очень важная проблема: сочетание его схемы с учением об общественно-экономических формациях. И. И. Смирнов заявляет, что предлагаемый им критерий «в равной мере применим и к членению главных исторических периодов — общественно-экономических формаций — и к членению внутри каждого исторического периода, внутри каждой общественной формации»¹². Это положение, однако, не иллюстрируется анализом конкретного исторического материала, а потому нет возможности судить о том, как разрешает И. И. Смирнов указанную проблему.

Итак, мои критические замечания по поводу того, что было высказано участниками дискуссии, сводятся к следующему:

1. Для установления критерия периодизации феодального и капиталистического периодов в истории нашей страны недостаточно опираться на отдельные высказывания классиков марксизма по отдельным вопросам истории. Лишь следование общему направлению мысли классиков марксизма, общему духу их учения может помочь отысканию правильного критерия периодизации.

2. В качестве критерия периодизации не может быть взята какая-либо одна группа явлений, составляющих исторический процесс. Учение классиков марксизма требует положить в основу периодизации комплекс групп явлений, составляющих исторический процесс. Опыт дискуссии по вопросам периодизации феодального и капиталистического периодов истории СССР убеждает в правильности этого положения.

Чтобы найти правильный, с моей точки зрения, путь к отысканию критерия периодизации, нужно обратиться прежде всего к учению классиков марксизма о базисе и надстройке.

Нет нужды приводить всем известное высказывание Маркса в предисловии к «Критике политической экономии» об экономической структуре общества как о базисе, на котором возвышаются юридическая и политическая надстройки и которому соответствуют определённые формы общественного сознания. В работе «Относительно марксизма в языкознании» И. В. Сталин дал следующие исчерпывающие определения базиса и надстройки: «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения»¹³. Та же мысль повторена И. В. Сталиным в работе «К некоторым вопросам языкознания». Здесь И. В. Сталин пишет: «Специфические особенности базиса состоят в том, что он обслуживает общество экономически. Специфические особенности надстройки состоят в том, что она обслуживает общество политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями и создаёт для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения»¹⁴.

¹¹ См. настоящий номер журнала, стр. 80.

¹² Там же, стр. 90.

¹³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 3. Изд-во «Правда». 1950.

¹⁴ Там же, стр. 30.

Марксизм-ленинизм устанавливает первичность базиса и вторичность надстройки. Вместе с тем классики марксизма отмечали и обратное воздействие — надстройки на базис. С особенной чёткостью мысль об обратном воздействии — надстройки на базис — выражена И. В. Сталиным в работе «Относительно марксизма в языкознании». «Появившись на свет,— пишет И. В. Сталин,— она (надстройка.— А. П.) становится величайшей активной силой»¹⁵. Являясь «величайшей активной силой», надстройка живёт, однако, недолго, «она ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса»¹⁶.

Таким образом, марксизм-ленинизм, устанавливая постоянное воздействие базиса на надстройку и надстройки на базис, показывает в то же время органическую связь между двумя этими категориями общественной жизни. Следовательно, историк не может рассматривать ни одного явления общественной жизни, относящегося к базису, вне зависимости и связи этого явления с явлениями надстроечного порядка. Точно так же он не может рассматривать ни одного надстроечного явления вне зависимости и связи его с базисом. Следовательно, для историка ни одно явление общественной жизни не существует само по себе. Оно всегда связано с соответствующими явлениями надстройки, если оно базисное, и явлениями базиса, если оно надстроечное.

Не следует ли отсюда, что историк, поставивший задачу отыскать принцип периодизации истории СССР феодального и капиталистического периодов, должен исходить из только что сформулированного положения? На мой взгляд, он обязан строить периодизацию, исходя из факта неразрывности и взаимозависимости базисных и надстроечных явлений. Поэтому мне представляется наиболее отвечающим требованиям марксистско-ленинской методологии следующий критерий периодизации феодального и капиталистического периодов.

Историю феодального и капиталистического периодов следует членить на отрезки времени, отделяющиеся один от другого кризисным состоянием производства, которое приводит к кризису государства и кризису общественного сознания. Под кризисным состоянием производства (это понятие никоим образом нельзя смешивать с понятием экономического кризиса) я подразумеваю такое состояние, когда с особенной остротой обнаруживается противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Это обострение влечёт за собой усиление эксплуатации трудящихся масс. Трудящиеся массы, в свою очередь, отвечают на это усилением классовой борьбы. Усиление классовой борьбы порождает изменения в политическом строе государства, размер и качество которых зависят от результатов борьбы трудящихся масс. Борьба трудящихся масс лежит в основе изменений, происходящих в общественном сознании.

Таков комплекс явлений, составляющих существо кризиса. Последовательность этих явлений представлена в только что изложенной схеме в алгебраизированном виде. В конкретной действительности эти явления переплетаются между собой в причинном и временном отношениях. Последовательность и причинность явлений устанавливается в каждом отдельном случае. Но все эти явления неразрывно связаны между собой, они объединены в единый реальный комплекс.

Коль скоро речь идёт о последовательности отдельных явлений, то, конечно, нельзя говорить об их синхронности. Асинхронность явлений, составляющих один и тот же исторический комплекс, представляет собой едва ли не наибольшую трудность для периодизации. Асинхронность явлений, из которых складывается исторический процесс, должна быть рассматриваема как его имманентное свойство. Исторiku нужно подчиниться этому свойству, а не подчинять его установленным, сплошь и рядом произвольно, схемам. Предлагаемый мною критерий периодизации не устраняет, конечно, всех затруднений, связанных с разрешением проблемы асинхронности, но я полагаю, что в процессе дискуссии эти затруднения будут преодолены¹⁷.

¹⁵ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 4.

¹⁶ Там же, стр. 6.

¹⁷ Следует отметить, что один из участников дискуссии, А. Бёрисов, выступил с предложением, близким по характеру к высказываемому мной. Он писал: «Основной фактор периодизации базируется на экономическом развитии страны, но это не един-

Основываясь на предлагаемом мною критерии периодизации, я думаю, что капиталистический период в истории нашей страны может быть расчленён следующим образом (не будучи специалистом по истории феодального периода, я воздержусь от изложения своих соображений по вопросу о периодизации этого периода, что, однако, отнюдь не означает невозможности применения предлагаемого мной критерия к периодизации феодального периода. Я остановлюсь больше всего на вопросе о начальном моменте истории капиталистических отношений в России, так как считаю, что этот вопрос является важнейшим при разработке проблемы периодизации).

Начало кризиса феодально-крепостнической системы следует отнести к 60-м годам XVIII века. Кризис нашёл выражение в повышении оброка, росте барщины, помещицьем предпринимательстве, подъёме крестьянских волнений, организации Вольного экономического общества, созыве Комиссии 1767 г., указах о крестьянах 1765 и 1767 гг., появлении сатирической журналистики. Иными словами, заметные изменения произошли и в производстве, и во внутренней политике, и в общественном сознании. Изменения, совершающиеся во всём комплексе общественной жизни в 60-х годах XVIII в., заставляют считать это время началом кризиса феодально-крепостнической системы.

Но можно ли говорить, что 60-е годы XVIII в. являются началом капиталистического периода в истории нашей страны даже в том ограничительном понимании капитализма, какое заключается в предложенной Н. М. Дружининым формулировке: «черты более или менее оформившегося капиталистического уклада»¹⁸ (разрядка моя.— А. П.)? Я думаю, что нельзя. В самом деле, о каком, даже зародышевом капитализме может идти речь, если закрепощённое население увеличивалось, целые районы страны находились ещё в стадии натурального хозяйства, в хозяйстве в громадной степени преобладал крепостной труд, всё более и более стиралась грань между крепостным и рабом, если в стране произошла крестьянская война, по своему характеру ничем не отличавшаяся от крестьянских войн феодальной эпохи, если, наконец, правительство издавало такие акты, как манифест о вольности дворянства или жалованную грамоту дворянству, а в области политической мысли стоял ещё очень высоко авторитет кн. Щербатова?

Я думаю, что было бы неверно считать начало кризиса феодально-крепостнической системы в России, наметившегося в 60-х годах XVIII в., начальным периодом капитализма. Учение классиков марксизма об общественно-экономических формациях отрицает какие-либо особые промежуточные стадии между двумя формациями. Но значит ли это, что начальный момент кризиса одной формации нужно рассматривать как начальный момент новой формации? Полагаю, что нет. Те признаки разложения феодально-крепостнической системы, которые наметились в России в 60-х годах XVIII в., могли бы стать начальным моментом в развитии капиталистической формации лишь в том случае, если бы темпы развития кризиса дали возможность относительно быстро созреть капиталистическому укладу. Но процесс созревания капиталистического уклада растянулся в России на громадный промежуток времени — на столетие, причём это созревание так и не привело к полной зрелости — стоит вспомнить многочисленные указания В. И. Ленина на сильнейшие пережитки крепостничества в России и после 1861 г. (даже русский империализм охарактеризован В. И. Лениным как военно-феодальный империализм), а также указания классиков марксизма на то, что Великая Октябрьская социалистическая революция побочно выполнила задачи буржуазно-демократической революции. Это обстоятельство не даёт оснований рассматривать начало кризиса феодально-крепостнической системы в России как начало новой капиталистической формации. Сущность явлений, происходивших в России в 60-х годах XVIII в., может быть осмыслена лишь в свете последующего социально-экономического и политического развития страны. А оно как раз и не даёт права рассматривать эти явления как начало капиталистической формации. Поэтому

ственный фактор. Следует анализировать и надстроечные явления, и только в совокупности всех факторов можно решить вопрос о периодизации» («Вопросы истории» № 3 за 1950 г., стр. 78). Однако эта мысль разработки в статье А. Борисова не получила. — А. П.

¹⁸ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 94.

я предлагаю время с 60-х годов до конца XVIII в. отнести к феодальному периоду истории России.

Я полагаю, что этот вывод, как и ход мыслей, послуживших его обоснованием, не противоречит сталинскому требованию уметь в каждом явлении увидеть то новое, чему принадлежит будущее, и это новое сделать определяющим в оценке данного явления. Вполне развитого капитализма в России так и не было. Эта особенность исторического развития нашей страны не может быть не принята во внимание при периодизации её истории вообще и капиталистического периода в частности. Тот факт, что социалистическая революция в России побочно выполнила задачи буржуазно-демократической революции, явился результатом всей предшествующей истории страны.

Начало периода капиталистических отношений я предлагаю отнести ко времени между концом 90-х годов XVIII в. и начальными годами нового века — примерно с 1796—1797 по 1803—1804 годы. В этот шести—семилетний промежуток обозначилось усиление кризисного состояния феодального производства. Это кризисное состояние нашло выражение в социально-экономическом законодательстве: указы о посессионных мануфактурах, о вольных хлебопашцах и о праве лиц недворянского происхождения владеть ненаселёнными землями, в попытках введения так называемого рационального земледелия (кн. Е. Р. Дашкова, Д. М. Полторацкий, гр. Ф. В. Ростопчин) и других явлениях. Особенное внимание следует обратить на указы о вольных хлебопашцах и праве лиц недворянского происхождения владеть ненаселёнными землями. Они в первые в истории русского законодательства открывали возможность развития буржуазного землевладения. При всём ничтожестве реальных результатов этих указов издание их не может не служить показателем значительного усиления кризисного состояния производства. На этот же промежуток времени приходится новый подъём крестьянского движения. Внутренняя политика отмечена рядом реформ и разработкой многих политических проектов (проекты кн. А. А. Безбородки, М. М. Сперанского и др.), что свидетельствует о кризисном состоянии государства. В области общественного сознания должны быть отмечены такие факты, как распространение идей А. Н. Радищева (В. В. Попугаев, в известной мере И. П. Пнин), возникновение Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, подпольная политическая и сатирическая литература и т. д.

Вся совокупность этих фактов, имевших место на протяжении относительно очень незначительного промежутка времени, заставляет смотреть на конец 1790-х и начало 1800-х годов как на веху в истории России и относить именно к этому времени начало периода капиталистических отношений. Тот факт, что через два десятилетия произошла попытка революционного переворота, классовая направленность которого не может быть квалифицирована иначе, как буржуазная, свидетельствует о сравнительно быстром развитии явлений разложения феодально-крепостнической системы, происходивших на рубеже XVIII и XIX веков. Это обстоятельство с тем большим основанием позволяет считать началом периода капиталистических отношений конец 1790—начало 1800-х годов.

Относительно конца периода капиталистических отношений ни у кого никогда сомнений не возникало. «Краткий курс истории ВКП(б)», как известно, датирует победу Великой Октябрьской социалистической революции октябрём 1917 года — февралём 1918 года. Задача историка заключается в том, чтобы установить членение внутри периода капиталистических отношений.

То, что 1825 годом заканчивается первый период истории капиталистических отношений в России, вряд ли может вызвать у кого-либо возражение. Восстание декабристов явилось выражением охватившего страну кризиса, гораздо более серьёзного, чем тот, который наблюдался четверть века ранее. Это был первый кризис в стране, уже вступившей на путь капиталистического развития, но сохранившей сильнейшие и многочисленные признаки феодально-крепостнической системы. Кризисом 1825 г. был охвачен весь тот комплекс явлений общественной жизни, о котором шла речь выше.

Несколько слов по поводу терминологии. В научной и учебной практике давно приято называть русскую монархию до 1861 г. монархией феодально-крепостнической. Если признать, что начало капиталистических отношений в России приходится

на рубеж XVIII и XIX вв., то, чтобы качественно различать монархию XIX в. и монархию предшествующего времени, я предложил бы называть монархию с конца XVIII в. и до 1861 г. не феодально-крепостнической, а самодержавно-крепостнической. Обозначение русской монархии XIX, XVIII и даже XVII в. одним и тем же термином мешает отчётливому представлению о том, что русская монархия, по моему мнению, с конца XVIII в. (по мнению Н. М. Дружинина, — с середины XVIII в.) вступила в новую фазу развития.

Насколько бесспорна дата 1825 г., являющаяся гранью первого периода капиталистических отношений, настолько бесспорна и дата 1861 г., разделяющая второй и третий периоды капиталистических отношений. 1861 год Ленин называл, как известно, годом начала капитализма в России. Эта дата знаменует собою конец того периода, который характеризуется как период капиталистического уклада. Мне нечего прибавить к аргументации Н. М. Дружинина, обосновывающего в своей статье необходимость рассматривать 1859—1861 гг. как грань второго и третьего периодов.

Третий период капиталистических отношений заканчивается, с моей точки зрения, в конце 90-х годов XIX века. В эти годы (включая 1900 г.) рождаются предпосылки монополистического капитализма. Самодержавная монархия переживает кризис, нашедший выражение в многочисленных противоречивых по своему характеру мероприятиях в области внутренней политики и законодательства. Многочисленные проекты реформ, особенно усиленно разрабатывавшиеся в различных правительственных канцеляриях, свидетельствуют о кризисе самодержавной монархии едва ли не в большей степени, чем реальная политика правительства. Конец 90-х годов XIX в. в области общественного сознания ознаменован таким громадной важности явлением, как начало участия В. И. Ленина и И. В. Сталина в революционном движении. Это событие должно быть рассматриваемо как поворотный пункт не только в истории нашей страны, но и в мировой истории.

В 1901 г. начинается последний период в истории капиталистических отношений в России. Время с 1901 по 1917 г., если придерживаться предложенного мною критерия периодизации, не может быть разбито на более дробные периоды. Можно было бы говорить об этом семнадцатилетнем промежутке времени в истории нашей страны как о сплошном кризисе. Это обстоятельство совершенно не исключает необходимости делить этот период на части соответственно главным этапам в истории партии большевиков, указанным И. В. Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Таковы предлагаемая мною точка зрения на принципы периодизации феодального и капиталистического периодов истории нашей страны и членение периода капиталистических отношений.

В ходе дискуссии о периодизации выявились различные мнения по этим вопросам. Я полагаю, что единая точка зрения, приемлемая для всех историков СССР, могла бы быть выработана лишь при условии продолжения дискуссии и её активизации. До сих пор дискуссия протекала вяло. Думается, что доля вины в этом падает и на редакцию журнала «Вопросы истории», которая под видом выступлений по предмету дискуссии помещала на страницах журнала и исследования по различным вопросам исторической науки, не имевшим прямого отношения к вопросам периодизации.

Каковы бы ни были результаты дискуссии, можно с уверенностью сказать, что она уже принесла пользу советской исторической науке. Она заставила советских историков ещё раз продумать вопросы марксистско-ленинской методологии, ещё раз заглянуть в неисчерпаемую сокровищницу марксизма-ленинизма и извлечь оттуда новые богатства, столь необходимые для плодотворного развития советской исторической науки. Вместе с тем дискуссия заставила обратить внимание историков на некоторые вопросы истории СССР, до сих пор мало разработанные, но нуждающиеся в тщательном и глубоком исследовании. Этого одного уже достаточно, чтобы признать за дискуссией большое политическое и научное значение.

СООБЩЕНИЯ

О роли США в спасении империалистической Германии от полного разгрома в 1918 году

Я. Цитович

В американской и отчасти западноевропейской исторической литературе утвердилось легенда о якобы решающей роли США в разгроме кайзеровской Германии в 1918 году. Эта легенда проникла и в советскую историческую литературу. Даже такой солидный труд, как «История дипломатии», не свободен от ошибочных утверждений, что «вступление США в войну весной 1917 г. оказало на неё своё решающее влияние в середине 1918 г.»¹ и что перемирие в Компьене означало полную капитуляцию Германии².

В действительности же правящие круги США, особенно в последние месяцы войны, приложили все усилия к тому, чтобы спасти империалистическую Германию от полного разгрома.

Выяснить подлинную роль США в исходе первой мировой войны невозможно без учёта всей создавшейся тогда сложной международной обстановки и прежде всего без глубокого понимания всемирно-исторического влияния Великой Октябрьской социалистической революции.

В. И. Ленин в речи на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г., т. е. почти за два с половиной месяца до подписания Германией условий перемирия в Компьене, говорил: «Подавление революции в красной Латвии, Финляндии и на Украине стоило Германии разложения армии. Поражение Германии на Западном фронте было вызвано в значительной степени тем, что старой армии в Германии уже не существует. То, о чем полусхвату говорили германские дипломаты — «руссификация» германских солдат, — оказалось теперь не шуткой, а горькой для них правдой»³.

Как правило, буржуазные политики и историки всячески игнорируют и затушёвывают роль Советской России в поражении кайзеровской Германии. Тем более непостижительно забвение этой истины некоторыми советскими историками.

Даже ярый враг Советской России Людендорф вынужден был признать: «Теперь,

задним числом, я могу утверждать, что наше поражение явно началось с русской революции. С одной стороны, правительство было озабочено опасностью подобного же развития у нас, а с другой стороны, выявило свою неспособность влить в широкие народные массы новые силы и укрепить в них понижающуюся, по бесконечно многим причинам, волю к войне»⁴.

Буржуазный американский историк Ральф Хасуэлл Лютц, автор ряда работ по истории Германии и истории американо-германских отношений, также был вынужден (хотя и с большой неохотой и оговорками) констатировать гигантскую роль Советской России в разгроме кайзеровской Германии. «Идеи большевизма, которые проникли в Германию через Брест-Литовск, — пишет он, — были почти такой же могущественной силой, принявшей участие в разгроме гогенцоллернской Германии, как и армия Антанты»⁵.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, означавшая коренной перелом в истории человечества, вместе с тем являлась и коренным переломом в ходе первой мировой империалистической войны. Как известно, на протяжении всей войны решающую роль в обеспечении победы над Германией играл Восточный, русский фронт. Победа Великой Октябрьской социалистической революции, образование в лице Советской России революционного тыла на Востоке и Отечественная война советских народов против германских оккупантов не только помешали кайзеровской Германии разгромить армии Антанты, но и сыграли величайшую роль в сокрушении военной мощи Германии. Без глубокого понимания этой истины нельзя понять ни последующего развития мировой империалистической войны и её исхода, ни ведущей роли США в спасении империалистической Германии от полного разгрома в 1918 году.

В американской и отчасти в западноевропейской исторической литературе не было недостатка в восхвалениях «мудрой» и

¹ «История дипломатии». Т. II, стр. 359. Госполитиздат. 1945.

² См. там же, стр. 374.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 67.

⁴ Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Т. II, стр. 37. М. 1924.

⁵ R. Lutz. The German revolution 1918—1919, p. 119. Stanford univ. Cal. 1922.

«справедливой» политики президента Вильсона, который в самом начале войны заявил о нейтралитете США, а спустя почти три года объявил войну Германии, выступив на стороне Антанты. «Уолл-стрит джорнл» не без основания писал: «Война для нас — дойная корова: она принесла нам прибыли и сверхприбыли».

Но орган нью-йоркских банковских кругов многого, конечно, не договаривал. Война действительно явилась чрезвычайно выгодным бизнесом для американских империалистов. В то время, как европейские участники войны нищали, США обогащались. Из страны, вывозившей до войны главным образом продукты сельского хозяйства, США превратились в страну по преимуществу промышленного экспорта; из должника они превратились в кредитора, из «американского» государства — в мировую империалистическую державу.

Однако финансовая олигархия США отнюдь не ограничивалась только использованием войны в целях своего экономического обогащения. Наживаясь на войне в Европе, выигрывая на взаимном ослаблении воюющих коалиций, она вместе с тем вынашивала далеко идущие планы установления господства американского капитала в Европе и во всём мире.

Это понимали и видные представители обоих враждующих лагерей в Европе. Генри Стид, редактор иностранного отдела газеты «Times», беседуя однажды с американскими офицерами, сказал: «Знаете, что у нас в Европе говорят об Америке... Американцы вместо того, чтобы вступить в войну с самого начала или после гибели «Лузитании», оставались лишь простыми наблюдателями и поджидали момента, когда все силы Европы будут истощены, чтобы, затрачивая минимум усилий и средств, присвоить себе всю славу»⁶.

«История дипломатии» даёт следующее объяснение нейтралитета США: «Когда в Европе началась война, США заявили о своём нейтралитете. Политика США была достаточно сложной. Для них была бы невыгодна полная победа ни той, ни другой воюющей группировки. Америка предпочитала видеть Европу расколотой на два соперничающих лагеря. Ни победа и гегемония Германии, ни полное торжество Англии и России не улыбались США. Но победа Германии была бы наименее желательной: она привела бы к гегемонии единственной державы во всей Европе. Известны были и колониальные планы германского империализма в Латинской Америке, в частности в Бразилии. Не была исключена и возможность германо-японского союза против США. Это было одной из причин, почему нейтралитет США был с самого начала более благоприятным для Англии. Таким образом, поток пацифистских фраз Вильсона и его выступления с целью примирения воюющих держав имели под собой весьма реальную почву: вся эта дипломатия пацифизма отвечала заинтересованности США в том, чтобы в Европе со-

хранились две соперничающие группировки»⁷.

Здесь объяснение нейтралитета США сводится к их стремлению сохранить в Европе две соперничавших группировки. Несомненно, этот фактор имел большое, но отнюдь не решающее значение.

В. И. Ленин в связи с очередным пацифистским выступлением Вильсона ещё в январе 1917 г. писал в статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический»: «Выступление Вильсона явная ложь и лицемерие, ибо Вильсон есть представитель буржуазии, нажившей миллиарды на войне, есть глава правительства, доведшего до бешенства вооружение Соединенных Штатов явно в целях второй великой империалистической войны»⁸.

Таким образом, Ленин указывал, что цель американского империализма заключалась в том, чтобы подготовить новую империалистическую войну. Монополистический капитал США, борясь за установление своего господства в Европе и в Азии, был заинтересован в том, чтобы, сохранив на данном этапе две соперничающих группировки в Европе, в конечном итоге их взаимно ослабить.

Лицемерные, пацифистские выступления Вильсона, этого глашатая американского империализма, этого, по выражению В. И. Ленина, «главы американских миллиардеров, прислужника акул капиталистов»⁹, преследовали цель обмануть народные массы, подготовить общественное мнение в США и за границей ко вступлению США в войну за реализацию своих империалистических планов.

«История дипломатии» объясняет вступление США в войну следующим образом: «Поражение Антанты нанесло бы сильнейший экономический ущерб американскому империализму и политический удар Вильсону и демократам. Допустить этого поражения США не могли... Влиятельнейшие капиталистические круги во главе с Морганом требовали от Вильсона поддержки должника США — Антанты. Если бы Вильсон и хотел, он не мог бы им противостоять. В случае, если бы Антанта была разбита и последовал бы крах финансового благополучия США — пресловутого «просперити», — могущественная пресса деловых кругов ответственность за это возложила бы прежде всего на президента»¹⁰.

Не говоря уже о явном приукрашивании роли Вильсона, приведённое объяснение однобоко видит главную причину вступления США в войну в проблеме поддержки своего должника и в сохранении двух соперничающих группировок в Европе.

США объявили войну Германии 6 апреля 1917 г., когда ресурсы обеих борющихся коалиций были уже достаточно истощены,

⁷ «История дипломатии». Т. II, стр. 295—296.

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 180.

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 52. 3-е изд.

¹⁰ «История дипломатии». Т. II, стр. 296—297.

⁶ H. Steed. Mes souvenirs. Vol. II, p. 153. Paris. 1927.

вооружённые силы были истрепаны в течение продолжительной, почти трёхлетней войны, финансовый капитал нажил миллиарды на нищете и крови народной, а на фронте и в тылу нарастало огромное возмущение народных масс ненавистной бойней, преступной политикой господствующих классов. В Европе налицо была революционная ситуация. В России победила февральская буржуазно-демократическая революция, рабочий класс и крестьянство под руководством большевистской партии боролись за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Расчёты империалистов США и Антанты на русское «пушечное мясо» терпели крах. Революция в России, революционные выступления в странах обеих воюющих коалиций вызывали величайшую тревогу и смертельный страх в рядах господствующих классов.

Объявляя войну центральным державам и опираясь на своё возросшее экономическое могущество, США преследовали цель, с одной стороны, продиктовать обессиленной Европе свои условия, свой, «американский» мир, а с другой — стать надёжной опорой и защитником господствующих классов в Европе в связи с назревавшей революцией.

21 июля 1917 г. Вильсон писал Хаузу: «Взгляды Англии и Франции на мир не имеют ничего общего с нашими. Когда кончится война, мы заставим их принять нашу концепцию мира, ибо к тому времени они будут зависеть от нас в финансовом отношении. Но сейчас мы на этом настаивать не можем, так как это приведет к разногласиям, которые могут стать известны народу»¹¹.

Финансовая олигархия США, больше всех нажившаяся на войне, ставила перед собой гигантскую, но невыполнимую задачу — добиться американской гегемонии в Европе и во всём мире.

Непреодолимой преградой к осуществлению этой задачи стала победившая в России Великая Октябрьская социалистическая революция. Она вдохновляла трудящиеся массы других стран на борьбу против империалистической войны, вселяла в их ряды уверенность в собственных силах и являлась грозным предостережением для империалистических правителей обеих воюющих коалиций.

«Даже простой факт существования «большевистского государства», — писал И. В. Сталин, — накладывает узду на чёрные силы реакции, облегчая угнетённым классам борьбу за своё освобождение»¹².

Перед лицом Советской России, перед лицом революционного кризиса в европейских странах для империалистов США и Антанты проблема разгрома Германии оказалась неразрывно связанной с проблемой предотвращения революционного взрыва в своих собственных странах, проблемой подавления назревавшей революции в Германии и прежде всего удушения Советской России.

¹¹ Цит. по Ch. Seymour. American diplomacy during the world war, p. 270. Baltimor. 1934.

¹² И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 247.

Как известно, предложение советского правительства всем народам и правительствам воюющих наций немедленно приступить к заключению демократического мира без аннексий и контрибуций не было даже удостоено ответом со стороны правящих кругов США и Антанты.

8 января 1918 г. Вильсон в своём послании конгрессу изложил в 14 пунктах программу мира, отвечавшую интересам финансовой олигархии США. По словам самого Вильсона, его 14 пунктов были выдвинуты как «встречный удар» против мирных предложений Советской России, в противовес ленинско-сталинскому декрету о мире и должны были успокоить народные массы капиталистических стран видимостью «демократического», «справедливого» мира.

Вильсон и его апологеты немало поработали над тем, чтобы изобразить свою программу мира как преследующую якобы высоконравственные цели и ставящую своей задачей облагодетельствовать всё человечество. Но если освободить эту программу от её лицемерной оболочки, то в действительности она выражала весьма утилитарные интересы господствующих классов, финансовой плутократии США в особенности. Из-под вуали демагогии выступало лицо глашатая господства американского капитала в Европе и во всём мире. Все старания многочисленных апологетов Вильсона, певших дифирамбы «мудрому и справедливому» президенту, не могли скрыть империалистический характер его политики.

Основным орудием американского господства над миром, по мысли Вильсона, должен был явиться «союз народов», или «Лига наций». Вильсон полагал, что это международное объединение будет, с одной стороны, представлять собой единый фронт капиталистических держав под руководящим влиянием США, направленный против Советской России, а с другой стороны, обеспечит США преобладающее место в лагере ослабленных войной капиталистических государств Европы.

Не говоря уже об общеизвестных требованиях «свободы морей» и «уничтожения препятствий для международной торговли», открыто направленных против Великобритании, о чём свидетельствовал и туманно сформулированный пункт относительно колоний, Вильсон нарочито туманно сформулировал даже столь животрепещущий для Франции вопрос об Эльзас-Лотарингии: «Зло, причиненное Франции Пруссией в 1871 г. в отношении Эльзас-Лотарингии, которое привело всеобщий мир в неустойчивое состояние почти на пятьдесят лет, должно быть исправлено для того, чтобы мир снова был обеспечен в интересах всех».

Отсутствие прямого требования возвращения Франции Эльзас-Лотарингии вызывало у германских империалистов определённую надежду на сохранение Эльзас-Лотарингии в системе Германии на правах автономной области.

Даже такой империалистический тигр, как Клемансо, характеризуя «идеализм» Вильсона, однажды заметил: «Это не идеалист. Идеалист — это тот человек, который стро-

ит социальное здание по своему идеалу. Вильсон же практический человек, который строит для себя хороший дом, очень просторный, на хорошем фундаменте, а когда дом готов, он водружает на верхушке свой «идеал», подобно тому, как каменщики водружают свой флажок»¹³.

Характеризуя программу Вильсона, Клемансо не без иронии писал: «Америке было мало половины земного шара для помещения ее капиталов... В то время, как наши солдаты погибали, господин президент Вильсон размышлял над целями сражений. Вначале он объявил их недостойными американского внимания, а вот когда они привели к мировому кризису, ему понадобилось не менее четырнадцати пунктов переустройства, чтобы найти выход»¹⁴.

Клемансо прекрасно понимал, что Вильсон, строя для себя «хороший» и «очень просторный дом», рассматривал Францию как одну из удобных квартир в этом доме, что «для Соединенных Штатов не было безразличным, торговать ли с процветающей Францией или с Францией разоренной»¹⁵. «Дипломатия доллара» уже тогда рассчитывала, под видом «американской помощи», прикрепить французский народ к золотой колеснице США и установить свое фактическое господство над Францией.

Андре Тардьё, командированный во время войны в США в качестве верховного комиссара для наблюдения за изготовлением и отправкой амуниции и продовольствия во Францию и наживший на этих поставках не одну сотню миллионов франков, рассказывает в своей книге «Мир»: «Деловые круги (США.—Я. Ц.) были недовольны, что Франция не привлекает их к делу своего восстановления. В октябре 1918 г. я получил от министра финансов Мак Аду проект закона, предоставляющий нам для этих целей широкий кредит, однако наши технические министерства, стремясь поддержать национальную промышленность, не согласились выработать такую программу закупок в Америке, которая соответствовала бы этим кредитам, и несколько месяцев спустя проект был снят с обсуждения»¹⁶.

Таким образом, эта попытка американского закабаления Франции тогда не увенчалась успехом. «Этим и объясняется,— пишет далее Тардьё,— равнодушие (США.—Я. Ц.), так обижавшее Францию, не пытавшуюся понять его причин».

Программа Вильсона находилась в резком противоречии с интересами империалистических партнёров США — Англии и Франции. Не останавливаясь в данной статье на всей совокупности империалистических противоречий в лагере союзников, необходимо отметить, что по германскому вопросу каждый из союзников преследовал свои специфические цели.

¹³ «Esprit de Clémenceau», p. 94. Paris. 1925.

¹⁴ Clémenceau. Grandeurs et misères d'une victoire, p. 138—139. Paris. 1930.

¹⁵ Там же, стр. 148.

¹⁶ А. Тардьё. Мир, стр. 385—386. Госполитиздат. 1943.

8. «Вопросы истории» № 12.

Французский империализм был заинтересован в полном разгроме Германии и в таком её ослаблении, которое позволило бы ему установить свою гегемонию на континенте Европы.

Английский империализм добивался прежде всего сокрушения экономического могущества своего противника, уничтожения немецкой конкуренции, ликвидации угрозы со стороны германского военно-морского флота и приобретения новых колоний за счёт Германии. Вместе с тем английский империализм был против слишком большого ослабления Германии и против чрезмерного усиления Франции.

Американский империализм, претендовавший на роль мирового гегемона, стремился сохранить уже достаточно ослабленную в войне Германию от полного разгрома, как противовес Англии и Франции, подчинить Германию своему собственному влиянию и превратить немецкий народ в рабов американского капитала.

Эти планы финансовой олигархии США были достаточно ясны и для самих германских империалистов. Весьма симптоматичной в этом отношении являлась статья, подписанная инициалами «К. Р.» и опубликованная в германском офицозе «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» под заголовком «Диктатор Европы». Автор писал: «Скоро пройдут те времена, когда в Лондоне и Париже с радостью смотрели на прибывающую американскую помощь в виде денег, снабжения и солдат. Ведь Америка уже раскрыла свои карты. Она отказывается от своего старого жеста, будто она взяла на себя тяжесть войны ради идеальных благ, свободы народов и ради сокрушения германского милитаризма...

В результате этой войны обессиленной в экономическом, политическом и военном отношении Европе будет противостоять Америка, всосавшая в себя европейские ценности и готовая играть роль диктатора Европы и диктатора мира...

Нынешние союзники Соединенных Штатов станут тогда теми, кто больше всего будет страдать под американским гнетом. Если они тогда пожалеют о минувших прекрасных днях, пусть они вспомнят о том времени, когда военный фанатизм заставил их быть слепыми по отношению к надвигающейся опасности»¹⁷.

Германский империализм пытался использовать угрозу американского господства и вызванную этим огромную тревогу в правящих кругах Антанты, чтобы нащупать пути «примирения» с Англией и даже с Францией в духе пресловутого «мира по соглашению».

Но ни английский, ни французский империализм отнюдь не собирался, тем более теперь, в связи с явно наметившимся поражением Германии, отказываться от осуществления своих захватнических планов и вступать на путь компромиссного мира.

Американский же империализм фактически выступал в этой борьбе в роли «третьего радующегося», рассчитывая на взаимное

¹⁷ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» № 464 от 11 сентября 1918 года.

ослабление как Германии, так и Англии и Франции, чтобы, используя своё экономическое могущество, навязать обессиленной Европе «американский» мир. Так выглядит на деле «мудрая» и «справедливая» политика президента Вильсона.

В американской и отчасти в западноевропейской литературе широко распространена легенда об огромной якобы роли американской армии в поражении Германии. Эту легенду подхватили и некоторые немецкие буржуазные исследователи, ведущие дело к тому выводу, что если бы не США, то Германия справилась бы со своими европейскими противниками.

В действительности же участие Соединённых Штатов в войне было главным образом участием поставщика. Почти через год после вступления США в войну во Франции насчитывалось лишь 329 тыс. американских солдат. Правительство США не спешило с помощью, ибо ослабление союзников было ему на руку.

Клемансо добивался скорейшего прибытия американских войск в Европу и ввода их в военные действия. Однако генерал Першинг не давал определённого ответа на это требование и всячески затягивал сроки. Клемансо выражал также недовольство Фошем, который, по его мнению, действовал в этом направлении недостаточно энергично и не использовал своих прав, как главнокомандующий союзными армиями. На этой почве возникли даже довольно острые разногласия между Клемансо, с одной стороны, Фошем и Пуанкаре — с другой.

Клемансо впоследствии писал: «Все мы трое, генерал Фош, Пуанкаре и я, были одного мнения — нам совершенно необходимо увеличить численный состав армии, чтобы заменить погибших на поле брани. Но генерал Фош и Пуанкаре хотели, чтобы это мнение осталось лишь мнением, я же претендовал обратить его в дело. Но оба противника не хотели вступать в борьбу с упрямством генерала Першинга, которое могло привести к разрыву. Другими словами, по их мнению, я желал слишком много, на что я отвечал, что они желали недостаточного»¹⁸.

Дело, понятно, не в упрямстве Першинга, а в определённой политике США. Приток американских войск на европейский театр войны стал заметно усиливаться лишь с середины 1918 г. и в ноябре достиг внушительной цифры — в 2 057 675 человек¹⁹.

США особенно усилили переброску своих войск через океан в тот период, когда уже явно обнаружилось истощение людских резервов противника и германская армия оказалась неспособной к серьёзным наступательным операциям. Но и тогда американское командование не спешило ввести их в бой; оно придерживало их для финального этапа войны. Количество американских войск, находившихся на фронте, было отно-

сительно невелико. По прибытии во Францию американские дивизии обучались ещё несколько месяцев в ближайшем тылу, а затем им отводились сравнительно спокойные участки фронта. Из 42 американских дивизий, находившихся в ноябре 1918 г. во Франции, на фронте было только 18²⁰.

США, вступившие в войну в тот момент, когда их европейские партнёры были уже достаточно изнурены, претендовали на руководящую роль в антигерманской коалиции. Эта тенденция США наталкивалась на упорное сопротивление правящих кругов Франции и Англии. Особенно опасалась усиления американского влияния в Европе Великобритания. По мере того как мировая империалистическая война, осью которой являлся антагонизм Англии и Германии, близилась к концу и усиливалось вмешательство Соединённых Штатов Америки, перед Великобританией в лице США вырисовывался новый, ещё более грозный, нежели Германия, противник. Клемансо рассказывает, что однажды, после того как он и Ллойд Джордж приветствовали прибывшие в Европу американские войска, английский премьер сказал ему: «Знаете ли вы, что только что вы заставили меня приветствовать одно из крупнейших поражений Англии?»²¹.

Ни англичане, ни французы, вынесшие всю тяжесть войны с Германией на Западном фронте, не намерены были, особенно теперь, на финальном этапе войны, усиливать позиции США в Европе, или, тем более, уступать им руководящую роль в войне с Германией.

Первая боевая операция, которую осуществила американская армия, имела место в середине сентября 1918 г., т. е. за два месяца до окончания войны, когда уже явно обнаружилось поражение германской армии.

По данным, опубликованным в «Current history» в 1919 г., количество убитых и умерших в американской армии составило около 70 тыс., а раненых — около 200 тыс., в то время как для Англии эти цифры были больше в 10 раз, для Франции — соответственно в 20 и 14 раз, причём и эти данные, по последующим подсчётам, оказались преуменьшёнными в отношении количества убитых в английской и раненых во французской армиях²².

Не менее убедительны факты и об американской «помощи» в военной технике. США поставляли союзникам преимущественно продовольствие и амунизию. Ллойд Джордж писал, что «ни одно орудие американского образца или американского производства не дало ни одного выстрела в эту войну. То же относится к танкам»²³. Да и сама американская армия, действовавшая на Западном фронте, была оснащена главным образом

²⁰ C. Repington. The first world war 1914—1918. Vol. II, p. 487—488. London. 1920.

²¹ Clémenteau. Указ. соч., стр. 167.

²² «Current history», февраль 1919 г., стр. 240.

²³ Ллойд Джордж. Военные мемуары. Т. V, стр. 310. М. 1938.

¹⁸ Clémenteau. Указ. соч., стр. 57.

¹⁹ «Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs». Bd. III, S. 55.

французской и английской военной техникой. Вся тяжёлая артиллерия, все танки и две трети самолётов, находившихся на вооружении американской армии в Европе, были французского или английского происхождения.

Сам Першинг за две с половиной недели до подписания перемирия в Компьене в беседе с Хейгом согласился с мнением последнего о том, что американская армия «только к осени будущего года будет окончательно сформирована и достаточно обучена, чтобы играть важную роль в войне»²⁴.

Так выглядит в свете неопровержимых исторических фактов легенда об огромной роли американской армии в поражении Германии в 1918 году.

В американской и отчасти в западноевропейской исторической литературе распространена легенда о миротворческой деятельности и дипломатическом искусстве президента Вильсона, в результате которых якобы был ускорен полный разгром Германии и спасена не одна сотня тысяч человеческих жизней.

Профессор Сеймур, этот дипломированный лакей американского империализма, утверждает, что «если бы не политическая активность президента Вильсона, окончательный (разрядка моя.—Я. Ц.) разгром Германии был бы отложен и война продолжалась бы ещё несколько недель или даже месяцев после 11 ноября. Вильсон появился перед немецким народом в 1918 году,— восклицает Сеймур,— с мечом в правой руке и с оливковой ветвью в левой»²⁵.

Почему же эти «миротворческие» соображения Вильсона не сказались сразу, после первого обращения германского правительства к американскому президенту с просьбой о перемирии и мире, и война продолжалась ещё свыше месяца?

Германские империалисты, обращаясь с просьбой о перемирии не сразу ко всем правительствам неприятельских стран, а к президенту США Вильсону, прекрасно понимали, что в данной ситуации из всех неприятельских стран они могут пользоваться наибольшей «благосклонностью» США и их президента Вильсона, они видели в американском президенте «защиту» от Франции и Англии.

Граф Редерн, статс-секретарь имперского казначейства в кабинетах графа Гертлинга и принца Макса Баденского, в своих показаниях следственной комиссии германского рейхстага сообщил 20 декабря 1923 г. по этому поводу следующее: «Мнение Гинтце (статс-секретарь иностранных дел в кабинете графа Гертлинга.—Я. Ц.) относительно формы и адреса мирного предложения сводилось к тому, что оно могло быть отправлено только на основе 14 пунктов Вильсона и потому лишь в адрес президента Соединённых Штатов, ибо он был единственный среди наших врагов, который уже открыто

выставил определенно сформулированные условия мира, принятие которых морально принуждали бы его приступить немедленно к переговорам. Все, чем угрожали Германии в своих речах государственные деятели Англии и Франции, выходило далеко за пределы условий Вильсона»²⁶.

Обращение германского правительства с просьбой о перемирии к Вильсону, отправленное в ночь с 3 на 4 октября 1918 г., отвечало также и интересам американского империализма, стремившегося захватить инициативу в переговорах с Германией в свои руки и навязать Европе «американский» мир.

Профессор Сеймур утверждает, что Вильсон якобы во имя высоко гуманных, общечеловеческих чувств решил не отклонять просьбы германского правительства, а вступить с ним в переговоры. Однако сам Сеймур невольно разоблачает миф о «гуманности» Вильсона, ссылаясь на полковника Хауза, который, как известно, возражал против прямого отрицательного ответа на ноту германского правительства и, более того, предупреждал президента, что в случае отклонения этих переговоров сейчас придёт зима, когда весь народ потребует мира, смягчить условия. «Наша позиция,— писал Хауз Вильсону,— я полагаю, должна состоять в затылке, но это не должно бросаться в глаза»²⁷.

Таким образом, и Вильсон и Хауз руководствовались отнюдь не человеколюбивыми чувствами, а узко империалистическими интересами, страхом перед революционными потрясениями в Европе, перед ростом возмущения народных масс в их собственной стране, боязнью того, что плоды победы могут ускользнуть из их рук.

Согласие Вильсона рассмотреть просьбу германского правительства о перемирии преследовало и другую цель — не только сохранить инициативу переговоров в своих руках и политикой «затылки» вынудить Германию принять американскую программу мира, но заставить также и союзников США согласиться с программой Вильсона.

Характерно, что маршал Фош, беседуя в те же дни с американским дипломатом Фрейзином, сказал последнему: «Победа почти у нас в руках, но победа имеет привычку ускользать в последнюю минуту»²⁸. Маршал Фош повторил мысль Хауза в иной редакции. Но в устах Фоша она выражала тревогу, что в последнюю минуту Соединённые Штаты Америки попытаются украсть у союзников плоды победы над Германией.

Вильсон отправил свой ответ германскому правительству, даже не посоветовавшись со своими партнёрами по общему делу. Последние узнали о нём буквально из газет.

Правящие круги Антанты были весьма раздражены поведением Вильсона. Першинг

²⁶ «Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918». Bd. II, S. 422. Berlin, 1925.

²⁷ «Архив полковника Хауза». Т. IV, стр. 59. М. 1944.

²⁸ В. Д ж о р д а н. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг., стр. 22. Огиз. 1945.

²⁴ Duff Cooper. Haig, a biography. Vol. II, p. 340. London.

²⁵ Ch. Seymour. Указ. соч., стр. 291.

рассказывает, что Фош в беседе с ним 13 октября 1918 г. по поводу переписки германского правительства с президентом Вильсоном «выразил некоторые опасения относительно того, как бы не обошли союзников в этом деле»²⁹. А начальник британского генерального штаба Генри Вильсон в более откровенной форме зафиксировал своё мнение в дневнике от 14 октября 1918 г.: «Во время завтрака обсуждался вопрос: во-первых, что мы скажем Вильсону, во-вторых, что нужно сообщить прессе. Что касается Вильсона, то мы решили сообщить ему: нужно дать понять немцам, что его 14 пунктов (с которыми мы не согласны) не являются основой для перемирия, как думали немцы. А прессу решено было информировать так: Вильсон действует по своему усмотрению; война еще не окончена; 14 пунктов еще не есть перемирие, а перемирие еще не есть мир. Этот день представлял интерес тем, что каждый чувствовал злобу и раздражение против Вильсона»³⁰.

Французский генерал Рене Турнэс с возмущением писал: «Терпимо ли, наконец, чтобы Соединенные Штаты, достигнув больших преимуществ в течение 3 лет нейтралитета и несравненно меньше пострадав, чем союзники, претендовали навязать Европе мир по своему выбору!»³¹.

Между союзниками разгоралась борьба, цели которой по мере возможности маскировались. Разногласия в лагере союзников не являлись секретом для правящих кругов Германии. Именно поэтому во вторую ноту германского правительства, от 12 октября 1918 г., был включён, не без тайных советов американской дипломатии, пункт, который в качестве перестраховки против далеко идущих требований Антанты выдвигал предварительным условием солидарность Англии и Франции с заявлениями президента Вильсона.

В то же время среди господствующих классов Антанты заметно росла тревога в связи с обострением революционного кризиса в Германии. Вильсон же, играя на антибольшевистской карте, прилагал все усилия к тому, чтобы убедить правительства Англии и Франции в необходимости заключить перемирие на умеренных условиях и тем самым добиться осуществления планов американского империализма.

Характерно, что через несколько дней после опубликования ответа президента Вильсона на вторую ноту германского правительства осведомительное бюро «Берлин — Запад» сообщало в германскую верховную ставку: «Надежное доверенное лицо узнало из беседы с американским поверенным в делах в Копенгагене о последней ноте Вильсона Германии. Мнение, что нота требует отречения Гогенцоллернов, ложно, необходимо лишь существенное ограничение прав монарха... Вильсон лично стоит еще на прежней точке зрения. Америка и Анг-

лия убеждены, что только терпимый для Германии мир представляет гарантию будущего»³².

Теперь не только американские империалисты, но и их единомышленники в Англии усиленно прощупывали через дипломатические каналы и прессу позицию руководящих кругов германской буржуазии, испытывавшей величайший страх перед назревавшей революцией. Они готовили сговор против немецкого народа, против той подлинно демократической силы, которая была призвана покончить с германским империализмом. Хейг на заседании английского кабинета 19 октября 1918 г. заявил: «Я предлагаю потребовать при заключении перемирия лишь то, что мы намерены удержать, и выступить против французов, стремящихся вторгнуться в Германию ради сведения старых счетов»³³.

Хейг отнюдь не был одинок. То, что он не договорил, откровенно изложил Смэтс в своём меморандуме. «Есть серьезная опасность, — писал Смэтс, — что плохая, но более или менее упорядоченная довоенная европейская политическая система сменится диким хаосом, беспорядочной войной осколков бывших государств — тем, что мы видим сейчас в широком масштабе на примере России»³⁴.

Ллойд Джордж в своих мемуарах отмечал, что в этих «предостерегающих словах» Смэтса чувствовались «незаурядная проницательность и дальновидность». Общими не только для Хейга и Смэтса, но и для Ллойда Джорджа и других членов английского кабинета являлись страх перед революционными потрясениями, с одной стороны, и опасения, чтобы за счёт ослабления Германии не укрепились соперники английского империализма — с другой.

В связи с опубликованием третьей ноты германского правительства, от 21 октября 1918 г., английский министр иностранных дел Бальфур срочно телеграфировал в Вашингтон, что британское правительство решительно возражает против 14 пунктов и оно будет настаивать на ряде других условий, о которых не упоминал президент.

Вильсон вместе с членами своего правительства обсуждал вопрос о том, что предпринять далее. Союзники выражали недовольство политикой американского президента. Германия же явно шла к революции. «Политика затяжки» в данной обстановке была чревата весьма серьёзными последствиями. 22 октября на заседании правительства Вильсон, отвечая министру внутренних дел Лейну, заявил, что на союзников «следует оказать решительное воздействие, так как они близки к тому, чтобы требовать большего, чем могут требовать по праву»³⁵.

23 октября Вильсон отправил ответ гер-

³² «Amtliche Urkunden zur Vorgeschichte des waffenstillstandes 1918», S. 171. 2-te Aufl. Berlin. 1924.

³³ Duff Cooper. Указ. соч. Т. II, стр. 397.

³⁴ Ллойд Джордж. Военные мемуары. Т. VI. стр. 164. М. 1937.

³⁵ В. Джордан. Указ. соч., стр. 18.

²⁹ Pershing. My experiences in the world war. Vol. II, p. 347. New York. 1931.

³⁰ Ch. Seymour. Указ. соч., стр. 367.

³¹ Рене Турнэс. Фош и победа союзников 1918 года, стр. 239. М. 1938.

манскому правительству, в котором сообщал, что предложение о перемирии будет передано союзникам. Одновременно Вильсон приглашал, наконец, союзников рассмотреть текст перемирия на следующих двух условиях: во-первых, заключение перемирия на основе принципов, изложенных в выступлениях Вильсона, и, во-вторых, одобрение условий перемирия военными экспертами союзников, исходя из чисто военных соображений.

Теперь, когда война близилась к концу и предстояло выработать условия перемирия с Германией и определить контуры будущего мира, противоречия в лагере союзников обнаружились с особой остротой. Лагерь «великих освободителей мира» был похож на бочку с порохом, готовую взорваться в любую минуту.

Между 23 и 26 октября в Париж прибыли главы союзных правительств и министры иностранных дел. 26 октября прибыл и представитель американского президента полковник Хауз, наделённый Вильсоном неограниченными полномочиями. «На полковника Хауза, как на представителя Вильсона на конференции по подготовке перемирия,— пишет Сеймур,— была возложена задача убедить союзников в том, что они должны умерить свои стремления и придерживаться принципов, выдвинутых Вильсоном и уже принятых немцами»³⁶. Таким образом, главная задача Хауза заключалась в том, чтобы добиться одобрения союзниками американских условий перемирия с Германией.

Вильсон и Хауз прекрасно понимали, что получить это одобрение необходимо было, пока ещё шла война и союзники были заинтересованы в сохранении полного сотрудничества с США. Было также очевидно, что в противном случае после капитуляции Германии союзники, не связанные условиями Вильсона, постараются реализовать свои планы на мирной конференции, и тогда Вильсону будет значительно труднее им противостоять.

По прибытии в Париж Хауз, однако, сразу же натолкнулся на серьёзное сопротивление союзников, не разделявших программы Вильсона и тем более не желавших оставить в руках президента руководящую роль в подготовке условий перемирия. Давно ожидавшийся конфликт разразился 29 октября при встрече Хауза с Клемансо, Ллойд Джорджем, Бальфуrom и Соннино. Премьер-министры союзных правительств заявили Хаузу, что они вовсе не собираются принимать вильсоновскую программу в целом. Тогда Хауз, с одной стороны, пустил в ход столь сильно действующее средство, как угроза заключения Соединёнными Штатами сепаратного мира с Германией, а с другой — стал запугивать своих партнёров опасностью большевизма.

Подобно тому как «прозревшие» германские аннекционисты, охваченные страхом перед нараставшей в стране революцией, искали примирения с империалистами США и Антанты, так и американские империалисты, играя на той же антибольшевистской

карте, добивались заключения не «мстительного» перемирия, а мира с Германией, с тем чтобы укрепить позиции немецкой буржуазии и юнкерства и реализовать свои далеко идущие империалистические планы.

О том, что угроза заключения Соединёнными Штатами сепаратного мира с Германией не являлась лишь дипломатическим манёвром США, свидетельствуют усиленные переговоры США и Германии за спиной Франции и Англии. В те дни, когда в Париже шла острая борьба между Хаузом и главами союзных правительств, состоялась встреча представителей США и Германии.

Германский канцлер принц Макс Баденский приводит в своих мемуарах доклад немецкого представителя об этой встрече. Из доклада явствует, что Вильсона вполне устраивала пресловутая «демократизация» Германии, проведённая по приказу Людендорфа, и что настойчивые требования американского президента об отречении кайзера и отказе кронпринца от престола являлись в руках Вильсона лишь тактическим средством для обмана масс показным демократизмом и для давления на правящие круги Англии и Франции, чтобы заставить их принять американские условия перемирия.

Немецкий представитель выдвинул перед вильсоновским посланцем (Макс Баденский не указывает их фамилий) следующую дилемму: если в Германии произошли бы «сенсационные демократические дела» (т. е. отречение кайзера и отказ кронпринца от престола.— Я. Ц.), а Вильсону всё же не удалось бы настоять на своей точке зрения,—ведь в таком случае Германия согласилась бы принять условия перемирия лишь частично. «Что же последует тогда?» — спрашивал немецкий представитель.

Ответ американца гласил: «Тогда создавалась бы затруднительная ситуация для шовинистских правительств (имеются в виду правительства Англии и Франции.— Я. Ц.) перед их народами».

Немецкий представитель поспешил уточнить этот ответ. «В таком случае,— сказал он,— я полагаю, что продолжение войны означало бы большой риск для Клемансо и Ллойд Джорджа».

Эту мысль, как сообщал немецкий представитель своему канцлеру, подтвердил и вильсоновский посланец³⁷.

Более того: представитель Вильсона заявил, что самое предложение германского правительства о перемирии было ошибкой, ибо оно поощряло правительства Англии и Франции к дальнейшей борьбе; он дважды подчеркнул, что на условия перемирия германское правительство должно было отвечать контрвопросами, разделяют ли союзники вильсоновские условия мира. Беседа германского и американского представителей закончилась общим призывом: «Ради бога сделать что-нибудь, чтобы усилить Вильсона против милитаристов».

³⁶ См. Seymour. Указ. соч., стр. 366.

³⁷ Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente, S. 533. Berlin und Leipzig. 1927.

Антанты, которые стоят у власти во Франции и в Англии»³⁸.

Этот документ особенно наглядно вскрывает всё лицемерие и ханжество Вильсона и всей своры вильсоновских апологетов. В то время как силы германского империализма иссякали, а на фронтах мировой войны продолжала ещё обильно литься кровь, в то время как народы мира терпели величайшие страдания, посланцы Вильсона обнадёживали германских империалистов и подталкивали их к дальнейшему сопротивлению, рассчитывая этим облегчить американскому империализму давление на Францию и Англию, чтобы заставить последних согласиться с американскими условиями перемирия и мира.

Выработка союзниками условий перемирия была ускорена разразившимися в германском флоте революционными событиями (отказ матросов германского флота, собранного на рейде Шиллиг в заливе Яде, от выхода в море 28—29 октября 1918 г., восстание в Киле 4 ноября 1918 г.), послужившими прологом к революции в Германии.

Не случайно 4 ноября 1918 г., в день восстания в Киле, союзники наконец после острейшей борьбы приняли текст условий перемирия с Германией. Одновременно с текстом условий перемирия президенту Вильсону был отправлен сформулированный Ллойд Джорджем и принятый представителями союзных правительств меморандум, в котором заявлялось о готовности заключить мир на основе 14 пунктов, но с оговорками относительно принципа свободы морей и права на возмещение убытков, причинённых германской агрессией.

На следующий день, 5 ноября, Вильсон отправил свою последнюю ноту германскому правительству. В текст ноты был включён и меморандум союзных правительств. В заключение Вильсон, выражая своё согласие с объяснением, данным в меморандуме союзников относительно возмещения ущерба, нанесённого германскими вооружёнными силами, вместе с тем умолчал о своём отношении к той части этого документа, которая касалась так называемой «свободы морей». На деле это означало его открытое сопротивление требованиям союзников.

Нота Вильсона была получена в Берлине 6 ноября в 11 час. 50 мин. дня. А рано утром 6 ноября в результате организованной Шейдеманом провокации советское полпредство оказалось вынужденным по требованию германского правительства покинуть Берлин. Совпадение этих дат не случайно. Германское правительство спешило разорвать дипломатические отношения с Советской Россией и включиться в общий с империалистами США и Антанты антисоветский интервенционистский фронт. Этому добивался и Вильсон.

В. И. Ленин в своём докладе на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов 6 ноября 1918 г. говорил про империалистов Антанты: «Мы знаем, что правительство Вильсона засыпало телеграммами с просьбой о том, чтобы оставить немецкие войска в Польше, на Украине, Эстляндии и Лиф-

ляндии, потому что, хотя они и враги германского империализма, но эти войска делают их дело: они подавляют большевиков»³⁹.

Так выглядит в свете неопровержимых исторических фактов легенда о миротворческой деятельности и дипломатическом искусстве президента Вильсона, в результате которых якобы был ускорен полный разгром Германии и спасена не одна сотня тысяч человеческих жизней.

В американской и западноевропейской буржуазной исторической литературе распространено немало легенд о Компьенском перемирии 1918 г. и прежде всего о том, почему союзники не довели свою победу над Германией до её полной и безоговорочной капитуляции.

Ещё в дни Компьена некоторые политические и главным образом военные деятели союзников задавали вопрос: «Почему перемирие с Германией было подписано в Компьене, а не в Берлине?» Этот вопрос приобрёл особую остроту спустя несколько лет после подписания Версальского договора, когда германский империализм благодаря золотому дождю американских долларов воссоздал свой военный потенциал и открыто выступил под флагом реванша с планом развязывания второй мировой войны. Так, например, бывший начальник канцелярии Клемансо, генерал Мордак, писал в 1932 г.: «Каков был бы ход событий, если бы 4 ноября 1918 г. союзники в Верховном совете заявили о своём намерении продолжать войну с Германией? Что предприняла бы Германия в этом случае?»

Ввиду отчаянного стратегического и политического положения, в котором она находилась, она, вероятно, вторично обратилась бы с просьбой о перемирии и приняла бы все поставленные союзниками условия, вплоть до подписания перемирия в самом Берлине, со всеми вытекающими из этого последствиями, в частности оккупацией большей части Германии»⁴⁰.

Проанализировав соотношение сил Германии и её противников на фронтах, их людские резервы, материальные, продовольственные и сырьевые ресурсы, автор приходит к следующему выводу: «Если бы 4 ноября 1918 г. союзники решили продолжать войну и подписать мир только в Берлине, они имели бы девять шансов из десяти вскоре же добиться этого, так как Германия в то время была слишком истощена и не имела больше сил для продолжения войны»⁴¹.

Американский генерал Першинг в своих мемуарах, посвящённых первой мировой войне, писал: «Если бы союзники потребовали от Германии безоговорочной капитуляции, она вынуждена была бы пойти на нее и ее войска вернулись бы в Германию без оружия, фактически как военнопленные,

³⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 129.

⁴⁰ J. Mordacq. Pouvaient-on signer l'armistice à Berlin? P. 168. Paris. 1930.

⁴¹ Там же, стр. 184.

³⁸ Max von Baden. Указ. соч., стр. 534.

освобожденные под честное слово. Капитуляция Германии дала бы преимущество союзникам при выработке условий мира, и это было бы действенным средством предупреждения возможной германской агрессии в будущем»⁴².

Маршал Фош, выступая на заседании Верховного военного совета союзников 31 октября 1918 г., заявил, что имеются все возможности для продолжения военных действий до полного поражения противника. Однако сам он высказался за заключение перемирия.

Почему же союзники не решились в столь благоприятной для них обстановке продолжать войну до полного разгрома противника? Почему они не воспользовались своими преимуществами, достигнутыми столь дорогой ценой? Дело в том, что для империалистов США и Антанты проблема завершения войны была неразрывно связана с проблемой подавления революционного движения в Германии и в своих собственных странах и с проблемой удушения прежде всего Советской России, этой базы и очага мирового революционного движения. Реально политическая связь этих двух проблем отчётливо выступала не только в политике империалистов терпевшей поражение Германии, но и одерживавших победу империалистов США и Антанты.

8 ноября 1918 г. Фош от имени союзных держав вручил в Компьенском лесу германской делегации условия перемирия. А на следующий день, 9 ноября, восставшие рабочие и солдаты свергли в Берлине династию Гогенцоллернов.

Революция в Германии крайне встревожила империалистов Антанты и США, ибо создалась ситуация, при которой плоды победы могли ускользнуть из их рук. На заседании английского кабинета 9 ноября 1918 г. начальник британского генерального штаба Генри Вильсон настаивал на немедленном заключении мира. Иначе, указывал он, распад Германии приведёт к большевизму. Вильсон записал в своём дневнике по этому поводу: «Весь кабинет был того же мнения. Действительная опасность для нас в настоящее время не немцы, а большевики»⁴³.

Окрепшая за год своего существования молодая Советская республика в России и развернувшийся под её влиянием подъём рабочего движения в других странах сорвали планы империалистов обеих воюющих коалиций. В Германии и Австро-Венгрии разразилась революция. Во Франции, в Италии, в Англии в народных массах царило огромное революционное возбуждение. Империалисты обеих воюющих коалиций испытывали смертельный страх перед самым страшным для них «внутренним врагом».

Империалисты США и Антанты, при всей остроте противоречий внутри их лагеря по германскому и другим вопросам, в качестве своей главной задачи поставили не доведение войны до полной и окончательной побе-

ды над Германией, а подавление большевизма, что на их языке должно было означать победу не только над Советской Россией, но и подавление революций в Центральной Европе и революционного движения в их собственных странах.

Германские империалисты, в свою очередь, добивались скорейшего заключения перемирия, чтобы иметь свободными руки для подавления революции внутри страны, включением в общий антисоветский интервенционистский фронт США и Антанты облегчить себе условия мира на Западе и даже перекрыть своё поражение на Западе захватами на Востоке. «Сегодня большевизм — большая опасность, нежели Антанта»⁴⁴, — ещё 5 ноября заявил Шейдеман на заседании правительства.

Именно этими соображениями руководствовались и империалисты стран-победительниц, когда они пошли на довольно значительное смягчение условий перемирия в Компьене по сравнению с текстом его, принятым главами союзных держав 4 ноября в Париже⁴⁵.

Наиболее существенными уступками были предоставление немцам шести лишних дней, в течение которых они могли завершить свой отход к востоку от нейтральной зоны; нейтральная зона на правом берегу Рейна определялась не в 30—40 км, а в 10 км восточнее Рейна; эвакуация областей на левом берегу Рейна устанавливалась не в 25 дней, а в 31 день с момента подписания перемирия; количество подлежащих сдаче грузовых автомобилей уменьшилось с 10 тыс. до 5 тыс.; срок поставок паровозов, вагонов и грузовых автомобилей вместо 14 дней был продлён до 36 дней; количество подлежащих сдаче пулемётов было сокращено с 30 тыс. до 25 тыс., а самолётов — с 2 тыс. до 1700; германским войскам в Восточной Африке было предоставлено право эвакуации вместо безоговорочной капитуляции в месячный срок; срок перемирия увеличивался с 30 до 35 дней.

Кроме того, по настоянию германской делегации, в окончательный текст соглашения о перемирии был внесён ряд весьма существенных редакционных исправлений. Так, например, статья 1-я раздела А в новой редакции давала возможность германским империалистам рассматривать Эльзас-Лотарингию как немецкую, а не оккупированную территорию; дополнение к статье VI раздела А спасало не только германскую сеть шпионажа на ранее оккупированных территориях, но и предоставляло амнистию всем участникам германского нашествия, грабежа и насилий над местным населением и в значительной мере предreshало вопрос о привлечении к ответственности кайзера и других виновников войны.

Наиболее важная уступка заключалась в том, что германская армия получила возможность в течение шести суток двигаться

⁴⁴ Max von Baden. Указ. соч., стр. 580.

⁴² Pershing. Указ. соч. Т. II, стр. 368.
⁴³ S. Calwell. Field-marshal sir Henry Wilson, Life and diaries. Vol. II, p. 148. London — New York. 1927.

⁴⁵ «История дипломатии» утверждает: «В частных совещаниях германская делегация добилась незначительных уступок» (Т. II, стр. 375).

по территории Франции, Бельгии, Люксембурга без сопровождения войск стран-победительниц, что раньше условиями перемирия не предусматривалось. В новом порядке отступления германской армии была и другая сторона: империалисты Антанты и США стремились оторвать уставших и заражавшихся революционным брожением солдат союзных армий от солдат германской армии. Старый империалистический волк Уинстон Черчилль не без основания писал: «Если бы эти армии приняли сообща какое-нибудь решение, если бы удалось совратить их с пути долга и патриотизма, не нашлось бы такой силы, которая была бы в состоянии им противостоять»⁴⁶.

Особое значение имела новая формулировка статьи 12-й условий перемирия, всем своим остриём направленной против Советской России. Союзные империалисты, предпринявшие интервенцию против Советской России под предлогом борьбы с Германией, теперь открыто выражали в этой статье готовность использовать немецкие войска для дальнейшего осуществления антисоветской интервенции. Германия становилась поставщиком войск США, Англии и Франции в войне против Советской России. Германский империализм из противника превращался в своеобразного союзника империалистов стран-победительниц. Война переносилась с Западного на Восточный фронт.

Вот почему потерпевшие поражение вооружённые силы Германии не были окончательно разгромлены, а спокойно отступили в пределы своей страны, не понеся, по существу, никаких потерь в людском составе и успев вывезти большую часть военного имущества.

Вот почему союзные империалисты, идя на новое смягчение условий перемирия в Компьене, не только спасли германскую армию от полного разгрома, но и дали возможность Гинденбургу произвести на правом берегу Рейна отбор её устойчивых частей для подавления революции в Германии и переброски на Восточный фронт, где немецкие оккупанты терпели жесточайшее поражение под ударами партизанских отрядов и формировавшихся частей украинской Красной Армии, гнавших немецких интервентов с территории родной земли.

Известно, что важнейшую роль в разгроме кайзеровских армий сыграла героическая борьба русского и украинского народов, разгромивших свыше 50 немецких дивизий, находившихся до самого конца войны на Восточном фронте.

Одним из весьма веских доводов, объясняющих причины отказа союзников от требования безоговорочной капитуляции Германии и чаще всего приводившихся французскими исследователями и политическими деятелями, являлось обвинение правительства США, президента Вильсона и его представителя в Париже полковника Хауза в том, что они, преследуя цель украсть плоды победы Антанты над Германией, заставили союзников пойти на заключение перемирия при первой возможности, вместо того чтобы

кончить войну вступлением союзных войск в Берлин и подписанием перемирия в столице Германии.

Определённый свет на это обвинение проливает переписка полковника Хауза с Поль-Жозефом Манту, французским историком, принимавшим участие в заседаниях Верховного военного совета в качестве переводчика. Полковник Хауз писал Манту: «Часто говорят, что мир был преждевременным и что нужно было бы продолжить войну на 60 дней для того, чтобы окончательно разбить Германию. Легко критиковать и обсуждать прошедшие события. Но в то время, в решающие дни осени 1918 года, когда мы проводили заседания в Версале, стараясь собрать все плоды победы, не жертвуя новыми жизнями, было очень трудно решить, где кончался наш долг по отношению к цели и где он кончался по отношению к нашим храбрым солдатам»⁴⁷.

Манту на это письмо Хауза ответил: «Наши потери, столь тяжёлые за четыре года войны, стали исключительно тяжёлыми на последнем этапе войны, отмеченном бесконечными и ожесточёнными боями. Помимо чисто военных соображений, среди государственных деятелей царило твердое убеждение, что народы, проявившие готовность к любым жертвам во имя справедливого дела, никогда не простят своим руководителям, если заподозрят их в продолжении войны за пределы необходимости»⁴⁸.

Генерал Мордак в своих попытках защитить политику Клемансо и Фоша от многочисленных нападок их противников ссылается на разговор Клемансо с маршалом Фошем 9 ноября 1918 г. в Санлисе. На вопрос, заданный Клемансо Фошу, не считает ли он политической и стратегической ошибкой заключение в данный момент перемирия с немцами, маршал ответил: «Продолжать войну — значило бы вести рискованную игру. Мы, вероятно, потеряли бы еще 50 или 100 тысяч французских солдат, не считая союзников, и все же во имя весьма проблематичных выгод. Уже, к сожалению, достаточно пролито крови, хватит этого»⁴⁹. Клемансо целиком солидаризировался с маршалом.

Почему продолжение войны означало «рискованную игру», да к тому же «во имя весьма проблематичных выгод»? На этот вопрос буржуазная историческая литература ответа не даёт. Зато в ней нет недостатка в прославлении «рыцарских» намерений Фоша.

В тот момент, когда вырабатывались условия перемирия с Германией, в Версале шла усиленная подготовка к осуществлению широкого плана антисоветской интервенции, для чего предполагалось привлечь и германские войска. Именно Фош поставил на Верховном совете Антанты вопрос об использовании немцев против Советской России.

Американский реакционный журналист Уолтер Липпман, выражая глубокую тревогу по поводу будущего Германии и Европы,

⁴⁷ J. Mordacq. La vérité sur l'armistice, p. 57. Paris. 1929.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, стр. 61.

⁴⁶ У. Черчилль. Мировой кризис, стр. 32. М.-Л. 1932.

писал в то время: «Из этой войны поднимается новая Европа. Это вполне очевидно, — возникает лишь вопрос, будет ли она организована в Париже или дезорганизована из Москвы»⁵⁰. Война, признавал далее Липпман, революционизировала Европу. «Мысль о неизбежности революции преобладает у всех и повсюду. Ленин и Либкнехт (незримо) присутствуют на заседании Совета в Париже, и их голоса слышатся в каждой дискуссии. Это именно с ними мир ведет сегодня переговоры о своем существовании»⁵¹.

А Самнер Уэллес, заместитель государственного секретаря США, писал: «Революционный характер доктрин, исходящих из коммунистической России, вызвал паническую истерию как в Европе, так и в Новом Свете»⁵².

Уолтер Липпман и Самнер Уэллес не договаривают. Дело, конечно, не только в панической истерии империалистов США и Западной Европы, и тем более не в «дискуссиях с Лениным и Либкнехтом», ибо на заседаниях Верховного военного совета союзников речь шла не о дискуссии, а об удушении Советской России, о подавлении разразившейся в Германии революции руками немецких империалистов под контролем империалистов США и Антанты.

Американские прогрессивные авторы М. Сейерс и А. Кан в своей книге «Тайная война против Советской России» пишут: «Причиной, заставившей союзников отказаться от мысли в 1918 г. дойти до Берлина и раз навсегда разоружить германский милитаризм, был их страх перед большевизмом, на котором искусно сыграли немецкие политические деятели»⁵³.

Несомненно, одной из важных причин, заставивших союзных империалистов отказаться от заключения перемирия в Берлине на основе безоговорочной капитуляции Германии, являлся их страх перед большевизмом, перед народными массами, терпение которых приходило к концу. Рабочие и крестьяне в тылу, солдаты на фронте всё более открыто выражали готовность последовать примеру российского пролетариата и установить подлинный демократический мир между народами, возвещённый Великой Октябрьской социалистической революцией.

Несомненно также, что этот страх перед большевизмом искусно использовали не только германские империалисты, но и их американские покровители, преследовавшие свои специфические цели — установление господства американского капитала в Европе и во всём мире.

Но это объяснение причин отказа союзных империалистов от безоговорочной ка-

питуляции Германии далеко не является исчерпывающим.

Уинстон Черчилль цинично признаёт, что вечером 11 ноября, когда он беседовал наедине с Ллойд Джорджем в большом зале на Даунинг-стрит, его настроение было двойственным: «С одной стороны, я боялся за будущее, с другой — хотел помочь разбитому врагу»⁵⁴, для чего Черчилль рекомендовал мир с германскими империалистами и войну с большевиками⁵⁵.

Буквально в те же дни президент Вильсон заявил: «А теперь наш враг есть мировой большевизм»⁵⁶.

Таким образом, главная и решающая причина отказа союзных империалистов от безоговорочной капитуляции Германии заключалась в том, чтобы скорее развязать себе руки для удушения окрепшей за год Советской России, а также развязать руки немецким империалистам для подавления революции в Германии.

В. И. Ленин и И. В. Сталин с присущей им прозорливостью разоблачали планы империалистов и призывали трудящиеся массы Советской республики к острой бдительности и мобилизационной готовности, чтобы отразить новый поход иностранных интервентов.

И. В. Сталин в статье «Резервы империализма» писал: «Союзный империализм, победивший своих австро-германских соперников, поставил вопрос резко и определённо о вооружённом вмешательстве (интервенция!) в «русские дела». Никаких переговоров с «анархической» Россией! Перебросить часть «освободившихся» войск на территорию России, влить их в белогвардейские части Скоропадских и Красновых, Деникиных и Бичераховых, Колчаков и Чайковских и сжать в «железное кольцо» очаг революции, Советскую Россию, — таков был план империалистов»⁵⁷.

В. И. Ленин говорил об англо-франко-американских империалистах: «Они главной задачей считают душить мировой большевизм, душить его главную ячейку, Российскую Советскую Республику»⁵⁸.

Вот почему и Компьенское перемирие 1918 г., менявшее всю международную политическую обстановку, было не только фиксированием условий капитуляции побеждённой Германии, но и исходным моментом сговора империалистов стран-победительниц с империалистами потерпевшей поражение Германии против Советской России, против немецкого народа и народов мира. В осуществлении этого сговора, как и в спасении империалистической Германии от полного разгрома в 1918 г., ведущая роль принадлежала Соединённым Штатам Америки.

⁵⁰ Walter Lippman. The political scene, an Essay on the Victory of 1918, p. X. London. 1919.

⁵¹ Там же, стр. 68.

⁵² Sumner Welles. The time for decision, p. 12. New York—London. 1944.

⁵³ М. Сейерс и А. Кан. Тайная война против Советской России, стр. 72. М. 1947.

⁵⁴ У. Черчилль. Указ. соч., стр. 3.

⁵⁵ См. там же, стр. 258.

⁵⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 198.

⁵⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 245—246.

⁵⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 142.

Неопубликованные материалы по истории декабристского движения

Т. Снытко

В настоящем сообщении сокращённо изложен составленный в этом году обзор материалов архива, относящихся к истории декабристского движения. Выявлено, что в 30 фондах ЦГИАМ* хранится около полу-миллиона листов таких документов, причём опубликовано из них не более 10%.

Наиболее широко использованы в публикаторских и исследовательских работах материалы фонда Следственной комиссии и Верховного уголовного суда по делу декабристов. Часть документов (донесение Следственной комиссии, манифест об учреждении Верховного уголовного суда, указ Верховному уголовному суду и т. д.) в своё время опубликовывалась в газетах, а затем в ряде сборников. Позже Центрархив опубликовал из того же фонда «Алфавит декабристов» документы по восстанию Черниговского полка и ряд следственных дел. Остальные следственные дела декабристов, преданных Верховному уголовному суду, подготовлены ЦГИАМ к изданию. Кроме того многие документы из этого фонда опубликованы (с подлинников или по копиям) С. Н. Черновым, Б. Е. Сыроечковским, Д. И. Багалеем и другими¹. Однако опубликованные и подготовленные архивом к публикации материалы не составляют и четверти фонда.

1. Не опубликованы дела о тайных обществах, существование которых не удалось доказать ни доносителям, ни следственным властям (общества на Кавказе, в Москве, Казани, Симбирске, Слуцке; так называемое «Малороссийское общество», общество братьев Булгари, общество во флоте, тайное общество в Пажеском корпусе, общество «Свободные садовники» в Курляндии и т. д.).

2. Лишь в небольшой части опубликованы документы по расследованию доносов Шервуда, Майбороды, Бошняка, Бурцева, Грохольского, Унишевского, Крайникова, Ипполита Завалишина, Нимзе, Гобермана, Ларичева и др.

3. Не опубликованы (за редкими исключениями) более 200 следственных дел о членах тайных обществ и лицах, причастных к движению декабристов, но не преданных Верховному уголовному суду. Многие из этих дел содержат более важные для истории декабристского движения сведения, нежели дела, опубликованные или подготовленные к опубликованию. Следует упомянуть, что Николай I, желая снизить значимость процесса декабристов, отдал распоря-

жение «арестовывать только сильно участвовавших в преступных намерениях» (дело № 27, л. 240).

4. Не опубликованы ежедневные докладные записки Следственной комиссии Николаю I и докладные записки о членах тайных обществ и лицах, причастных к декабристскому движению, которых Комиссия считала возможным не предавать суду (8 томов).

5. В значительной степени не опубликованы и не использованы единицы хранения (около 30) со сведениями и справками о разных лицах, причастных к делу декабристов.

6. Лишь частично использованы документы о содержании арестованных декабристов в Петропавловской крепости (25 единиц хранения) и собранные Следственной комиссией сведения о материальном положении арестованных (7 единиц хранения).

7. Не опубликованы и мало использованы документы о польских тайных обществах: переписка; показания членов польских тайных обществ (около 3 тыс. листов); следственные дела Мошинского, Яблоновского, Тарновского и других, имевших связь с Южным обществом; документы «Верховного суда царства польского», учреждённого для рассмотрения дел членов тайных обществ (протоколы заседаний суда, приговор суда, доклад председателя суда Белинского Николаю I, протоколы «административного совета», замечания на приговор великого князя Константина Павловича, протоколы Секретного комитета, учреждённого для рассмотрения приговора суда, доклад Новосильцева и др.).

8. Мало использованы материалы делопроизводства Следственной комиссии и Верховного уголовного суда: журналы Следственной комиссии, её переписка, протоколы заседаний суда, материалы комиссий суда, материалы заседаний суда по определению меры наказания каждому из преданных суду декабристов, бумаги генерал-прокурора Лобанова-Ростовского, обер-прокурора Журавлёва и др.

9. Недостаточно использованы позже присоединённые к фонду бумаги И. И. Дибича, А. Я. Сукина, Д. Н. Блудова, А. И. Татищева, М. М. Сперанского, Лопухина, Вахрушева и др., относящиеся к деятельности Следственной комиссии и суда по делу декабристов.

10. Лишь частично опубликованы документы, изъятые у декабристов: П. И. Пестеля, А. П. Барятинского, Н. П. Крюкова, Д. И. Завалишина, М. И. Муравьёва-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина и многих других. Мало использованы и даже недостаточно исследованы бумаги, изъятые у князя М. П. Баратаева и московских купцов Селивановского и Котельникова. В бумагах

* Центральный Государственный исторический архив в Москве.

¹ В дальнейшем о наличии опубликованных материалов будет упоминаться лишь в случае необходимости сохранения общего представления о материалах фондов.

последнего имеется введение к проекту конституции, написанное Д. Фонвизиным и Н. Паниным в конце XVIII века.

В фонде хранится много декабристских материалов, определённых сюда позже. Среди них, кроме копий документов фонда и дел, относящихся к его истории, имеется:

а) Дело Инспекторского департамента о претензиях Вятского полка к П. И. Пестелю (после его ареста).

б) Несколько подлинных записок и писем Д. И. Завалишина.

в) Письма П. Н. Свистуну (1830—1881 гг.): Н. В. Басаргина, И. А. Анненкова, Н. С. Бобрищева-Пушкина, Ф. Ф. Вадковского, В. Л. Давыдова, В. К. Кюхельбекера, А. П. Беляева, И. И. Пущина, П. И. Фаленберга, М. А. Назимова, Д. А. Щепина-Ростовского, А. Е. Розена, С. П. Трубецкого, М. М. Нарышкина, М. И. Муравьева-Апостола, И. Д. Якушкина и С. Н. Бибиковой. Наиболее содержательными из них являются письма М. И. Муравьева-Апостола, А. Е. Розена и А. П. Беляева.

г) Письма декабристов к разным лицам: А. И. Якубовича к И. И. Дибичу, С. Г. Волконского к родным, И. И. Горбачевского к М. А. Бестужеву, Е. П. Оболенского к Д. И. Завалишину, К. Ф. Рылеева к Н. А. Маркевичу; Е. П. Оболенского, Бобрищева-Пушкина, С. П. Трубецкого и А. М. Муравьева к А. Л. Кучевскому, А. З. Муравьева к Канкриной, М. Юшневской к В. Муравьевой; А. Ф. Бриггена, Н. И. Тургенева и Е. Ф. Муравьевой к неустановленным лицам.

д) Материалы «артели» декабристов (1831—1833 гг.).

е) Воспоминания о декабристах, написанные в 1904 г. 105-летним М. И. Караваевым, и другие документы.

Фонд «III отделение собственной его имп. величества канцелярии» содержит материалы о декабристах в трёх его структурных частях: в архиве 1-й экспедиции, в 1-м секретном архиве и во «всепоподаннейших докладах III-го отделения».

В архиве 1-й экспедиции III отделения материалы о декабристах именуются делом № 61 (по описи № 2), которое состоит из 264 частей. Первые 25 частей этого дела посвящены общим вопросам об отправке осуждённых в Сибирь и размещении их по местам заключения и поселения; о порядке надзора за ними; об ассигновании средств на их содержание; о разрешении сосланным на поселение временных отлучек, постройки домов и занятия сельским хозяйством; о разрешении ссыльным жениться; об изменениях в положении осуждённых (переводы на поселение, в рядовые в Кавказский отдельный корпус и т. д.); о разрешении выехать в Сибирь жёнам декабристов и их слугам; о правах жён и детей декабристов; об имущественных правах и делах декабристов; о надзоре за перепиской декабристов и их жён и т. д.

В деле, посвящённом последнему вопросу, имеются выписки из писем декабристов, а также большое количество задержанных III отделением писем декабристов и их родственников. По распоряжению Николая I часть задержанных писем уничтожена, но

значительная часть их всё же сохранилась. Из них наиболее интересными являются письма С. Г. Волконского, А. З. Муравьева, А. Ф. Бриггена, И. Б. Аврамова, А. И. Черкасова, А. В. Веденяпина, В. Л. Давыдова, А. В. Поджио, З. Г. Чернышёва, И. И. Пущина, Е. С. Мусина-Пушкина, С. М. Палицына, В. Д. Сухорукова, В. С. Толстого, Н. А. Бестужева, Е. Ф. Муравьевой, Е. И. Трубецкой, Н. Д. Фонвизиной, А. И. Давыдовой, М. К. Юшневской, А. Г. Муравьевой и др.

Специальное дело (ч. 14) было заведено в связи с ходатайствами отдельных декабристов разрешить им печатать свои произведения. Подобные ходатайства подавали: А. А. Бестужев (Марлинский), И. Ф. Шимков, М. К. Кюхельбекер, В. И. Штейнгель, А. Ф. Бригген и В. К. Кюхельбекер. Некоторые рукописи В. К. Кюхельбекера и В. И. Штейнгеля не было разрешено напечатать, и они остались в бумагах III отделения как «приложения» к данному делу.

Остальные 240 частей дела № 61 заведены каждая на отдельного декабриста. Абсолютное большинство этих частей содержит одинаковые виды документов: справки о принадлежности данного лица к декабристским тайным обществам и степени участия его в декабристском движении, справки о поведении его в период ссылки, ходатайства родственников об облегчении участи осуждённого, ходатайства и распоряжения о переводе ссыльного в другие (более южные) места и из деревень в города. Если сосланный не дождал до амнистии 1856 г., то дело обычно заканчивалось донесением генерал-губернатора о его смерти. Если же сосланный возвратился в Европейскую часть России, то в дело обычно включались документы о надзоре за его поведением и о перемене им местожительства, о разрешении ему временного или постоянного пребывания в столицах, о разрешении вступить на гражданскую службу и др. Если осуждённый был переведён рядовым в Кавказский отдельный корпус, то дело обычно заканчивалось сообщением о его смерти или о производстве в офицерский чин, получив который декабристы немедленно уходили в отставку. Однако за многими декабристами, уволенными в отставку, полицейский надзор сохранялся в течение многих лет, а иногда и до смерти поднадзорного.

Нетипичными по составу документов являются лишь несколько частей:

а) Дело В. К. Кюхельбекера. В этом деле, кроме указанных выше документов, имеется несколько задержанных писем Кюхельбекера к сестре Ю. К. Глинке и Б. Г. Глинке, записка (1832 г.), в которой он отказывается от своего показания Следственной комиссии против Пущина, список стихотворений «Сирота», переписка о разрешении Кюхельбекеру вступить в брак с мешанкой Артемовой (1836 г.), переписка по расследованию способов отправки Кюхельбекером своих сочинений А. С. Пушкину и др. Кроме того сюда же включено отдельное дело 1831 г. о сношениях Кюхельбекера с Плятером и Ярмерштемом во время пребывания его в Динабургской крепости.

б) Дело Д. И. Завалишина содержит письма его к А. Х. Бенкендорфу с просьбой разрешить печатать его статьи; письмо Завалишина на 25 страницах в Сибирский комитет и кн. В. А. Долгорукову (1857 г.) о своей службе с адмиралом Лазаревым, о дружбе с П. С. Нахимовым, о положении дел в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке и т. д.; письма в Цензурный и Сибирский комитеты о злоупотреблениях местных властей в Восточной Сибири и незаконных притеснениях печати: много рукописей, в частности статьи «Амур», «Амурское дело», «О делах Амурских», «Ответ Романову» и др.; переписку о высылке Завалишина из пределов Восточной Сибири (1873 г.); жалобы Завалишина В. А. Долгорукову, А. А. Суворову и А. Л. Потанову по этому поводу и ряд других документов.

в) Дело М. С. Лунина, кроме обычных документов, содержит много писем Е. С. Уваровой к А. Х. Бенкендорфу с ходатайствами за Лунина, выписки из её писем к Лунину и специальное большое дело (1841 г.) о сочинении Лунина «Взгляд на русские тайные общества 1816—1826 гг.». При обыске у Лунина был найден ряд рукописей: «Разбор Донесения Следственной комиссии», «Мысли и замечания», «Исторический этюд № 4», басни: «Дитя и пятно», «Брага», «Кляча, дрова и дровни», стихотворения: «Юность» А. Мицкевича, «Кузнец» Старжинского, переводы стихотворений Беранже и др. Все эти рукописи приложены к данному делу.

г) В деле А. А. Бестужева (Марлинского) имеются документы об увольнении от службы тифлисского коменданта Бухарина за приём в своём доме Бестужева и об установлении надзора за полковником Леманом, отпустившим Бестужева в отпуск в Тифлис; выписки из писем и копии писем Бестужева к матери с описанием условий службы на Кавказе; донесения барона Розена и других об обысках у Бестужева и его связях с офицерами; дело о напечатании портрета Бестужева в сборнике «100 русских литераторов»; его письма и статьи с замечаниями цензуры и др.

д) В деле Г. С. Батенькова, кроме обычных документов, хранятся его пространные письма к Николаю I, написанные, как считал комендант крепости А. Я. Сукин, в период умопомешательства Батенькова (1835 г.). В этих письмах, подражая языку библейских пророков, Батеньков при всей сумбурности изложения выдвигает много смелых мыслей («Запретить революцию? Легче стекло запретить, потому что его можно назвать плотугодием...»). Если даже Батеньков действительно писал эти письма в состоянии умственного расстройств, то и тогда его высказывания о Сперанском, Пестеле, о не открытых тайных обществах представляют несомненный интерес.

е) В деле М. А. Фонвизина имеются, кроме типичных документов, задержанные письма Н. Д. Фонвизиной к Е. Н. Бантыш-Каменской об условиях жизни в Сибири и о взяточничестве местных чиновников; Фонвизина рекомендует Бантыш-Каменской пользоваться в письмах условным языком. Здесь же находятся письма М. А. Фонвизина

к И. А. Фонвизину с характеристикой генерал-губернатора Горчакова, с оценкой деятельности местной администрации и описанием жизни декабристов под начальством С. Р. Лепарского.

ж) В деле А. И. Корниловича имеются вопросные пункты о связях его с австрийским посольством и ответы на них Корниловича. Кроме того в деле хранятся многочисленные записки Корниловича на самые разнообразные темы: о взаимоотношениях России с Австрией и Турцией в начале XIX в.; о бумагах Остермана (1730-х годов); о народном быте северных губерний; об условиях жизни и работы декабристов в Сибири (написана по предложению А. Х. Бенкендорфа); «об участии крестьян-посельщиков в Сибири»; о необходимости содействия росту промышленности; о русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и задачах России на Востоке; о взаимоотношениях России, Персии и среднеазиатских народов; о войне на Кавказе; о Дальнем Востоке и его колонизации; о воспитании и просвещении; о методике обучения грамоте; «об организации практических школ»; «о состоянии русской литературы и мерах для её процветания»; об «общественном воспитании детей»; о причинах антирусских настроений среди поляков и др.

з) В деле П. Ф. Выгодского имеется задержанное большое его письмо Пахутину и особое дело (1855 г.) о предании Выгодского суду за «дерзость», «ослушание» и за оскорбление должностных лиц. При обыске у Выгодского было найдено 3588 листов его рукописей, которые, очевидно, были уничтожены. Из них к делу приложены несколько выписок и приговор Томского окружного суда.

К 1-й части дела № 61 в 1871 г. были приобщены в качестве приложения бумаги начальника Нерчинского завода, относящиеся к пребыванию на заводе декабристов. В этих бумагах имеются документы о заговоре Сухинова, о побеге Александра Луцкого, об обыске у М. С. Лунина и обнаруженных у него рукописях, оружии и двух пудах пороха, о режиме, установленном для декабристов. Здесь же хранятся рапорты шихтмейстера Рика, берггешворена Коплевского, прапорщика Резанова и др. о поведении декабристов, статейные списки и задержанные администрацией завода письма С. П. Трубецкого, П. В. Аврамова, А. И. Вегелина; письма жён декабристов Е. И. Трубецкой, Н. Д. Фонвизиной, А. И. Давыдовой, А. Г. Муравьёвой и М. Н. Волконской к С. Р. Лепарскому и другие документы.

Кроме дела № 61 III отделение по отдельным, особым случаям заводило специальные дела, касающиеся декабристов. Так, например, в 1827 г. заведены дела: о председателе Иркутского губернского правления Горлове, который приказал снять кандалы с прибывших в Иркутск декабристов, позволил им общаться с местными чиновниками и затем разослал декабристов по заводам гражданского ведомства; по доносам Трофимова и Иванова о тайном обществе в г. Владимире; о членах тайного общества «Военные друзья» (Усовском, Игельстроме, Вегелине, Рукевиче, Требинском, Пац-По-

марнацком, Гофмане, Высоцком, Вронском, Петровском и др.) и о «возмущении» ими пионерного батальона Белостокского полка. В том же году были заведены дела на сосланных в Сибирь членов польских тайных обществ.

В 1828 г. были заведены дела: о поручике С. С. Оболенском, нанесшем ранения сопровождавшему его на Кавказ казачьему уряднику; о попытке бегства ссыльных и части казаков с Зерентуйского рудника («заговор Сухинова»); о бедственном положении остяков (по перлюстрированному письму А. В. Ентальцевой); по доносу Шервуда о связях с декабристами смоленских дворян Я. М., П. М. и В. С. Швейковских, барона Черкасова и Вас. В. Пассека.

В 1829 г. было заведено дело о недопуске к дворянским выборам «лиц, прикосновенных к делу 14 декабря 1825 г.».

В 1832—1834 гг. были заведены дела: о связях поручика Бартенева и прапорщика Политковского с В. Ф. Раевским и В. Д. Сухоруковым; о связях олёкминского исправника Фёдорова с декабристами Андреевым и Чижевским; по доносу Медокса о связях сосланных декабристов с новыми тайными обществами в Москве, Одессе и других городах; об отставном подпоручике Николае Енгальцеве — разжалованный в рядовые за участие в выступлении 14 декабря 1825 г., он вновь выслужился до офицерского звания и продолжал «осуждать действия правительства»; о тайной переписке и распространении революционных карикатур и литературы М. С. Палицыным при содействии пятигорского городничего Ванеева и врача Мейера (при обысках у Палицына, Ванеева, Мейера и других действительно было найдено много документов, характеризующих революционные настроения Палицына).

Документы, касающиеся декабристов и декабристского движения, имеются также в следственных материалах о тайных кружках братьев Критских, Оренбургском, Курском, Сунгуровском, Герцена — Огарёва, в делах Ситникова, Ротчева, Александра Шишкова, Ильи Никифорова, Павла Здор, в делах по расследованию доносов Шервуда, Колтовской, Хотяницевой, Талистова, А. Б. Голицына и многих других делах.

В свой «Секретный архив» III отделение определяло на хранение не «дела», а, так сказать, приложения к делам: доносы тайных агентов и жандармских чиновников, записки разных лиц, материалы перлюстрации и другие документы, которые не были приобщены к делам основного архива. Из материалов, относящихся к декабристскому движению, в «Секретном архиве» хранятся:

а) Записки А. И. Корниловича — о польском дворянстве и необходимости привлечения его на «имперскую службу»; «о выгоды просвещения крестьян для помещиков и казны»; о политическом положении в Подольской губернии и о необходимости более интенсивного использования природных богатств Подолии; о необходимости учреждения при медицинских факультетах институтов для подготовки сельских врачей; о необходимости подчинения учреждений народного образования светским властям;

об отрицательной роли католического духовенства в деле сближения поляков с русскими; о необходимости причисления юго-западной Украины к Харьковскому учебному округу; о необходимости реорганизации системы воспитания детей дворян правобережной Украины. Записки эти лишь в выдержках использованы П. Е. Щёголевым.

б) Перлюстрация переписки А. А. Бестужева и лиц, связанных с ним: И. П. Жукова, Юматова, дербентского коменданта Шнитникова, Легкобытова, Каспарова, Ковалевского, Корсакова, З. Д. Орбелиани и др. (1832 г.). Кроме того в материалах перлюстрации за 1826—1827 гг. имеется много выписок из писем разных лиц с высказываниями о декабристах, о сочувствии им в обществе и т. д.

в) Записки разных лиц о декабристах и декабристском движении, в том числе: два варианта записки Н. И. Греча с замечаниями на донесение следственной комиссии Николаю I; записки сенатора В. И. Болгарского о «неправильности решений разрядной комиссии» Верховного уголовного суда (он требовал зачисления В. И. Штейнгеля и Г. С. Батенькова в I разряд) и о необходимости усилить меры наказания декабристам (зачисленных в I разряд — повесить, во II разряд — обезглавить, в III разряд — расстрелять); записка без подписи «Краткая история тайных обществ» (преимущественно о масонских ложах); записка Кайсарова о ходе следствия по делам польских тайных обществ (1827 г.); записка без подписи «Взгляд на общее мнение в России от вступления на престол имп. Николая I до сего времени» (1828 г.).

г) Доносы и записки тайных агентов III отделения и офицеров корпуса жандармов о лицах, связанных с декабристами, и об отзовах на процесс декабристов. Доносы о связях с декабристами имеются на М. М. Сперанского, А. П. Ермолова, А. Д. Боровкова, священников Мысловского и Паевского, тульского директора училищ Нечаева, фельдъегеря Седова, корнета Алексеева, профессора Давыдова, подпоручика Борисевича, штабс-капитанов Чунпалова, Сурнина, Евреинова и Казакова, майоров Гиппиуса и Малиновского, чиновника особых поручений при московском генерал-губернаторе Головина, директора канцелярии того же генерал-губернатора — Шафонского, офицеров Таушева, Горемыкина и на множество других лиц.

Донесения о настроениях в армии, флоте и в обществе в 1826 г. и об отзовах на процесс декабристов имеются: по каждому гвардейскому полку, по некоторым полкам I и 2-й армий, по кронштадтскому гарнизону, по Петербургу и Москве и по губерниям Петербургской, Московской, Псковской, Ярославской, Костромской, Рязанской, Харьковской, Курской, Саратовской, Казанской, по Прибалтийским губерниям и др. Большинство этих донесений изображает настроения общества в таком виде, в каком это было желательно Николаю I, но встречаются откровенные сообщения о том, что солдаты и матросы сочувственно относятся к декабристам и особенно к знакомым им, что циркулируют слухи о ещё

не открытых тайных обществах, что идеи декабристов распространяются шире, чем до восстания, что недовольство высказывается и в народе («с этим царём не видать добра...»).

Все свои распоряжения по делам декабристов, даже о переводе кого-нибудь из них на другое место поселения и т. п., III отделение отдавало, испросив предварительно санкцию Николая I; оно так же аккуратно информировало его о всех происшествиях в среде сосланных или состоящих под надзором по делу 14 декабря. Поэтому среди «всепоподаннейших докладов» III отделения имеется множество записок о декабристах, но большой научной ценности они не представляют, так как лишь передают в сокращённом виде сущность документов, хранящихся и сейчас в соответствующих делах III отделения.

В фонде «Рукописное отделение библиотеки Зимнего Дворца» имеется много материалов о декабристском движении, но преимущественно копийных (из коллекции документов М. А. Корфа, из архива П. В. Долгорукова и т. д.). Большая часть оригинальных документов опубликована. Из неопубликованных документов о восстании декабристов в фонде имеются: собственно-ручные записки Николая I о событиях 14 декабря 1825 г. (опубликованы лишь выдержки); записка М. А. Корфа «События 14 декабря 1825 г.», написанная со слов великого князя Михаила Павловича и исправленная последним; большая записка (рукописная книга) Пузанова «Описание участия лейб-гвардии гренадеров в происшествии 14 декабря 1825 г.»; «Воспоминания о 14 декабря 1825 г.» неизвестного автора; записка без подписи «О польских тайных обществах»; письма Ил. Васильчикова, В. Адлерберга и А. Остермана Николаю I с требованием усилить меры наказания декабристам; письма С. Храповицкой, М. Волконской, Е. Муравьёвой, В. А. Жуковского, Г. Разумовской, Е. Бибиковой Николаю I и Бенкендорфу с ходатайствами за отдельных декабристов.

Несомненный интерес представляют материалы М. А. Корфа по подготовке издания книги «Восшествие на престол императора Николая I». Здесь имеются: первоначальная записка М. А. Корфа «Историческое описание событий 14 декабря 1825 г.»; замечания на эту записку Николая I, великого князя Михаила Павловича и наследника Александра Николаевича; первое издание книги (для членов царской семьи); замечания Николая I и наследника на это издание (интересно замечание Николая I: «государю (Александру I.—Т. С.) ещё в 1818 г. в Москве сделались известны замыслы и вызов Якушкина на царевбийство»); «Дополнение» к «Историческому описанию событий 14 декабря 1825 г.», написанное М. А. Корфом; замечания Николая I на «Дополнение» М. А. Корфа к первому изданию книги; второе издание книги; замечания Александра II на второе издание; третье издание книги (для продажи); докладные записки М. А. Корфа Николаю I и Александру II о ходе работ по написанию и подготовке издания книги (1848—1858 гг.)

с резолюциями Николая I и Александра II; записки М. А. Корфа и письмо его к Александру II по поводу рецензии А. И. Герцена на его книгу; материалы, собранные М. А. Корфом для работы по написанию данной книги (преимущественно копийные).

Кроме указанных выше документов фонда, сведения о декабристах и декабристском движении содержатся в: «Извлечениях из докладов III отделения о декабристах» с резолюциями Николая I (1828—1853 гг.); мемуарах А. Х. Бенкендорфа (текст которых значительно отличается от опубликованного); письмах в форме докладных записок А. Х. Бенкендорфа Николаю I; письмах Николая I к матери; мемуарах М. А. Корфа (опубликованы лишь частично); переписке великих князей Константина Павловича и Михаила Павловича, великой княгини Елизаветы Павловны, Бенкендорфа, Адлерберга, Корфа и многих других.

Фонд Якушкиных является не только семейным фондом И. Д. Якушкина и его потомков, но и коллекцией материалов декабристов. Сыновья И. Д. Якушкина — Вячеслав и Евгений, — проявляя интерес к декабристскому движению, не только сохранили бумаги отца, но и собрали много материалов других декабристов. Значительная часть документов этого фонда опубликована Е. И., Е. Е. и В. Е. Якушкиными и другими, но всё же большая часть материалов осталась неопубликованной. Так, не опубликованы личные документы И. Д. Якушкина (паспорт, формулярные списки, указ об отставке, свидетельство об амнистии 1856 г. и др.); его тетради с академическими записями по истории, литературе, праву и т. д.; его разнохарактерные рукописи и материалы переписки.

Из рукописей Якушкина раннего периода (до 1825 г.) в фонде имеются лишь переводы (в прозе) стихотворений Байрона, листы с записями дневникового характера времени походов 1812—1815 гг., подробный план задуманного им труда по истории французской революции, заметки о внешних особенностях Парижа в сравнении с Петербургом. Перевод отрывков из «Телемака» Фенелона сделан Якушкиным, очевидно, значительно позже.

Отдельную группу материалов фонда составляют педагогические рукописи Якушкина, связанные с его деятельностью в организованной им в Ялutorовске школе взаимного обучения. Учебные пособия для учащихся Якушкин писал сам. Из этих рукописей в фонде имеются: пособия по всеобщей и русской истории, географии, русскому языку, по грамматике французского языка, по арифметике, ботанике, зоологии, физике, химии и астрономии. К этой же группе относятся записка Якушкина «О применении метода взаимного обучения в уездных училищах» и записи о составе учащихся в Ялutorовской школе.

В период ссылки Якушкин, как видно, собирался заниматься крупными историческими исследованиями по истории Сибири и по истории ислама. По этим темам он прочёл большое количество книг XVII—XVIII вв. и сделал много выписок и заметок.

Среди документов Якушкина в фонде имеются: письмо его к Николаю I по поводу своих показаний о П. А. Муханове (1826 г. Опубл.); бумаги «артели» декабристов (устав артели 1831 г., приходо-расходные тетради, ведомости поступления взносов декабристов и т. п.); опись декабристов, составленный в 1835 г. с указанием мест поселения их; воспоминания Е. П. Оболенского о Якушкине.

Писем Якушкина (в черновиках) в фонде сохранилось немного. Имеются письма к О. Н. Балакшиной, дающие некоторое освещение деятельности Якушкина в Ялutorовской школе, письма к П. Х. Граббе (1821 г.), к М. И. Муравьеву-Апостолу (1816—1825 гг.), Н. Н. Шереметевой (1822—1825 гг.), к Н. Д. Свербееву (1852—1854 гг.) и к С. П. Трубецкому (1841—1845 гг.). Эти последние дают много сведений о жизни и деятельности декабристов в Сибири. Интересно отметить, что Якушкин в этих письмах называет кусты поселений декабристов местными «братскими думами». Письма его к Е. И. Трубецкой, Н. Д. Фонвизиной, Е. Д. Щербатовой посвящены личным и семейным делам.

Письма к Якушкину сохранились Г. С. Батенькова, А. Ф. Бриггена, Н. С. Бобрищева-Пушкина, Ф. Ф. Вадковского, С. Г. Волконского, Ф. Б. Вольфа, П. Х. Граббе, М. Ф. Митькова, М. К. Кюхельбекера, М. С. Лунина, А. З. Муравьева, Н. М. Муравьева, М. И. Муравьева-Апостола, Е. П. Оболенского, А. И. Одоевского, И. И. Пущина, А. Е. Розена (опубликованы), С. П. Трубецкого, М. А. и И. А. Фонвизиных, П. Я. Чаадаева (опубликованы). Из других корреспондентов И. Д. Якушкина, в той или иной мере связанных с декабристами, нужно назвать А. В. Крюкову-Дмоховскую, А. В. Ентальцеву, С. И. Знаменского, С. Р. Лепарского, П. Н. Мысловского, А. Д. Облеухова, Е. А. Решетову, Е. Г. Левашёву, П. В. Муравьева.

Большую группу материалов составляют письма родных и родственников к И. Д. Якушкину. Первое место по количеству занимают письма жены его — Анастасии Васильевны (около 300 писем за 1824—1836 гг.). Не менее активную переписку с Якушкиным вели тёща его — Н. Н. Шереметева и его сыновья Евгений и Вячеслав, а также сестра — Е. Д. Милюкова, писем которых хранится в фонде большое количество.

Из материалов других декабристов в фонде имеются:

1. Письма к А. П. Барятинскому — П. О. Барыковой, Михаила Барятинского, Аграфены Барятинской, В. П. Винкевич-Зуб (сестры А. П. Барятинского), Е. П. Оболенского, И. И. Пущина, М. Н. Волконской и письма В. П. Винкевич-Зуб к М. Н. Волконской.

2. Большое количество записок Н. В. Басаргина, из которых до сих пор не опубликованы: «Журнал «Возвращение в Россию», «Письма сибиряку из России», «Записки о современных событиях деревенского жителя, возвратившегося из ссылки» (1857—1861 гг.); «Мысли о будущем России и её политике» (1856 г.); О крымской войне и

внешней политике русского правительства; «Финансовые меры России в течение последних лет»; О необходимости улучшения гражданского и уголовного судопроизводства; «Об акционерном обществе для приготовления продовольственных и разных животных веществ и торговли ими»; О необходимости мер содействия развитию промышленности и торговли; «Некоторые мысли и соображения по поводу вопроса об изменении крепостного быта» (1858 г.); «О крепостном состоянии»; О позиции разных слоёв дворянства в вопросе о способах отмены крепостного права; Об условиях выкупа крестьянами земель у помещиков; Об изменении положения дворянства после отмены крепостного права; О перспективах развития промышленности и торговли в Сибири; О «лихоимстве» сибирских чиновников; О необходимости устройства железной дороги от Тюмени до Камы; О сибирских старообрядцах и др.

Кроме публицистических записок, среди бумаг Басаргина имеются его литературные опыты: переводы стихотворений Томаса Мура и черновик рассказа (без заглавия).

3. Бумаги братьев Борисовых состоят из выписок и переводов П. И. Борисова из сочинений Левингстона, Майера и др. по истории философии и по истории права, его же записок по истории древнего Египта и писем П. И. и А. И. Борисовых к сестре Анне Ивановне (1842—1843 гг.) и неизвестным лицам.

4. Бумаги М. И. Муравьева-Апостола состоят из писем его к П. Н. Мысловскому и неустановленному лицу и писем к нему Г. С. Батенькова, П. С. Бобрищева-Пушкина, Елизаветы Брант, С. Г. Волконского, Ф. Б. Вольфа, М. П. Морачевского, А. М. Муравьева, А. З. Муравьева, А. Н. Муравьева, А. Г. Муравьевой, С. И. Муравьева-Апостола, М. К. Муравьевой-Апостол, П. А. Муханова, И. И. Пущина, Н. Д. Пущиной, В. Собанской, С. П. Трубецкого, Н. Н. Шереметевой, И. Д. и Е. И. Якушкиных.

5. Бумаги И. И. Пущина содержат: письма к нему Н. В. Басаргина, С. Г. Волконского, А. Н. Сутгофа, Н. Д. Фонвизиной и В. И. Якушкина; отрывок из воспоминаний И. И. Пущина о причинах отправки декабристов в Нерчинск; записку «Рассуждение о законе на богохуление» (1825 г.); предписание III отделения запретить И. И. Пущину писать письма с «намёками и подчёркиваниями»; стихотворения В. Л. Давыдова и неизвестного лица, посвящённые И. И. Пущину, и стихотворения (лицейские) Дельвига, Одоевского, Рыльева, Бенедиктова и др., частично подлинные и частично переписанные И. И. Пущиным.

6. В материалах К. Ф. Рыльева, хранящихся в фонде Якушкиных, имеются: черновик полного предисловия к «Думам» (опубликованное предисловие является лишь небольшой его частью); заметки по истории русской литературы (о Симеоне Полоцком, Тредьяковском, Сковороде, Нахимове и др.); записка Рыльева с требованием запретить иностранным купцам заниматься промыслами на территории, управляемой Российско-американской компанией; черно-

вики прозаических произведений Рылеева («Добрый господин»; «Сабатей Севи» и др.); черновые отрывки поэм («Войнаровский», «Наливайко», «Марфа посадница» и др.); черновые наброски и отрывки стихотворений; выписки изречений из Цицерона, Тацита, Плиния и др.; списки поэм, стихотворений и писем Рылеева. Здесь же хранятся воспоминания Е. П. Оболенского и Н. А. Бестужева о К. Ф. Рылееве (опубликованы), а также заметки о нём В. Е. Якушкина.

7. В бумагах М. А. Фонвизина хранятся: его записка — «Обозрение философских систем», записи о Шеллинге и Фихте, записка о происхождении крепостного права в России, записка об указе «об обязанных крестьянах» и «мерах к более широкому применению указа»; письма М. А. Фонвизина к родителям — А. И. и Е. И. Фонвизиным; письма И. А. Фонвизина к брату М. А. Фонвизину; письма И. А. Фонвизина к Д. И. Завалишину; письма А. Д. Фонвизина к А. И. и Е. И. Фонвизиным; воспоминания Н. Д. Фонвизиной (1845—1865 гг.) и несколько писем к ней.

8. Кроме того в фонде Якушкиных хранятся несколько отдельных документов декабристов: письма и выписки из писем А. А. Бестужева к матери и сестре (1828 г.), письма К. Н. Батюшкова к Н. М. и Е. Ф. Муравьевым (1814—1822 гг.), письма В. Ф. Раевского к брату (1865 г.), письмо Н. И. Тургенева Н. В. Селиванову (1862 г.), замечания С. П. Трубецкого на записки В. И. Штейнгеля; списки записок М. С. Лунина, Д. И. Завалишина, Н. М. Муравьева и списки писем П. А. Бестужева к матери, сестрам и А. А. Бестужеву, М. Ф. Орлова к В. Л. Давыдову, Давыдовых к Штейнгелям и др.

Из документов жены И. Д. Якушкина — Анастасии Васильевны (урождённой Шереметевой) в фонде сохранились лишь бумаги, связанные с её попытками выехать к мужу в Сибирь, имущественные документы и отрывки из дневника (не датированные).

Материалы Н. Н. Шереметевой, хранящиеся в фонде Якушкиных, содержат письма к ней М. А. Фонвизина, И. Д. Якушкина (опубликованы), Вас. Перовского и многих других (не декабристов).

В материалах Е. И. Якушкина имеется много писем к нему декабристов и их родственников, в частности: И. А. Анненкова, Н. В. Басаргина, Ольги Басаргиной, Г. С. Батенькова, П. С. Бобрищева-Пушкина, А. А. Быстрицкого, С. Г. Волконского, М. С. Волконского, Ф. Н. Глинка, П. Х. Граббе, Н. И. Лорера, М. И. Муравьева-Апостола, Е. П. Оболенского, Ларисы Поджио, И. И. Пущина, А. К. Пущиной (дочери К. Ф. Рылеева), Н. Д. Пущиной, П. Н. Свистунова, С. П. Трубецкого, А. И. Тютчева, П. И. Фаленберга, Н. Р. Цебрикова, Н. Н. Шереметевой, В. И. Штейнгеля, И. Д. Якушкина (1852—1857 гг.), В. И. Якушкина, В. Е. и Е. Е. Якушкиных и др.

Среди материалов Е. И. Якушкина хранятся также: черновики записей В. И. Якушкина о поездках по Сибири и о свидании с отцом; фотоснимки и негативы, сделанные Е. И. Якушкиным в период его пребывания в Сибири; его замечания на записки

А. М. Муравьева; переписка Е. И. Якушкина по поводу статьи Н. М. Орлова о роли М. Ф. Орлова на московском съезде «Союза благоденствия», опровергавшей освещение событий на съезде, данное И. Д. Якушкиным в своих записках; переписка о создании фонда помощи нуждающимся декабристам; письмо А. А. Бошняка Е. И. Якушкину с изложением биографии А. К. Бошняка и попыткой снять с него обвинение в предательстве декабристов; списки стихотворений Рылеева, Одоевского, В. Л. Давыдова, Бобрищева-Пушкина, Кюхельбекера и др.

Среди документов В. И. Якушкина имеются письма к нему М. К. Кюхельбекера, В. Перевощикова, Н. Д. Свербеева и Е. И. Якушкина, содержащие сведения о декабристах А. Поджио, И. Пущине, П. Свистунове, С. Трубецком, И. Якушкине и др. Здесь же хранятся: замечания И. И. Горбачевского на статью А. И. Герцена «14 декабря и император Николай I»; списки писем декабристов и комментарии к ним; справки о материалах декабристов, хранящихся в разных архивах; списки записок о восстании декабристов и др.

Среди документов Е. Е. Якушкина имеются лишь копийные бумаги, относящиеся к его работе по опубликованию материалов декабристов.

Фонд Муравьевых (объёмом около 40 тыс. листов) состоит главным образом из бумаг Никиты Михайловича Муравьева, его жены Александры Григорьевны, дочери Софьи (по мужу Бибиковой) и матери — Екатерины Фёдоровны. Кроме того в небольшом количестве в фонде имеются документы брата Никиты — Александра Михайловича Муравьева и его жены — Жозефины Адамовны.

Документальные материалы Н. М. Муравьева сохранились в более полном виде, нежели материалы других декабристов. Здесь имеются так называемые личные документы (формулярный список, дипломы на чины и ордена, указ об увольнении в отставку и др.), небольшое количество документов о военной службе Н. М. Муравьева, рукописи и письма.

Н. М. Муравьев с юношеских лет систематически занимался самообразованием и исследованиями в области истории, военного дела и социально-экономических наук. В его рукописях трудно установить грань, где кончаются его ученические опыты и начинаются зрелые исследования, какие записи и заметки сделаны им в образовательных целях и какие из них являются подготовительным этапом к задуманным им сочинениям. Среди рукописей имеется несколько тетрадей (1806—1808 гг.) явно учебного характера, затем следуют записи по риторике, истории древнего Востока, перевод из Тацита «О нравах германцев», выписки и заметки о древнейшем населении юга России, записки по истории Запорожской Сечи, Западной Сибири, Дальнего Востока, замечания на первые томы «Истории государства Российского» Карамзина, черновики работы Н. М. Муравьева «Рассуждение о жизнеописании Суворова» и материалы, собранные им для этой работы; много записок и заметок по истории войн: семилетней, русско-турецкой 1774 г., рус-

ско-французской 1799 г., русско-шведской 1808—1809 гг. и войн с Наполеоном 1805—1815 годов. Часть записей о войне 1812—1815 гг. носит мемуарный характер.

Не меньшее количество рукописей Муравьева посвящено вопросам военного дела. Кроме окончательно обработанных записок «Программа высшей тактики» и «Курс высшей тактики и стратегии», в фонде имеется много незаконченных записок Муравьева, как, например, «О наборе войск» (о зависимости методов комплектования армии от характера войны — завоевательного или народного), по топографии, фортификации и тактике войск различных родов оружия.

Записи и заметки по экономической статистике России и статистике народонаселения отдельных губерний, а также заметки о провинциальной администрации, очевидно, были написаны Муравьевым для использования в какой-то большой работе. Возможно, что эти сведения необходимы были ему при разработке проекта конституции России.

«Выписки из академического словаря» носят явно политический характер. В них Муравьев понятие «самодержавие» приравнивает к понятию «самовластие», «самовластие» к «самовольству», а «самовольство» к «бесчинству» и «деяниям, не соответствующим правилам и обязанностям».

Записка «Некоторые мысли о воспитании и словесности», очевидно, представляет собой конспект (15 параграфов) задуманного Муравьевым труда, направленного против мистицизма, «надутости», «темноты» и «духа ласкательства» в литературе, против «дидактического и описательного рода поэзии».

Записки, написанные Муравьевым в ссылке, посвящены главным образом вопросам сельского хозяйства, но есть также заметки о путях сообщения в России, об экономике России и европейских государств, о Сибири и др.

Несколько рукописей Муравьева относятся к его службе в Генеральном штабе. Например: «Журнал похода левой колонны гвардейского отряда из Москвы в Петербург в 1818 г.» и др.

Письма Н. М. Муравьева, написанные до 1825 г., сохранились почти полностью лишь в бумагах его матери Екатерины Фёдоровны. За время с 1813 по 1823 г. имеется шесть пачек весьма содержательных писем Н. М. Муравьева к матери. В этих письмах он пишет не только о своих занятиях, но и о своих знакомствах и связях: с Денисом Давыдовым, М. А. Фонвизиним, с семьёй Пестелей, о дружбе с С. И. Муравьевым-Апостолом, Ф. Ф. Вадковским, А. З. Муравьевым, Н. Н. Муравьевым (Карским), М. С. Луниным, братьями Тургеневыми. В письмах часто упоминаются Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский, И. И. Дмитриев, В. Л. Пушкин, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич и другие друзья дома Муравьевых. Письма Н. М. Муравьева к матери за время пребывания в крепости и ссылке сохранились, как видно, не полностью. Например, имеется одна пачка писем из крепости за время с 27 января по 13 марта 1826 г. и 9 пачек писем за время с

1836 по 1843 год. За время же с 1827 по 1834 г. сохранилось лишь несколько отдельных писем. Письма к жене Александре Григорьевне представлены в фонде в большом количестве только за период пребывания Н. М. Муравьева в Петропавловской крепости. За время же, предшествовавшее аресту, сохранилось только одно письмо — от 2 октября 1825 года. Имеются также письма Н. М. Муравьева к дочерям — Софье, Елизавете и Екатерине, к родителям и родственникам жены — Г. И., Е. П. и Е. Г. Чернышёвым, к В. Е. Руперт, Вере Позен и В. В. Левашёву.

Писем, адресованных Муравьеву, в фонде сохранилось мало. В большом количестве имеются лишь письма матери, из которых 630 листов написаны ею только за время заключения Н. М. Муравьева в крепости. Из других корреспондентов Муравьева следует назвать А. И. Давыдову, Е. И. Трубецкую, С. Г. Чернышёву-Кругликову.

В бумагах Муравьева хранятся: стихотворение Г. С. Батенькова «Тюремная песня», стихотворение Одоевского «Ну, подруженьки, скорей...», отрывок из Записок М. А. Фонвизина о введении к проекту конституции, написанном Д. И. Фонвизиним совместно с братьями Паниными, которое Н. М. Муравьев переделал в применении к современным ему условиям и в нескольких списках пустил по рукам.

Материалы матери Н. М. Муравьева — Е. Ф. Муравьевой — состоят из писем к ней и черновиков её писем Николаю I, наследнику Александру Николаевичу, императрицам Марии Фёдоровне и Александре Фёдоровне, А. Х. Бенкендорфу, И. И. Дибичу, А. Н. Голицыну и другим с ходатайствами об облегчении участи её сыновей — Н. М. и А. М. Муравьевых — и о судьбе внуков — Екатерины, Елизаветы и Софии (частично опубликованы). Письма к Е. Ф. Муравьевой сохранились следующих корреспондентов: Ф. Б. Вольфа, Ф. Ф. Вадковского, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, Ст. Р. Лепарского, Н. Н. Муравьева (Карского), Е. И. Трубецкой, Е. С. Уваровой, Н. Г. Чернышёвой, С. Г. Строганова, Н. М. Муравьева и его жены А. Г. Муравьевой (10 пачек) и А. М. Муравьева.

Бумаги жены Н. М. Муравьева — Александры Григорьевны — состоят из её дневника 1816 г., её писем: к родителям Г. И. и Е. П. Чернышёвым, к сестре Е. Г. Чернышёвой и дочерям — Елизавете, Екатерине и Софье. Писем к А. Г. Муравьевой сохранилось мало: кроме уже упоминавшихся писем Никиты Муравьева, имеются лишь письма Е. Ф. Муравьевой, Г. И., Е. П. и З. Г. Чернышёвых.

Документальные материалы Софьи Никитичны Бибиковой (дочери Н. М. Муравьева — «Нонушки») более обширны. Здесь имеются её учебные тетради, альбом со стихами, вписанными (в Сибири) декабристами и членами их семейств, мемуары её с воспоминаниями об отце и её стихотворения, основным содержанием которых являются гражданские вопросы и борьба с самодержавием («Восстань, воскресни, святая Свобода...» и др.). Часть её стихотворений посвящена отцу и С. П. Трубецкому.

Эпистолярные материалы С. Н. Бибиковой сохранились довольно полно. Среди них имеются письма Бибиковых (мужа и его родных), В. Л. и А. И. Давыдовых, М. Н. Волконской, Ф. Ф. Вадковского, М. И. Муравьева-Апостола (15 пачек за 1840—1868 гг.), А. М. и Ж. А. Муравьевых, Н. Н. Муравьева (Карского), А. Н. Сутгофа, С. П. Трубецкого, Н. Д. Фонвизиной, З. Г. Чернышёва, И. Д. Якушкина и др.

В бумагах мужа Софьи Никитичны — М. И. Бибикова — имеется 14 пачек её писем к нему (1848—1871 гг.), пачка писем М. И. Муравьева-Апостола и две пачки писем А. М. Муравьева (1848—1851 гг.).

Бумаги Александра Михайловича Муравьева и его жены Жозефины Адамовны представлены к фонде в незначительном количестве и относятся главным образом к определению А. М. Муравьева на гражданскую службу в Сибири и к хозяйственным делам.

Наконец надо указать на наличие в фонде небольшого количества так называемых «фамильных бумаг», состоящих из нескольких документов о деятельности отца Н. М. Муравьева Михаила Никитича в качестве товарища министра просвещения и немногих документов об имущественных делах Муравьевых — главным образом о разделе наследства, оставшегося после смерти Екатерины Фёдоровны Муравьевой. Из неопубликованных иконографических материалов в фонде имеются портрет Н. М. Муравьева (акварель), наклеенный на внутренней стороне верхней папки бювара, и рисунок А. М. Муравьева, изображающий Н. М. Муравьева в камере за чтением книги.

Материалы фонда Муравьевых использованы Н. М. Дружининым в его работе «Декабрист Н. М. Муравьев» и частично некоторыми другими исследователями.

Фонд С. П. Трубецкого содержит его мемуары, рукописи, письма и документальные материалы его жены и детей. Мемуары Трубецкого почти все опубликованы, за исключением дневника («журнала») за 1837—1839 годы. Но «записки» Трубецкого опубликованы с сокращениями. Так, например, из записок вычеркнуто место, где Трубецкой называет членами тайных обществ, «спасшимися от ссылки», В. И. Гурко, А. А. Кавелина, адмирала Ф. Литке, М. Горчакова, И. Бибикова и других.

Значительная часть неопубликованных рукописей Трубецкого посвящена Восточной Сибири: записки о волостной администрации и положении крестьян в Восточной Сибири; статья о необходимости производства государственных закупок у крестьян хлеба и фуража; записки о торговых путях Восточной Сибири; рецензия на книгу неустановленного автора о заселении Сибири и др. Часть рукописей Трубецкого посвящена вопросам сельского хозяйства.

Большую группу составляют работы Трубецкого: по геометрии («Теория проекции» и др.), физике, механике, химии (в частности «Исследование законов химических соединений»), географии, грамматике русского и французского языков, геологии (в частности об ископаемых Урала), ботанике, теории музыки и др. Кроме указанных групп руко-

писей, имеются разнохарактерные записки Трубецкого: об уголовном судопроизводстве, учреждении Коммерческого банка, статья «Болотная дичь», записки метеорологических наблюдений и т. д.

Из писем Трубецкого в фонде сохранились лишь адресованные жене Екатерине Ивановне (1826—1854 гг.), сыну И. С. Трубецкому (1857—1859 гг.), дочерям и И. Д. Якушкину. Из большого числа корреспондентов Трубецкого называем лишь декабристов и лиц, связанных с ними: Г. С. Батенькова (1847—1860 гг.), Н. А. Бестужева (1846—1854 гг.), А. А. Быстрицкого (1857—1866 гг.), Ф. Ф. Вадковского, В. К. Кюхельбекера (1845 г.), Н. И. Лорера, Н. Н. Муравьева, М. И. Муравьева-Апостола (1848—1859 гг.), Е. П. Оболенского (1850—1860 гг.), А. В. и Ларису Поджио, И. И. Пушина (1857—1859 гг.), Н. Д. Пушкину, А. Е. Розена, А. Н. Сутгофа, Я. Н. Толстого (1857—1858 гг.), П. И. Фалленберга, М. А. Фонвизина, И. Д. и Е. И. Якушкиных, Е. И. Трубецкую (жену), А. С. Свербееву и З. С. Ребиндер (дочерей Трубецкого), их мужей и родственников по жене — Лавалей и Борх.

В фонде имеются также материалы жены Трубецкого — Екатерины Ивановны. Это главным образом письма родственников (Борх, Лавалей, Бибиковых, Трубецких, Свербеевых, Ребиндеров и др.), а также декабристов — М. И. Муравьева-Апостола, Н. М. Муравьева, Е. П. Оболенского, И. Д. Якушкина, членов семей декабристов — Е. П. Нарышкиной, С. Свистуновой, Н. Д. Фонвизиной, Н. Н. Шершметевой и др.

В бумагах сына С. П. Трубецкого — Ивана Сергеевича — имеется много писем декабристов и их родственников, в частности Г. С. Батенькова, А. А. Быстрицкого, С. Г. Волконского, Ю. К. Глинка (урождённой Кюхельбекер), Е. С. Давыдовой, Д. И. Завалишина, А. В. и Ларисы Поджио, Е. П. Оболенского, М. И. Муравьева-Апостола и др.

Фонды Н. Р. Ребиндера и Н. Д. Свербеева по содержанию в них материалов декабристов дополняют фонд С. П. Трубецкого.

В фонде Николая Романовича Ребиндера имеются письма С. П. Трубецкого, И. Д. Якушкина, М. И. Фонвизина, Н. Д. Фонвизиной, М. К. Юшневской, А. В. и Ларисы Поджио, В. Л. Давыдова, Е. И. Якушкина, И. С. Трубецкого к Н. Р. Ребиндер и дочерей С. П. Трубецкого — Елизаветы и Веры — к своей сестре А. С. Ребиндер.

Другой зять С. П. Трубецкого — Николай Дмитриевич Свербеев — за время своей службы в Восточной Сибири весьма тесно сблизился с декабристами, которые называли его членом своей «колонии». Материалы фонда Свербеева поэтому содержат значительное число писем декабристов, в частности С. П. Трубецкого, Г. С. Батенькова, В. Л. Давыдова, В. Н. Дихарёва, Е. П. Оболенского, А. В. Поджио и родственников декабристов — Е. И. Трубецкой, Е. А. Бестужевой, А. С. Ребиндер, Ларисы Поджио, С. Н. Бибиковой, М. К. Юшневской, В. И. Якушкина и др. Здесь же хранятся в большом количестве письма Н. Д. Свербе-

ева, из которых особенно нужно отметить письма к Е. П. Оболенскому, содержащие много сведений о С. П. Трубецком, И. Д. Якушкине, И. И. Пущине, М. К. Кюхельбекере, М. И. Муравье-Апостоле и др.

В фонде Александра Александровича Сиверса хранятся архив А. Д. Боровкова и личные бумаги П. А. Муханова.

Небольшая часть документов Боровкова относится к его деятельности в качестве секретаря масонской ложи «Избранного Михаила», которой управлял председатель коренной думы Союза благоденствия Ф. П. Толстой. Среди этих бумаг имеются протоколы о приеме в члены ложи Вильгельма и Михаила Кюхельбекеров, Карла и Александра Брюлловых, Н. А. Бестужева, архитектора К. А. Тона, Н. И. Греча и др.

Главная масса документов Боровкова относится к периоду его службы в Следственной комиссии по делу декабристов. Почти все эти бумаги являются его черновыми записями: здесь имеются черновики доклада Тайного комитета об истории и деятельности декабристских тайных обществ, заметки, написанные Боровковым на заседаниях Следственной комиссии, характеристики отдельных декабристов: П. И. Пестеля, С. П. Трубецкого, К. Ф. Рыльева, С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина, Н. М. Муравьева, Е. П. Оболенского, А. З. Муравьева, А. А. Бестужева (Марлинского), А. И. Якубовича и др. (частично опубликованы); «конченные записки» по делам отдельных декабристов и черновые списки декабристов с определением степени участия их в деятельности тайных обществ и разделением на четыре разряда по степени виновности. Кроме того здесь хранятся выписки из допросов членов польских тайных обществ о деятельности обществ: «Истинных поляков», «косиньеров», «тамплиеров», «патриотического союза» — и связях их с русскими тайными обществами. Имеются также выписки из дел комендантского управления Петропавловской крепости о прибытии и выбытии арестованных, о разрешении им свиданий с родными, о пересылке их писем, о заболевших арестованных, о смерти А. М. Булатова, описания примет некоторых декабристов, списки декабристов, приговоренных к каторжным работам, но разосланных по крепостям, списки сосланных в Сибирь и разжалованных в рядовые, сведения об имущественном положении декабристов, описи вещей декабристов, отправленных в Сибирь, и др.

Некоторые сведения по истории декабристского движения содержатся в хранящихся в фонде черновиках мемуаров Боровкова «Журнал моей жизни» и «Очерки моей жизни», частично опубликованных в «Русской старине» за 1898 год.

Бумаги П. А. Муханова, хранящиеся в фонде А. А. Сиверса, состоят из записок, стихотворений, повестей и рассказов, написанных Мухановым в Сибири, и небольшого количества документов, относящихся к покупке П. А. Мухановым и И. В. Поджио участков земли в Иркутской губернии (1828—1848 гг.). Из записок Муханова в фонде хранятся: «О положении политиче-

ских ссыльных в Иркутской губернии», «Морские плаванья намолов на байдарках», «О влиянии золотых приисков на ценность хлеба, съестных припасов и рабочих рук в Восточной Сибири», «Мамонтова кость» (о добыче мамонтовой кости в северной Сибири), о постановке дела народного образования в России и, в частности, Сибири, о необходимости правительственных закупок хлеба для создания запасов на случай неурожая и ряд мелких заметок о Сибири. Из литературных произведений Муханова в фонде хранятся стихотворение, посвященное польскому восстанию 1830—1831 г., стихотворения «Дифирамб», «В старину», «Два духа» и несколько прозаических сочинений: «Иоанн преподобный — гробокопатель», «Отставные офицеры», «Журналы» и отрывки без заглавия.

Немного документов, относящихся к декабристскому движению, содержит сравнительно большой семейный фонд кн. Волконских (потомков Сергея Григорьевича).

Материалы С. Г. Волконского представлены его письмами к А. Н. Раевскому, И. Г. Ностиц, письмами к нему М. Н. Волконской и имущественными документами. Кроме того имеются формулярный список С. Г. Волконского 1825 г. и рисунок Г. Иванова «Последнее лето», изображающий С. Г. Волконского в 1865 году. Из документов жены С. Г. Волконского — Марии Николаевны — в фонде хранятся только её письма к сыну — Михаилу Сергеевичу, — письма к ней С. Г. Волконского и С. Н. Раевской и имущественные документы.

Материалы Михаила Сергеевича Волконского содержат много копий документов из дел III отделения и Следственной комиссии о С. Г. Волконском, П. В. Авраамове, С. П. Трубецком, А. И. Вегелине, А. Л. Кучевском, А. Е. Мозалевском, К. Г. Игельстреме, И. И. Сухинове и др. Среди этих бумаг имеется подлинное дело о выдаче жёнам декабристов денег, хранившихся у С. Р. Лепарского.

В материалах переписки М. С. Волконского имеются письма И. В. и А. А. Поджио, Д. И. Ивановой (жены декабриста), Евгения Иванова и В. И. Якушкина, П. Терпугова (сына А. П. Барятинского), Анны Яковлевой (с воспоминаниями о С. Г. Волконском), сообщение забайкальского губернатора о состоянии могилы М. С. Лунина на Акатуйском кладбище и др. Здесь же хранятся неопубликованная переписка М. С. Волконского с Н. А. Некрасовым о работе Некрасова над поэмой «Русские женщины», копия письма Е. П. Оболенского с отзывом о роли Д. П. Блудова в деятельности Следственной комиссии по делу декабристов и др.

Материалы о С. Г. Волконском есть также в фонде «светлейших князей Волконских» (Петра Михайловича и его потомства). Здесь хранятся письма С. Г. Волконского к сестре Софии Григорьевне (жене П. М. Волконского), к А. Н. Волконской и письма последней к С. Г. Волконскому, а также письма М. И. Муравьева-Апостола к С. Г. Волконскому и одно письмо без подписи от 15 декабря 1825 г. с описанием выступления декабристов в Петербурге.

В фонде Шаховских хранится значительное количество документов декабриста Фёдора Петровича Шаховского и его жены Натальи Дмитриевны. Здесь имеются личные документы Ф. П. Шаховского (формулярный список 1821 г., аттестат, указ об увольнении в отставку в 1822 г., документы, связанные с женитьбой Шаховского на Н. Д. Щербатовой, и т. д.), около 500 писем Ф. П. Шаховского к жене, его письма к Н. С. Бобрисеву-Пушкину, Е. П. Слепцовой (сестре), А. Х. Бенкендорфу и письма к нему Н. Д. Шаховской, Д. М. Щербатова, Е. Д. Щербатовой, Е. П. Слепцовой и др. Часть этих материалов относится к началу 1820-х годов. Выдержки из некоторых писем Шаховского опубликованы А. С. Пругавиным.

Рукописи Шаховского — это черновики его записок и литературных произведений. Часть из них, написанная в 1828—1829 гг., носит религиозно-мистический характер («Законы природы», «О вольнодумцах» (атсистах.— Т. С.) и др.), но более ранние записки Шаховского представляют научный интерес. Таков, например, черновик большой записки (1822 или 1823 г.), в форме письма Александру I. В ней Шаховской, описывая тяжёлое положение крестьян, обременённых налогами, повинностями, монополиями и т. д., и абсолютное обнищание деревни, высказывается за отмену «рабства» крестьян и замену подушной подати подоходным налогом.

Ряд записок Шаховского носит научный и академический характер: «Общие начала мироздания», записка по ботанике, «Новые правила русского языка», «Наставление о воспитании детей и о методах обучения их грамоте». В последней записке Шаховской ссылается на Песталоцци, Ланкастера, Оуэна и др.

Весьма интересными являются также записки Шаховского, написанные в первый год ссылки. В них описываются природные условия и богатства Туруханского края, народонаселение, занятия жителей, пути сообщения с Туруханским краем и т. д. Шаховской проектировал развитие здесь «подходных промыслов» с устранением «частного участия».

Среди рукописей литературного характера имеются стихотворения Шаховского, написанные частично до ссылки и частично в Сибири. Часть этих литературных опытов носит общее заглавие «Пастораль».

В документах фонда отражено также ведение Шаховским в своём имении хозяйства «по-новому», т. е. с применением наёмного труда, машин, улучшенных сортов семян и т. д. К этой же группе документов относится его записка о методах повышения производительности водяных мельниц.

Много сведений о Ф. П. Шаховском и других декабристах содержат документы его жены — Н. Д. Шаховской. Здесь имеются её ходатайства о переводе Шаховского в европейскую часть России, в связи с его психическим заболеванием, переписка со смерти и погребении Шаховского в Суздальском монастыре и большое количество писем к Н. Д. Шаховской, в том числе письма сестры Шаховского Е. П. Слепцовой, И. Д. Якуш-

кина, Е. Чаадаевой и др. Часть писем, написанных до 1825 г., адресована Н. Д. и Ф. П. Шаховским совместно.

Фонд А. И. и Н. И. Тургеневых, хранящийся в ЦГИАМ, как видно, является лишь некоторой частью их архива. В этом фонде имеется небольшое количество материалов Ивана Петровича Тургенева, главным образом по делам Московского университета, несколько документов А. И. Тургенева о его службе в Главном управлении духовных дел и немного писем к А. И. Тургеневу (В. А. Жуковского, Н. И. и С. И. Тургеневых, А. Н. Голицына и др.), несколько рукописей Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов» и ответ на рецензию на эту книгу (опубликованы), записка о внешней торговле России, отрывок статьи о русской монетной системе, замечания на проект «коммерческого устава», отрывок «Некоторые этнографические замечания» (о коренном населении Америки), письмо в редакцию «Северного архива» по поводу рецензии на «Историю Государства Российского» Карамзина, выписки из сочинений Людера, Бентама, Смита и др.

Из писем Н. И. Тургенева имеются только адресованные А. И. Тургеневу и неустановленным лицам. Зато много писем к нему от А. И. и С. И. Тургеневых, В. А. Жуковского и других. Вся переписка Тургеневых относится ко времени до 1825 г. и частично опубликована. В фонде хранится небольшое количество имущественных документов и несколько списков разнохарактерных записок других лиц.

В семейном фонде Сабуровых много документов члена Северного общества А. И. Сабурова, но лишь в немногих из них упоминается о декабристах (переписка 1824—1826 гг.).

В фонде Ф. П. Толстого нет документов о декабристском движении.

Фонд С. П. Мельгунова — это небольшая коллекция документов (главным образом писем) декабристов и лиц, с ними связанных. В фонде хранятся:

а) Письма Е. П. Оболенского к Д. П. Оболенскому (1839—1841 гг.) и письма к Е. П. Оболенскому от Н. П. Оболенской, М. Попова, Н. Пронишевой, Немчиновой, Ф. И. Сабанеева, Е. Сабанеевой, а также письма разных лиц к Н. П., К. П. и А. Т. Оболенским.

б) Письма Д. И. Завалишина к сестре (1855—1863 гг.), к принцу П. Ольденбургскому, И. И. Пущину, письмо Евгения Савича к Д. И. Завалишину, выписки из писем Д. И. Завалишину от В. К. и М. К. Кюхельбекеров, Н. А. и М. А. Бестужевых, П. А. Муханова, И. И. Пушина и др. с отзывами о Д. И. Завалишине. Выписки сделаны самим Завалишиным.

в) Письма к В. А. Козодаеву от Н. А. Бестужева, С. Г. Волконского, Д. И. Завалишина, В. К. Кюхельбекера, М. М. Нарышкина, Н. А. Панова, И. И. Пушина, П. Н. Свинонова и В. И. Штейнгеля.

г) Письма к Н. А. Неустрове (позже Белоголовой) от Н. Белоголова, М. В. Загоскина, Л. Поджио, Свербеевых, Трубецких, М. К. Юнинева и др. К ним приложено

письмо В. Г. Короленко к Г. И. Казакову с рекомендацией опубликовать эти письма в журнале «Былое».

д) Материалы родственников декабриста В. П. Ивашёва, направленные в 1878 г. Андр. Ник. Островским в адрес Льва Николаевича Толстого, среди которых имеются письма Камиллы Ле-Дантю к Ивашёву и переписка родственников Ивашёва — А. Тарариновой, Е. Языковой, Е. Хованской, Е. Осокиной, Е. Баратаевой и др.

е) Кроме того здесь имеются единичные документы декабристов и их родственников: письма Н. П. Коновницына к матери — А. И. Коновницыной (1828—1829 гг.), справка о прохождении службы в Кавказском отдельном корпусе В. С. Норовым, письма Андрея Норова к Абраму Норову, письма П. М. Муравьёвой к В. М. Шаховскому (1823—1833 гг.) и др.

В фонде Василия Васильевича Левашова хранятся многие письма к нему декабристов и их родственников: Н. В. Басаргина, Г. С. Батенькова, Е. З. Булгари, И. Г. Бурцова, Е. Голицыной (урождённой Васильчиковой), В. Л. Давыдова, А. Г. Калошиной, П. Г. Каховского, А. Г. Лаваль, А. Н. Муравьёва, А. Г. Муравьёвой, П. М. Муравьёвой, В. А. Мусина-Пушкина, В. С. Миклашевичевой, М. М. Нарышкина, М. Ф. Орлова, С. М. Палицына, И. Б. Пестеля, П. И. Пестеля, А. А. Плещеева, И. С. Повало-Швейковского, И. В. Поджио, Н. Н. Раевского, А. Е. Ринкевича, В. С. Толстого, С. В. Толстого, П. И. Фаленберга, Н. Д. Фонвизиной, М. А. Фонвизина, Г. И. Чернышёва, М. К. Юшневской, И. А. Якубовича, И. Д. Якушкина. Большая часть этих писем опубликована.

Кроме писем в фонде Левашова имеется группа документов о его деятельности в Следственной комиссии; переписка по доносу Ипполита Завалишина и о вызове к Левашову Лутковского и Путятина для допроса; донесения А. Я. Сукина Левашову о свиданиях декабристов с родственниками и об отправлении арестантов на допросы во дворец; ходатайство Д. И. Завалишина перед правлением Российско-американской компании о зачислении алеута Нецветова в штурманскую школу; список декабристов, являвшийся рабочим реестром Левашова, в который он записывал допрошенных им лиц. В графе «степень вины» против каждой фамилии имеются пометы Левашова: «Важен», «Знал. За упорство закован», «Важен насчёт происшествия 14 декабря, но об обществе мало знал и недавно» и т. д. Всего в список внесено 252 фамилии. Наконец, в фонде имеется рапорт Следственной комиссии по делу В. Ф. Раевского. Некоторые сведения о декабристах содержит также довольно обширная личная переписка Левашова и, в частности, письма А. Х. Бенкендорфа, А. И. Татищева, А. И. Чернышёва и др.

Из материалов большого личного фонда Я. И. Ростовцева к декабристскому движению относятся лишь следующие: письмо Ро-

стовцева Николаю I от 12 декабря 1825 г., дневник Ростовцева «Отрывок из моего журнала 1825 г.» (а не «Из моей жизни», как опубликовал Ф. П. Еленев), «Журнал 1827 г.» и «Журнал 1828 г.». Следует отметить, что дневник 1825 г. написан или переделан Ростовцевым несколькими годами позже описываемых событий и опубликован Ф. П. Еленевым с сокращениями.

Опубликованная Еленевым переписка Ростовцева с Е. П. Оболенским о роли Ростовцева накануне восстания декабристов в Петербурге в некоторых частях является фальсификацией. Письма Оболенского искажены так, что получили обратный смысл. Ростовцев организовал эту переписку с целью оправдаться и опровергнуть обвинения в предательстве, опубликованные А. И. Герценом.

Из декабристов, кроме Е. П. Оболенского, к Ростовцеву обращались с различными просьбами лишь В. Штейнгель и его жена.

Особый интерес представляет письмо к Ростовцеву без подписи и даты (очевидно, Д. Бсгичева), в котором корреспондент предлагает сказать «кому следует и кому можно» о том, что А. С. Грибоедов не принадлежал к тайному обществу, а только знал о нём по слухам, и подсказывает Ростовцеву доказательства этого: дуэль Грибоедова с Якубовичем, отрицательные отзывы Грибоедова о Рылееве, насмешки над «тайными сборищами» и т. д.

Некоторые сведения по истории декабристского движения содержатся в записях Я. Ростовцева о распоряжениях Николая I по войскам гвардии за время с 15 по 27 декабря 1825 г., в его переписке за 1823—1825 гг., в письме А. Ростовцева к Я. Ростовцеву с описанием казни декабристов, в письмах М. А. Корфа по поводу рецензии А. И. Герцена на его книгу «Восшествие на престол императора Николая I» и в письме А. Потапова по поводу просьбы Я. И. Ростовцева исключить упоминание о нём в донесении Следственной комиссии.

Отдельные документы по истории декабристского движения имеются в фонде П. Г. Дивова (письма М. И. Муравьёва к А. И. Чернышёву), в фонде А. С. Шишкова (о его участии в заседаниях Верховного уголовного суда), в фонде К. С. Сербиновича (записи в его дневнике о дружбе с А. И. Одоевским, материалы о службе Сербиновича в Следственной комиссии и в цензуре), в фондах историков и публикаторов В. И. Семевского, С. А. Панчулидзева, А. С. Пругавина и др. (черновики работ и копийные материалы, собранные ими), в фонде Вернадских (письма И. И. Пушина, С. Г. Волконского, О. Анненковой и К. П. Игашёвой к М. В. Ивашёвой).

Отдельные высказывания современников о декабристах и декабристском движении встречаются в письмах, мемуарах и других документах, которые хранятся во многих фондах личного происхождения (Голицыных, Бенкендорфов, Мусиных-Пушкиных, Воронцовых-Дашковых и т. д.).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

КНИГИ О НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ В БОЛГАРИИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ *

Издательство Болгарской коммунистической партии выпустило в 1947—1949 гг. несколько книг о деятельности болгарских партизан в период народно-освободительной борьбы 1941—1944 годов. Написанные непосредственными участниками этой борьбы, книги по своему характеру могут быть отнесены к документально-мемуарной литературе и являются ценным источником для изучения движения сопротивления в Болгарии. К этим изданиям относятся книга К. Горова «Без фронта и тыла», представляющая собой записки о деятельности партизанского отряда имени Васила Левского, действовавшего в районе Черноморского побережья Болгарии, книга «Средногорские партизаны» Косты Ламбрева, бывшего начальника штаба Первой Средногорской партизанской бригады имени Христо Ботева, а также «Записки политкомиссара» Ивана Зурлова, бывшего политкомиссара партизанского отряда имени Георгия Бенковского, действовавшего в Северо-Западной Болгарии. Сюда же примыкает выпущенный издательством «Народна младеж» сборник материалов и воспоминаний периода движения сопротивления, озаглавленный «Мы были партизанами».

Каждая из рецензируемых книг повествует главным образом об истории какого-либо определённого партизанского соединения или о партизанском движении в каком-либо определённом районе Болгарии с момента возникновения движения вплоть до освобождения страны героической Советской Армией и победы народного антифашистского восстания 9 сентября 1944 года. Однако, несмотря на описание действий различных отрядов и различную манеру изложения, все эти книги объединяет ряд общих моментов, поскольку все они отображают наиболее характерные черты национально-освободительной борьбы болгарского народа.

Прежде всего все эти книги — одни в большей, другие в меньшей степени — показывают деятельность отдельных партизанских соединений не изолированно, а на фоне общей борьбы болгарских трудящихся против реакции и фашизма, развернувшейся под руководством Болгарской рабочей партии (коммунистов)¹. Авторы не замыкаются в рамках описания только боевой деятельности партизан, их жизни и быта, а показывают вместе с тем их живую связь с трудовым болгарским народом, из рядов которого они вышли. Партизаны опирались в своей борьбе на горячее сочувствие и всестороннюю помощь населения тех районов, в которых они действовали. Их снабжала и укрывала целая армия ятаков (помощников), являвшаяся одновременно и резервом для пополнения партизанских рядов.

Не менее характерно также яркое отображение организующей и направляющей роли Болгарской рабочей партии (коммунистов), являвшейся руководящим центром

---

* Кирил Ж. Г о р о в. Без фронт и тил. Записки из дейността на партизанския народоосвободителен отред «Васил Левски». Издателство на БРП(к). София. 1947. 183 стр.

Коста Л а м б р е в. Средногорски партизани. Издателство на БРП(к). София. 1948. 399 стр.

Иван З у р л о в. Записки на политкомисаря. Издателство на БКП. София. 1949. 301 стр.

«Ние бяхме партизани». Сборник от материали и спомени от съпротивата. Съставил и обща редакция Атанас Стойков. Издателство на ЦК на ДСНМ. София. 1949. 504 стр.

¹ С декабря 1948 г. — Болгарская коммунистическая партия.

движения сопротивления. Командирами и полткомиссарами партизанских отрядов были руководители местных и районных организаций партии. Как показывают авторы, коммунисты и члены Рабочего союза молодёжи составляли не только руководящее ядро партизанских отрядов, но и основной их боевой контингент. Богатый фактический материал, приводимый авторами рецензируемых книг, является яркой иллюстрацией того, что «в тяжёлые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надёжными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов»².

Красной нитью проходит во всех четырёх книгах отражение того огромного и непосредственного влияния, которое оказывали на развёртывание борьбы болгарского народа героические подвиги советского народа и блестящие победы Советской Армии над гитлеровскими захватчиками. На ярких примерах авторы рецензируемых книг показывают, как героический отпор, данный советским народом гитлеровским захватчикам, а затем решающие победы Советской Армии воодушевляли болгарский народ на всё более массовую и решительную борьбу против оккупантов, вызывая вместе с тем растерянность и панику среди правящих монархо-фашистских кругов и всех болгарских реакционеров.

Значение рецензируемых книг, весьма важных по своей тематике, определяется и тем, что в них включён ряд документов периода движения сопротивления, часть которых публикуется впервые. В этом отношении особенно большой интерес представляет сборник «Мы были партизанами», в котором целых три раздела занимают документы. Это циркуляры и воззвания ЦК Болгарской рабочей партии (коммунистов), директивные письма Г. М. Димитрова, наиболее важные статьи и корреспонденции, помещавшиеся в нелегальной газете «Рабочническо дело», отрывки из партизанских газет и листов. Интересной иллюстрацией к описанию жизни болгарских партизан являются тексты клятвы и боевого марша партизанского отряда имени Васила Левского и программа боевых и политических занятий бойцов отряда, помещённые в книге К. Горова, карта района действий Первой Средногорской партизанской бригады имени Христо Ботева, приведённая в книге К. Ламбрева, и другие документы.

Большой интерес представляют и некоторые очень важные факты, которые авторы рецензируемых книг впервые делают достоянием широкой общественности. К их числу относится беседа, состоявшаяся 7 сентября 1944 г. между прибывшим инкогнито в гор. Пловдив генералом английской королевской армии и директором Пловдивской области Даскаловым («Средногорские партизаны», стр. 373—374). Эта беседа, записанная К. Ламбревым со слов Даскалова, свидетельствует о том, что англо-американские империалисты по договорённости с находившейся у власти в Болгарии монархо-фашистской кликой усиленно готовили оккупацию страны своими и турецкими войсками. Как известно, англо-американские империалисты и их продажная агентура в Болгарии жестоко просчитались в своих планах: стремительное наступление Советской Армии и освобождение ею Болгарии сорвало их замыслы.

Рецензируемые книги дают возможность последовательно проследить все этапы развития партизанской борьбы и движения сопротивления в Болгарии вплоть до победы всенародного вооружённого восстания 9 сентября 1944 года.

Глухое недовольство и движение протеста против антинародной политики реакционного правительства, усилившиеся после вступления гитлеровских полчищ 1 марта 1941 г. на болгарскую землю, вылились в широкую народную борьбу после начала Великой Отечественной войны Советского Союза. «Когда моторизованные гунны Третьей империи вторглись в необъятную землю пролетарской родины, — пишет К. Горов, — ...политическая обстановка вдруг сразу прояснилась, и народ почувствовал непосредственную опасность грозящего ему расистского гнёта. Откуда-то из глубины, из самых недр народа, угрожающе росло недовольство против оккупантов, оформлялось всенародное сопротивление... Свободолюбивые люди поняли, что им предстоит борьба не на жизнь, а на смерть» («Без фронта и тыла», стр. 9).

Коста Ламбрев начинает свою книгу с описания того, как болгарские трудящиеся слушали выступление товарища Молотова по радио 22 июня 1941 года. «Пре-

---

² И. В. Сталин. Интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля 13 марта 1946 г., стр. 12. Огиз. Госполитиздат. 1946.

ступная гитлеровская война была навязана стране социализма — опоре мира и демократии во всём мире, нашему братскому Советскому Союзу,— пишет Коста Ламбрев.— Советский Союз должен был принять её. Приняли её и мы. Это была война и против нас» («Средногорские партизаны», стр. 7).

Переходя к непосредственному описанию борьбы болгарского народа, авторы приводят многочисленные примеры организованных диверсий и боевых действий болгарских патриотов против гитлеровских войск и фашистской власти, имевших место уже в первые дни после начала Великой Отечественной войны Советского Союза. К. Горов рассказывает, например, о том, как болгарские патриоты организовали ряд диверсий на шоссе Варна — Бургас, по которому происходила переброска немецких войск на советско-германский фронт. Болгарские патриоты закладывали на шоссе искусно замаскированные деревянные планки с густо насаженными на них металлическими шипами. Немецкие моторизованные колонны, направлявшиеся непрерывной вереницей на Восточный фронт, часто подолгу простаивали из-за многочисленных повреждений машин. «Эти примитивные средства,— отмечает К. Горов,— были весьма неприятными предвестниками для гитлеровцев. Они красноречиво свидетельствовали о том, что против них поднимается враждебная сила, ещё не имеющая оружия, но решившаяся на отчаянную и упорную борьбу» («Без фронта и тыла», стр. 10).

Как показывают авторы всех рецензируемых книг, организатором борьбы болгарского народа была Болгарская рабочая партия (коммунистов). Находясь в подполье, она организовывала разрозненные силы движения сопротивления, подготавливала условия для деятельности будущих партизанских отрядов. По указанию ЦК БРП(к) при окружных комитетах партии были созданы бюро (штабы) по оперативному руководству. Рассказывая о создании такого нелегального штаба в Видинском округе осенью 1941 г., Иван Зурлов, являвшийся в то время секретарём Видинской окружной партийной организации, пишет: «Военные задачи нашего оперативного плана дали нам право называться штабом. Может быть, кто-нибудь скажет: штаб без армии. Но наш штаб вовсе не был без армии. Он руководил деятельностью около двух тысяч членов партии и молодёжи округа» («Записки политкомиссара», стр. 22).

Первоначальной формой боевых формирований движения сопротивления, как отмечают авторы рецензируемых книг, было создание боевых групп, в состав которых входили главным образом коммунисты и члены Рабочего союза молодёжи. Уже в начале ноября 1941 г. такая боевая группа была создана в Средногорье (район Батака) («Средногорские партизаны», стр. 20). В районе Черноморского побережья с 1942 г. оформились Варненская, Камчийская и Бургасская боевые группы («Без фронта и тыла», стр. 11). В начале 1942 г. организовали боевую группу несколько ушедших в глубокое подполье коммунистов села Макреш (район гор. Кула, в Северо-Западной Болгарии) («Записки политкомиссара», стр. 40). Такие группы были созданы и во всех других районах Болгарии. Эти группы не ограничивали свою деятельность боевыми операциями и укрытием преследуемых антифашистов: они действовали рука об руку с оставшимися на местах на полулегальном положении коммунистами, расширяли политические связи среди населения и в армии, проводили большую агитационно-пропагандистскую работу, разоблачая ложь гитлеровской пропаганды и мобилизуя всех патриотов на смелую и беспощадную борьбу против врагов и предателей болгарского народа.

Как показывают авторы рецензируемых книг, большую помощь в этой работе болгарским коммунистам оказывали передачи тайной радиостанции «Христо Ботев» и радиопередатчика «Народный голос», которыми руководил Г. М. Димитров. Рассказывая о впечатлении, которое произвела на группу собравшихся у радиоаппарата крестьян первая передача «Народного голоса», включившегося в волну радио Софии, Зурлов пишет: «Это был настоящий словесный поединок. Впечатление, оказанное на крестьян, было огромным... Все понимали: это был голос партии. Это влило в нас сильную струю бодрости и укрепило уверенность в победе Советского Союза» («Записки политкомиссара», стр. 18—19). Ряд документов, помещённых в сборнике «Мы были партизанами», показывает направляющую роль передач радиостанции «Христо Ботев» в деле развёртывания борьбы болгарского народа. В частности, заслуживает внимания текст впервые публикуемой передачи этой радиостан-

ции «О задачах партизанских отрядов», в которой чётко и конкретно излагалась программа деятельности партизанских отрядов («Мы были партизанами», стр. 104—105).

Значительный интерес представляет освещение в рецензируемых книгах работы болгарских коммунистов по созданию комитетов Отечественного фронта, через которые в борьбу за свободу и независимость родины вовлекались широкие демократические круги болгарского народа. Комитеты Отечественного фронта оказывали большую помощь партизанам в их боевой деятельности и политико-воспитательной работе (см., например, «Без фронта и тыла», стр. 18—19, 179 и др.).

При создании комитетов Отечественного фронта коммунистам часто приходилось преодолевать сопротивление со стороны руководящих деятелей так называемых «демократических» партий, боявшихся нарастающего революционного подъёма трудящихся масс. В то время как беспартийные патриоты и рядовые члены Земледельческого союза (который в период монархо-фашистской диктатуры практически перестал существовать как организованное целое) активно сотрудничали с коммунистами и вступали в комитеты Отечественного фронта, руководители бывших земледельческих «дружб» (местных организаций Земледельческого союза), главным образом кулаки, отказывались сотрудничать с коммунистами и участвовать в народно-освободительной борьбе. Эти руководители, пишет Зурлов, «решительно отказывались вести переговоры на эту тему с нашими представителями. Мнение крестьян, что эти люди давно порвали с идеей единого фронта между коммунистами и земледельцами, оказалось верным» («Записки политкомиссара», стр. 128). В противовес им рядовые члены Земледельческого союза, «возмущённые поведением своих руководителей», часто «отказывались называться представителями Земледельческого союза и, вступая в комитеты Отечественного фронта, считали себя коммунистами» (там же).

Авторы показывают, как по мере усиления национально-освободительной борьбы болгарского народа всё резче размежёвывались силы демократии и реакции. Борьба принимала всё более ярко выраженный классовый характер.

Движение сопротивления болгарского народа крепло и ширилось, несмотря на возраставший фашистский террор. В рецензируемых книгах с большой силой показана героическая борьба болгарских партизан против палачей народа. Так, вся вторая часть книги Зурлова посвящена описанию блокады целых районов в Северо-Западной Болгарии, предпринятой весной и летом 1943 г. крупными воинскими соединениями и жандармерией с целью обнаружения и разгрома партизан. Автор показывает, как болгарские крестьяне, несмотря на свирепый террор, рискуя жизнью, укрывали партизан, снабжали их продовольствием и всячески помогали им в их героической борьбе. Зимой 1944 г. врагу, мобилизовавшему для преследования партизан Видинского округа 6-ю армейскую дивизию и части жандармерии, удалось обнаружить и окружить отряд имени Бенковского. В третьей части книги Зурлова рассказывается о продолжавшихся непрерывно в течение трёх суток (с 15 по 18 января 1944 г.) героических боях партизан, окружённых численно превосходящим противником. В сборнике «Мы были партизанами» описываются знаменитый бой между 20 партизанами Габровско-Севлиево-ского отряда и посланным для их поимки отрядом войск полиции и жандармерии в количестве 4500 человек; сражение на горе Мургаш 250 партизан с 35-тысячным отрядом войск и жандармерии; героическая гибель в неравном бою 150 партизан отряда имени Антона Иванова³ и многие другие сражения. Тяжёлые жертвы не сломили мужества болгарских патриотов и их воли к победе над врагом.

В приводимых авторами книг листовках и воззваниях партизан и организаций БРП(к), речах на сельских митингах при временном заятии партизанами отдельных сёл и районов, на тайных собраниях комитетов Отечественного фронта подчёркивается огромная мобилизующая роль всемирно-исторических побед Советской Армии. «Несокрушимый боевой дух сталинградских героев,— пишет Ламбрев,— окрылял народных партизан... Партизаны были твёрдо уверены в том, что Красная Армия придёт, что сыновья и внуки героев Шипки перейдут через Дунай и Балканские горы и ещё раз развернут знамя свободы» («Средногорские партизаны», стр. 338). Прибли-

³ Антон Иванов — рабочий-металлист, член ЦК БРП(к), зверски расстрелянный фашистской полицией 23 июля 1942 года.

жение Советской Армии к границам Болгарии укрепляло уверенность болгарского народа в его близком освобождении. Тепло и взволнованно описывает Ламбрев энтузиазм, охвативший бойцов Первой Средногорской партизанской бригады при получении известия о том, что Советская Армия достигла северных границ Болгарии. Горячая признательность к советским братьям-освободителям была ответом бойцов партизанской бригады. Салютом и здравицами в честь Советской Армии и товарища Сталина приветствовали они приближение героической Советской Армии.

Под влиянием побед Советской Армии на освободительную борьбу поднимались самые широкие слои болгарских трудящихся городов и сёл. В сборнике «Мы были партизанами» приводится описание забастовки шахтёров Перника 7 сентября 1944 года. Расстрел демонстрации шахтёров Перника жандармерией явился сигналом к всенародному вооружённому восстанию. К сожалению, самое восстание 9 сентября показано только в книге Зурлова (в последней части этой книги описывается ход восстания в Видинском районе).

Недостатком рецензируемых книг является то, что в них почти отсутствуют теоретические обобщения, мало общих оценок народно-освободительной борьбы болгарского народа. Лишь авторы сборника «Мы были партизанами» попытались восполнить этот пробел, поместив в виде предисловия к сборнику отрывок из доклада Г. М. Димитрова на V съезде БКП, в котором дана глубокая, марксистско-ленинская оценка движения сопротивления и восстания 9 сентября.

Рассмотренные книги представляют несомненный интерес для изучения национально-освободительной борьбы болгарского народа в период второй мировой войны. Следует пожелать болгарским товарищам продолжить нужную и полезную работу по публикации материалов и воспоминаний о движении сопротивления, а также по их систематизации.

Л. Валев

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Проф. И. А. КОНЮКОВ. *Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия, 1917—1925 гг.* Сельхозгиз. Москва. 1949. 189 стр.

Первое в мире советское социалистическое государство с первых дней своего существования начало строительство коллективного земледелия. Нелёгко был путь создания и укрепления колхозного строя: классовый враг в лице помещиков, кулачества, правых и «левых» эсеров, троцкистов и бухаринцев всеми силами старался затормозить развитие социалистической революции в деревне. Под гениальным руководством великих вождей большевистской партии В. И. Ленина и И. В. Сталина рабочий класс в течение одного лишь десятилетия создал все необходимые условия для развёртывания сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Исчерпывающая оценка всемирно-исторического значения победы сплошной коллективизации дана И. В. Сталиным: «Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям рево-

люционному перевороту в октябре 1917 года»¹.

В своей позднейшей работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин ещё раз подчеркнул это положение: «Это была революция, ликвидировавшая старый буржуазный хозяйственный строй в деревне и создавшая новый, социалистический строй»².

Вполне понятен поэтому тот особый интерес, с каким советский читатель встречает работы по истории коллективизации сельского хозяйства СССР. Наша страна убедительно и наглядно показала колоссальные преимущества коллективного земледелия, его значение как в условиях мирного, созидательного труда, так и в условиях ожесточённой вооружённой борьбы с фашистскими захватчиками. Опыт колхозного строительства в СССР имеет громадное значение и

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 291.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24. Изд. «Правда». 1950.

для народов стран народной демократии, свергнувших их помещиков и капиталистов благодаря блестящим победам Советской Армии.

В освещении истории коллективизации весьма важным является правильное отображение событий, имевших место на первых двух этапах колхозного строительства (с момента возникновения советского государства до завершения восстановления народного хозяйства — 1917—1925 гг.). Именно этим двум первым этапам колхозного строительства и посвящена рецензируемая работа проф. И. А. Конюкова.

В первой части книги автор рассматривает состояние сельского хозяйства ко времени победы Великой Октябрьской социалистической революции, первые мероприятия советского государства по восстановлению сельского хозяйства, в частности восстановлению посевной площади, условия организации первых сельскохозяйственных коллективов, их социальный состав, формы коллективизации, размеры сельскохозяйственных коллективов, их производственные достижения. В особые разделы (VII—VIII) выделены вопросы организации труда и распределения колхозных доходов на первом этапе колхозного строительства, до перехода к новой экономической политике.

Вторая часть книги посвящена следующему этапу — развитию колхозного производства в период восстановления народного хозяйства.

Автор начинает эту часть с характеристики сельского хозяйства в восстановительный период, освещает изменения в социальном составе коллективов, отмечает новый подъём коллективного земледелия и излагает материалы, касающиеся организационных форм колхозного строительства. Наибольший интерес в этой части работы представляют разделы, посвященные производственным достижениям колхозов, организации труда в них и взаимоотношениям колхозов с крестьянским населением.

Такой план «Очерков» не вызывает возражений. Автор в основном правильно освещает события, происходившие в период строительства наших первых колхозов, и даёт достоверные материалы о первом периоде коллективизации. Его работа, несомненно, может служить пособием для учащейся молодёжи, особенно для студентов сельскохозяйственных высших учебных заведений, а также для широкого круга работников в области земледелия и миллионных масс колхозников, живо интересующихся историей колхозного движения.

К сожалению, следует отметить, что автор совершенно не использовал материалов Центрального государственного архива Октябрьской революции — фонда № 478 Народного комиссариата земледелия и фонда № 1235 (ВЦИК). Не привлечены также материалы фонда № 393, включающие большое количество фактов борьбы против кулачества, которую в 1918—1920 гг. вела деревенская беднота под руководством партии большевиков. Не привлечены отчёты губернских и уездных земельных отделов за 1918—1920 гг. Народному комиссариату земледелия о ходе организации сельскохозяй-

ственных коллективов³ и материалы, полученные Народным комиссариатом земледелия от местных земельных органов в конце 1918 г., перед I Всероссийским съездом работников земельных отделов, комитетов бедноты и сельскохозяйственных коммун. В «Очерках» не использованы материалы, опубликованные А. Болговым и Т. Шенелевой в «Красном архиве» (№ 4—5 за 1938 г., № 5 за 1939 г. и № 4 за 1940 г.), в которых содержится немало ценных сведений о социалистическом строительстве в деревне на самом первом этапе коллективного земледелия.

Таким образом, работу проф. И. А. Конюкова нельзя признать научно-исследовательской монографией, написанной по архивным материалам. Цель работы иная. Как отмечает сам проф. Конюков (введение, стр. 11), он ставил перед собой более скромную задачу — «осветить лишь основные моменты развития коллективного земледелия». Эту задачу — популярное освещение условий и хода организации первых сельскохозяйственных коллективов — автор решил удачно. «Очерки», несомненно, окажут известную пользу учащимся сельскохозяйственных вузов и активу земельных работников как почти единственное в настоящее время пособие по истории развития нашего сельскохозяйственного коллективного производства.

В «Очерках» проф. Конюкова приведены некоторые дополнительные материалы по сравнению с ранее изданными работами того же автора⁴. Проф. Конюкову удалось дать достаточно убедительный материал о числе и составе первых сельскохозяйственных коллективов: он использовал (стр. 20 и сл.) посемейные списки, представлявшие сельскохозяйственными коллективами в земельные органы. Эти материалы систематически публиковались Наркомземом РСФСР, освещая динамику развития сельскохозяйственных коллективов.

Весьма убедительно излагает автор причины всё большего включения беднейшего крестьянства, а затем и середняков в коллективное строительство, подчёркивая организующее влияние советов и комитетов бедноты, которые «служили для пролетарских и полупролетарских слоёв деревни политической опорой в их борьбе с кулачеством» (стр. 27). Именно эту важнейшую сторону — тесную связь развития коллективного движения в 1918—1920 гг. с укреплением в деревне советских органов — необходимо подчеркнуть как весьма положительное и характерное явление для первого этапа строительства сельскохозяйственных коллективов.

И. А. Конюков правильно отмечает, что «ленинская идея коллективизации была подхвачена прежде всего передовой частью деревенской бедноты. Объединившись в колхозы, беднота могла рассчитывать на серьёзную материальную помощь государства. Политика советского государства

³ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 478, оп. 15, д. 18; ф. 393, оп. 26, д. 48 и др.

⁴ См. И. Конюков. Трудовые земледельческие артели и коммуны. М. 1925; его же. Коллективное земледелие. М. 1927.

вполне подтверждала правильность этих надежд. Государство оказывало колхозам семенную, продовольственную и финансовую помощь» (стр. 27).

Далее автор достаточно подробно анализирует условия и причины постепенного вступления в сельскохозяйственные коллективы середняков. Он совершенно правильно отмечает, что одной из таких причин были неудобства землепользования — эти неизбежные спутники раздробленного, индивидуального, мелкокрестьянского хозяйства дореволюционной России. Автор пишет: «Избавиться от частых земельных переделов, от чересполосицы и дальнотемелья, ввести улучшенный севооборот и улучшенную агротехнику — вот те непосредственные цели, которые ставили перед собой эти группы середняцких хозяйств» (стр. 30).

Во второй части «Очерков» И. А. Конюков достаточно подробно рассматривает вопрос о развитии коллективного земледелия в период перехода советского государства на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. Седьмой раздел главы «Производственные достижения коллективов» содержит интересные материалы об условиях развития сельскохозяйственных коллективов в 1921—1925 годах. Автор отчетливо показывает, какие трудности приходилось преодолевать сельскохозяйственным коллективам на этом этапе строительства. Несмотря на это, уже в те годы колхозы добились значительных успехов: «В среднем на 1 душу населения коллективы имели посевной площади в $1\frac{1}{2}$ раза больше, чем крестьянские хозяйства» (стр. 144); нагрузка на одну рабочую лошадь при обработке посевной площади была значительно выше, чем в хозяйствах единоличников (стр. 146); в использовании сельскохозяйственных машин и орудий колхозы «шли также впереди крестьянских хозяйств» (стр. 147).

Сильно мешала развитию колхозов неземлеустроенность. Автор приводит яркий пример, как неземлеустроенность тормозила рост колхоза в Запорожском округе, и делает вполне правильный вывод, что «землеустройство коренным образом улучшало положение колхозов» (стр. 142).

Все эти материалы и выводы автора являются несомненными положительными чертами его книги. Однако в ней есть существенные недостатки.

Первое замечание относится к важнейшему вопросу — о последовательном, неуклонном воплощении в жизнь основных теоретических установок аграрной политики партии большевиков.

Автор допускает ошибку в истолковании характера и принципиальных основ политики партии большевиков по вопросу о строительстве сельскохозяйственных коллективов в годы военного коммунизма.

Освещая вопрос об удельном весе сельскохозяйственных коммун в период гражданской войны и интервенции, И. А. Конюков пишет: «Надо иметь в виду, что «военный коммунизм был попыткой взять крепость капиталистических элементов в городе и деревне штурмом, лобовой атакой»⁵. Строительство

коммун и их преобладание в первый год после Октябрьской социалистической революции было одним из проявлений этих попыток» (стр. 45). Автор неправильно истолковывает здесь цитату из «Краткого курса истории ВКП(б)»: во-первых, он не видит разницы между «штурмом, лобовой атакой» городской буржуазии, которую военный коммунизм действительно полностью ликвидировал в первые же дни существования советской власти (национализация промышленности, банков и т. д.), и наступлением на буржуазию деревенскую. Кулачество, как отмечал В. И. Ленин, не было полностью экспроприровано в период военного коммунизма. «Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьянства, подавление его контрреволюционных поползновений. Это не есть полная экспроприация»⁶.

Во-вторых, И. А. Конюков, характеризуя коллективное строительство на первом его этапе лишь как «одно из проявлений «лобовой атаки» на капиталистические элементы деревни», не подчеркивает того важнейшего обстоятельства, что партия большевиков последовательно и неуклонно проводила политику всемерной помощи, всемерной поддержки коллективизации сельского хозяйства. Партия планомерно в течение ряда лет, в полном соответствии с теоретическими установками классиков марксизма-ленинизма о социально-экономической природе крестьянского хозяйства, вела исторической важности борьбу за развёртывание социалистической революции в деревне, за практическое осуществление коллективизации сельского хозяйства. Реализуя решения Седьмой («Апрельской») Всероссийской конференции РСДРП(б), отметившей необходимость передачи помещичьего живого и мёртвого инвентаря «в руки организованного в эти (крестьянские. — М. С.) комитеты крестьянства для общественно-регулируемого использования по обработке всех земель»⁷, партия провела под руководством гениальных вождей советского народа В. И. Ленина и И. В. Сталина целый ряд планомерных мероприятий, обеспечивших полную победу колхозного, социалистического строя.

Несколько схематично освещён основной исторический фон отображаемого автором периода — классовая борьба в деревне, в особенности в первый год существования советского государства. Как известно, в тот период (в особенности весной 1918 г., а затем во время организации комитетов бедноты) в деревне вспыхнула особо острая борьба бедноты с кулачеством, пытавшимся использовать в контрреволюционных целях великие завоевания Октябрьской революции (захват кулачеством лучших помещичьих земель, инвентаря, семян и т. д.). Кулачество возглавляли «левые» эсеры, заклятые враги социалистического строительства в деревне.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 182. 4-е изд.

⁷ «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я. 1898—1925, стр. 236. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936.

⁵ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 245.

В работе И. А. Конюкова имеются неправильные, искажающие советские аграрные законы формулировки и определения. Приведём характерные примеры.

Как известно, В. И. Ленин считал, что исторический декрет о земле, принятый на II Всероссийском съезде Советов 26 октября 1917 г., провёл в жизнь мероприятие исключительного значения, мероприятие, которое «фактически явилось национализацией земли»⁸. И. В. Сталин также указывал, что «Октябрьская революция уничтожила частную собственность на землю, уничтожила куплю-продажу земли, установила национализацию земли»⁹.

Этот великий аграрный закон советского государства был отражён в последующем историческом акте — «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой III Всероссийским съездом Советов (январь 1918 г.). «Декларация» в своих основных чертах была включена в первую Конституцию РСФСР (1918 г.).

Основные положения декрета о земле были затем отражены и в последующем важном законе советского государства — в «Основном законе о социализации земли» (19 февраля 1918 г.). Этот закон, как указывал В. И. Ленин, предоставил «прямое преимущество коммунам и товариществам, поставив их на первое место»¹⁰. Далее Ленин счёл необходимым указать, какое значение имеет в сложившихся конкретно-исторических условиях термин «социализация». «Слово «социализация» выражает лишь тенденцию, пожелание, подготовку перехода к социализму»¹¹.

Таковы совершенно чёткие указания руководителей советского государства, такова основная, принципиальная линия развития

советского аграрного законодательства, советской аграрной политики.

Однако в книге И. А. Конюкова мы читаем: «Изданный в феврале 1918 г. Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом декрет о земле отчётливо выразил отношение советского государства к делу строительства колхозов» (стр. 34) (разрядка моя.— М. С.). Затем автор ссылается на статью 35 «этого декрета» — о содействии общественной обработке земли. Как известно, в декрете о земле нет статьи 35. Автор спутал декрет о земле от 26 октября 1917 г. с «Основным законом о социализации земли» от 19 февраля 1918 г. (раздел VII, ст. 35). К сожалению, в дальнейшем изложении И. А. Конюков вообще не говорит об «Основном законе о социализации земли» и не приводит известной характеристики, данной этому закону В. И. Лениным в его классической работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

Таковы недостатки «Очерков», на которые следует обратить внимание.

Оценивая работу И. А. Конюкова в целом, надо признать её достаточно удовлетворительным популярным пособием для указанного круга читателей. Однако история коллективизации сельского хозяйства в СССР всё ещё ждёт исследователей. Уместно поставить вопрос о совместной работе историков, экономистов и специалистов сельского хозяйства в этой области. В частности, следует пожелать, чтобы сектор истории советского периода Института истории Академии наук СССР продолжил начатую ещё в 1944—1945 гг. и не доведённую до конца работу по истории коллективизации в СССР. Необходимо ещё раз подчеркнуть, что вопрос о скорейшем создании полноценного труда о победном пути, пройденном советским крестьянством под руководством великой партии Ленина — Сталина, является научно-общественным вопросом, имеющим исключительно важное политическое значение.

М. Снегирев

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 290.

⁹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 285. 11-е изд.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 286.

¹¹ Там же, стр. 288.

«Кутузов в Дунайских княжествах» (Сборник документов). Молдавская научно-исследовательская база Академии наук СССР. Институт истории, языка и литературы. Сектор истории и археологии. Центральный государственный исторический архив Молдавской ССР. Государственное издательство Молдавии. Кишинёв. 1948. 138 стр.

До настоящего времени отсутствует научная монография о великом русском полководце М. И. Кутузове. Не все документы о М. И. Кутузове ещё опубликованы. Поэтому материалы рецензируемого сборника представляют для исследователя несомненную ценность.

Эти материалы охватывают период с

7 марта 1811 года по 16 мая 1812 года¹. Они извлечены из хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Молдавской ССР фондов сенаторов, председательствовавших в Диванах Молдавии и Валахии, и бессарабского губернатора. Более

¹ Даты даны по старому стилю.

десятка документов перепечатаю из сборника «Фельдмаршал Кутузов» (Огиз. 1947).

В первом разделе сборника помещены рескрипт Александра I о назначении Кутузова главнокомандующим Молдавской армией и письмо Кутузова о прибытии в армию, адресованное главе Диванов Молдавии и Валахии Красно-Милашвицу.

Во второй раздел вошли материалы о полководческой деятельности Кутузова. Они свидетельствуют о высоких боевых качествах его армии. Важным среди этих материалов является отношение Кутузова военному министру Барклаю де Толли от 22 июня о победе русских войск под Рущуком. «...несмотря на чрезвычайное неравенство,— писал Кутузов,— кавалерия наша не уступила ни шагу... неприятель принуждён был нашёлся отступить... Я не могу довольно поставить в виду... твёрдости нашей пехоты и искусство артиллерии, нанёсших ужасный вред неприятелю... во всяком виде истинный дух русских... 22... июня будет навсегда доказательством того, что возможно малому числу... противу бесчисленных толп неприятельских» (№ 12). Следует также указать донесение Кутузова Александру от 2 октября о Дунайской операции русских войск. Кутузов с гордостью писал о поражении «надменного» неприятеля: «Турки в неизобразимом ужасе обратились толпами в бегство... Кавалерия гнала их и поражала и пехота... преследовала бегущих картечным и ружейным огнём... 8 орудий, множество... снарядов, 9 судов... 22 знамя и булава Янычар-аги достались в руки победителей» (№ 17).

Публикуемые в сборнике документы показывают Кутузова талантливым администратором. Он занимался самыми различными вопросами: пленными (№ 8), крепостными работами (№ 10), провиантом и фуражом (№ 11), артиллерией (№ 16), «обывательскими подводами» (№№ 15, 20), хлебопечением (№ 23) и т. д.

Третий раздел сборника включает ценные материалы, показывающие заботу Кутузова о княжествах (№№ 24, 25, 27, 28, 29).

Новые документы четвёртого раздела касаются управления княжествами. Кутузов заботился о том, чтобы коменданты крепостей «ограничивали власть свою на жителей в оных... обывателей... токмо по части полицейской, не вмешиваясь... во внутреннее распоряжение...» (№ 35). Он подтвердил распоряжение о «подчинении Браиловской райи (крепости.— В. В.) ведомству гражданскому со всеми рыбными ловлями и другими статьями, доходы приносящими...» (№ 36); запретил беспоплатный вывоз из Молдавии вина, продовольствия, промышленных товаров (№ 43); принял меры к прекращению «грабительств и всяких насильств» (№ 44), а также к расследованию «притеснений», предписав вице-президенту Валахского Дивана Штестеру «заняться присканием средств к... возвращению... жителей, не употребляя... насилия...» (№ 46).

Большой интерес представляют документы пятого раздела, свидетельствующие о гуманном отношении Кутузова к местному населению. Облегчая «воинские потребности по-

следнего» (№ 64), он, например, освободил от повинностей жителей деревни Малка, которые «по обстоятельствам военных действий пришли в такое разорение, что едва могут себя пропитать» (№ 63). Кутузов издал приказ: «По случаю наступления весеннего времени, в которое жители... княжеств имеют... надобность заняться обработыванием земли и посевом хлеба... ни под каким предлогом обывательских подвод... не брать...» (№ 56). Кутузов улучшил положение «дунайских переселенцев», создав для них хлебные запасы и предоставив льготу от «земских податей» (№№ 57, 60). Он распорядился об отпуске дров находящимся при Хотинском госпитале «служительским... жёнам... с детьми...» (№ 66) и т. п.

Документы последнего раздела показывают Кутузова блестящим полководцем, разгромившим турецкие войска на правом берегу Дуная и устроившим им ловушку на левом берегу. По поводу этой победы Кутузов писал Барклаю де Толли: «Счастливым почесть должно, что войска турецкие, на сей стороне (левом берегу Дуная.— В. В.) находящиеся, не сдались... ибо визирь, увидев их от себя... отчуждёнными, не встречал бы меня... податливостью на мои требования. Армия турецкая... остаётся запертою...» (№ 79).

Отмечая ценность сборника, необходимо в то же время остановиться на его недостатках.

Прежде всего следует указать, что в нём неполно представлены документы о Кутузове. Составители в предисловии отметили, что ввиду отсутствия в публикуемых ими фондах документов о военных операциях Кутузова они сочли необходимым привлечь ряд документов из сборника «Фельдмаршал Кутузов» (стр. 14). Но это пополнение оказалось недостаточным: ряд важных вопросов не получил в сборнике освещения. Восполнить этот пробел можно было, включив в сборник документы, хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР. Отсюда следовало извлечь материалы, отсутствующие в сборнике, о тех трудностях, которые создавал Кутузову Александр I своим вмешательством в военные дела. Не понимая гениальных действий главнокомандующего Молдавской армией, стремившегося накануне столкновения России с Наполеоном ликвидировать русско-турецкий фронт, Александр писал Кутузову в декабре 1811 г.: «Впрочем, если бы разрыв (в мирных переговорах с турками.— В. В.) последовал, я оной предпочитая миру...»².

Не представлены в сборнике документы о совместных действиях с русскими войсками сербов и болгар. В отношении Барклаю де Толли от 10 июня Кутузов писал по этому поводу: «Противу Силистрии находится... до 600 хорошо вооружённых болгар, которые, надеюсь... умножатся и до тысячи...»³. В разгроме турецких войск сербами у Ниссы 11 октября участвовал батальон Нейш-

² Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 458, л. 8.

³ Там же, л. 218.

лотского полка⁴. Благодаря Кутузова за защиту «главнейшего пункта Сербии», «верховный вожь Сербского народа» Георгий писал: «...батальон Российской пехоты находился в деле с моим войском и бился с величайшим мужеством и неустрашимостью...»⁵.

Материалы военно-исторического архива показывают гуманное отношение Кутузова к пленным. Ценность представляет его приказ от 6 марта 1812 г., в котором говорится: «...агальяр Агаси отзывается... что при проходе его... с янычарскою партией... от препровождавшего майора Соловкина и прочих офицеров... всегда видели они человека колюбивый присмотр, благоприятство и неусыпное попечение в доставлении им всего нужного... Приемля... таковое похвальное обхождение с пленными... я в приятный долг вменяю изъявить... им за то... мою признательность с объявлением... по армии...»⁶ (разрядка моя.— В. В.). Имеются и другие подобные документы⁷.

Значительно можно было бы пополнить документацию о военных планах Кутузова. В военно-историческом архиве хранятся важные материалы, показывающие намерение Кутузова иметь с визирем «серьезное дело на равнинах»⁸, объясняющие причины оставления Кутузовым Рушук⁹, документы о предполагаемой переправе корпуса Маркова на правый берег Дуная¹⁰ и др.¹¹.

Не нашли в сборнике отражения действия русских войск в ряде боёв. Кутузов писал, например, о столкновении с Измаил-Беем 22 июля под Виддиным: «...сражение продолжалось от 7 часов утра до 3-х пополудни с неприятелем, более нежели в двое... нас превосходящим, который... принуждён был искать спасения в бегстве»¹². Следовало бы опубликовать донесение Кутузова о штурме 26 августа русскими войсками острова близ Лома¹³, о победах 28 августа у Малой Слободзеи¹⁴, 30 октября — при Калафате¹⁵. Интересны приказы Кутузова об «искусных манёврах и хитрости»¹⁶, журнал военных действий от 17, 22, 23 сентября¹⁷ и другие документы.

Недостаточно представлены в сборнике материалы о дипломатической деятельности Кутузова. Документы военно-исторического архива свидетельствуют о том, что Кутузов разоблачал происки Франции на Востоке¹⁸.

Следовало бы расширить материалы, показывающие заботу Кутузова о населении

княжеств. Кутузов, например, предписал в «гражданское распоряжение воинским начальникам не вмешиваться»¹⁹. Воинские командиры, чтобы «от обывателей сена... не забирали, а принимали... из магазинов...»²⁰. Кутузов освободил переселенцев от воинского постоя²¹. С похвалой отзывался Кутузов о генерале Турчанинове, который разрешил жителям с. Мусели из продовольственных запасов «во уважение их бедности... взять... для своего пропитания...»²², и др.

Недостатком сборника являются пропуски существенных частей текста в некоторых перепечатанных документах. Так, например, в документе № 3 опущено сообщение Кутузова о его намерениях, без чего трудно понять опубликованную часть. Кутузов писал: «Из расписания усмотрите... первоначальное предназначение войск к войне оборонительной и к действию наступательному от Рушук... употребляя корпус Рушукский и главный... в пять дней собрать можно у Рушук... до 36-ти батальонов... пехоты. Такой корпус противустать может знатному числу турок... Все... вышеписанные распоряжения... связаны с уничтожением Никополья и Силистрии»²³ (разрядка моя.— В. В.).

В нескольких перепечатанных документах, в которых имеются искажения, составители допустили дополнительные погрешности. В подлиннике, например, сказано: «...при сем предоставил я себе право возобновить оные (военные действия.— В. В.), как скоро бы заметил... неприязненные... приготовления... буду отпускать хлеб в такой пропорции, чтобы не дать им (туркам.— В. В.) способу составлять, запасы... остановление военных действий должен я был сделать для того, что не могли бы начаться... переговоры с полномочными визирскими»²⁴. В копии же под № 79 напечатано: «...при сем предоставил я себе право возобновить оные, как скоро мы заметим... неприязненные... приготовления... буду отпускать хлеб в такой пропорции, чтобы не дать им способу составить²⁵ запасы... остановление военных действий должен и бы²⁶ сделать для того, что не могли бы (иначе) начаться... переговоры с полномочными визирскими» (разрядка моя.— В. В.) (см. также № 82)²⁷.

Имеются искажения в копии № 83. В подлиннике сказано: «Кто не участвовал, тот с восторгом видел блистательный переход на правый берег Дуная...»²⁸ (разрядка моя.— В. В.). В копии напечатано: «Кто не чувствовал, тот с восторгом видел блистательный переход на правый берег Дуная...» (Разрядка моя.— В. В.).

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 458, лл. 377 и 388 об.

⁵ Там же, лл. 386, 388.

⁶ Там же, д. 2964, л. 32 об.

⁷ Там же, л. 20 об.

⁸ Там же, л. 32 об.

⁹ Там же, л. 252.

¹⁰ Там же, л. 339 об.

¹¹ Там же, л. 411 об.

¹² Там же, д. 2952, л. 301 об.

¹³ Там же, л. 323 об.

¹⁴ Там же, л. 149 об.

¹⁵ Там же, д. 2964, лл. 25, 26, д. 2934, лл. 143 об., 144, д. 2952, л. 299.

¹⁶ Там же, д. 2952, лл. 346—349.

¹⁷ Там же, л. 356.

¹⁸ Там же, л. 306 об.

¹⁹ Там же, л. 41 об.

²⁰ Там же, л. 13 об.

²¹ Там же, л. 35 об.

²² Там же, д. 2952, л. 343 об.

²³ Там же, д. 2952, л. 166 и об.

²⁴ Там же, л. 367 и об.

²⁵ Ср. «Фельдмаршал Кутузов» № 86.

²⁶ Ср. там же.

²⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3645, л. 1.

²⁸ Там же, д. 2964, л. 69 об.

В ряде случаев искажены даты документов. Документ № 12 вместо 3 июля²⁹ помечен 22 июня, № 14 вместо 10 декабря³⁰ — 6—10 сентября, № 17 вместо 29 октября³¹ — 2 октября. Есть погрешности в переводе стилей. Документ № 46 вместо 5 августа датирован 8 августа.

Многие из заголовков громоздки (№№ 8, 10, 18, 20, 25, 27, 30, 37, 40, 41, 53, 61), отдельные из них пересказывают документы (№№ 44, 46, 50, 55, 57), иногда заголовки неточны (№№ 2, 17, III, 21, 66, 85, 86), небрежны стилистически (№№ II, 12, 15, 33, 34, 38, 42, 49, 51, 54, 59).

В предметном указателе отсутствует пояснение таких слов, как пандура (№ 3), аян (№ 12), тет-де-пон (№№ 14, 17), ретраншемент, ордер-де-баталь (№ 17), служитор (№ 44), шатрарь (№ 73), пикет, бивак, кордон (№ 74), визирь (№ 79), арнаут, бунчук, янычары (№ 83).

Недочётom является неполнота именного указателя. В нём отсутствуют имена Тучкова 2 (№№ 8, 10, 37, 41, 42, 58), Мельникова (№ 12), Мелентьева 3, Репнинского 1 (№ 14), Багговута (№ 85) и других (№№ 43, 45, 47, 54, 72, 74, 76, 78, 85, 86).

В указатель следовало внести уточнения. Сказано, например, что Барклай де Толли был военным министром по 1812 г. (стр. 126), хотя в августе 1812 г., накануне Бородинской битвы, он уже был смещён с этой должности; сказано, что Багратион командовал Молдавской армией по февраль

1810 г. (стр. 126) вместо по 15 марта³²; что Романов был комендантом Ясс в 1811 г. (стр. 127) вместо до 2 мая 1812 года³³. Не указывается, что Резвый (стр. 127) командовал артиллерией Молдавской армии³⁴. Не отмечается, что Штстер (стр. 128) 27 октября 1811 г. был заменён Комнино (стр. 127)³⁵, Чепан-Оглу (стр. 128) командовал войсками, которые были окружены Кутузовым³⁶.

Неполон географический указатель. В последний следовало бы включить также наименования, как Чатал, Исакча, Бабада, Гирсово, Турна, Фальча, Текуча (№ 3), Табак, Слободзея (№№ 3, 9), Враца, Шумла (№ 9), Разград (№№ 9, 12), Адрианополь, Кадикой (№ 12), Браила (№ 37), Роттенбург (№№ 46, 48), Видлин (№№ 3, 14), Калафат (№ 14), Ольта, Лом (№ 17), Саранчинешты, Ловишти (№ 48), Вилена, Гресня (№ 53), Малка (№ 63), Кукуряцу, Дорн, Родно, Пест (№ 72), Шарул-Дорми, Драгомизна (№ 74), Бистрица (№№ 74, 75), Сатагор, Унгария, Банат (№ 75) и др.

В оглавлении имеются искажения (№№ 6, 28).

Несмотря на отмеченные недостатки, сборник принесёт пользу для изучения деятельности одного из основоположников русского военного искусства — М. И. Кутузова.

В. Вяликов

³² «Генерал Багратион», стр. 22. Огиз. 1945.

³³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2964, л. 60 об.

³⁴ Там же, л. 30 об.

³⁵ Там же, д. 2876, л. 158.

³⁶ Там же, д. 2952, л. 373 и об.

П. А. САДИКОВ. *Очерки по истории опричнины*. Академия наук СССР. Институт истории (Ленинградское отделение). Издательство Академии наук СССР. М.-Л. 1950. 593 стр.

История опричнины, бесспорно, является одной из важнейших проблем истории Русского централизованного государства XVI века. Прогрессивное значение войска опричников отмечалось в постановлении ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года¹. Поэтому выход в свет рецензируемых очерков П. А. Садикова, специально посвящённых вопросам истории опричнины, приобретает особый интерес.

В трудах советских историков уже были намечены пути к всестороннему изучению деятельности правительства Ивана Грозного, направленной к укреплению Русского

централизованного государства². В этих трудах подчёркивалось прогрессивное значение борьбы Ивана Грозного с реакционным боярством, являвшимся серьёзным препятствием на пути к укреплению Русского государства.

² См. С. Б а х р у ш и н. «Избранная рада» царя Ивана Грозного. «Исторические записки», кн. 15; е г о ж е. Иван Грозный. 1945. Г. Б и б и к о в. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного. «Труды» Государственного Исторического музея. Вып. 14. М. 1941. И. С м и р н о в. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. «Проблемы истории материальной культуры» № 5—6 за 1933 г.; е г о ж е. Иван Грозный. Л. 1944, и др.

¹ См. О кинофильме «Большая жизнь». Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года. «Большевик» № 16 за 1946 г., стр. 52.

Советская историческая наука доказала полную беспочвенность утверждений ряда буржуазных историков, особенно В. О. Ключевского, будто опричнина «была в значительной мере плодом чересчур пугливого воображения царя» и «была направлена против лиц, а не против порядка»³. Поэтому диссонансом прозвучали некоторые статьи С. Б. Веселовского, пытавшегося воскресить эти похороненные наукой ошибочные положения⁴.

Рецензируемые исследования П. А. Садикова, являющиеся плодом многолетних изысканий автора, наносят новый удар по этим антинаучным построениям; они свидетельствуют о большой созидательной работе, проводившейся на Руси в 50—70-х годах XVI в. в области строительства централизованного аппарата власти.

Книга П. А. Садикова представляет собою посмертное издание статей, исследований и документальных материалов по истории опричнины. Значительная часть из них печаталась уже в периодических изданиях и сборниках в течение 1921—1941 годов. Некоторые очерки публикуются впервые, в том числе «Опричнина Ивана Грозного», «Приказ Большого Прихода» и другие. Досадно, что в рецензируемое издание вошли не все из опубликованных исследований и материалов П. А. Садикова, связанных с проблемой опричнины. Так, например, в книге мы встречаем переписку Ивана Грозного с Василием Грязным (стр. 530—539), а статья П. А. Садикова «Царь и опричник» (сб. «Века». Пг. 1924), где была опубликована эта переписка, почему-то не переиздается. Наряду с этим в «Очерках» печатается статья П. А. Садикова «К истории опричной территории», являющаяся введением к опубликованным им материалам (см. «Исторический архив», кн. III. М.-Л. 1940), а самые документы, теснейшим образом связанные с указанным введением, редакцией в сборник не включены. Это тем более странно, что третью часть «Очерков» составляют документы, аналогичные изданным П. А. Садиковым в 1940 году. Наконец, отсутствует статья «Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.» («Исторические записки», кн. 22).

Рецензируемая книга состоит из трёх частей. В первой, озаглавленной «Опричнина», помещены общие очерки по истории и управлению опричниной; большое место занимают здесь исследования по истории опричной территории. Во второй части, названной «Приказы», собраны исследования по истории централизованного аппарата власти Московской Руси XVI—начала XVII века. Особое внимание здесь уделено происхождению и развитию финансово-административных приказов («Четвертей» и Приказа Большого Прихода). Третья часть «Очерков» содержит документы, извлечённые

П. А. Садиковым из многочисленных архивов Москвы и Ленинграда. Таким образом, в книге не нашёл отражения целый ряд важнейших сторон истории опричнины, в частности, остались не освещёнными многие вопросы социально-экономической истории той эпохи (положение крестьянства, развитие ремесла и торговли), классовой борьбы, общественно-политической мысли. Нет и специального историографического очерка. Несмотря на это, «Очерки» вносят много нового в дело изучения ещё не достаточно исследованной преобразовательной деятельности Ивана Грозного — «человека с сильной волей и характером»⁵.

Одним из достоинств «Очерков по истории опричнины» является их прекрасная источниковедческая база. Скучность источников зачастую отпугивала историков от углублённого изучения опричнины. П. А. Садиков приложил много сил для разыскания новых материалов в различных архивных фондах и пересмотра опубликованных извещений, рассеянных по разнообразным, порою забытым изданиям. Извлечённые, часто отрывочные, данные были подвергнуты им тонкому источниковедческому анализу, взаимопроверке путём критического сопоставления. В результате этого исследование П. А. Садикова прекрасно фундировано и вносит много нового в рассмотрение различных вопросов истории Русского централизованного государства XVI века.

Автор в своих «Очерках» прежде всего исходит из основного тезиса, что «опричнина ломала решительно и смело верхушки феодального класса и поддерживала великокняжескую власть — этим, в условиях времени, она была безусловно прогрессивным историческим фактором» (стр. 62). В очерке «Опричнина Ивана Грозного» П. А. Садиков образно и убедительно рисует борьбу царя с сепаратистскими тенденциями реакционного боярства. Автор следующим образом определяет историческую роль опричнины: «Княжеско-боярская аристократия если и не была уничтожена ею (опричниной. — А. З.) целиком, «всемерно», то во всяком случае разгромлена так, что не являлась уже политически опасной для самодержавной власти московского царя. На первый план вместо неё вышел... поместный дворянин и сын боярский, который и стал хозяином в политике при царях Фёдоре и Борисе» (стр. 63). В этом очерке, являющемся как бы итогом многолетних изысканий автора, даётся не только сжатая характеристика исторической роли опричнины и описание её истории: здесь читатель найдёт много новых и ценных конкретных сведений. Сопоставляя ряд известий, П. А. Садиков, например, приходит к выводу, что в связи с Земским собором 1566 г. произошло открытое выступление значительной группы дворян во главе с участниками соборных заседаний — кн. В. Ф. Пронским, И. Ф. Карамышевым и др. (стр. 29). Таким образом, мы теперь

³ См. В. Ключевский. Курс русской истории. Ч. II, стр. 168; ср. стр. 164, 171 и др. Минск. 1938.

⁴ См. С. Веселовский. Учреждение Опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году. «Вопросы истории» № 1 за 1946 г., стр. 104.

⁵ О кинофильме «Большая жизнь». Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года. «Большевик» № 16 за 1946 г., стр. 52.

можем решительно отвергнуть утверждение В. О. Ключевского и других буржуазных историков о какой-то «пассивности», якобы отличавшей русские земские соборы от западноевропейских сословно-представительных учреждений. Очень важны наблюдения П. А. Садикова о связи между боярским заговором, возглавленным И. П. Фёдоровым, и антимосковской политикой польского короля Сигизмунда-Августа (стр. 29—38) и др.

Ряд статей и очерков посвящён организации управления в опричнине и истории приказного аппарата XVI—начала XVII века. П. А. Садиков установил наличие в опричнине главных приказов, в том числе Разряда, Ямского и Дворцового, Казны и т. д., ведавших важнейшими судебно-административными и финансовыми делами (стр. 74—85). Наряду с этим некоторые органы государственного управления (Поместная изба, Посольский приказ и др.) оставались едиными учреждениями как для опричнины, так и для земщины. То же самое следует сказать и о Приказе Большого Прихода, историю и функции которого автор выяснил детально (см. очерк «Приказ Большого Прихода»). Выделившийся из ведомства Казначейства, этот приказ сложился к 1553—1554 гг. в связи с финансово-административными реформами начала 50-х годов XVI в. (стр. 271, 275); основной его бюджет составляли деньги ямские, приметные и деньги за городное засечное и ямчужное дело; вскоре в Большой приказ стали поступать и важные косвенные налоги (таможенные).

С реформами «Избранной рады» и возникновением опричнины связывает П. А. Садиков и возникновение «Четвертей» («Четей») — центральных учреждений, ведавших сбором «четвертных» доходов (в основе последних лежал «кормленный оброк»). Ещё до отмены в 50-х годах XVI в. системы кормлений в Москве существовал особый институт «кормленных дьяков», который в какой-то мере контролировал финансово-административную и судебную деятельность органов местного управления, в первую очередь многочисленных кормленщиков. Из ведомств «кормленных дьяков» и выросли в 60-е годы XVI в. «Четверти», причём, как выяснил П. А. Садиков, единственной допричной «Четвертью» была так называемая «Каргопольская четверть», которою с 1561 г. ведал дьяк В. Б. Колзаков. В государственной опричнине «кормленный оброк» сделался основой бюджета, а это привело к тому, что именно в опричнине кристаллизировались деятельность, структура, функции четвертных приказов и их территориальный характер (каждая «Четверть» ведала финансовыми и судебно-административными делами определённой территории Русского государства).

В очерке «Опричнина и церковь» автор раскрывает, по существу, только один вопрос из поставленной им широкой проблемы — вопрос о переходе «государевых богомольцев» в опричнину. Очень интересно в этой связи следующее обстоятельство: в то время как московский Симонов монастырь

уже в 1569 г. «со всею вотчиною» перешёл в опричнину, Кирилло-Белозерский монастырь оставался в земщине, хотя часть его вотчин находилась в опричных землях. Это обстоятельство будет понятно только в том случае, если учесть, что социальной опорой Кирилло-Белозерского монастыря были крупные бояре и князья, непримиримые противники реформаторской деятельности Ивана Грозного.

Наконец, последняя проблема, детально изученная в трудах П. А. Садикова, — это история опричной территории и земельной политики второй половины 60—70-х годов XVI в., в результате которой был нанесён сильный удар крупному землевладению княжат и реакционного боярства.

Таков круг вопросов, решение которых является большой заслугой автора рецензируемых «Очерков».

Однако наряду с этим необходимо отметить в книге целый ряд существенных методологических недостатков и отдельных промахов. Нельзя забывать при этом того, что книга составлялась из произведений, писавшихся на протяжении более чем двадцати лет. В течение этого времени «взгляды автора претерпевали изменения» (стр. 3).

Особенно серьёзные недостатки первого, общего очерка. Здесь автор рассматривает опричнину прежде всего в плане борьбы самодержавной власти московского царя с «претензиями феодальной верхушки», результатом которой было «выдвижение к верхам власти среднего феодального слоя — детей боярских и дворян» (стр. 6, 7 и др.). Сам по себе этот вывод не вызывает возражений, но он дан автором односторонне. Реформы «Избранной рады» и мероприятия опричнины знаменовали собой укрепление Русского централизованного государства. Восстания середины XVI в. (в Москве, Пскове и других местах), развитие реформационно-гуманистического движения («ереси» Матвея Башкина, Артемия, Феодосия Косого и др.) заставили представителей господствующего класса — феодалов — консолидировать свои усилия, направленные к укреплению централизованного аппарата власти. Этот аппарат должен был успешно осуществлять внутреннюю, главную функцию феодального государства — «держатъ эксплуатируемое большинство в узде»⁶. Напряжённая борьба за присоединение Казани и Астрахани, многолетняя Ливонская война требовали укрепления централизованного государства и для успешного выполнения его высшей, не главной функции — «расширять территорию своего, господствующего класса за счёт территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств»⁷. В этом плане следует рассматривать и реформы «Избранной рады» 50-х годов XVI в. и мероприятия опричнины.

⁶ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 604. 11-е изд.

⁷ Там же.

В общем очерке П. А. Садиков не показал отчётливо и классового смысла мероприятий, проведённых правительством Ивана Грозного в эпоху опричнины. Он не учёл того факта, что опричнина была политикой господствующего класса, приведшей к новому усилению феодальной эксплуатации крестьянства, к расхищению крестьянских земель, обострению борьбы за крестьянина как за рабочую силу⁸. Недостаточно объяснён П. А. Садиковым и разрыв Ивана Грозного с «Избранной радой»; причины этого разрыва сводятся к «мотивам личного порядка» (стр. 11—12) и к разному пониманию внешнеполитических задач. На самом же деле резкий перелом был связан с переходом в первой половине 60-х годов XVI в. от политики компромиссов, проводившейся правительством Адашева, к политике решительной борьбы с сепаратистскими тенденциями реакционного боярства. Далее, правильно подчёркивая дворянский характер мероприятий эпохи опричнины (стр. 61, 63 и др.), П. А. Садиков, к сожалению, недостаточно показал, что в своей реформаторской деятельности Иван Грозный использовал поддержку посадских верхов; не случайно после отъезда в Александрову слободу Иван IV прислал «к гостем и купцом и ко всему православному крестьянству града Москвы» особую грамоту, в которой писал, чтобы посадские люди «себе никоторого сумления не держали, гневу на них, ни опалы никоторые нет»⁹. В работах П. А. Садикова не получила освещения посадская политика Ивана Грозного (борьба с тарханами, свод «лучших» посадских людей в Москву и т. д.). Не следует также забывать о том, что Иван Грозный «создавал некоторый зародыш промышленности»¹⁰.

Красочно рисуя богатую событиями эпоху «опричнины», автор не раз использует записки и донесения, вышедшие из-под пера злобных врагов русского народа, различных авантюристов типа Генриха Штадена и пр. Однако в «Очерках» мы не найдём совершенно необходимой резкой критики показаний подобного рода источников, сознательно искажавших смысл и значение мероприятий Ивана Грозного.

Не свободны от существенных недостатков и разделы книги, повествующие об управлении опричниной. Здесь автор часто некритически следует В. О. Ключевскому, который рассматривал опричнину как учреждение с «обветшалой формой», своего рода удел или, во всяком случае, «пародию удела»¹¹. По мнению П. А. Садикова, также государев «удел» (или опричнина) «пародировал старинное управление» (стр. 86). Удельные черты в опричнине носили, на его взгляд, и судебно-административное управление (стр. 81) и сама новая резиденция царя (стр. 70) и т. д. Трактовка опрични-

ны как «государева удела» (стр. 90) особенно бросается в глаза в ранней статье автора — «К истории управления в опричнине». В позднейших работах эта характеристика несколько смягчена, но всё же сохранилась. П. А. Садиков считает, что первоначально управление «опричным» хозяйством строилось «по старинным «удельным» образцам», которые наблюдал Грозный «во время разъездов по своим дворцовым сёлам и в настоящем «удельном» хозяйстве кн. Владимира Андреевича» (стр. 44, 90 и др.). Весь конкретный материал, приводимый самим же П. А. Садиковым, опровергает это ошибочное предположение. Опричнина использовала лучшие достижения приказного управления Русского государства и сама, развивая эти образцы, двигала вперёд централизацию государственной власти. Так, опыт создания финансово-административных приказов — «Четвертей», — развитый умелыми приказными дельцами в опричнине, позднее, как это показал сам П. А. Садиков, получил широкое применение в русской приказной системе конца XVI — XVII века.

Кроме этих основных недостатков «Очерков» можно указать и на некоторые пробелы и отдельные неудачные характеристики. К сожалению, автор не мог воспользоваться ценными материалами, дающими много сведений по организации приказного аппарата XVI века. К их числу следует отнести росписи денежных и натуральных окладов, утверждённых для служилых людей в 1573 г. (см. «Исторический архив». Т. IV. М.-Л. 1949). В этой росписи имеются яркие данные об организации ряда приказов XVI в. (Сытного, Бронного, Постельного, Конюшего). Не мог П. А. Садиков также воспользоваться полным текстом дворовой тетради 50-х годов XVI в.¹², в которой содержатся сведения о происхождении ряда дьяков, их судьбе во время опричнины и другие. Из этой тетради мы узнаём, например, что в начале 50-х годов XVI в. будущий известный дьяк Мясоед Семёнов сын Вислый (о нём у П. А. Садикова см. на стр. 131—134 и др.) был дворовым сыном боярским по Белоозеру¹³.

Среди частных недостатков книги отметим неправильную характеристику сочинений Еразма, в которых П. А. Садиков усматривал заботу дворянства «о низших классах московского общества» (стр. 11, 63). Не вполне раскрыта позиция осифлян как идеологов русской воинствующей церкви. Последняя не поддерживала безоговорочно опричнину Ивана Грозного (см. стр. 59). Непонятно, как неосуществлённая реформа торговых пошлин могла привести «к переустройству центрального управления» страной (стр. 271).

Можно было бы избежать и отдельных описок, от которых несвободна книга: например, на стр. 15 Репина вместо Репнина, пропуск в тексте на стр. 38 и другие.

Ряд повторений в книге (ср. дважды о

⁸ См. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 43—51 и др. Л. 1949.

⁹ ПСРЛ. Т. XII, стр. 391—393.

¹⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 8, стр. 120.

¹¹ В. Ключевский. Курс русской истории, стр. 63, 64 и др. Минск. 1938.

¹² Государственная библиотека имени В. И. Ленина. Собрание Никифорова, № 330.

¹³ Там же, л. 110 об.

деятельности Пивова на стр. 282—285 и 308—312, о «Басаргине правеже» на стр. 198—200 и 322—323, о поездках Ивана Грозного 1563—1564 гг. на стр. 15, 304—305) объясняется, конечно, тем, что она не была отредактирована автором, так как издана посмертно.

Подведём итоги. «Очерки по истории опричнины», несмотря на целый ряд серьёзных недостатков, дают много новых и цен-

ных материалов, рисующих укрепление централизованного аппарата власти Русского государства XVI века. Выход в свет «Очерков», несомненно, будет способствовать дальнейшему изучению созидательной деятельности Ивана Грозного, в которой немаловажное участие принимало прогрессивное войско опричников.

А. Зимин

Всеобщая история

NATHAN PELCOVITS. *Old China hands and the foreign office*. New York. 1948. XIII. 349 p.

НАТАН ПЕЛЬКОВИЦ. *Английские торговцы в Китае и министерство иностранных дел*

Книга американского автора, изданная американским тихоокеанским институтом, посвящена очень важному и интересному вопросу — вопросу о влиянии английских торговых кругов, на их собственном жаргоне «старых китайских дельцов», на политику английского правительства в отношении Китая. Для изучения этого вопроса автор избрал значительный хронологический отрезок — от Нанкинского договора 1842 г. до начала XX в., точнее до 1905 года.

В книге содержится значительный фактический материал, рисующий деятельность английских капиталистов в Китае. Автор приводит многочисленные выдержки из неопубликованной переписки английских фирм, имевших крупные интересы в Китае, в частности фирмы Джердин, Метисон энд компани, ряда торговых палат и других организаций английских капиталистов, архивы которых были доступны автору. Эти документы приоткрывают завесу над деятельностью и программой английских капиталистов в Китае и, вопреки желанию автора, вскрывают тесную связь, которая существовала и существует между английским правительством и капиталистическими кругами. Последние со своими претензиями и требованиями обращаются прямо к правительству и его дипломатическим представителям на местах. Характерно, что по мере приближения эпохи империализма и усиления агрессивности английской буржуазии объём английских требований к Китаю заметно возрастает, тон этих требований становится более решительным и настойчивым. В 50-х годах XIX в. английские торговцы в Китае, выражая недовольство Тяньцзинским договором 1858 г., требовали отмены в Китае тарифов для иностранных товаров, устранения всех и всяких ограничений и китайского контроля над иностранной торговлей (стр. 25). В конце века английские торговцы в Шанхае шли уже гораздо дальше. Они

требовали ни много, ни мало — назначения специальных резидентов при китайских вице-королях; эти резиденты должны были иметь «достаточную силу, чтобы заставить вице-королей оказывать надлежащее уважение и внимание». Местные власти, по мысли англичан, должны были в торговых и фискальных вопросах подчиняться не центральному правительству в Пекине, а этим английским резидентам (стр. 198). Это была открытая программа превращения Китая в английскую колонию.

Автор показывает, что английские капиталисты находились в непосредственном контакте с правительством; последнее в своих действиях стремилось заручиться одобрением со стороны английских капиталистов в Китае. Мероприятия, которые не встречали санкции со стороны «китайских дельцов», не имели шансов на успех. Так, в 1869 г. английское правительство заключило с Китаем торговую конвенцию, не удовлетворявшую всех требований тамошних английских купцов, в частности их требования о полном открытии внутреннего рынка и отмене внутренних пошлин. Недовольные конвенцией, английские капиталисты в конце концов сорвали её (стр. 80). Автор наглядно рисует приёмы оказывавшегося на правительство давления, к которым прибегали «китайские дельцы». Влияние последних на правительство стало ещё более значительным после того, как в 1889 г. «старые английские дельцы» организовались в «китайскую ассоциацию». Автор приводит обильные материалы, рисующие организацию этой ассоциации, её деятельность и непосредственную связь с правительством. Пельковиц обнаружил при этом «удивительный параллелизм» между программой территориальных захватов в Китае, которую выдвигала «китайская ассоциация» в 1896 г., и списком концессий, которые английское правительство официально выдвига-

ло в последующие годы (стр. 201). Автор, как нетрудно заметить, видит «параллелизм» там, где было прямое совпадение. Вопреки всем ухищрениям автора, приводимый им в книге материал рисует английское правительство в роли исполнительного органа английской буржуазии. Именно этот материал составляет ценное содержание книги.

Исследователь английской политики найдёт в книге Пельковица свежий материал о разбойничьей политике англичан в Китае.

Из сказанного отнюдь не следует, что перед нами критическая работа, имеющая своей целью разоблачение английской колониальной политики в Китае. Как раз наоборот: критика английских торговцев и предпринимателей с их разбойничьими планами закабаления Китая подчинена у автора задаче выставить английское правительство в качестве «противника» этих планов и таким путём оградить его от обвинений в соучастии в проектах ограбления и закабаления Китая. Перед нами образец тонкой и искусной фальсификации истории.

Собранный автором значительный фактический материал об английской политике в Китае использован им не для раскрытия подлинного характера этой политики, а для её обеления и для фальсификации истории англо-китайских отношений. На протяжении всей книги автор пытается противопоставить политику английского правительства деятельности английских капиталистов в Китае. Английское правительство выступает в освещении автора как сила «надклассовая», стоящая выше интересов английского капитализма в Китае. Правда, автор вынужден признать, что «по частным вопросам и частным случаям официальная политика была простым выражением организованных требований торговых кругов» (стр. VIII), однако решительно отвергает предположение о постоянной и тесной связи между требованиями и чаяниями капиталистических групп и политикой английского правительства. Автор пишет: «Между отношением английских торговых групп к Китаю и официальной английской политикой в отношении Китая существовало решительное противоречие» (стр. VII).

Это противопоставление английской официальной политики требованиям английских капиталистов в Китае красной нитью проходит через всю книгу. Идея автора очень проста: поскольку английские капиталистические круги выступали с программой решительной и немедленной агрессии в отношении Китая, а английское правительство проводило эту программу в жизнь постепенно, то последнее можно изобразить в роли своеобразного тормоза английской агрессии. Это должно убедить читателя в серьёзных расхождениях между правительством и «старыми китайскими дельцами». При этом, стремясь, насколько возможно, выпятить и подчеркнуть эти расхождения, автор прибегает к совершенно недобросовестному приёму. Для характеристики программ капиталистических кругов он отбирает и цитирует требования самых решительных и самых агрессивных капиталистов; наоборот, характеризуя официальную английскую политику, он отбирает лишь то,

что может свидетельствовать об «умеренности» английской политики. В результате, при сопоставлении с требованиями «старых китайских дельцов», официальная английская политика в изображении автора выглядит «слабой» и умеренной.

Однако вся эта версия Пельковица — не что иное, как грубая подтасовка. Слово «умеренность» в применении к английской колониальной политике в Китае всегда было неприменимо. Дело заключается всего лишь в том, что английское правительство лучше, чем отдельные капиталисты, понимало рискованность затей — силой подчинить себе весь Китай и навязать ему неприкрытое колониальное положение. Военные столкновения с Китаем в XIX в., несмотря на победы европейских пушек, показали невозможность «большой войны» с Китаем. Окончательно убедило в этом народное восстание тайпинов. Опыт, приобретённый в двух опиумных войнах, побудил английских захватчиков направить свои усилия на порабощение Китая руками самих китайцев. Этой цели должно было послужить постепенное подчинение иностранным захватчикам феодальной верхушки Китая. Именно этот путь порабощения Китая вместе с проникновением иностранного капитала и усилением связей между иностранным капиталом и компрадорскими элементами китайской буржуазии в конечном счёте таил в себе самую страшную опасность для национального существования китайского народа. Таким образом, английское правительство вело не просто более осторожную политику в Китае: оно стремилось к закабалению и порабощению страны несколькими иными путями, чем некоторые ретивые и нетерпеливые представители английских торговых кругов.

Так обстояло дело в действительности. Стремясь представить английское правительство чуть ли не «защитником» Китая от жадности английских капиталистов и искусственно раздувая противоречия между требованиями отдельных капиталистических кругов и политикой английского правительства, автор тщательно подбирает факты, которые должны нарисовать то недовольство, какое возникало в среде английских капиталистов в связи с недостаточно «активной» политикой правительства.

Недовольство некоторых английских капиталистов политикой правительства в отношении Китая, как указывает автор, дважды на протяжении периода, описанного в работе, приводило к резким конфликтам между правительством и «старыми китайскими дельцами». Эти конфликты занимают центральное место в книге. Первый конфликт имел место, когда английские торговцы выступили против Тяньцзинского договора 1858 г. и против всей политики правительства в Китае, считая эту политику недостаточно решительной и агрессивной. Торговые круги, связанные с китайским рынком, резко критиковали договор, считая, что, пользуясь слабостью Китая, английское правительство могло получить ещё большие льготы в Китае для английских капиталистов. Английская торговая палата в Шанхае в меморандуме, направленном в английское министер-

ство иностранных дел 4 сентября 1862 г., критиковала Тяньцзинский договор, считая его совершенно неудовлетворительным; она доказывала, что с «азиатскими нациями, подобными китайской», необходимо говорить всегда «твёрдым и решительным голосом», чтобы добиться удовлетворения требований (стр. 27). В конце 60-х годов XIX в. в Англии открыто выдвигалось требование о превращении Китая во «вторую Индию» (стр. 93). Английская газета «Дейли пресс» считала превращение Китая в колонию Англии только вопросом времени (стр. 87).

Автор книги старается придать принципиальный характер разногласиям между правительством и наиболее агрессивным настроенными кругами английской буржуазии. Эти разногласия между «старыми китайскими дельцами» и правительством, в частности по поводу Тяньцзинского договора, указывает он, были «чем-то большим, чем спором относительно истолкования договора. Это были расхождения политического характера» (стр. 27). Однако вдумчивый читатель не найдёт никакого основания для такого вывода в материале, приводимом автором. В самом деле, чего требовали английские капиталисты и что в Тяньцзинском договоре вызывало их возражения? Английские торговцы требовали, чтобы правительство перестало «церемониться» с китайцами и силой открыло для английских товаров все районы страны, добилось отмены всяких пошлин на них. Английские дипломаты не отвергали этой программы и не критиковали её по существу. Они лишь считали осуществление этой программы невозможным. Видный чиновник министерства иностранных дел, критикуя эту авантюристическую программу агрессии, развиваемую английскими торговцами в Китае (между прочим, автор убедительно показывает, что именно круги английских резидентов в Китае были всегда носителями наиболее агрессивных и авантюристических планов в отношении Китая), писал в декабре 1867 г., что осуществление этой программы возможно лишь при условии, если «иностранцы державы готовы взять на себя всю ответственность за подобную политику и установить своё управление над Китаем в форме протектората» (стр. 42). Точно так же английский посланник в Пекине Оллок в секретном донесении министру иностранных дел доказывал, что максимальная программа английских торговцев в Китае может быть осуществлена лишь при помощи меча. Оллок приводил убедительные доказательства того, что подобная политика способна лишь привести к катастрофе в Китае: дипломат, хорошо знакомый с положением дел в Китае, имел все основания опасаться, что попытка осуществления этой программы вызовет огромную волну народного гнева и может привести к полному изгнанию всех иностранцев из Китая. Оллок доказывал, что отнюдь не в интересах Англии доводить дело до такого положения. Наилучший путь к «охране» интересов английских капиталистов в Китае, доказывал Оллок, заключается в том, чтобы действовать через центральные власти Китая, на которые следует возложить ответственность за охрану интересов и имущества иностран-

цев. Такого существа разногласий между «старыми китайскими дельцами» и английским правительством. Никаких принципиальных разногласий во взглядах на политику в Китае между ними не было, да и не могло быть. Дело было в том, что, как указывала в 1875 г. «Таймс», руководящие английские круги не могли «взять на себя ответственность ещё за одну Индию» (стр. 101).

Второй конфликт между правительством и «старыми китайскими дельцами» возник в самом начале XX века. Так называемая «китайская ассоциация», созданная английскими капиталистами, заинтересованными в торговле с Китаем, для осуществления организованного нажима на правительство выдвинула программу, осуществление которой, по существу, означало превращение Китая в английский протекторат. «Китайская ассоциация» резко критиковала «нерешительную политику» английского правительства, обвиняя его в медлительности. Не отдавая себе отчёта в сложности международного положения и обострении империалистических противоречий на Дальнем Востоке, «старые китайские дельцы» требовали усиления территориальных захватов в Китае. Недовольные и критики, которых автор называет «бунтовщиками», не смогли изменить политику правительства: последнее осталось на своих позициях.

Разумеется, в среде английской буржуазии могут возникать и возникают разногласия по тому или иному вопросу конкретной политики; такие разногласия возникали и во взглядах на практические вопросы английской политики в Китае. Отражая эти противоречивые мнения и подвергаясь давлению со стороны наиболее влиятельных групп капиталистов, английское правительство вело политику, которая могла оказаться во временном противоречии с интересами и требованиями отдельных групп правящих классов: среди последних возникало недовольство, принимавшее иногда заметные размеры. Однако делать из этих бесспорных фактов вывод о «непримиримых противоречиях» между правительством, этим исполнительным органом английской буржуазии, и «старыми китайскими дельцами» — значит сознательно фальсифицировать факты.

Нетрудно понять, зачем автору понадобилась эта фальсификация. В настоящее время, когда китайский народ, скинув оковы империалистической кабалы и эксплуатации, уверенно стал на путь независимого национального существования, империалисты США и Англии пытаются прикрасить поражение своей вековой политики, направленной на порабощение Китая. Империалистические волки пытаются рядиться в овечью шкуру, прикрасить и замаскировать агрессивный, разбойничий характер своей политики в Китае. Американские фальсификаторы истории, спеша на помощь своим английским коллегам, из кожи лезут вон, чтобы «доказать», что английское правительство всегда вело в Китае «умеренную» политику. Это стремление во что бы то ни стало обелить английское правительство сквозит со всех страниц рецензируемой книги. Автор не останавливается перед прямой фальсификацией фак-

тов, сваливая вину за агрессии в Китае на другие страны.

Характерны два примера. Известно, что английская дипломатия в Китае широко применяла нажим на китайское правительство, силой и угрозами вынуждая его на предоставление уступок и концессий английским капиталистам. Автор, разумеется, не может скрыть фактов этой «кулачной дипломатии». Однако и здесь он находит лазейку, оправдывая политику английского правительства тем, что другие империалистические государства «поступали так же» и начали, дескать, эту политику ранее, чем Англия (стр. 138). Это, разумеется, явная неправда. Широко известно, что английские капиталисты первыми приступили к политике насильственного проникновения в Китай.

Также в поисках оправдания английской империалистической политики в Китае и в явном противоречии с фактами автор пытается «доказать», что английское правительство вступило на путь расчленения Китая

лишь тогда, когда другие державы начали политику дележа Китая (стр. 206). И в этом отношении автор не церемонится с исторической истиной: известно, что именно англичане, после португальцев, первыми начали захват территории Китая (Гонконг).

Фальсификации подлинной английской политики в Китае посвящена вся книга Пельковица; этой же неприглядной и неосуществимой цели — попытке оправдать английский империализм — посвящена и созданная автором искусственная, неуклюже сколоченная схема отношений между английским правительством и английскими торговцами в Китае. Но грубая фальсификация, затеянная Пельковицем, не достигает цели: помимо его желания, факты, собранные в его книге, способствуют выяснению приёмов и целей английской колониальной политики в Китае, а заодно разоблачают автора книги как апологета английского империализма, ещё раз демонстрируя маразм американской «исторической науки».

Н. Ерофеев

БИБЛИОГРАФИЯ

КРАТКИЙ СПИСОК ТРУДОВ АКАДЕМИКА Е. В. ТАРЛЕ *

В связи с исполнившимся семидесятипятилетием со дня рождения (8 ноября 1875 г.) и пятидесятилетием научной, педагогической и общественной деятельности Е. В. Тарле редакция, идя навстречу пожеланиям читателей, публикует ниже краткий список его научных работ.

Крестьяне в Венгрии до реформы Иосифа II. — «Русская мысль». 1896. Кн. 7, стр. 18—36; кн. 8, стр. 1—17.

Итальянский скептицизм в эпоху Возрождения. — «Начало». 1899. Янв. — февр., стр. 139—154; апр., стр. 197—220.

Умственная жизнь европейского общества в новое время. Введение в историю европейской мысли XV—XIX вв. «Жизнь». 1900. № 8, стр. 60—79; № 10, стр. 90—113.

Умственная жизнь в Англии от эпохи Возрождения до XIX столетия. — «Мир божий». 1900. № 8, стр. 95—116; № 9, стр. 61—88.

Джулио Ванини. (Из истории европейской культуры). — «Мир божий». 1900. № 5, стр. 1—29.

История Италии в средние века. СПб. Брокгауз-Ефрон. 1901. 6, 197 стр.

История Италии в новое время. СПб. Брокгауз-Ефрон. 1901. 6, 190 стр.; 1 вкл., л. карт.

Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. СПб. «Мир божий». 1901. VI, 225, 127 стр.

* Полная библиография трудов Е. В. Тарле дана в серии «Материалы к биобиблиографии учёных СССР». («Евгений Викторович Тарле». Вступительная статья А. И. Молока. Библиография составлена В. К. Иковым и Н. М. Асафовой. М.-Л. Академия наук СССР. 1949. 68 стр. «Материалы к биобиблиографии учёных СССР». Серия истории, Вып. 3). В отличие от неё настоящий список указывает только важнейшие труды учёного. В публикуемый список включены также труды Е. В. Тарле за 1948—1950 гг., не вошедшие в указанную книгу. Из статей в газетах указываются лишь те, которые напечатаны в центральных органах — «Правде» и «Известиях».

Список составлен работниками Сектора истории Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР.

Магистерская диссертация.

Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX веке. СПб. Вольф. 1903. II, 367 стр.

Лорд Арчибальд Розбери и современное состояние либеральной партии в Англии. — «Мир божий». 1903. № 1, стр. 57—83; № 2, стр. 80—105.

Ирландия от восстания 1798 года до аграрной реформы нынешнего министерства. «Мир божий». 1904. № 1, стр. 1—27; № 2, стр. 235—257; № 3, стр. 203—223; № 5, стр. 170—196; № 7, стр. 129—155; № 8, стр. 94—126; № 9, стр. 222—241. 1905. № 7, стр. 59—84; № 8, стр. 80—93; № 9, стр. 79—99.

История Италии в средние века. Изд. 2. СПб. Брокгауз-Ефрон. 1906. 6, 197 стр.

Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. Ч. 1.— СПб.-М. Вольф. [1906]. 207 стр.

Самодержавие Николая I и французское общественное мнение. — «Былое». 1906. № 9, стр. 12—42; № 10, стр. 138—159.

Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789—1799 гг.). По неизданным документам. СПб. «Общественная польза». 1907. 201 стр. (Записки Историко-филологического факультета Санктпетербургского университета. Ч. 86).

Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Исторические очерки. Ч. 1 (1789—1791). СПб. «Слово». 1909. 317 стр. (Записки Историко-филологического факультета Санктпетербургского университета. Ч. 91). Приложение: Неизданные документы Национального архива.

Была ли екатерининская Россия экономически отсталою страной? «Современный мир». 1910. № 5, стр. 3—29.

Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Ч. 2. СПб. Типография Стасюлевича. 1911. XVI, 581 стр. (Записки Историко-филологического факультета Санктпетербургского университета. Ч. 100).

Экономические отношения Франции и России при Наполеоне I. «Журнал Министерства народного просвещения». Новая серия. 1912. Ч. 42. № 11, стр. 54—93.

Континентальная блокада. I. Исследование по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона. С приложением неизданных документов. М. «Задруга». 1913. VIII, 740 стр.

Печать во Франции при Наполеоне I. «Русское богатство». 1913. № 10, стр. 115—147; № 11, стр. 37—69.

Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции. СПб. Б. и. 1914. 116 стр.

Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I. С приложением неизданных документов. Юрьев. Б. и. 1916. X, 532 стр. (Континентальная блокада, II).

Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции. Воспоминания современников и документы. Изд. 2-е. Пг. Клецов. 1918. 127 стр.

Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции. Изд. 3-е. Пг. Клецов. 1919. 127 стр.

Князь Бисмарк и цареубийство 1 марта 1881 года. По неизданным документам. «Былое». 1919. № 14, стр. 19—29.

Крестьяне и рабочие в эпоху Великой французской революции. Изд. 4-е, испр. Пг. «Полярная звезда». 1922. 151 стр.

Три катастрофы. Вестфальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир. «Анналы». 1922. № 2, стр. 59—94.

То же. Пг.-М. «Петроград». 1923. 60 стр.

Печать во Франции при Наполеоне I. По неизданным материалам. Пг. «Былое». 1922. 56 стр.

Англия и Турция. Исторические корни и развитие конфликта. «Анналы». 1923. № 3, стр. 21—71.

Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814—1919. Пг. «Сеятель». 1924. 232 стр.

Падение абсолютизма в Западной Европе и России. Изд. 2-е, доп. Пг. «Мысль» 1924. 187 стр.

Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814—1919. Изд. 2-е. Л. «Прибой». 1927. 200 стр.

Европа в эпоху империализма. 1871—1919. М.-Л. Госиздат. 1927. 483 стр.

Лионское рабочее восстание. В кн. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 3. М.-Л. 1927, стр. 51—99.

Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. Л. «Книжные новинки». 1927. 96 стр.

Бегство Вильгельма II. (К истории падения монархии в Германии). «Историк-марксист». 1927. № 4, стр. 62—72.

Европа в эпоху империализма. 1871—1919 гг. Изд. 2-е, доп. М.-Л. Госиздат. 1928. 511 стр.

Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. От конца империи до восстания рабочих в Лионе. М.-Л. Госиздат, 1928. VIII. 279 стр.

Очерк новейшей истории Европы. 1814—1919. Изд. 3-е. Л. «Прибой». 1929. 208 стр. Изд. 1 и 2-е вышли под названием «Европа от Венского конгресса до Версальского мира».

Талейран. В кн.: Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. Пер. и примеч. С. и Л. Фейгин. М.-Л. «Academia». 1934, стр. 15—127.

Наполеон. М. Журнально-газетное объединение. 1936. 624 стр. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 4—6.)

Жерминаль и прериналь. М. Соцэкгиз. 1937. 276 стр.

Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение. Июльская монархия, Вторая республика, начало Второй империи. «Литературное наследство». 1937. Кн. 31—32, стр. 563—662.

Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М. Соцэкгиз. 1938. 282 стр. Илл.

Новые показания о мировой империалистической войне. Архив полк. Хауза. Т. 1—2. (Критическая статья). «Историк-марксист». 1938. № 2, стр. 89—105.

Что даёт «Краткий курс истории ВКП(б)» для понимания причин возникновения империалистической войны и истории современной международной политики. Свердловск. Облиздат. 1939. 15 стр.

То же. «Партработник». 1939. № 1, стр. 50—55.

«Восточное пространство» и фашистская геополитика. В кн. Против фашистской фальсификации истории. Сборник статей. М.-Л. 1939, стр. 259—279.

Талейран. М. «Молодая гвардия». 1939. 209 стр. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 1.)

Наполеон. М. Госвоениздат. 1939. 519 стр.

То же. М. Соцэкгиз. 1939. 351 стр.

Нахимов. М. Воениздат. 1940. 138 стр. Илл.

Наполеон. М. Госполитиздат. 1941. 432 стр.

Крымская война. Т. 1. М.-Л. Госвоенмориздат. 1941. 727 стр.

Французская революция и Англия. В кн. Французская буржуазная революция 1789—1794. Под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.-Л. 1941, стр. 231—243. Илл.

Европейские дипломатические отношения при Наполеоне (1799—1814 гг.). В кн. История дипломатии. Т. 1. Под ред. В. П. Потёмкина. М. 1941, стр. 360—376.

Венский конгресс (октябрь 1814 г. — июнь 1815 г.) — Там же, стр. 377—384.

От создания Священного союза до Июльской революции. 1815—1830 гг. (Совместно с А. В. Ефимовым.) Там же, стр. 385—406.

От Июльской революции во Франции до революционных переворотов в Европе 1848 г. (1830—1848 гг.). Там же, стр. 407—425.

От революции 1848 г. до начала Крымской войны (1848—1853 гг.). Там же, стр. 426—437.

Дипломатия в годы Крымской войны и Парижский конгресс (1853—1856). Там же, стр. 438—460.

Наполеон III и Европа. От Парижского мира до начала министерства Бисмарка в Пруссии (1856—1862 гг.). Там же, стр. 470—488.

- Дипломатия Бисмарка в годы войны с Данией и Австрией (1864—1866 гг.).** Там же, стр. 489—503.
- Дипломатическая подготовка Франко-прусской войны (1867—1870).** Там же, стр. 504—517.
- Новая история в работах советских историков.** В кн. Двадцать пять лет исторической науки в СССР. Под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле и А. М. Панкратовой. М.-Л. 1942, стр. 236—248.
- Наполеон.** М. Госполитиздат. 1942. 368 стр.
- О советской историографии.** В кн. Юбилейная сессия Академии наук СССР, посвящённая 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М.-Л. 1943, стр. 150—159.
- То же.** «Вестник Академии наук СССР». 1943. № 1—2, стр. 70—78.
- Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год.** Изд. 2-е, испр. и доп. М. Госполитиздат. 1943. 364 стр.
- Крымская война. Т. 2.** М. Военмориздат. 1943. 648 стр.
- Нахимов.** М. Военмориздат. 1943. 216 стр.
- Крымская война. Т. 1—2.** М.-Л. Академия наук СССР. 1944. Т. 1. 567 стр., т. 2. 506 стр.
- Первый общий штурм Севастополя и русская победа 18 июня 1855 г.** «Исторический журнал». 1944. № 1, стр. 55—63.
- Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг 1769—1774.** М.-Л. Академия наук СССР. 1945. 110 стр.
- О приёмах буржуазной дипломатии.** В кн. История дипломатии. Т. 3. Под ред. В. П. Потёмкина. М.-Л. 1945, стр. 701—764.
- Роль русского военно-морского флота во внешней политике России при Петре I.** «Морской сборник». 1946. № 10, стр. 35—73; № 11—12, стр. 63—102.
- Об изучении внешнеполитических отношений России и деятельности русской дипломатии в XVIII—XX веках.** В кн. Юбилейный сборник, посвящённый тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. М.-Л. Академия наук СССР. 1947, стр. 667—676.
- 250 лет указа Петра I о создании русского флота.** В кн. Общее собрание Академии наук СССР 29 ноября — 4 декабря 1946 года. М.-Л. 1947, стр. 176—204.
- Талейран.** [Изд. 2-е, перераб. и доп.]. М.-Л. Академия наук СССР. 1948. 304 стр. (Научно-популярная серия.)
- Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800 гг.).** М. Воениздат. 1948. 240 стр. (Институт истории Академии наук СССР).
- [Предисловие].** В кн. Гарин Ф. А. Изгнание Наполеона. М. «Московский рабочий». 1948, стр. 5—14.
- Нахимов.** М. Воениздат. 1948. 111 стр. Илл.
- Русский флот и внешняя политика Петра I.** М. Воениздат. 1949. 123 стр.
- Доклад академика Е. В. Тарле «Северная война и шведское нашествие на Россию».** «Вестник Академии наук СССР». 1949. № 7, стр. 61—63.
- Нахимов.** Симферополь. Крымиздат. 1949. 115 стр.
- Английские фальсификации о начале Крымской войны.** «Вопросы истории». 1949. № 3, стр. 119—125.
- О книгах Темперлея и Гендерсона о начальных стадиях дипломатической подготовки Крымской войны.**
- Дневник Милютина как исторический источник.** «Вопросы истории». 1949. № 10, стр. 107—110.
- Некоторые черты сталинской внешней политики Советского Союза.** «Новое время». 1949. № 51, стр. 9—15.
- Вторая мировая война в кривом зеркале.** (По поводу фальсификации истории второй мировой войны англо-американскими историками.) «Большевик». 1949. № 21, стр. 60—70.
- Героическое прошлое народов нашей родины.** «Молодой большевик». 1950. № 18, стр. 18—27.
- Карл XII в 1708—1709 годах.** «Вопросы истории». 1950. № 6, стр. 22—56.

Крымская война. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 1—2. М.-Л. Академия наук СССР. 1950. Т. 1. 567 стр.; Т. 2. 653 стр.

Двадцать второе июня (1941 г.) «Новое время». 1950. № 25, стр. 13—17.

К 9-й годовщине вероломного нападения фашистской Германии на СССР.

Два мира — два итога. «Известия». М. 1950. 1 января.

Народы мира обуздают агрессоров. «Правда». М. 1950. 13 июля.

Место учёного — в рядах борцов за мир. Письмо академикам, профессорам, научным работникам, преподавателям Парижского, Норвежского и Алжирского университетов. «Правда». М. 1950. 27 июля.

РЕЦЕНЗИИ

Кан С. Б. Два восстания силезских ткачей. 1793—1844. М. Академия наук СССР. 1948. 473 стр.

Рецензия. «Вопросы истории». 1949. № 12, стр. 163—164.

Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М. 1948. 768 стр. (Академия наук СССР. Институт истории).

Рецензия. **У истоков империалистической агрессии.** «Литературная газета». 1949. 10 декабря. № 99.

Вронский Б. Борьба прогрессивных и реакционных сил в США. М. Госполитиздат. 1949. 128 стр.

Рецензия. **Уолл-стрит — хозяин США.** «Новый мир». 1949. № 10, стр. 260—262.

Спивак Д. Л. Американский фашизм. Перевод с англ. Д. Куниной. Предисл. Б. Леонтьева. Ред. И. Тихомирова. М. Изд-во иностр. лит-ры. 1949. 72 стр.

Рецензия. **Заокеанские гитлеровцы.** «Новый мир». 1950. № 2, стр. 243—244.

Семёнов Ю. Н. Фашистская геополитика на службе американского империализма. М. Госполитиздат. 1950. 120 стр.

Рецензия. **Американские геополитики.** «Новый мир». 1950. № 3, стр. 230—232.

ХРОНИКА

Научная сессия, посвящённая тридцатилетию советской Армении

С 26 октября по 1 ноября 1950 г. в Ереване состоялась объединённая научная сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР и Отделения общественных наук Академии наук Армянской ССР.

В работах сессии приняли участие учёные Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Баку и Еревана.

Открывая сессию, президент Академии наук Армянской ССР В. А. Амбарцумян отметил, что 29 ноября будет праздноваться тридцатилетие со дня провозглашения советской власти в Армении.

Эти тридцать лет были годами подлинного возрождения армянского народа, который при братской помощи великого русского народа получил полную возможность свободно жить, работать и строить коммунизм, сказал В. А. Амбарцумян. За этот период армянский народ добился замечательных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, культуры и науки. В. А. Амбарцумян подчеркнул, что инициатива Академии наук СССР в организации этой совместной научной сессии красноречиво свидетельствует о большой заботе Академии наук Советского Союза о дальнейшем развитии науки в Армении.

Первый доклад был прочитан доктором исторических наук М. Г. Нерсисяном на тему «Провал планов англо-американских империалистов в Закавказье в 1919—1920 гг. и установление советской власти в Армении».

Докладчик охарактеризовал период господства дашнаков, меньшевиков и муссаватистов в Закавказье как один из мрачных периодов истории армянского, грузинского и азербайджанского народов. Дашнаки, меньшевики и муссаватисты были подлыми холопами империалистов, которые стремились превратить Армению, Грузию и Азербайджан в свои колонии, грабили Закавказье, пытались превратить его в плацдарм для нападения на Советскую Россию.

Однако трудящиеся массы Закавказья тянулись к Советской России. 15 марта 1920 г. Краевой комитет кавказских большевистских организаций и Областной комитет коммунистического союза молодёжи от имени трудящихся Грузии, Азербайджана, Армении и Дагестана обратились к Советской России, к Красной Армии, к вождям трудящихся Ленину и Сталину с просьбой о помощи.

Выполняя свою освободительную миссию, Красная Армия двинулась на помощь наро-

дам Кавказа. Первыми освободились от гнёта контрреволюционного правительства народы Северного Кавказа и Дагестана. 28 апреля 1920 г. в Азербайджане была свергнута навсегда власть предателей народа — муссаватистов — и их англо-американских хозяев. Лишь Грузия и Армения всё ещё находились во власти контрреволюционного правительства и империалистов, но и там планы англо-американских империалистов рушились. Подстрекаемое английскими и американскими империалистами, дашнакское правительство Армении в начале сентября открыло военные действия против Турции, которая, в свою очередь, стремилась к порабощению армянского народа.

Дашнаки, предавшие армянский народ, ввергнувшие его в анархию и нищету, не пользовались поддержкой народных масс и вследствие этого потерпели поражение. Наступавшие турецкие войска устраивали кровавые погромы, зверски истребляли армянское население.

Армянский народ оказался на краю национальной катастрофы. Зверства турецких войск, бегство населения, голод, эпидемии, нищета, массовая смертность — всё это грозило армянскому народу физическим уничтожением. В это тяжёлое время Армении протянули руку братской помощи великий русский народ, героическая Красная Армия, партия Ленина — Сталина. В ноябре трудящиеся массы под руководством большевиков начали восстание против дашнаков. 29 ноября в Армении была провозглашена советская власть. С помощью Красной Армии господство дашнаков было свергнуто и они окончательно были разгромлены.

4 декабря 1920 г. И. В. Сталин писал в «Правде»: «Армения, измученная и много-страдальная, отданная милостью Антанты и дашнаков на голод, разорение и беженство, — эта обманутая всеми «друзьями» Армения ныне обрела своё избавление в том, что объявила себя советской страной. Ни лживые заверения Англии, «вековой защитницы» армянских интересов; ни пресловутые четырнадцать пунктов Вильсона; ни широко-вещательные обещания Лиги наций с её «мандатом» на управление Арменией — не смогли (и не могли!) спасти Армению от резни и физического истребления. Только идея Советской власти принесла Армении мир и возможность национального обновления»¹.

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 413.

С интересом был прослушан насыщенный фактами доклад доктора исторических наук Ц. П. Агаяна «Советская Армения за тридцать лет».

Превращение Армении в советскую страну, сказал докладчик, явилось коренным поворотом в многовековой истории армянского народа. Советская власть открыла перед армянским народом новую эру подлинно свободной жизни, эру национального возрождения и социалистического самосознания, расцвета экономики, подъёма культуры и благосостояния народа.

В письме к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики В. И. Ленин указал на стоящие перед ними задачи и наметил путь к их разрешению. В частности, он обратил внимание на необходимость проведения крупных работ по электрификации и орошению. Выполняя ленинские указания, советская Армения непрестанно расширяет ирригационную систему, проводит новые оросительные каналы, улучшает водоснабжение, усиливает мощность ереванской и строит новые гидроэлектростанции. Докладчик рассказал об успехах армянского народа в развитии промышленности и сельского хозяйства.

Докладчик особо остановился на истории Закавказской федерации советских социалистических республик. ЗСФСР явилась мощным средством установления национального мира в Закавказье, укрепления братского сотрудничества народов Закавказья; она способствовала объединению их усилий в борьбе за построение социализма.

Останаавливаясь на осуществлении сталинских пятилеток в Армении, Ц. П. Агаян указал на то, что первая пятилетка была выполнена досрочно. В конце первой пятилетки продукция промышленности по сравнению с 1927—1928 гг. увеличилась почти в четыре раза. Вторая пятилетка ознаменовалась новым подъёмом пищевой промышленности, ростом цветной металлургии, строительством крупных гидроэлектростанций; была завершена коллективизация сельского хозяйства; с укреплением колхозов поднялась урожайность, появились новые технические культуры, началось внедрение механизации в сельское хозяйство. За годы довоенных сталинских пятилеток Армения из отсталой, аграрной страны превратилась в цветущую индустриальную социалистическую республику. С появлением крупных заводов и фабрик возросла доля промышленной продукции в народном хозяйстве. Докладчик подчеркнул, что стахановское движение в Армении явилось мощным фактором её успешного экономического развития.

Ц. П. Агаян особо отметил активное участие армянского народа в Великой Отечественной войне.

За четыре года послевоенной сталинской пятилетки в Армении было введено в эксплуатацию более 50 новых промышленных предприятий, расширено и реконструировано 27. Валовая продукция промышленности в 1949 г. составила 215 процентов по сравнению с 1940 годом. Сельское хозяйство также имеет большие достижения: расширились

посевные площади, повысилась урожайность; к июлю 1950 г. было электрифицировано 60 процентов колхозов республики.

Огромны достижения советской Армении и в области жилищного строительства. За четыре года послевоенной пятилетки сдано в эксплуатацию свыше 450 тыс. кв. метров жилой площади. 1950 год в этом отношении принёс новые серьёзные успехи. Города и сёла украсились благоустроенными зданиями, монументами и памятниками. Прделана большая работа по озеленению, радиофикации, телефонизации и водоснабжению населённых пунктов, по строительству дорог.

Советская Армения — ныне страна сплошной грамотности. В Армении имеется около 2 тыс. школ, 53 техникума и 17 высших учебных заведений, в том числе три заочных. В 1935 г. в Ереване был создан филиал Академии наук СССР, который в 1943 г. был превращён в Академию наук Армянской ССР. Ныне Академия наук имеет в своём составе 33 научно-исследовательских учреждения.

27 октября сессия заслушала два доклада: чл.-корр. Академии наук СССР Г. В. Хачапуридзе «Победа советской власти в Грузии в феврале 1921 г.» и действительного члена Академии наук Армянской ССР Г. А. Капанцяна «Основы генеалогической классификации языков и критика взглядов Н. Я. Марра на стадиальность языков».

Г. В. Хачапуридзе обрисовал бедственное положение Грузии в период нахождения у власти меньшевиков. Они довели Грузию до состояния полной разрухи, анархии и упадка во всех областях экономики и культуры; они превратили Грузию в гнездо контрреволюции и в колонию империализма. Трудящиеся массы Грузии и национальные меньшинства, против которых грузинские меньшевики проводили шовинистическую политику, питали жгучую ненависть к ним.

Г. В. Хачапуридзе показал, какую гнусную роль играли в этот период заправилы II Интернационала во главе с К. Каутским, всячески поддерживавшие грузинских меньшевиков.

После того как в Азербайджане и в Армении установилась советская власть, влияние большевиков среди трудящихся масс Грузии возросло, стало господствующим.

30 ноября 1920 г. «Правда» опубликовала беседу своего сотрудника с товарищем Сталиным о положении на Кавказе. И. В. Сталин, который только что вернулся с юга, сказал о Грузии следующее: «Катастрофическое хозяйственное и продовольственное положение Грузии — факт, констатируемый даже заправилami нынешней Грузии. Грузия, запутавшаяся в тенетах Антанты и ввиду этого лишившаяся как бакинской нефти, так и кубанского хлеба, Грузия, превратившаяся в основную базу империалистических операций Англии и Франции и потому вступившая во враждебные отношения с Советской Россией, — эта Грузия доживает ныне последние дни своей жизни. Недаром разлагающийся вождь умирающего II Интернационала г. Каутский, вышибленный волной революции из Европы,

нашёл приют в затхлой, запутавшейся в сетях Антанты Грузии, у обанкротившихся грузинских социал-духанщиков. Едва ли можно сомневаться в том, что в трудную минуту Грузия будет так же покинута Антантой, как и Армения»². Оценка положения в Грузии, данная товарищем Сталиным, подтвердилась на деле.

Коммунистическая партия Грузии использовала в своей работе все легальные и нелегальные возможности, несмотря на расстрелы и преследования со стороны меньшевиков и империалистов. Большевики готовили массы к вооружённому восстанию. Учитывая благоприятную внутреннюю и внешнюю обстановку, отсутствие у меньшевиков какой-либо серьёзной опоры в трудящихся массах, рост влияния большевиков, победы Красной Армии, установление советской власти на Северном Кавказе, в Дагестане, Азербайджане и Армении, Кавказское бюро ЦК РКП(б) во главе с Г. К. Орджоникидзе в январе 1921 г. дало директиву ЦК коммунистической партии Грузии о проведении вооружённого восстания.

Вооружённое восстание началось 11 февраля 1921 г. в Лорийском районе, Борчалинского уезда. Вскоре оно распространилось на другие уезды Грузии, на Мингрелию, Аджарию, южную Осетию. 16 февраля для руководства восстанием и организации советской власти на местах в селении Шулаверы (ныне город Шаумян) образовался Революционный комитет Грузии. Ревком от имени рабочих и крестьян обратился за помощью к председателю Совета народных комиссаров РСФСР В. И. Ленину. На помощь восставшим рабочим и крестьянам Грузии поспешила XI Красная Армия, руководимая Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым. 25 февраля вооружённые отряды трудящихся и Красная Армия вступили в Тифлис. В тот же день Г. К. Орджоникидзе телеграфировал В. И. Ленину и И. В. Сталину: «Над Тифлисом реет Красное Знамя советской власти. Да здравствует Советская Грузия!»³.

28 октября состоялись доклады акад. И. А. Орбели «Дворцовые здания Армении X века» и чл.-корр. Академии наук Армянской ССР Б. Б. Пиотровского «Город Тейшебаини».

Доклад лауреата Сталинской премии Б. Б. Пиотровского, автора недавно вышедшей в свет книги «Кармир-блур»⁴, был посвящён результатам раскопок на холме Кармир-блур (примерно в 7 километрах к юго-западу от Еревана, на левом берегу р. Занги). В 1936 г. на этом холме был найден обломок камня с клинописной надписью урартского царя Русы, сына Аргишти.

В 1939 г. на холме Кармир-блур были начаты раскопки, которые ныне продол-

жаются совместной археологической экспедицией Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа. Раскопки дали богатый и весьма ценный материал, характеризующий культуру древневосточного рабовладельческого общества, государства Урарту и современного ему Закавказья.

Крепость и город Тейшебаини на холме Кармир-блур и местность, прилегающая к нему, получили своё наименование от имени бога войны, грома и бури Тейшебы. Тейшебаини в VII в. до н. э. был крупным урартским административным центром в Закавказье. В своё время он заменил другой, более древний центр, крепость Аргиштихинили, построенную в 770 г. до н. э. на северном берегу реки Аракс, на Армавирском холме. В Тейшебаини поступала собранная в Закавказье дань. Это был зажиточный город древневосточного рабовладельческого общества, центр ремесла, изготовления вина, масла и прочего, но вместе с тем он ещё не являлся торговым центром.

Раскопки дали много материалов, свидетельствующих о том, что урартский центр имел связи с другими странами древнего Востока (Месопотамия, Сирия, Египет, Индия), особенно с Ассирией, а также со скифами Кавказа и даже северного Причерноморья.

Город Тейшебаини был разрушен скифами в начале VI в. до н. э. С разрушением Тейшебаини закончился целый этап развития общества, период, когда значительная часть Армении входила в состав древневосточного военно-рабовладельческого государства Урарту, Ванского царства (Биайна).

Б. Б. Пиотровский указывает, что в процессе распада этого большого государства Передней Азии на основе слияния народов мелких стран, входивших в состав Урарту, возникли современные народы Закавказья: армяне и грузины, которые в последние века до н. э. создали свои государства.

Раскопки Тейшебаини далеки от окончания. Ещё будет получен новый ценнейший материал, который прольёт свет на многие страницы древней истории Армении. Но больше всего, сказал докладчик, он стремится найти архив крепости Тейшебаини; четыре обломка с клинописью уже найдены, можно надеяться, что будет найден и весь архив. Тогда общественный строй далёкого прошлого предстанет перед нами более ясно.

Утром 30 октября сессия заслушала доклады акад. Я. А. Манандяна о греческой надписи на камне, обнаруженном в 1945 г. в Гарни, и чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер «Задачи изучения памятников Армении первых трёх веков нашей эры».

К. В. Тревер указала, что история культуры и искусства Армении всё больше привлекает внимание общественности и учёных. Раскопки, которые в настоящее время ведутся в Гарни Институтом истории Академии наук Армянской ССР, дают ценный материал для изучения истории Армении первых трёх веков н. э. К. В. Тревер подчеркнула необходимость издания всех дошедших до нас источников, относящихся к I—III векам н. э.

По обоим докладом развернулись прения. Вице-президент Академии наук Грузинской

² И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 410—411.

³ Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи, 1911—1937, стр. 98. Госполитиздат. 1939.

⁴ Б. Пиотровский. Кармир-блур. I. Результаты работ археологической экспедиции Института истории АН АрмССР и Государственного Эрмитажа 1939—1949 гг. Изд. АН АрмССР. Ереван. 1950.

СССР А. Г. Шанидзе поставил вопрос о необходимости координации археологических работ в Закавказье и объединения усилий историков и археологов в разработке ряда проблем и в изучении результатов раскопок.

Выступившие в прениях начальник археологических работ в Гарни Б. Н. Араелян и директор Государственного Эрмитажа акад. И. А. Орбели критиковали выводы Я. А. Манандяна, приглашая его приехать в Гарни, чтобы на месте ознакомиться с камнем, на котором высечена греческая надпись, и уже тогда строить свои научные выводы.

Вечернее заседание сессии состоялось в актовом зале Ереванского государственного университета им. В. М. Молотова. На вечернем заседании сессии были заслушаны доклады чл.-корр. Академии наук СССР Е. М. Жукова «Современный этап американской агрессии в Азии» и учёного секретаря Отделения истории и философии АН СССР кандидата исторических наук М. В. Попова «Агрессия США в Иране в 1941—1944 годах».

31 октября с докладом «Задачи советского византиноведения» выступил акад. Е. А. Косминский. Докладчик указал, что советская историческая наука придаёт важнейшее значение изучению новой и особенно новейшей истории. Однако ещё большее значение советская историческая наука придаёт актуальности изучаемой проблемы. Основным признаком актуальности, сказал докладчик, является значение того или иного труда для развития марксистско-ленинского понимания исторического процесса. Мы называем актуальными те труды (независимо от того, к какому хронологическому периоду истории человечества они относятся), которые содействуют этому пониманию, и неактуальными — те, которые этому не содействуют. Самая специальная работа, указал докладчик, посвящённая узкому вопросу, может быть актуальной, если этот вопрос ставится не как самоцель, если уяснение его связано с основными задачами истории как науки, если он разработан на основе метода исторического материализма, марксистско-ленинской теории.

Изучение истории Византии на основе марксистско-ленинской методологии является одной из актуальных задач советской исторической науки. История Византии тесно связана с историей многих народов нашей Родины, а также западных и южных славян.

Докладчик указал на то, что и в прошлом и в настоящем история Византии подвергается фальсификации со стороны буржуазной науки. В последнее время на попроще фальсификации истории Византии усиленно подвизаются учёные США и их сателлитов. Борьба с буржуазной псевдонаукой, в том числе и с буржуазным византиноведением, является одной из актуальнейших задач советских историков.

Охарактеризовав работу советских византиноведов, докладчик остановился на основных проблемах, поставленных советским византиноведением. К числу их относятся вопросы о периодизации истории Византии,

о переходе от рабовладельческого общества античности к феодальному обществу средних веков, о роли славянской колонизации в истории Византии, об особенностях византийского феодализма, о народных движениях и восстаниях в Византии, о причинах падения Византии.

Докладчик указал на достижения советских византиноведов и отметил ошибки, которые должны быть исправлены.

Далее докладчик перечислил основные задачи советского византиноведения в области научно-исследовательской и научно-организационной. Среди них изучение истории трудящихся масс Византии, особенно крестьянства, изучение истории византийского города должно занять виднейшее место. Статьи И. В. Сталина по вопросам языкознания ставят перед учёными малоизученный ими вопрос об истории народностей, входивших в состав Византийской империи. Крайне необходимо издать источники по истории Византии.

В заключение Е. А. Косминский подчеркнул особо важное значение истории Византии для армянского народа, так как ни один народ нашей Родины не был так тесно связан в своём прошлом с Византией, как армянский народ. Нигде в Советском Союзе не имеется такого богатого собрания источников и материалов по истории Византии и армяно-византийским отношениям, как в ереванском государственном хранилище рукописей — Матенадаране. Вот почему Армения имеет все основания стать одним из главных центров советского византиноведения.

После акад. Е. А. Косминского выступил с докладом «Периодизация истории Армении эпохи феодализма» старший научный сотрудник Института истории Академии наук Армянской ССР С. Т. Еремян.

Докладчик устанавливает три основных периода в истории развития феодализма в Армении.

Первый период — становление феодального общества и раннефеодальных отношений (I—VIII вв.) — включает в себе образование нахарарского общества, нахарарскую систему хозяйства и политической власти и время упадка нахарарской системы (эпоха арабского господства).

Второй период — армянское средневековье (IX—XIII вв.). Этот период охватывает время народно-освободительного движения против арабского владычества, политическую систему ширакских Багратидов, время кризиса армянского феодализма (эпоха господства турок-сельджуков), время возрождения и дальнейшего развития армянского феодализма. В этот период завершается окончательная победа феодализма, устанавливаются зрелые формы феодальных отношений, феодальный город развивается и вовлекается в мировую торговлю.

Третий период — период длительного и систематического разрушения и гибели армянского феодализма (со второй половины XIII в. до семидесятых годов XIX в.) — включает время разрушения зрелого средневекового общества Армении (эпоха монголо-татарского ига); время завершения

феодализма внутри племён-завоевателей, господства полупатриархальных, полуфеодальных отношений; время политического господства османской Турции и сефевидского Ирана в Армении; время экономического, политического и культурного упадка Армении под властью Турции и Персии; время разложения феодальных отношений и образование капиталистического общества (последнее относится лишь к территории нынешней советской Армении).

1 ноября на седьмом, заключительном заседании были заслушаны доклады чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарева «Проблема Ренессанса» и доктора философских наук В. К. Чалояна «Проблема Ренессанса в Армении».

В. Н. Лазарев указал на то, что, пожалуй, нигде так наглядно не проявляется упадок современной буржуазной науки, как в трактовке итальянского Возрождения. Докладчик подверг развёрнутой критике многочисленные попытки буржуазных исследователей поднять на щит схоластику, католицизм, позднюю готику и умалить за их счёт науку Ренессанса, его религиозный индифферентизм, скепсис и реализм.

В. Н. Лазарев показал, как в трудах буржуазных историков эпохи империализма проводится мысль о строгой неразрывности исторического развития, которое не знает никаких революционных скачков, никаких резких отклонений от «добрых старых традиций». В результате такого подхода Ренессанс под пером буржуазных фальсификаторов утрачивает всё то новое и передовое, что он дал и благодаря чему Энгельс называл его «великим прогрессивным переворотом», временем «исчезновения призраков средневековья» и ниспровержения «духовной диктатуры церкви».

В. К. Чалоян в своём докладе пришёл к выводу, что Запад стал преемником Востока. Он сказал, что источники культуры Запада мы находим у Востока. То, что сделал Восток, являлось необходимым началом для Запада. Следовательно, по мнению докладчика, Возрождение на Западе есть продолжение Возрождения на Востоке на новом, высшем этапе. В. К. Чалоян эпоху так называемого «возрождения» философии, литературы и искусства в Армении относит к тому времени, когда в недрах её общества совершался процесс становления раннего буржуазного общества, т. е. к периоду X—XIII веков.

В прениях по докладам В. Н. Лазарева и В. К. Чалояна приняли участие литературовед А. Каринян, кандидат исторических наук Б. Аракелян.

Закрывая сессию, акад. Косминский подвёл итоги её работы. «Наша сессия, — сказал он, — была блестящей демонстрацией дружеской связи между учёными республик Советского Союза. Пусть эта дружба и дальше укрепляется и растёт, пусть крепнет сотрудничество советских учёных. В этом сотрудничестве мы видим выражение той великой дружбы народов, которая составляет силу Советского Союза и гарантию его непобедимости. Эта дружба не

ограничивается рамками нашего Союза, она соединяет нас со всем прогрессивным человечеством. Наша наука — прогрессивная наука, в противоположность реакционной науке современной буржуазии, особенно американской науке, состоящей на службе у магнатов Уолл-стрита. На нас, на нашу науку, на нашу страну с надеждой смотрит всё прогрессивное человечество. В нашей стране видят светоч и знаменосца мира и мирного культурного развития. Мы твёрдо верим, что мир восторжествует над злобными происками акул империализма, стремящихся разжечь новую войну. Силы мира восторжествуют над силами войны, и мы можем быть горды, что своей скромной работой укрепляем дело содружества наций, дело мира».

За время пребывания в Армении участники сессии посетили ряд научных учреждений и места археологических раскопок. Перед ними гостеприимно раскрыло двери государственное хранилище рукописей Матенадаран. Директор Матенадарана тов. Абов сделал краткое сообщение о его бесценных богатствах. Во всём мире насчитывается около 23—25 тыс. армянских рукописей, из них около 13 тыс. находится в Советском Союзе и большинство хранится в Матенадаране. Рукописи Матенадарана относятся ко всем столетиям н. э., начиная с V и кончая XIX веком. Среди рукописей имеется древнейшая арифметика А. Ширикаци (VII в. н. э.), переписанная в X в. на бумаге. Рукописи ценны не только своим содержанием, но и тем, что многие из них представляют собой выдающиеся шедевры армянского живописного искусства: художественные миниатюры, многоцветные с золотом заставки, полевые обрамления текста, концовки, а также инициалы и заголовки. Многие рукописи поражают чистотой и сохранностью цвета красок и золота, словно они существуют не века, а только что вышли из-под руки мастера-живописца.

В настоящее время готовится к выпуску в свет художественный альбом многокрасочных древних армянских книжных миниатюр и орнаментов.

В Матенадаране имеется значительное количество рукописей, написанных на пергаменте, а также и на других, кроме бумаги, материалах (пальмовые листья). Имеется пергаментная книга, на которую, как предполагают специалисты, потребовалось около 700 бараньих шкур.

Рукописи Матенадарана написаны на армянском, древнегрузинском, греческом, латинском, ассирийском, славянском, абиссинском, еврейском, персидском и других языках.

К сожалению, большинство рукописей историками, философами, литературоведами, юристами и другими учёными специалистами не изучено и не исчерпано. Между тем рукописи представляют богатейший и уникальный источник для всестороннего изучения прошлого не только Армении, но и народов Закавказья, Ирана, Месопотамии, Малой Азии и других. Настоятельно необходимо приступить к научному изданию на

русском языке важнейших рукописей, хранящихся в Матенадаране.

Правительство Армянской ССР приступило к строительству специального здания для Матенадарана. Оно будет расположено у подножья высоты, на которой сооружён величественный в армянском национальном стиле монумент, увенчанный скульптурной фигурой великого вождя народов знаменосца мира И. В. Сталина. Монумент сооружён в честь победы народов Советского Союза в Великой Отечественной войне. Внутри монумента будет расположен музей. От здания Матенадарана к монументу предполагается построить лестницу в шестьсот ступеней, украшенную скульптурами.

При посещении Исторического музея Академии наук Армянской ССР участникам сессии давали объяснения акад. И. А. Орбели, лауреат Сталинской премии Б. Б. Пиотровский и директор музея К. Г. Кафадарян. Участники сессии ознакомились с экспонатами, добытыми археологами в Ани, Двине, Гарни, на Кармир-блуре и в других местах. Ереванский исторический музей обладает выдающимися коллекциями, свидетельствующими о богатом историческом прошлом Армении, её древней и высокой культуре. Об этом ярко свидетельствуют также многочисленные материальные памятники, разбросанные по всей Армении (крепости, храмы, остатки городов, каналы, кладбища и т. п.).

Почти повсюду на армянской земле археолог может обнаружить следы древней жизни и материальные памятники, говорящие о культуре глубокой древности и средневековья.

Участники сессии ознакомились на месте с раскопками на Кармир-блуре, в Двине и в Гарни, а также с развалинами знаменитого храма в Звартноце (воздвигнут в 641—661 гг. н. э.) и с сохранившимся самым замечательным зданием центрально-купольного типа — храмом Рипсимэ, воздвигнутым в Вагаршапате в 618 году⁵.

В Двине, который некогда был столицей Марзпанской Армении и одним из крупных центров ремесленного производства и транзитной торговли между Персией и Визан-

тией, раскопан храм-базилика (V в. н. э.) и дворец католикоса с просторным залом (V—VI вв.). С обеих сторон к этому залу примыкало по пяти комнат. Внутри дворец имел двойной ряд колонн, увенчанных массивными капителями с резным орнаментом. Здесь же, в Двине, производится раскопка крепости. На месте раскопок в Двине (как и в Звартноце) создан небольшой филиал Исторического музея Академии наук Армянской ССР.

В 1950 г. большие археологические работы развернулись в Гарни⁶, где находятся развалины знаменитого языческого храма (115—117 гг. н. э.)⁷ и крепости, время возникновения которой неизвестно, но, возможно, не ранее начала II в. до н. э. Крепость Гарни восстановил парфянин Трдат I (I в. н. э.), основатель династии армянских Аршакидов. Гарнийский храм, находящийся на территории крепости, — великолепный памятник армянской античности. Позже, с принятием христианства, рядом с языческим на той же скале был построен христианский храм (VI—VII в. н. э.).

Раскопки в Гарни проводятся в широком масштабе и дают плодотворные результаты.

В промежутках между заседаниями сессии были проведены также частные научно-организационные заседания армянских историков и приезжих гостей. На этих заседаниях обсуждались вопросы востоковедения, византиноведения, исторической науки, о научном издании литературных памятников, хранящихся в Матенадаране, об издании научных и научно-популярных работ по истории Армении, о помощи журналу «Вопросы истории», об участии в нём армянских историков и об освещении на его страницах научной работы историков и исторических учреждений Армении.

Объединённая научная сессия, посвящённая тридцатилетию советской Армении, была хорошо организована и, несомненно, дала плодотворные результаты.

Б. К.

⁵ О памятниках армянской архитектуры см. Н. Бунятов, Ю. Яралов — Архитектура Армении, Госуд. Издат. Архитектуры и Градостроительства. М. 1950.

⁶ См. Б. Аракелян. Раскопки крепости Гарни. «Вестник Академии наук СССР», № 10, стр. 74—76. 1950.

⁷ См. К. Тревер. К вопросу об античном храме в Гарни (Армения). «Советская археология», XI, стр. 285. Изд. АН СССР. 1949.

Научная работа исторических кафедр Ставропольского педагогического института в 1949—1950 учебном году

За последние годы в Ставропольском педагогическом институте значительно ожилилась научная и методическая работа преподавателей исторических дисциплин, особенно на кафедре истории СССР. Научную работу вели все члены кафедры. Л. К. Кимберг работала над докторской диссертацией по истории Туркмени, исследуя развитие капиталистических отношений в конце XIX и начале XX века. В 1948—1949 учебном году проф. В. А. Романовский защитил докторскую диссертацию на тему «Очерки по истории государственного хозяйства Украины в XVII веке». Диссертация представляет собой обширную монографию, для написания которой автор использовал архивы Киева, Харькова, Москвы, Ленинграда, Чернигова и других городов. В настоящее время проф. В. А. Романовский изучает историю заселения Ставрополья и Северного Кавказа со времени присоединения этих территорий к России.

Доцент И. Т. Козлов продолжал работу над диссертацией на тему «Кризис царской монархии в 1914—1917 годах».

Особенно отрядным явлением была интенсивная работа молодых преподавателей над кандидатскими диссертациями по местным архивным материалам на кафедре истории СССР. Старший преподаватель П. А. Шацкий работает над темой «Развитие капиталистических отношений в Ставрополье после крестьянской реформы 1861 года». Преподаватель Т. И. Беликов пишет диссертацию на тему «Большевики Ставрополья в борьбе за восстановление сельского хозяйства в 1921—1925 годах». Преподаватель Н. И. Иванько избрал темой своей диссертации историю гражданской войны на Ставрополье. Хотя эта тема служила предметом довольно большого числа исследований, однако до сих пор она далеко не исчерпана. Молодой исследователь начал свою работу над диссертацией с написания биографии героя гражданской войны на Ставрополье Трунова, руководителя партизанских отрядов, одного из сподвижников маршала Советского Союза С. М. Будённого. Работа принята к печати Ставропольским краевым издательством и скоро выйдет в свет.

Была проведена научная конференция, посвящённая 70-летию корифея мировой

науки и вождя трудящихся всех стран И. В. Сталина. С докладами на ней выступили преподаватели института и студенты. Большой интерес слушателей вызвали доклады доцентов И. Т. Козлова, Л. К. Кимберг, проф. В. А. Романовского и преподавателя Н. М. Смирнова, а также студентов Г. И. Чанова, Л. Н. Проценко и др., которые своими выступлениями нарисовали яркую картину научной деятельности И. В. Сталина, осветили руководящую роль его в разработке исторической науки.

Кафедра истории СССР провела также научную конференцию, посвящённую 80-й годовщине со дня рождения основателя большевистской партии и советского государства В. И. Ленина. На этой конференции были прочитаны доклады, которые в своём большинстве отражали результаты проведённой исследовательской работы. Так, доц. Т. М. Минаева сообщила весьма интересные данные о результатах проведённых ею археологических раскопок в верховьях реки Кубани, ознакомив слушателей с находками, которые рисуют быт аланов.

Темой сообщения, сделанного кандидатом исторических наук С. А. Трайниным, явился один из этапов истории комсомола. Старший преподаватель И. Я. Чанов (кафедра политической экономии) прочёл реферат на тему «Учение В. И. Ленина о национальном доходе». Проф. В. А. Романовский сделал сообщение на тему «К истории крестьян на Украине в XVII веке».

Возглавляющий кафедру всеобщей истории доц. В. М. Векслер работает над докторской диссертацией по истории гуситских войн. Старший преподаватель И. Н. Волвенкин избрал для своей кандидатской диссертации тему: «Политическая деятельность Марка Тулия Цицерона».

Следует отметить также серьёзное отношение студентов к своим курсовым работам. В некоторых курсовых работах, как, например, в работе студентки Пучинской «Суворов на Северном Кавказе», используется местный архивный материал.

В. Романовский

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЗА 1950 ГОД

- И. СТАЛИН — Относительно марксизма в языкознании . . . . . № 7
 И. СТАЛИН — К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой . . . . . № 7
 И. СТАЛИН — Ответ товарищам . . . . . № 8
 33-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. (Доклад Н. А. Булганина на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1950 г.) . . . . . № 11

ПЕРЕДОВЫЕ

- Великое содружество В. И. Ленина и И. В. Сталина . . . . . № 1
 Новый вклад в сокровищницу марксизма . . . . . № 8
 О задачах изучения истории сталинской внешней политики Советского Союза . . . . . № 4
 Пять лет победы над фашистской Германией . . . . . № 5
 Очередные задачи историков-востоковедов . . . . . № 12

СТАТЬИ

История СССР

- Барышев Т. — Борьба московских большевиков за массы в годы столыпинской реакции . . . . . № 8
 Бор-Рамепский Е. и Сидоров П. — Великая битва под Москвой в 1941 году . . . . . № 12
 Бедерников И. — Создание и укрепление органов государственного контроля в 1918—1919 годах . . . . . № 6
 Волк С. — Исторические взгляды декабристов . . . . . № 12
 Гулыга А. — Начальный период антисоветской интервенции США (1917—1918 гг.) . . . . . № 3
 Даниялов А. — Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля . . . . . № 9
 Игнатович И. — Крестьянские волнения первой четверти XIX века . . . . . № 9
 Калашкин А. — Революционная деятельность М. В. Фрунзе в годы первой русской революции . . . . . № 9
 Калинин Н. — Советско-финская война и предательская политика английских лейбористов . . . . . № 3
 Костомаров Г. — Владимир Ильич Ленин и московская организация большевиков . . . . . № 4
 Манфред А. — Русско-французские отношения после Франкфуртского мира (1871—1872 гг.) . . . . . № 6
 Миханкова В. — Вопросы истории культуры Армении и Грузии в работах Н. Я. Марра . . . . . № 2

- Непесов Г. — Возникновение и развитие Туркменской Советской Социалистической Республики . . . . . № 2
 Самсонов А. — Великое Сталинградское сражение . . . . . № 5
 Смирнов Н. — Шейх Мансур и его турецкие вдохновители . . . . . № 10
 Хачапуридзе Г. — Дворянское движение в Грузии в 30-х годах XIX столетия . . . . . № 7
 Хвостов В. — Сталинская внешняя политика — политика мира . . . . . № 1
 Цамерян И. — Великая эпоха формирования и развития социалистических наций в СССР . . . . . № 11

Всеобщая история

- Годунов Н. — Французский народ в борьбе за освобождение Парижа (август 1944 г.) . . . . . № 8
 Гонимонский С. — Как американские империалисты захватили Панаму . . . . . № 9
 Гордон Л. — Социально-экономический и общественный строй афганских племён Индии во второй половине XIX века . . . . . № 3
 Кадомский И. — Формирование англо-американского блока после капитуляции Франции (май — декабрь 1940 года) . . . . . № 1
 Калинин Н. — Мюнхенский сговор и предательская роль английских лейбористов . . . . . № 10
 Лапин Н. — Англо-американские фальсификаторы истории второй мировой войны . . . . . № 5
 Нарочницкий А. — К вопросу о японской агрессии в Корее и причинах японо-китайской войны 1894—1895 гг. . . . . № 5
 Недорезов А. — Земельная реформа в народно-демократической Чехословакии (1945—1948 гг.) . . . . . № 11
 Некрич А. — Двойная игра правительства Чемберлена и её провал . . . . . № 2
 Никифоров В. — Клика Чан Кайши и политика «дальневосточного Мюнхена» в 1938—1941 годах . . . . . № 7
 Пигулевская Н. — К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке . . . . . № 4
 Тарле Е. — Карл XII в 1708—1709 годах . . . . . № 6
 Третьяков П. — Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании . . . . . № 10
 Ульбрихт В. — Разгром Германии в первой мировой войне и ноябрьская революция . . . . . № 12

Дискуссии и обсуждения

- Баканов П.—О принципе периодизации и начальном периоде истории СССР капиталистической эпохи № 2
- Борисов А.—К вопросу о формировании капиталистического уклада в промышленности № 3
- Гудошников М.—Замечания на статью проф. Н. М. Дружинина «О периодизации истории капиталистических отношений в России» № 1
- Довженко В. и Брайчевский М.—О времени сложения феодализма в древней Руси № 8
- Зимин А.—Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода № 3
- Иванов П.—К вопросу о «просвещённом абсолютизме» в России 60-х годов XVIII века № 5
- Колесницкий Н.—К вопросу о периодизации истории феодального государства № 7
- Мавродин В.—Основные этапы этнического развития русского народа № 4
- Миллер И.—К вопросу о принципах построения периодизации истории СССР № 11
- Мирошниченко П.—По поводу статьи К. В. Базилевича «Опыт периодизации истории СССР феодального периода» № 2
- Мосберг Г. и Вассар А.—Основные вопросы периодизации истории Эстонской ССР № 10
- Предтеченский А.—Вопросы периодизации истории СССР № 12
- Прспект учебника по истории СССР (история советского общества) № 7
- Пьянков А.—О периодизации истории феодальных отношений в России № 5
- Смирнов И.—Общие вопросы периодизации истории СССР № 12
- Юшков С.—К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века № 1
- Яковлев Б.—Возникновение и этапы развития капиталистического уклада в России № 9
- Якубовская С.—К вопросу о периодизации истории СССР № 6

Документы

- Адамов Е., Кутаков Л.—Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн № 11

СООБЩЕНИЯ

История СССР

- Александров В.—К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян № 10
- Башарин Г.—Общественный строй якутов начала XVII в. № 4
- Красинский Г.—О «путешествиях» Оливера Брюнеля на реку Обь (об одном историческом мифе) № 2

- Монгайт А. и Фёдоров Г.—Вопросы истории Великого Новгорода № 9
- Рефердер Е.—Социалистическое соревнование на Украине в годы первой сталинской пятилетки № 8
- Снытко Т.—Неопубликованные материалы по истории декабристского движения № 12
- Хасанов А.—О присоединении северных киргизов к России № 7
- Чебаевский Ф.—Движение нижегородского крестьянства во время подготовки и проведения реформы 1861 года № 11

Всеобщая история

- Альперович М.—Империалистическая политика США в Мексике в 1913—1914 гг. № 5
- Айнберг-Загряцкова С.—«Красная афиша». К предистории Парижской Коммуны № 4
- Бондаревский Г.—Национально-освободительная борьба народов Малайи после второй мировой войны № 4
- Граус Франтишек — Ранняя стадия развития феодализма в Чехии № 6
- Иноземцев Н.—К вопросу о связях между финансовой олигархией США и германскими монополиями (1924—1929 гг.) № 1
- Карасик А.—Древнейшая Болгарская летопись № 5
- Карась М.—Материалы Архива толедских мосарабов от XII—XIII веков № 10
- Корсунский А.—Рапалльский договор и немецкая социал-демократия № 8
- Турок В.—Захватнические планы американского империализма в странах Юго-Восточной Европы в 1919 году № 11
- Удальцов И.—Чехословацкая историческая наука на новых путях (о конференции чехословацких историков-марксистов) № 1
- Удальцов И.—К характеристике политической деятельности Франтишка Палацкого № 10
- Усвятцов А.—Всеобщая стачка во Франции в 1947 г. № 3
- Цитович Я.—О роли США в спасении империалистической Германии от полного разгрома в 1918 году № 12

Критические статьи

- Акопян Г.—Объективистские ошибки в трудах А. Ф. Миллера по истории Турции № 2
- Алпатов М.—Современная реакционная историография — орудие американских поджигателей войны № 9
- Валев Л.—Книги о национально-освободительном движении в Болгарии в период второй мировой войны № 12

- Г у т н о в а Е.—Зеркало американской буржуазной медиевистики . . . № 8
- К а н С.—Столетний юбилей революции 1848 г. в немецкой исторической литературе . . . № 11
- К у т а к о в Л.—Новая американская фальсификация истории . . . № 7
- Л а п и н Н.—Американские фальсификаторы военной истории США № 4
- М и з и а н о К.—Годовщина революции 1848—1849 гг. в Италии и основные течения её новейшей историографии . . . № 5
- Н а й д а С.—Попытка реставрации дворянско-буржуазных взглядов в работах по военно-морской истории № 1
- П а ш у т о В.—За марксистско-ленинскую историю литературы . . . № 3
- С е л е з н ё в К.—Освещение вопросов истории Австрии теоретическим органом коммунистической партии Австрии . . . № 4
- Ч е р н я к Е.—Американские католические мракобесы в роли историков № 3
- Ш т е й н Б.—Американская поддержка «правительства» Виши . . . № 6
- М а к с а к о в В.—М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. III . . . № 1
- М и л л е р И.—Крестьянское движение на Буковине в 40-х годах XIX в. (Сборник документов) . . . № 8
- М о н г а й т А.—Материалы и исследования по археологии Москвы, т. II . . . № 5
- М у х а м е д њ я р о в Ш.—Материалы по истории Татарии, вып. I . . . № 4
- П а ж и т н о в К.—М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия . . . № 11
- П а н к р а т о в а А.—Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. . . . № 8
- П а ш у т о В.—М. Д. Приселков. Троицкая летопись . . . . № 11
- П о г р е б и н с к и й А.—Ф. А. Романов. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции № 5
- Р о ж к о в а М.—И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века . . . № 6
- С а в о с њ к о В.—«Известия Академии наук Казахской ССР» . . . № 11
- С а ф а р г а л и е в М.—Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и её падение . . . . . № 9
- С в и р с к а я В.—В. А. Перевалов. Ломоносов и Арктика . . . . № 10
- С л а д к е в и ч Н.—История СССР, т. II. Россия в XIX веке . . . . № 7
- С м и р н о в К.—Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи . . . № 6
- С н е г и р ё в М.—Проф. И. А. Конюков. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия, 1917—1925 гг. . . . . № 12
- С т а р о с е л ь с к а я Н и к и т и н а О.—П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века . . . . . № 1
- С т е п а н о в Н.—История Якутии, т. I . . . . . № 5
- Т о к а р е в С.—Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Части I и II . . . № 6
- У с т ю г о в Н.—Таможенные книги Московского государства XVII века, т. I . . . . . № 8
- Ф а д д е е в Е., Р ы б а к о в М.—Г. Глезерман. Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР . . . № 11
- Ф о р т у н а т о в П.—А. И. Сорокин. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904—1905 гг. . . . № 1
- Ч е р е п н и н Л.—Проф. С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства . . . . . № 4
- Ч е р е п н и н Л.—Полное собрание русских летописей, т. 25 . . . . . № 9
- Ш е л о в Д.—Б. В. Лунин. Очерки

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

- Б а з и л е в и ч К.—А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века . . . . . № 1
- Б е с к р о в н ы й Л.—А. В. Суворов. Полковое учреждение . . . . . № 2
- Б о г д а н о в В.—Генералиссимус Александр Васильевич Суворов . . . № 5
- В я л и к о в В.—Украинский народ в отечественной войне 1812 года (Сборник документов) . . . . . № 4
- В я л и к о в В.—Багратион в Дунайских княжествах. (Сборник документов) . . . . . № 10
- В я л и к о в В.—Кутузов в Дунайских княжествах. (Сборник документов) . . . . . № 12
- З и м и н А.—П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины . . . . . № 12
- З и м и н А.—«Исторический архив», т. IV, изд. АН СССР . . . . . № 2
- И о ф ф е А., П о л я к о в Ю.—И. С. Смирнов. Из истории строительства социалистической культуры в первый период советской власти . . . . . № 3
- К л о к м а н Ю.—К. Осипов. Александр Васильевич Суворов. 1730—1800 . . . . . № 2
- К о р о л ю к В.—Г. Ю. Гербильский. Пётр Первый в Западной Украине № 3
- К р у п н о в Е.—Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья с древнейших времён до I тысячелетия до нашей эры . . . . . № 2
- К у з ь м и н Г.—Д. Чугаев. Первая Конституция советского государства (1918 г.) . . . . . № 3
- К у ш е в а Е.—Материалы по истории Башкирской АССР, т. III . . . . № 3
- Л а з а р е в Н.—С. П. Крашенинников. Описание Земли Камчатки . . . № 10

- истории Подонья — Приазовья, кн. I . . . . . № 1
- Шунков В. — В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. I . . . . . № 3
- Шунков В. — Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1737—1739 гг. . . . . № 9
- Шураев В. — Образование СССР. (Сборник документов 1917—1924) . . . . . № 6
- Якубовский А. — И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. . . . . № 4
- Якубовский А. — Б. Г. Гафуров. История таджикского народа . . . . . № 7
- Якунин А. — Т. Ж. Шоинбаев. Восстание сыр-дарьинских казахов под руководством батыра Джанхожи Нурмухамедова (1856—1857 гг.) . . . . . № 8

РЕЦЕНЗИИ

Всеобщая история

- Авербух Р. — Ева Пристер. Краткая история Австрии . . . . . № 9
- Алексеев-Попов В. — Проф. К. П. Добролюбский. Термидор . . . . . № 11
- Архангельский С. — Доброе старое дело. Английская революция 1640—1660 годов . . . . . № 5
- Белкин И. — «Учёные записки» Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) . . . . . № 1
- Бондаревский Г. — Николь Смит и Блейк Кларк. В сиаомском подполье . . . . . № 2
- Валев Л. — Христо Халачев. Бунт в 28-м пехотном полку . . . . . № 2
- Вобликов Д. — Ф. Фонер. История рабочего движения в США от колониальных времён до 80-х годов XIX века . . . . . № 5
- Вобликов Д. — С. Иелн. Из истории забастовочного движения в США . . . . . № 8
- Воробьёв Л. — Христо Ботев. Сборник, посвящённый столетию со дня его рождения . . . . . № 8
- Драбкина С. — Клара Цеткин. Жизнь и учение революционерки . . . . . № 4
- Ерофеев Н. — Натан Пельковиц. Английские торговцы в Китае и Министерство иностранных дел . . . . . № 12
- Ефимов Г. — «Учёные записки» Тихоокеанского института, т. III. Китайский сборник . . . . . № 3
- Застенкер Н. — Морис Торез. Сын народа . . . . . № 2
- Зорин Валентин — Гершл Д. Мейер. Неизбежна ли гибель Америки? . . . . . № 8
- Кантор М. — С. Р. Смит. Маньчжурский кризис 1931—1932 гг. . . . . № 3
- Кирова К. — Л. Лонго. Народ в борьбе . . . . . № 7
- Королюк В. — Герард Лабуда. Первое славянское государство. Государство Само . . . . . № 8

- Кулаков В., Лактионов К., Федотов В. — Военные кампании на Тихом океане . . . . . № 11
- Куранов Г. — Вилли Бредель. Эрнст Тельман. К политической биографии . . . . . № 1
- Левинтов Н. — Димитр Косев. Петко Рачев Славейков . . . . . № 9
- Миллер И. — «Архейон». Научный журнал, посвящённый вопросам архивного дела. Томы XVII и XVIII . . . . . № 1
- Мосина З., Удальцова З. — Проф. В. Ф. Семёнов. История средних веков. Учебник . . . . . № 11
- Недорезов А. — Олдржих Ржигга. Экономическое и социально-политическое развитие Чехословакии (1790—1945 гг.) . . . . . № 1
- Осипова П. — Герберт Аптекер. Быть свободными! . . . . . № 2
- Попов А. — Максим Мурен. Попытки мирных переговоров во время второй мировой войны (1939—1945 гг.) . . . . . № 11
- Поршнева Б. — М. А. Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века . . . . . № 8
- Санчук Г. — Франтишек Граус. Чешская торговля сукном в XIV и в начале XV в. . . . . № 10
- Соколов Н. — Роберто Чесси. История Венецианской республики. . . . . № 10
- Спиру В. — Крестьянское восстание 1907 года . . . . . № 6

Библиография

- Краткий список трудов акад. Е. В. Тарле . . . . . № 12
- Исторические работы С. В. Бахрушина . . . . . № 6
- Исторические работы К. В. Базилевича . . . . . № 7
- Крастилевская А. — Михаил Васильевич Фрунзе. (К 25-летию со дня смерти.) . . . . . № 9
- Н. Т. — Новая польская историческая литература . . . . . № 8

Хроника

- А. Д. — Сессия институтов истории академий наук Латвийской, Эстонской и Литовской советских социалистических республик . . . . . № 8
- А. Р. — Сессия Академии наук СССР, посвящённая семидесятилетию со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина . . . . . № 3
- Б. А. — Научная работа историков города Владимира . . . . . № 1
- Б. К. — Научная сессия, посвящённая 30-летию советской Армении . . . . . № 12
- Бор-Раменский Е. — В Саратовском государственном университете имени Н. Чернышевского . . . . . № 1
- Волков С. — В Институте истории Академии наук СССР. Обсуждение макета курса истории Молдавии . . . . . № 4

- Гегешидзе М. — Межреспубликанская сессия в Тбилиси, посвящённая вопросам этнографии Кавказа . . . . . № 6
- Гольденберг В. — Научная работа исторического факультета Харьковского государственного университета имени А. М. Горького . . . . . № 6
- Е. К. — Пятая научная сессия Кабардинского научно-исследовательского института . . . . . № 11
- Жданко Т. — Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1949 г. . . . . № 3
- Козлов А. — Научно-исследовательская работа Института истории Академии наук Белорусской ССР за 1946—1949 годы . . . . . № 8
- Коробочко А. — Научная работа исторических кафедр Гомельского государственного педагогического института имени В. П. Чкалова . . . . . № 5
- Львова В. — К 80-летию со дня рождения В. И. Ленина . . . . . № 5
- Маамяги В. — В Институте истории Академии наук Эстонской ССР. Об итогах работы за 1947—1950 годы и план на 1951—1955 годы . . . . . № 11
- Малышев В. — Археологическая работа сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР . . . . . № 11
- Маслина М. — Сессия Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), посвящённая семидесятилетию со дня рождения И. В. Сталина . . . . . № 4
- М. С. — Защита дипломных работ на кафедре истории СССР истфака МГУ имени М. В. Ломоносова . . . . . № 10
- Мухарямов М. — Работа историков Казахского филиала Академии наук СССР . . . . . № 11
- Н. Г. — Государственный архив Омской области . . . . . № 9
- Нечай Ф. — Научная работа исторического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина . . . . . № 6
- Н. П. — В Институте истории Академии наук СССР . . . . . № 1
- Павлов Н. — Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока . . . . . № 9
- Писарев Ю. — В Институте славяноведения АН СССР . . . . . № 11
- П. М. — В Институте истории Академии наук СССР . . . . . № 2
- Руденко С. — К древней истории Горного Алтая . . . . . № 2
- Романовский В. — Научная работа исторических кафедр Ставропольского педагогического института в 1949—1950 учебном году . . . . . № 12
- Салтанов Ю. — Научная сессия Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, посвящённая 70-летию товарища И. В. Сталина . . . . . № 2
- Сидельников С. — Научная работа кафедр исторического факультета Харьковского государственного педагогического института имени Г. С. Сковороды в 1948—1949 годах . . . . . № 2
- Смирнов А. — Сессия по истории чувашского народа . . . . . № 4
- Спирю В. — Конференция историков Румынской народной республики . . . . . № 4
- Финкельштейн Н. — Государственный архив Свердловской области . . . . . № 3
- Частухин И. — Состояние исторической науки и научных учреждений в Корейской народно-демократической республике . . . . . № 5
- Черевань А. — Научная работа кафедры истории СССР Молотовского государственного университета имени А. М. Горького в 1947—1949 годах . . . . . № 3

Некрологи

- К. В. Базилевич** . . . . . № 3
- С. В. Бахрушин** . . . . . № 3
- Николай Александрович Машкин** . . . . . № 10

СОДЕРЖАНИЕ

Очередные задачи историков-востоковедов	3

СТАТЬИ

Бор-Раменский Е. и Сидоров П. — Великая битва под Москвой в 1941 году . .	8
Волк С. — Исторические взгляды декабристов	26
Ульбрихт В. — Разгром Германии в первой мировой войне и ноябрьская революция	58

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Смирнов И. — Общие вопросы периодизации истории СССР	77
Предтеченский А. — Вопросы периодизации истории СССР	100

СООБЩЕНИЯ

Цитович Я. — О роли США в спасении империалистической Германии от полного разгрома в 1918 году	110
Снытко Т. — Неопубликованные материалы по истории декабристского движения	122

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Валев Л. — Книги о национально-освободительном движении в Болгарии в период второй мировой войны	134

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Снегирёв М. — Проф. И. А. Конюков. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия, 1917—1925 гг.	138
Вяликов В. — «Кутузов в Дунайских княжествах» (сборник документов) . . .	141
Зимин А. — П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины	144

Всеобщая история

Ерофеев Н. — Натан Пельковиц. Английские торговцы в Китае и министерство иностранных дел	148

БИБЛИОГРАФИЯ

Краткий список трудов академика Е. В. Тарле	151

ХРОНИКА

Б. К. — Научная сессия, посвящённая тридцатилетию советской Армении . . .	156
Романовский В. — Научная работа исторических кафедр Ставропольского педагогического института в 1949—1950 учебном году	162
Алфавитный указатель статей за 1950 год	163

Редакционная коллегия:

П. Н. Третьяков (главный редактор), И. М. Волков,
Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, М. Д. Каммари,
С. Ф. Найда, А. Д. Никонов, Б. К. Рубцов,
А. Л. Сидоров, А. Д. Удальцов.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 647.

Тел. Д 3-31-04.

А — 01312.

Изд. № 717.

Заказ № 3244.

Тираж 33 500 экз.

Подписано к печати 17/1 1951 г.

10½ печ. л.

68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.